

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В.В. НИКОЛАЕВ

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ
(XIX – начало XXI века)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И.В. Октябрьская*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2012

УДК 314.04+316.4+393
ББК Т 63.5+С 556+С 60.74
Н63

Рецензенты

канд. ист. наук В.А. Бурнаков
канд. ист. наук И.И. Назаров
канд. ист. наук Е.В. Самушкина

Утверждено к печати Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11), проекта РГНФ (№ 12-31-01223 а2)

Николаев, В.В.

Н63 Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века) / В.В. Николаев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – 312 с.

ISBN 978-5-7803-0223-0

В монографии на основе широкого круга источников анализируется этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая на протяжении XIX – начала XXI в. Впервые прослежена динамика естественного и механического движения коренного тюркоязычного населения, выявлены особенности демографического перехода от традиционного к рациональному типу воспроизводства; описаны традиции и новации в демографическом поведении.

Книга адресована специалистам в области этнографии и этнологии, демографии и социологии, исторического краеведения, а также представителям административных структур.

УДК 314.04+316.4+393
ББК Т 63.5+С 556+С 60.74

ISBN 978-5-7803-0223-0

© Николаев В.В., 2012
© ИАЭТ СО РАН, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. в «Официальный единый перечень коренных малочисленных народов России» в числе 45 народов были включены коренные жители предгорий Северного Алтая – кумандинцы, тубалары и челканцы (Постановление Правительства РФ...). В течение 1990–2000-х гг. формировалась нормативно-правовая база по правам коренных малочисленных народов. Этот этап завершился принятием 4 февраля 2009 г. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, в которой подчеркивалось: «Устойчивое развитие малочисленных народов Севера предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений» (Концепция...). В качестве одной из задач Концепции обозначено создание условий для улучшения демографических показателей малочисленных народов Севера (Там же).

Решение демографических проблем возможно только при условии их изучения в исторической ретроспективе. Условием эффективного прогнозирования состояния народонаселения в государстве и его отдельных регионах является изучение различных факторов, определяющих демографическое развитие этносов. Этнодемографические исследования особенно актуальны для Южной Сибири. Вплоть до современности историко-демографические сведения о коренных малочисленных народах региона (кумандинцах, тубаларах и челканцах) носят фрагментарный характер.

Объектом нашего исследования стало коренное тюркоязычное население предгорий Северного Алтая. Выбор термина «коренное (автохтонное или аборигенное) население» обусловлен не только сложностью этнической ситуации в регионе и пестротой этнонимов на протяжении XIX – начала XX в., но и особенностями административного учета в различные исторические периоды.

Сложные этнические процессы, проходившие в Южной Сибири на протяжении нового и новейшего времени, привели к оформлению в этом регионе трех этносов: кумандинцев, тубаларов и челканцев. В начале XIX в. произошла легитимация коренного населения Сибири в качестве нового российского сословия – инородческого. В советский период термин «инородец» постепенно вытеснялся административными определениями «нацмен» или «туземец», а впоследствии этнонимами: татарин (распространенный в предшествующие столетия), ойрат и алтаец. В специальной литературе утвердился термин, предложенный во второй половине XIX в. В.И. Вербицким, – «северные алтайцы», объединявший кумандинцев, тубаларов, челканцев и шорцев, противопоставленных в этнокультурном, лингвистическом и антропологическом аспектах южным алтайцам.

Численность этносов предгорий Северного Алтая учитывалась лишь в переписях 1926 и 2002 гг. Если переписью 1926 г. было зафиксировано 6 335 кумандинцев,

около 4 500 тубаларов и 1 891 челканец, то к 2002 г. их численность снизилась до 3 114, 1 565 и 855 чел. соответственно. В антропологическом плане эти этносы выделяются в самостоятельную североалтайскую расово-систематическую единицу, занимающую промежуточное положение между уральским и южно-сибирским антропологическими типами. Языки рассматриваемых этнических групп входят в хакасскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков.

Для этносов предгорий Северного Алтая в прошлом было характерно ведение комплексного хозяйства: мотыжное земледелие, скотоводство, рыболовство, охота и собирательство. Складывание специфического хозяйственно-культурного комплекса было обусловлено смешением угро-самодийского населения с тюркскими группами населения.

Традиционные религиозные представления северных алтайцев включали анимизм, шаманизм, промысловые культы и культ коня, земледельческие обряды, культ предков. Последующая христианизация не вытеснила полностью языческие верования.

Этническая история кумандинцев, тубаларов и челканцев связана со сменой этнополитических структур, контролировавших территорию предгорий Северного Алтая в XVII–XIX вв. Вхождение в состав Российской империи определило их судьбу и характер этногенетических процессов. В ареал этнического формирования указанных этносов входили: Кузенская, Кергежская, Комляжская, Южская (тубалары), Кондомо-Шелкальская (челканцы), Быстрянская, Верхне- и Нижне-Кумандинские, частично Кондомо-Итиберская, Кондомо-Елейская, Тогульская 2-й половины и Тагапская 2-й половины волости и левый берег р. Катунь (кумандинцы), а также автохтонное население, причисленное к крестьянским волостям: Сростинской, Яминской и, возможно, другим. В XX–XXI вв. территорией их локализации являлись предгорья Северного Алтая – бассейны рек Большой и Малой Иши (притоки Катунь), Кара- и Сара-Кокши, Пыжи, Уйменя (притоки Бии), Лебеди и ее притоков, Бии и Катунь, а также их притоков.

Территория современного расселения кумандинцев, тубаларов и челканцев – это Красногорский и Солтонский районы Алтайского края, Турачакский и Чойский районы Республики Алтай.

Коренное население предгорий Северного Алтая, являясь частью общероссийского этнического пространства, в течение XIX–XX вв. прошло сложный путь демографического и, шире, этнического развития, приобретя к началу XXI в. характеристики устойчивых этнообразований. В работе будут исследованы социально-демографические процессы, происходившие в среде коренного населения предгорий Северного Алтая в указанный период, а также будет дана оценка трансформации форм социальной организации, половозрастной, брачной и семейной структур и демографического поведения, в том числе специфической для коренного населения региона множественности идентичностей.

Период с конца XIX до начала XXI в. – время наиболее значимых демографических и социальных трансформаций, фиксировавшихся различными формами учета населения (церковного, административно-полицейского и др.) начиная со второй половины XIX в., что позволяет проследить, как изменялся традиционный тип воспроизводства коренного населения предгорий Северного Алтая. Верхняя хронологическая граница совпадает с современным периодом и дает возможность оценить этнодемографическую и этносоциальную динамику на протяжении полутора столетий.

В истории изучения коренного населения предгорий Северного Алтая можно выделить три направления, сложившиеся в разные годы, но дополняющие друг друга. Изначально исследования народов Алтая и в целом Сибири носили историко-этнографический характер. Известно, что первым путешественником, посетившим регион в первой половине XIX в., стал геолог Г. Гельмерсен, опубликовавший впоследствии работу «Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая» [1840]. С этого времени началось планомерное этнографическое описание тюркских народов Алтая, при этом особенно пристальное внимание уделялось сакральным практикам, фольклору, ритуалам и обрядам их жизненного цикла.

В середине XIX в. к изучению коренного населения подключились ученые-миссионеры. Обширные сведения по этнографии Северного Алтая содержатся в работе В.И. Вербицкого [1993]. Исследователь затронул различные аспекты традиционной культуры, в том числе обратил внимание на распространенность в аборигенной среде социальных заболеваний, представил общие статистические сведения. Несколько снижает научную значимость материалов Вербицкого способ их передачи: в обобщенном виде, без выделения черт, присущих той или иной этнической группе Алтая; исследователь ограничился выделением в отдельные группы северных и южных алтайцев.

Во второй половине XIX в. были даны первые оценки социальной организации автохтонного населения [Радлов, 1989]. Популярная в конце века эволюционная концепция и теория о «родовом» этапе развития человечества определили методологическую основу этих оценок. В обобщающей работе «Из Сибири» В.В. Радлов затронул вопросы расселения, численности, общественного устройства и семейно-брачных отношений тюрков Северного Алтая.

В начале XX в. Н.Б. Шерр опубликовал статью, полностью посвященную кумандинцам [Шерр, 1903]. В ней подробно описаны хозяйство, быт и культура, а также формы брака и семейно-брачных отношений этого народа.

Историко-этнографический характер имели работы Н.П. Дыренковой [1936; 1937а; 1937б; 1949] и Л.П. Потапова [1933; 1935; 1937; 1968; 1969; 1972; 1974; 1991; 2001], расширивших научные знания о коренном населении Северного Алтая. Выдающийся этнограф Л.П. Потапов подробно рассмотрел этническую историю северных алтайцев, вскрыл сложный характер этногенетических процессов в регионе. Алтайский *сеок* исследователем был определен как первобытный род таежных охотников и рыболовов [1953, с. 249]. При этом Потапов отмечал, что *сеоки* – это объединения людей, которые можно рассматривать как конструкцию, основанную на традиции [Там же, с. 252–253]. Он также высказывал мысль об их вторичности [Там же, с. 253]. В связи с присутствием в этногенетических процессах коренного населения предгорий Северного Алтая угро-самодийского субстрата стало уместным обращение исследователя к проблеме фратрий. Им отмечены сохранившиеся пережитки некоторых экзогамных традиций (предпочтительность кузенного брака и т. д.), связанные с дуальной экзогамией, бытовавшей в прошлом у аборигенного населения [Там же, с. 254].

Подъем историко-этнографических исследований на юге Сибири пришелся на 1970–1980-е гг. В этот период важное значение в определении перспектив исследований имели работы А.П. Уманского по истории русско-телеутских отношений XVII–XVIII вв., сквозь призму которых был отражен процесс вхождения всех этнических групп предгорий Северного Алтая в состав России [1980].

Важным для историко-этнографических исследований Алтая стало появление работ Е.П. Батьяновой [2007], В.Д. Славнина и Л.И. Шерстовой [2008] по этнической истории Южной Сибири. Исследователи, описав историю формирования инородческого сословия и проанализировав земельную реформу на Алтае, развили мысль Л.П. Потапова о вторичности алтайских *сеоков*.

Фундаментальные исследования этноисторических процессов на юге Сибири были предприняты Л.И. Шерстовой в серии работ. Основной вывод о незавершенности этноконсолидационных процессов, в том числе в среде коренного тюркоязычного населения предгорий Северного Алтая, сделан ею в обобщающей монографии «Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века» [2005]. В целом этноисторическое направление и направление по изучению форм социальной организации североалтайских этносов являются наиболее разработанными и в то же время проблематичными в российской этнологии.

Традиционные представления и ритуалы тюркоязычного населения Сибири рассматривались в работах Н.А. Алексеева [1980; 1992] и Е.М. Тошакковой [1978]. В двух коллективных трудах – «Семейная обрядность народов Сибири» [Дьяконова, 1980] и «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» [1994, т. 2] – обобщены сведения о свадебной и погребальной обрядности коренного населения рассматриваемого региона.

Важной вехой в изучении традиционной культуры аборигенного населения стало появление монографий Ф.А. Сатлаева [1974] и Е.П. Кандараковой [1999]. Авторы реконструировали семейную обрядность челканцев и кумандинцев, проанализировали основные аспекты их семейно-брачных отношений и традиционные представления, связанные с рождением и смертью, описали этническую историю, приведя сведения по общей численности кумандинцев в XIX в., и т. д. Ф.А. Сатлаевым на североалтайском материале были совмещены родовой и патронимический подходы. Вслед за М.О. Косвенем [1963], который высказал мысль о семейной общине и патронимии как универсальной форме социальной организации, ученый рассмотрел алтайские *сеоки* как патронимии, аналогичные подобным организациям у кавказских народов.

Статьи Е.А. Бельгибаева [2003; 2004а; 2004б; 2005], написанные в первой половине 2000-х гг., дополнили имеющиеся материалы по семейной обрядности, социальной организации и традиционному мировоззрению тубаларов и челканцев. Более подробно тема традиционной семейной обрядности исследована В.Д. Славниным [1990; 1991; 2005]. В его статьях описаны погребальная обрядность кумандинцев, свадебная обрядность рода чедыбер, а также изучены отдельные аспекты традиционных верований.

В эти же годы И.И. Назаров [2001а; 2001б] обращается к истории формирования сети миссионерских поселений и землеустройства кумандинцев. В работе Н.О. Тадышевой [2010] рассматривается христианизация коренного населения Горного Алтая. Д.В. Арзютов [2007] приходит к важному выводу о том, что Алтайская духовная миссия способствовала этнической консолидации шорцев и северных алтайцев. На протяжении 2000-х гг. вышли тематические сборники, посвященные челканцам и тубаларам [Челканцы в исследованиях..., 2000; Туба (черневые татары)..., 2009]. В этих сводных трудах аккумулированы наиболее значимые материалы по традиционной культуре указанных этносов, как опубликованные ранее, так и новые сведения.

В конце XX в. историко-этнографическое направление оставалось доминирующим в изучении Северного Алтая, хотя еще в середине XIX в. в сибиреведении были инициированы этнодемографическое и этносоциальное направления в изучении автохтонного населения. Впервые проблемы демографии народов Сибири и Алтая были подняты в исследованиях областников. Один из лидеров движения регионализма Н.М. Ядринцев, опираясь на статистические сведения и свидетельства современников, отмечал негативные последствия культурных контактов пришлого и аборигенного населения [1883; 1891]. Остро обозначив проблему «вымирания инородцев», он положил начало общественно-политическому дискурсу и стал предтечей изучения социально-демографических процессов среди автохтонных этносов Сибири.

В конце XIX в. было проведено первое демографическое обследование населения инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов. Подворная перепись в рамках Алтайской статистико-экономической экспедиции 1897 г. осуществлялась в целях подготовки землеустройства региона для размещения переселенцев из европейской части России. Перепись проводилась статистиком Главного управления Алтайского округа С.П. Швецовым (Горный Алтай..., 1900–1903). Сбор материалов осуществлялся по специально разработанной программе (ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 82. Л. 4 об. – 5).

Масштабное исследование С.П. Швецова, ориентированное в первую очередь на получение сведений о хозяйстве, имело только один недостаток: длительность переписного периода, определившая недоучет или повторный учет населения. Относительно черневых волостей (Кергежской, Комляжской, Кузенской и Южской) С.П. Швецов использовал материалы переписи 1897 г., существенно дополнив более ранние материалы С.А. Патканова. По Верхне-Кумандинской, Нижне-Кумандинской, Кондомо-Шелкальской и другим волостям он представил новую информацию о численности и половозрастной структуре автохтонного населения. Помимо статистических сведений Швецов дал общую характеристику культуры и быта тюркоязычных групп Алтая; проследил историю образования инородческих административно-территориальных единиц.

Хотя социально-демографическая тематика разрабатывалась в сибиреведении уже в конце XIX – начале XX в., публикации по демографии коренного населения предгорий Северного Алтая оставались фрагментарными. В последующие годы программа исследований была существенно расширена.

С первых лет советской власти демографические и социальные исследования в Сибири приобрели прикладное значение. По итогам экспедиций для органов местной и центральной власти составлялись докладные записки. В них на основе анализа различных факторов давались рекомендации по улучшению социально-демографической ситуации на местах (Этнологическая экспертиза..., 2004).

Координирующим центром исследований являлась Комиссия по изучению племенного состава населения (далее КИПС), образованная в 1917 г. Этнографическими экспедициями в течение 1920–1930-х гг. осуществлялись масштабные исследования на Алтае. По заданиям КИПС в регионе работали Л.П. Потапов, С.А. Токарев, Н.П. Дыренкова и др.

Значительную роль в становлении методик этнодемографических обследований сыграла Приполярная перепись 1926–1927 гг. Ею были заложены основы изучения этносоциальных и этнодемографических процессов у коренных народов Севера [Андерсон, 2004]. На юге Сибири подобные акции не проводились.

Важным этапом в становлении исторической и этнической демографии Сибири стала книга Б.О. Долгих [1960], в которой были определены методики реконструкции численности коренных этносов в XVII–XVIII вв., в том числе тюркоязычных групп предгорий Северного Алтая. В дальнейшем историко-демографические исследования в отечественном сибиреведении развивались в русле направлений, намеченных выдающимся исследователем. Но работы, посвященные социально-демографическим процессам среди коренных народов Южной Сибири, на протяжении 1960–1970-х гг. носили фрагментарный характер.

В 1980-х гг. Сибирским отделением АН СССР была разработана и реализована комплексная программа «Взаимодействие научно-технического и социального прогресса: общее и особенное (гуманитарный аспект)». Предметом исследования стали социальные и этнические группы севера Сибири (Программа координации исследований..., 1986, с. 3, 26). Данная программа послужила толчком к изучению человеческого фактора силами представителей разных научных дисциплин.

В 1990-е гг. историко-демографические изыскания в Южной Сибири были возобновлены. Динамику численности челканцев, а также их фамилно-родовую структуру начиная с середины XIX в. рассмотрел Д.А. Функ [Функ И.И., Функ Д.А., 1991; Функ, 2000]. Данные о численности автохтонного населения предгорий Северного Алтая обобщены в работах Н.В. Екеева [1998] и Я.А. Пустогачева [1997]. Интересные демографические материалы по кумандинцам сельских районов Алтайского края и г. Бийска в начале XXI в. представлены М.М. Волобуевой [2005] на основе «Отчета о национальной ситуации администрации Алтайского края».

Возрождение дискурса о вымирании автохтонного населения Сибири определило содержание работ С.В. Москаленко [2004] и С.Г. Скобелева [1999; 2002]. На основе анализа динамики общей численности алтайцев (коренное население предгорий Северного Алтая отдельно не выделялось) и других народов на протяжении XIX–XX вв. авторы доказали их стабильность.

На рубеже XX–XXI вв. исследования этнодемографических процессов перешли на качественно новый уровень. На основе междисциплинарной интеграции РАН был реализован ряд масштабных проектов. В рамках канадско-российского проекта «Устойчивое развитие здравоохранения в сельских местностях Восточной Сибири», реализованного в 1998–2000 гг., была дана исчерпывающая характеристика условий жизни, быта и здравоохранения коренного населения Восточной Сибири. Результатом проекта стала серия публикаций [Сельское здравоохранение..., 2001; 2002], а также практические рекомендации по стабилизации ситуации в среде коренного населения.

В 1990-х гг. Сибирское отделение РАН приступило к системному, комплексному изучению развития человеческого потенциала Сибири, как социальных, так и этнических групп. В рамках проектов, ориентированных на системную оценку современной этносоциальной ситуации на Северном Алтае, коллективом исследователей было проведено комплексное социально-демографическое исследование коренного населения. Полученные результаты позволили проследить характер демографических процессов на протяжении второй половины XX – начала XXI в. по ряду показателей (половозрастной структуре, средней продолжительности жизни, метисации). Однако проблемы исторической демографии не поднимались [Соболева и др., 2004].

В настоящее время, как и прежде, в этнодемографических исследованиях российских ученых доминирует арктическая тематика. Саяно-Алтайский регион

привлекает к себе внимание в меньшей степени. Только в последнее десятилетие появились работы, выводы которых касались отдельных аспектов социально-демографических процессов тюркских народов Южной Сибири, в том числе посвященные современным демографическим процессам среди шорцев [Садовой, Поддубиков, Шиллер, 2003]. Способы формирования и особенности функционирования территориальной общины автохтонного населения Алтая и Шории на рубеже XIX–XX вв. изучил А.Н. Садовой [1992]. Эволюции общины у аборигенов предгорий Северного Алтая посвящена статья И.С. Таштандиновой [1997].

Своеобразным итогом изучения истории, культуры и современных этносоциальных процессов у коренного населения предгорий Северного Алтая стало издание в серии «Народы и культуры» коллективного труда «Тюркские народы Сибири» [2006]. В этой обобщающей монографии отдельно представлены кумандинцы, тубалары и челканцы. Но этнодемографические сведения в данной работе тоже фрагментарны, они лишь отражают уровень демографической изученности рассматриваемых этносов.

В конце XX – начале XXI в. оформилось третье направление в изучении этносов Сибири, в том числе коренного населения предгорий Северного Алтая – генетическое, или генетико-демографическое. Одним из первых в данной области стал проект «Проблемы устойчивости популяционно-демографического развития коренного населения Севера России», продолживший многолетнюю программу фундаментальных исследований ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по теме «Проблемы воспроизводства коренных народов Крайнего Севера и Сибири в современную эпоху». По итогам этого проекта вышел сборник «Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России» [1995], в котором освещены генетико-демографические аспекты коренных народов севера Сибири.

В настоящее время исследователи из ряда научных центров, в том числе Института цитологии и генетики СО РАН (Новосибирск), Кемеровского госуниверситета (КемГУ; кафедра генетики), Сибирского медицинского университета (Томск; кафедра медицинской генетики), обращаются к проблемам системной оценки популяций коренных этносов предгорий Северного Алтая. Одним из важнейших аспектов генетических исследований является оценка метисации и направлений миграций.

Для нашего исследования в первую очередь важны результаты проекта «Малочисленные коренные народы Северного Алтая: реальность и перспективы. Междисциплинарный мониторинг исчезающих тюркских этносов: диагноз и прогноз. 2001–2003 гг.», осуществленного этнографами ИАЭТ СО РАН совместно с сотрудниками лаборатории генетики КемГУ и отдела социологии ИЭОПП СО РАН среди кумандинцев, тубаларов и челканцев [Октябрьская, Ульянова, Лавряшина, 2005]. Главным итогом проекта стал вывод о высоком уровне метисации автохтонного населения. К аналогичным выводам пришли А.Н. Кучер, В.Н. Тадинова и В.П. Пузырев [2005], исследовавшие половозрастной состав, фамильную и родовую структуру челканцев с. Курмач-Байгол. Работы генетиков также подтвердили выводы этнографов о многокомпонентном этническом составе изучаемого населения [Харьков и др., 2007].

В целом отправной точкой для осуществления данного исследования послужил весь объем перечисленных исследований, а также имеющаяся на сегодняшний день информационная база по коренному населению предгорий Северного Алтая.

Методологическую базу нашего исследования составляют положения отечественной этнологии и этнодемографии о динамичности этноса, его изменчивости во времени и в пространстве под воздействием внутренних и внешних факторов. За основу нами взята теория о биосоциальной природе этноса, изложенная С.М. Широкогоровым [1923], Ю.В. Бромлеем [1983], Р.Ф. Итсом [1991] и другими отечественными авторами.

Этнос, согласно существующим определениям, – динамическая структура, являющаяся «формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству, как виду, существовать» [Широкогоров, 1923, с. 13]. Этническая динамика сопряжена с центростремительными и центробежными процессами, обусловленными тремя средами: первичной (природа), вторичной (культура) и третичной (этническое окружение) [Там же, с. 63–66].

В пространственных измерениях бытие этноса, по Широкогорову, выражается в этническом равновесии, определяемом соотношением численности этноса, размером занимаемой им территории и степенью адаптации к вторичной среде [Там же, с. 43]. Анализируя этнические процессы конца XIX – начала XX в., ученый указывал, что «в основе жизни каждого народа лежат... причины чисто биологического свойства» [Там же, с. 13]. Позднее Ю.В. Бромлей [1973, с. 26] негативно оценил «биологизацию» этноса С.М. Широкогоровым. При этом он выводил этнос из сочетания двух сред: внутренней (общество), которой придавал большее значение, и внешней (окружающая природа) [Там же, с. 38]. Биологическая составляющая также рассматривалась Бромлеем при оценке эндогамности этноса, которая понималась им не только как социальное явление [Там же, с. 118–120].

Диалектика социального и биологического в процессе этногенеза подробно рассматривалась В.В. Мархининым в работах по социальной философии [1989]. Важный вывод исследователя заключается в том, что эволюция форм этнической организации на начальном этапе была сопряжена со «сферой брачно-кровнородственной структуры, реализующей главную биологическую функцию – воспроизводство вида», изменение которой стимулировалось характером доминирования и уровнем инбридинга [Там же, с. 135–139]. В совокупности с социальными детерминантами (развитие хозяйства и т. д.) происходило усложнение этнических форм организации.

Таким образом, теоретиками 1970–1990-х гг. большее внимание уделялось социальной природе этноса с учетом его биологической составляющей.

Важным для нашего исследования является тезис С.М. Широкогорова о том, что «для этноса признаками, указывающими на умелую приспособляемость в отстаивании своего права на жизнь является, прежде всего, его численный состав по отношению к другим этносам (при условии подобия культуры) и сохранение численного состава на определенном уровне» [1923, с. 41]. Подобные методологические посылы обусловили интеграцию этнографии и естественно-научных дисциплин, в частности демографии.

Этнодемографическая часть монографической работы основывается на трудах отечественных демографов. Становление и развитие исследований по этнической демографии в России было сопряжено с освоением общетеоретических схем воспроизводства населения. Важным этапом в формировании новой дисциплины стала публикация в серии «Народы мира» отдельного тома «Численность и расселение народов мира» [1962]. Обобщающий и во многом предварительный характер из-

дания определил и самый общий перечень параметров по многим народам, в том числе по алтайцам (алтай-кижи, кумандинцы и т. д.) [Там же, с. 82].

В этот же период вышли первые методологические работы по этнической демографии. В.И. Козлов предлагал ориентироваться на факторный подход, популярный в те годы среди большинства демографов. Основное внимание, по мнению ученого, следовало сконцентрировать на этническом факторе и на сочетании его с социальными, экономическими и другими условиями воспроизводства населения [Козлов, 1969; 1977].

Теоретические положения этнической, социальной и экономической демографии оформились в работах многих российских исследователей. Этнодемографическая часть исследования основывается на концепции демографического перехода (или демографической революции), наиболее полно изложенной в работах А.Г. Вишневого [1998; 2005]. Выделяются несколько типов воспроизводства населения, сменяющих друг друга; их количество по-разному определяется исследователями. Так, А.Я. Кваша [1981] и А.Г. Вишневский [2005] выделяют три типа, Я.Н. Гузеватый [1980] – два, Л.А. Арутюнян [1975] – четыре. Общим для всех исследователей является понимание того, что этапы воспроизводства населения предполагают разные уровни рождаемости и смертности и относительную самостоятельность демографической системы, которую определяет сбалансированность демографических процессов.

В современной науке утвердилось мнение, что традиционный тип воспроизводства населения связан с аграрной экономикой и соответствующими ей общественными отношениями и культурой. Данный тип воспроизводства характеризуется высокими уровнями смертности и рождаемости. Замена аграрной экономики индустриальной, модернизация производства и социальной сферы являются основными факторами демографической трансформации, которая выражается в изменении соотношения рождаемости и смертности, что приводит к демографической революции.

Согласно этой теории смещение демографического равновесия вызывается вытеснением в структуре смертности экзогенных факторов эндогенными, что составляет сущность эпидемиологического перехода. В результате изменения соотношения уровней рождаемости и смертности складывается качественно новое равновесие, вырабатываются новые демографические механизмы и современный (рациональный) тип воспроизводства населения.

В соответствии с универсальным законом демографический переход проходит в два этапа: снижение уровня смертности, а затем – рождаемости, обусловленное законом равновесия демографических процессов. Изменение в уровне и характере смертности служит отправной точкой изменения рождаемости, обусловленной уже факторами социально-экономического характера. Рождаемость определяется плодovitостью и поведением человека.

Известно, что традиционное демографическое поведение ориентировано на высокий уровень рождаемости, перекрывавшийся высоким уровнем смертности. В ходе модернизации целью общества стало снижение уровня рождаемости посредством регулирования репродуктивной сферы. В результате социальная функция пришла в противоречие с демографической на фоне возрастания ценности индивидуальной автономии.

В демографии сложились разные подходы к определению демографического поведения: как комплекса действий и поступков или совокупности поведенче-

ских актов индивида, социальной группы; как системы действий и отношений, опосредующих демографические события [Демографическое поведение..., 1986; Демографическое поведение населения, 1987]. На наш взгляд, наиболее удачный вариант предложен демографами А.В. Беловой и Л.Е. Дарским [1972], определившими данное явление как совокупность поступков, направленных на изменение или сохранение демографического состояния человека (одного или нескольких).

На основе работ демографов можно выстроить логическую цепочку: социально-экономические условия формируют ценности и нормы, а через них влияют на поведение человека, элементами которого выступают потребности, мотивы, интересы, установки, планы, решения, действия. Наличие норм ставит вопрос о механизмах их формирования, изменения и трансляции из поколения в поколение.

В концепции демографического перехода демографическое поведение понимается узко, как «программа, которой следует человек сознательно или бессознательно при заключении брака и рождении детей, смерти человека» [Миронов, 2007а, с. 164]. Демографическое поведение по поводу рождаемости и смертности на примере русских подробно раскрыто в работе Б.Н. Миронова [1999]. Его определяли взаимосвязанные явления: матримониальное, половое и репродуктивное поведения [Вишневский, 2005, с. 96–99]. Четкой структуры демографического поведения по поводу смертности не было представлено.

Для нашего исследования важен этнический аспект демографического поведения, который можно определить как комплекс сложившихся и изменяющихся во времени норм поведения, установок, навыков и знаний, как иррациональных, так и рациональных по характеру; их формирование обусловлено детерминантами этнического и социально-экономического порядка, устойчивыми в силу межпоколенной трансмиссии. Этнический фактор включает характер происходящих консолидационных, ассимиляционно-аккультурационных или иных процессов.

В современной российской науке продолжилось теоретическое и практическое развитие концепции демографического перехода. Важными для нашего исследования стали работы А.Н. Сагайдачного [2000] и В.А. Исупова [2006], посвященные демографии русских и особенностям источников, ее презентующим. Е.А. Пивнева [2007] рассматривает демографическую проблематику на материалах сибирских угров. На примере народов Западной Сибири и народонаселения низовий Колымы М.В. Сурина [2007] рассмотрела этнические аспекты третьей и четвертой фазы перехода. Накопленные в предшествующий период материалы позволили отдельным авторам перейти к сравнительным этнодемографическим исследованиям [Квашнин, 2000; Луговской, 2000].

В последние годы появились работы, построенные на новой методологической и источниковой основе. Исследователями из Красноярска и Тюмени были проведены этнодемографические исследования, в теоретическом плане восходящие к Приполярной переписи. Мониторинг этнических и демографических процессов коренных народов Таймыра и Средней Сибири позволил выявить современные особенности воспроизводства населения [Кривоногов, 1998; 2001; Волжанина, 2007].

В научный оборот вводятся новые источники и методики их обработки: Н.А. Михалев [2007] для реконструкции демографических процессов у коренного населения Обдорского Севера в начале XX в. привлек метрические таблицы; И.В. Чернова [2004] – метрические книги Тымского прихода Нарымского края. Новаторами в этой области выступают исторические демографы, объектом иссле-

дования которых является в основном русское население того или иного населенного пункта [Сарафанов, 2006; Материалы церковно-приходского учета..., 2007].

Теоретические положения этнической, социальной и экономической демографии сформулированы в работах представителей Новосибирской экономико-социологической школы, сформировавшейся в 1990-е гг. Для нашего исследования наибольший интерес представляет оценка уровня развития человеческого потенциала, осуществляемая совместно новосибирскими этнографами и экономистами [Россия и россияне..., 2008].

В коллективной монографии «Демографическая модернизация России. 1900–2000» [2006], изданной Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, к последней трети XX в. отнесен второй демографический переход, или третий этап демографического перехода. Основными его характеристиками являются: снижение рождаемости в женской возрастной группе до 20 лет, повышение брачного возраста, большая свобода в выборе матримониального поведения и форм брачных отношений, более высокая эффективность планирования воспроизводства, изменение ролевых функций мужчины и женщины в семье и обществе и т. д. Изменения в структуре смертности, начавшиеся в последней трети XX в., рассматриваются как второй эпидемиологический переход, который связывают с ростом уровня охраны здоровья и достижениями в области медицины, направленными на сохранение человеческой жизни [Андреев, Харькова, 2002].

В процессе подготовки монографии нами использован комплекс методов полевых и аналитических исследований. Среди методов сбора информации превалировал метод интервьюирования, дополненный методом наблюдения. Сбор полевых материалов осуществлялся в виде формализованных бесед с информаторами (кумандинцами, тубаларами и челканцами), проживающими в сельских населенных пунктах Алтайского края и Республики Алтай. Опрос населения по темам исследования производился на единой основе авторского вопросника.

При проведении аналитических исследований применялись общенаучные (научное описание, анализ, синтез, сравнение, типологизация) и специально-дисциплинарные (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный, статистический) методы.

Историко-сравнительный метод применялся для выявления локальных особенностей демографических процессов и структур. Историко-генетический метод способствовал отражению процессов и явлений в их историческом развитии и позволил проследить эволюцию форм семьи, семейной обрядности и семейно-брачных отношений, а также демографического поведения. С помощью историко-типологического метода были реконструированы типы семьи в исторической динамике, а также типы воспроизводства населения. Статистический метод применялся при работе с анкетами сельскохозяйственной переписи 1917 г., данными метрических книг, с другими опубликованными и архивными статистическими материалами. Реконструкция демографического поведения стала частью изучения процессов воспроизводства населения на протяжении длительного времени.

Принципы обработки метрических книг были определены еще в середине XX в. французскими историками Л. Анри и М. Флери. Метод восстановления истории семей подробно описан в работе Л. Анри и А. Блюма [1997]. Его суть «заключается в последовательном детальном анализе, начиная с актов о крещении, браке и похоронах, историй всех лиц одного прихода, по крайней мере, в течение целого столетия, а затем в обобщении численных значений этих данных» [Там же, с. 6–7].

Эти разработки были положены барнаульскими демографами в основу методики анализа материалов церковноприходского учета населения [Владимиров, Плодунова, Силина, 2000]. Удачная интеграция специалистов разных дисциплин в рамках кафедры архивоведения и исторической информатики АлтГУ обусловила широкое внедрение информационных технологий в историко-демографические исследования. Специалистами кафедры разрабатываются электронные базы данных (MS ACCESS), позволяющие значительно ускорить процесс обработки материалов метрических книг и введение их результатов в научный оборот.

Источниковая база исследования включает в себя несколько групп источников: полевые этнографические, статистические архивные и опубликованные, нормативные и нарративные материалы.

Полевые исследования осуществлялись автором в 2001–2004 гг. в рамках историко-этнографических экспедиций АлтГУ в селах Красногорское, Егана, Ужлеп Красногорского района, Солтон, Сузоп, Нижняя Ненинка, Тосток, Урунск, Шатобал Солтонского района Алтайского края, Турачак Турачакского района Республики Алтай. Был собран разнообразный этнографический материал по традиционной и трансформированной семейной обрядности, религиозным представлениям и др. В ходе экспедиционных исследований также проводилось анкетирование. Анкеты были разработаны преподавателем АлтГУ Е.А. Бельгибаевым и содержали вопросы по современной этнической самоидентификации респондентов, семейно-брачным отношениям и т. д.

В рамках полевых этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 2007, 2008 и 2010 гг. были совершены поездки в села Красногорское Красногорского района, Солтон Солтонского района Алтайского края, Турачак, Тондошка, Санькино (Санькин аил) Турачакского района Республики Алтай. Целью интервьюирования информаторов было выявление характера трансформационных процессов в сфере социальной организации, семейно-брачных отношений. Отдельный интерес представляло демографическое поведение и традиции социального патернализма коренного населения предгорий Северного Алтая, а также составление генеalogий семей.

Вторая группа источников включает статистические архивные и опубликованные материалы. Помимо данных, приведенных в серии работ по Алтаю, нами проанализирован большой объем оригинальной информации. Архивные изыскания производились в 2006–2009 гг. в Государственном архиве Алтайского края (ГААК; Барнаул), а также в государственных архивах Новосибирской (ГАНО) и Томской (ГАТО) областей. Изучались материалы районных архивных фондов в селах Красногорское и Турачак.

Основной интерес для нашего исследования представляли фонды метрических книг отделений Алтайской духовной миссии и приходов Томской епархии, располагавшихся на территории предгорий Северного Алтая: Кебезенского, Макарьевского, Паспаульского, Сузопского, Лебедского (Турачакского), Тайнинского, Таштинского отделений и Быстрянского, Старобардинского, Солтонского, Пильненского, Чапшинского и Урунского приходов (ГААК. Ф. 144. Оп. 2. Д. 97; Оп. 5, 6). Всего было обработано более 130 дел.

Наиболее ранние из них относятся к Улалинскому отделению (центр миссии) и содержат сведения за 1850–1860-е гг. Церковный учет в России был отменен 18 декабря 1917 г. Декретом ЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния». Основная часть метрических книг составлялась в 1880–1910-е гг.

Метрический учет населения был несовершенен и не всегда точен. В прошлом исследователи отмечали особенности метрических книг как недостатки. Среди них – регистрация сословной, а не этнической принадлежности человека, фиксация крещения, венчания и отпевания, а не рождения, брака и смерти.

Для анализа точности метрического учета населения, проживавшего в предгорьях Северного Алтая, использованы методические рекомендации Б.Н. Миронова [2007б]; (см. Прил. II, табл. 1). Исследователь, опираясь на соотнесенность отдельных демографических показателей, установил следующие закономерности: «уровень брачности зависит от возраста вступления в брак; при условии правильного учета родившихся мальчиков должно быть всегда больше, чем девочек, на определенную величину; смертность у мужчин должна быть выше, чем у женщин...» [Там же, с. 34].

В настоящее время развитие компьютерных технологий позволило скорректировать эти недочеты. По мнению исследователей, «массовость материала метрических книг дает достаточное в статистическом смысле число наблюдений» [Троицкая, 1995, с. 15]. В современной науке метрические книги квалифицируются как случайная, но репрезентативная выборка демографических событий.

В рамках данной обобщающей работы использована электронная база данных (MS ACCESS), любезно предоставленная сотрудниками АлтГУ для анализа метрических книг Старобардинского прихода, Макарьевского и Сузопского (выделенного из состава Макарьевского) с 1880-х по 1910-е гг.

В ходе разработки темы метрики были дополнены клировыми ведомостями Алтайской духовной миссии за 1903, 1905–1906, 1908, 1910–1913, 1915 гг., в которых аккумулированы сведения об общей численности пришлого и коренного населения по отделениям и населенным пунктам (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61, 62; Оп. 2. Д. 26, 28, 35, 50, 52, 54, 61, 67, 69, 94).

Следующим важным источником для написания исследования стали карточки сельскохозяйственной переписи 1917 г., хранящиеся в более чем 90 архивных делах (Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29; Оп. 1 а, 1 б, 5). Данные переписи содержат разнообразную демографическую, этническую и социально-экономическую информацию по коренному населению предгорий Северного Алтая. Ею были охвачены все населенные пункты Верхне-Бийской, Карабинской, Лебедской, Макарьевской, Нижне-Кумандинской, Озеро-Куреевской, Паспаульской, Покровской, Сузопской, Тайнинской, Троицкой, Успенской, Урунской волостей. Большая часть айлов и улусов «лебединских татар» (челканцев) осталась не обследованной, вероятно, из-за труднодоступности региона.

В ходе переписи фиксировались следующие параметры: пол, возраст, национальная и сословная принадлежность, грамотность, состояние хозяйства, участие в промыслах, количество трудоспособного населения, отсутствующих (более месяца), призванных в армию (в трудовую армию), умерших за последний год.

Безусловным минусом переписи 1917 г. была фиксация этнической и сословной принадлежности только главы семьи и хозяйства, что не позволяет точно определить общую численность аборигенного населения региона. Кроме того, записи, видимо, основывались на личном определении респондента. На это указывает то, что родственники порою имели разную сословную и этническую принадлежность. Именно этим объяснялось отсутствие интереса к материалам переписи у этнографов в предыдущие годы.

Статистические данные по общей численности православного и языческого, пришлого и коренного населения содержатся в документах текущего делопроизводства Алтайской духовной миссии, в частности в сводных отчетах, сохранившихся за отдельные годы XIX и начала XX в. (Там же. Ф. 164. Оп. 1, 2). Статистические данные по отдельным группам автохтонного населения содержатся также в материалах Алтайского Горного правления (Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66, 500, 583, 658, 687, 727, 917, 925). Посемейные списки Кондомо-Шелкальской волости содержат важную информацию о распределении и численности фамилий лебединских татар (ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2599–2621, 2637).

Кроме того, в ГААК хранятся документы, содержащие статистические сведения по отдельным группам автохтонного населения предгорий Северного Алтая в первые годы советской власти: о численности аборигенного населения по волостным Бийского уезда за 1921 г. (ГААК. Ф. Р-768. Оп. 1. Д. 103) и по сельсоветам Красногорского района за 1928 г. (Там же. Ф. Р-1181. Оп. 1. Д. 38).

С 1940-х гг. статистическая информация на местах аккумулировалась в виде похозяйственных книг (книги похозяйственного учета населения в сельской местности). Формировался данный вид учета в рамках советской административно-хозяйственной системы в 1920–1940-е гг.; система отлаживалась постепенно. В одном из архивных документов сообщается: «На 15 января 1938 г., по причине не комплектной, не полной и не своевременной засылки похозяйственных книг Новосибирским Союзоргучетом, в области к закладке похозяйственных книг сельсоветского учета еще не было приступлено» (ГАРА. Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 1. Л. 70–71).

Для решения исследовательских задач были привлечены выписки из похозяйственных книг. Статистические сведения по коренному тюркоязычному населению Красногорского (2000-е гг.), Кумандинского (1970–2000-е гг.), Нижненинского (1950–2000-е гг.), Солтонского (1940–2000-е гг.), Сузопского (1940–2000-е гг.), Турачакского (1970–2000-е гг.) районов были получены в ходе историко-этнографических поездок АлтГУ в 2001–2004 гг. (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10), в которых принимал участие автор.

Материалы похозяйственных книг Кебезенского (1940–1970-е гг.), Нижне-Ашпанакского (1940-е гг.), Ыныргинского (1940–1970-е гг.), Паспаульского (1940–1970-е гг.), Каракокшинского (1970-е гг.), Калташинского (1940-е гг.), Чапшинского (1940-е гг.) сельсоветов были собраны в результате реализации совместного проекта генетиков КемГУ и этнографов ИАЭТ СО РАН. В Турачакском районном архиве автору удалось получить материалы по Малочебеченскому и Суранашинскому сельсоветам за 1940–1950-е гг. (ТРА. Ф. 14. Д. 3, 4, 22–27, 29, 30).

Архивные статистические материалы дополняются опубликованными сведениями по демографии этнических групп предгорий Северного Алтая. Данные о численности коренного и пришлого населения отдельных административно-территориальных единиц по итогам ревизий конца XVIII – первой половины XIX в. представлены в трудах В.В. Радлова, В.И. Вербицкого, Н.М. Ядринцева, Ф.А. Сатлаева, Л.И. Шерстовой. Особенности учета населения в XIX – начале XX в. были связаны с рядом ограничений. Так, в ходе ревизий учитывалось только мужское население.

Данные административно-полицейского учета периодически публиковались в виде «Списков населенных мест» губерний России, в которых приводились поурядные сведения о населении и его этнических характеристиках (Список... 1859 г.,

1868; Список... Томской губернии за 1893 г., 1893; Список... Томской губернии за 1899 г., 1899; Список... Томской губернии за 1911 г., 1911). В списках зафиксирована численность мужчин и женщин в конкретной административно-территориальной единице с указанием географической привязки, количества дворов и типа населенного пункта. Трудности использования данного вида источника обусловлены тем, что в списках указаны лишь относительные данные по преобладанию того или иного этноса. Если, например, для Кондомо-Шелкальской волости это не имело существенного значения из-за ее моноэтнического состава, то в инородческих волостях и управах Бийского уезда отмечался рост численности переселенцев. Аналогичную информацию можно почерпнуть из «Памятных книжек Томской губернии» начала XX в. (Памятная книжка Томской губернии на 1904 г., 1904; Памятная книжка... на 1910 год, 1910; Памятная книжка... на 1911 год, 1911; Памятная книжка... на 1912 год, 1912; Памятная книжка... на 1913 год, 1913). Ценная статистическая информация, описания быта этнических групп предгорий Северного Алтая содержится в Томских епархиальных ведомостях за 1880–1917 гг.

Неудовлетворительность всех существовавших в царской России видов статистического учета (церковного, административно-полицейского, ревизий) обусловила начало подготовки Первой Всероссийской переписи 1897 г. с введением основных этнических индикаторов: родного языка и вероисповедания.

Результаты переписи 1897 г. были обработаны и опубликованы С.А. Паткановым [1911]. Данная работа содержит наиболее полную информацию о численности коренного и пришлого населения в рамках инородческих управ и волостей, а также по отдельным населенным пунктам. При переписи учитывался фактор родного языка (тюркского, русского или др.), что позволило проследить динамику этноязыковых процессов в предгорьях Северного Алтая в конце XIX в.

В 1920–1930-е гг. текущий учет демографических событий в Южной Сибири отсутствовал. На основе имеющихся данных можно лишь установить общую динамику численности автохтонного населения предгорий Северного Алтая. В 1920–1930-е гг., несмотря на трудности в системе учета населения, было опубликовано значительное количество трудов, содержащих разнообразную статистическую информацию по населению Сибири. Продолжалось издание «Списков населенных мест...» (Список населенных мест Сибирского края..., 1928), основанных на результатах переписи 1926 г. Качественная сторона информации, представленная в статистических сборниках, осталась на прежнем уровне.

При изучении демографических процессов в 1930–1940-х гг. следует учитывать влияние репрессий и Великой Отечественной войны на воспроизводство коренного населения предгорий Северного Алтая. Пофамильные списки репрессированных и погибших на войне опубликованы в многотомных «Книгах памяти» (1993; 1994; 1996) и «Книгах памяти жертв политических репрессий» (2003).

В территориальных органах Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай нам удалось получить информацию об общей численности коренного населения в Красногорском, Солтонском, Бийском и Тогульском районах, г. Бийске Алтайского края и Майминском, Турачакском и Чойском районах Республики Алтай по итогам переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

Блок нормативных источников исследования включает текстовую часть отчетов миссионеров отделений Алтайской духовной миссии. В ежегодных отчетах

сотрудники миссии фиксировали обычаи и обряды коренного населения, влияние христианства на них, делали отдельные зарисовки из быта аборигенов и т. д.

Определенный интерес представляют делопроизводственные документы Уездного комитета по делам национальностей и материалы Российского общества Красного креста 1920-х гг., отложившиеся в ГАО (Ф. 1. Оп. 1. Д. 1002, 1424, 1547). В них содержатся сведения о ситуации и проблемах на территории рассматриваемого региона, обусловленных Гражданской войной.

К нарративным источникам относится периодическая печать: газеты Солтонского района Алтайского края «За победу» (за 1950–2000-е гг.), Красногорского района Алтайского края «Восход» (1930–2000-е гг.), Турачакского района Республики Алтай «Истоки» (за 2000-е гг.). Следует отметить, что в работе использованы только отдельные статьи, содержащие биографические материалы, сведения об истории сел, заметки о праздниках коренного населения и т. д. Наибольший интерес представляли публикации последних лет, количество которых существенно возросло в силу роста этнического самосознания рассматриваемых групп.

В целом объем источниковых материалов позволяет решить основные задачи обобщающей работы: проследить динамику демографических процессов в среде коренного населения предгорий Северного Алтая во второй половине XIX – начале XXI в., определив этапы демографического перехода, а также обозначить основные тенденции в изменении демографического поведения.

Автор выражает признательность сотрудникам отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН за содержательное обсуждение материалов исследования. Большую помощь оказали доктор исторических наук И.В. Октябрьская, кандидаты исторических наук Е.А. Бельгибаев и И.И. Назаров.

Особую благодарность автор выражает хранителям знаний о традиционной культуре кумандинцев, тубаларов и челканцев, любезно поделившихся информацией.

Глава 1

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ. XIX – НАЧАЛО XX в.

1.1. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ГРАНИЦАХ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Издrevле Алтай находился на перекрестье миграционных потоков. Волны народонаселения сменяли друг друга; шли активные процессы аккультурации и ассимиляции. К XVII в. население предгорий Северного Алтая представляло собой синтез разнородных в этногенетическом и лингвистическом плане сообществ. Этнические процессы в последующий период еще более усложнялись из-за этнокультурных контактов с пришлым русским населением.

В этнополитической истории Южной Сибири и в целом Центральной Азии на протяжении средних веков происходила непрерывная смена лидеров, активные миграции приводили к смешению этнических групп, различных в антропологическом, культурном и лингвистическом плане. Тюркское сообщество Северного Алтая формировалось на стыке границ центрально-азиатского и угро-самодийского миров, впитывая в себя элементы различных культур.

В течение второй половины XIX – XX в. этнографами предпринимались попытки реконструировать этническую историю региона. Одним из первых к этой проблеме обратился Л.П. Потапов. Анализ этногенетических процессов и выявление этнокультурных параллелей позволили исследователю выделить угорский (ханты и др.), самодийский (селькупы и др.) и тюркский субстраты в составе северных алтайцев [Потапов, 1969, с. 63–69]. Три этнокультурных компонента в составе кумандинцев выделяют В.Д. Славнин и Л.И. Шерстова [2008, с. 48–53]: «палеосибирский охотничье-рыболовческий», соответствующий угро-самодийскому субстрату; «динлинский» (основной) – земледельческо-конево-водческий и ремесленный этнокультурный, который можно обозначить как ирано-тюркский субстрат; «общетюркский» поздний, сравнительно слабо выраженный этнокультурный пласт скотоводов-полукочевников. В составе тубаларов исследователи прослеживают: тюркский, телеско-теленгитский и кетско-уральский субстраты [Там же, с. 81].

В целом выделяемые Л.П. Потаповым, В.Д. Славниным и Л.И. Шерстовой субстраты во многом аналогичны, без учета спорного «динлинского» субстрата, сопоставляемого с носителями тагарской и таштыпской археологических культур [Там же, с. 50]. Правомерность выводов ученых подтверждается материалами этногенетических исследований народов Средней и Южной Сибири: этнотерриториальных групп сибирских татар [Селезнев, 1994; Томилов, 1992], народов, проживавших вдоль среднего течения р. Енисей [Шерстова, 2005, с. 36–38].

Исследователи также обратились к проблеме происхождения североалтайских *сеоков*. Л.П. Потапов сопоставил субстраты с *сеоками* коренного населения

предгорий Северного Алтая: тюркский субстрат – *тиргеш, чагат, тогус, кузен, ярлык, ялан* (тубалары); *со, чооты* (кумандинцы); *шакишылыг* (челканцы); угро-самодийский субстрат – *комнош, юс* (тубалары); *тастар, тон* (кумандинцы). Происхождение *чалканыг* неизвестно [Потапов, 1969, с. 50–53, 59–63, 72, 77]. В.Д. Славнин и Л.И. Шерстова [2008, с. 34–42] во мнении о происхождении *сеоков* предгорий Северного Алтая во многом сходятся с Л.П. Потаповым, хотя и корректируют его выводы. Так, происхождение рода *чооты* ученые рассматривают как южно-самодийское [Там же, с. 39].

При этом Л.И. Шерстова считает, что устойчивость древнего этнонима не являлась показателем устойчивости его этнической основы. Постоянный приток населения и активные межэтнические контакты способствовали трансформации локальных групп, их культуры, хозяйства, языка и т. д. Однако консервация этнических наименований была сопряжена с «общественно-политической структурой, организованной по типу улуса» [Шерстова, 2005, с. 38–39, 45].

Этническую ситуацию в регионе характеризовала субстратность при постоянной «подпитке» из степи. Миграционная активность в регионе определяла активный межкультурный обмен и усложнение этнических процессов [Там же, с. 39–40]. Налаживание брачных связей с ближайшими соседями приводило к нивелировке этнокультурной специфики таежной зоны.

До прихода русских в Сибирь тяготение таежной общности к центрально-азиатскому миру усиливалось за счет нарастания пришлых этнических компонентов, а также устойчивых социально-политических контактов с тюркскими и монгольскими кочевыми культурами. Таежная общность была ориентирована на географически детерминированный комплексный культурно-хозяйственный тип и имела социально-политический статус кыштымов (данников), неизменный на протяжении многих веков. Рассмотрев взаимоотношения по линии владения – зависимости, Л.И. Шерстова пришла к выводу, что «институт кыштымства базировался на развитой фискальной системе, на самом наличии определенных податных единиц, на взаимопользовании отношений правителей и подданных» [Там же, с. 35].

К моменту появления русских в начале XVII в. в предгорьях Северного Алтая местное население являлось данниками правителей Телеутской земли. Право сбора дани с североалтайских этнических групп оспаривалось енисейскими кыргызами. На протяжении XVII в. шло формирование русско-телеутского союза [Уманский, 1980, с. 24, 45]. Этот союз и стал началом зарождения системы двоеданничества, функционировавшей до середины XIX в., когда в состав России окончательно вошли все тюркские группы юга Западной Сибири.

Длительное время автохтонное население предгорий Северного Алтая находилось в положении двоеданцев. Кумандинские татары до начала XVIII в., а черневые до середины XVIII в. имели статус троеданцев* [Потапов, 1953, с. 118–119]. Население Южного Алтая платило дань и выступало в качестве вассала Джунгарии, перенимая культурные, религиозные, этнополитические и иные традиции.

* Ясак уплачивался русской администрации, в то время как алман взимался джунгарами и телеутами/енисейскими кыргызами. Стоит отметить, что ясак и алман уплачивался зачастую с перерывами всем сторонам. Ясак – это выплаты коренным (инородческим) населением в основном в виде пушнины (с начала XX в. переход на денежную форму) русской администрации. Алман – это выплаты центральноазиатским правителям. В случае с коренным населением предгорий Северного Алтая алман в основном включал изделия кузнечного производства. Уплата алмана, в отличие от ясака, сопровождалась отдарками, сопоставимыми или превосходившими размеры первого.

В первой половине XVIII в. система данничества стабилизировалась. Ясак уходил в Кабинет Его Императорского Величества, а алман уплачивался северо-алтайскими кыштымами ойратам через телеутских сборщиков. Большая часть предгорий Северного Алтая служила своеобразным этнополитическим буфером в русско-джунгарских отношениях. В середине XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства, в высокогорных районах Алтае-Саян пролегла русско-цинская граница [Боронин, 2002, с. 60–62]. Аборигенное население предгорий Северного Алтая в этот период было включено в состав России.

Именно русский фактор сыграл первостепенную роль в характере последующих этнических процессов в рассматриваемом регионе. Уже в 1610–1620-х гг. было объяснено население предгорий Северного Алтая: Кумандинской, Комляжской, Кузенской, Тиргешской, Шелкальской, Юсской, Солунской, Тогульской и Тагапской волостей. Данные податные образования, по мнению Л.И. Шерстовой [с. 60–61], функционировали еще до прихода русских. В рамках российской государственности произошла их политическая и фискальная переориентация.

«Русские источники XVII в. объединяют Кумандинскую, Еленскую (Елейскую), Итиберскую, Сарачерскую, Каргинскую, Кузенскую, Комляжскую, Щелканскую и Тиргешскую ясачные волости под общим названием “Кондомские волости Кузнецкого уезда”» [Славнин, Шерстова, 2008, с. 13]. С.А. Токарев [1936, с. 80] связывал происхождение данного наименования с изначально общей территорией обитания этих общностей по р. Кондоме.

Существует и другая точка зрения, авторы которой обращают внимание на путь проникновения сборщиков ясака из Кузнецкого острога, проходивший по р. Кондоме [Долгих, 1960, с. 112; Потапов, 1969, с. 108]. На наш взгляд, важным является замечание В.Д. Славнина и Л.И. Шерстовой [2008, с. 14] по поводу того, что вся обширная Кузнецкая земля, тем более ее «Кондомская часть», воспринималась всеми без исключения аборигенами как этническая территория, общая родина.

Этнополитическая обстановка в Южной Сибири характеризовалась подвижностью автохтонного населения региона и активностью этнических процессов. Русская администрация в фискальных целях стремилась к стабилизации ситуации [Там же, с. 12, 14]. Первоначально деятельность государства в Сибирском регионе сводилась к контролирующей функции (надзору) и сбору налога. Пришлое и коренное население контактировали лишь во время ярмарок и при сборе ясака [Садовой, 1997, с. 104]. В сфере законодательства в течение XVIII в. появилось несколько указов: о христианизации, судопроизводстве (1728 г.) и ясачной подати (1763 г.).

Вхождение в состав Российской империи Кузнецкой земли, включающей предгорья Северного Алтая, позволило местной администрации приступить к административному закреплению ясачных. В 1804 г. была образована Томская губерния, в которой выделены Бийский и Кузнецкий округа (с 1898 г. уезды).

Административно-территориальное деление предгорий Северного Алтая оставалось нестабильным вплоть до начала XX в. Большинство волостей, созданных на основе улусов Кузнецкой и Кыргызской земель в XVII в., сохранилось до административных преобразований начала XIX в., когда коренное население предгорий Северного Алтая было приписано к Верхне-Кумандинской, Нижне-Кумандинской, Тогульской 2-й половины, Кергежской, Комляжской, Кузенской, Южской волостям Бийского уезда и Кондомо-Шелкальской, Кондомо-Итиберской

и Кондомо-Елейской волостям Кузнецкого уезда. Тастарская, Солунская, Чагатская волости вошли в состав Кумандинской волости, исчезла Керсагальская волость, население которой, скорее всего, изменило место проживания [Славнин, Шерстова, 2008, с. 35–37].

Перечисленные административно-территориальные единицы не имели четких границ, фактически соответствуя средневековым улусам. Межволостное межевание проводилось персонально, подушно. Запрет перечисляться из волости в волость был обусловлен отсутствием у государства возможностей проводить периодические межевые работы [Соколовский, 2001, с. 52–53; Тадыев, 2009, с. 58]. Как отмечают В.Д. Славнин и Л.И. Шерстова [2008, с. 15], «и кузнецкие, и бийские власти педантично следили за численностью подведомственных им ясачных, препятствуя малейшему оттоку населения».

Важную роль в структурировании народонаселения играло деление территорий на округа. Именно на их границах протекали наиболее сложные этнические процессы (ассимиляция, аккультурация, консолидация и др.), завершившиеся уже в советский период с перераспределением территорий между Алтайским краем и Кемеровской областью. В результате как среди кумандинцев, так и среди шорцев распространились этнонимы *чедыбер*, *челей* и т. д.

Административно-территориальные преобразования начала XIX в. заложили основы для последующего формирования этносов Алтая и Шории, разделив близкородственные в этнокультурном плане этнические общности, происхождением связанные с Кузнецкой землицей, между Кузнецким и Бийским округами. Делением были заданы векторы миграционной активности коренного населения и интенсивность межэтнических контактов.

Эти тенденции отчетливо проявляются при анализе метрических книг, с помощью которых можно реконструировать брачные круги аборигенного населения предгорий Северного Алтая на рубеже XIX–XX вв. За столетний период их брачные связи с населением кондомских волостей фактически прекратились. Стабильные этнокультурные отношения и брачные связи сохраняло только население Нижне-Кумандинской и, скорее всего, Кондомо-Шелкальской волостей. Жители Нижне-Кумандинской волости брачные союзы на рубеже XIX–XX вв. заключали преимущественно с представителями соседних этнических групп: «итиберцами» и «елейцами», проживавшими восточнее. В южном направлении брачные контакты были активнее у автохтонов черневых волостей (в основном Комляжской и Южской волостей) (см. Прил. II, табл. 30–34). В целом этнические связи с населением Горного Алтая и до прихода русских не были интенсивными в силу этнокультурных, этногенетических и иных различий.

Обособлению отдельных этнических групп предгорий Северного Алтая способствовала также крестьянская колонизация региона, начавшаяся в 1780-х гг. Поселения крестьян располагались вдоль основных водных артерий региона, что обуславливало дробление этнической территории коренного населения и их локальную консолидацию.

Одновременно с этим усиливался процесс ассимиляции и аккультурации коренного населения русскими, особенно активный среди «тагапцев», «тогульцев» и других этнических групп, проживавших по соседству с Бийско-Кузнецкой линией крепостей. Этому процессу благоприятствовал комплексный тип хозяйственно-культурной деятельности аборигенного населения предгорий Северного Алтая, относительно оседлый образ жизни, навыки земледелия и т. д. Уже в 1782 г. в Нижне-

Кумандинской волости 69 из 382 душ м. п. проживало в населенных пунктах совместно с пришлым населением [Славнин, Шерстова, 2008, с. 17].

Постепенно граница этнокультурных контактов пришлого и коренного населения отодвигалась на юг. На территорию Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии семьи переселенцев начали проникать в середине 1870-х гг. (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 16). Разрешение крестьянам разных волостей Бийского округа на заселение бассейна р. Лебедь было дано 6 марта 1874 г. (Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 500. Л. 34). Несомненно, самовольные переселенцы появились в данном регионе значительно раньше.

Этносоциальную историю коренного населения предгорий Северного Алтая в значительной степени определило основание в 1828 г. Алтайской духовной миссии. Деятельность миссионеров, активизировавшаяся по мере увеличения притока переселенцев из европейской части страны, способствовала актуализации двух разнонаправленных процессов: ассимиляции и интеграции «инородцев» предгорий Северного Алтая в этносоциальные, социокультурные и экономические структуры региона.

Первые попытки христианизации аборигенов Алтая предпринимались еще в конце XVIII в. Императорскими указами 1789 и 1799 гг. были отменены миссионерские должности и запрещены массовые крещения. Большая часть новокрещенов возвратилась к традиционным верованиям, население сел Майма, Улала, Березовка, Тарханское/Быстряное обрусело, расселившись в последующем на территории Быстрянской, Кокшинской и Сарасинской инородных управ [Потапов, 1933, с. 105].

Деятельность Алтайской духовной миссии в известной степени входила в противоречие с принятым в 1822 г. «Уставом об управлении инородцев». В нем фиксировалась «свобода в вероисповедании и богослужении» (§ 33), что обуславливало добровольность перехода в православие (Законодательные акты..., 1994, с. 20). Активизация прозелитских практик совпала с усилением притока переселенцев из Европейской России.

Одновременно на территорию региона проникали старообрядцы («немоляхи», «поморцы», «стариковщинская» и «австрийская» секты), религиозное влияние которых на «инородцев» было незначительным. В метрических книгах нами встречено две записи перехода «инородцев» из старообрядчества в православие: Агафии Федотовой Суртаевой из дер. Ново-Суртаевской, причисленной к Быстрянской инородной управе, из «стариковщинской» секты в православие 28 октября 1915 г. в возрасте 17 лет и, вероятно, ее сестры Феодосии Федотовой Суртаевой из той же деревни и секты – в январе 1914 г. в возрасте 18 лет (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2567. Л. 4 об.; Д. 2785. Л. 56 об.). Можно также отметить неудачную попытку проповеди «иоаннитов» среди паствы макарьевского миссионера в 1910 г., завершившейся их изгнанием (Томские епархиальные ведомости (ТЕВ), 1911, № 8–9, с. 416).

Первыми влияние миссионеров испытали аборигены северной лесостепной части региона (Нижне-Кумандинской волости) и коренное население, причисленное к волостям Кузнецкого уезда. Несколько позднее в этнокультурные контакты начинают вовлекаться черневые татары. По данным Алтайской духовной миссии, в 1888 г. новокрещены совершенно отсутствовали в Южской волости, а в соседних черневых волостях их число было незначительным. В то же время треть коренного населения, причисленного к Нижне-Кумандинской волости, уже перешла в православие (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 8. Л. 57 об.); (см. Прил. II, табл. 2–5; Прил. III, табл. 17).

Удаленность Кондомо-Шелкальской волости, ее труднодоступность даже в летнее время, а также дисперсное расселение коренного населения в небольших по численности аилах и улусах обусловили «отставание» данной волости от общих темпов христианизации. Непопулярность православия определялась также агрессивной политикой освоения региона пришлым населением – золотопромышленниками и заимоочниками.

Ситуация изменилась после выделения в составе Алтайской духовной миссии Лебедского (Турачакского) отделения. В 1900 г. из около «...1000 кочующих некрещенных инородцев, начавших изъявлять уже желание креститься...» около 80 были новокрещенными (ТЕВ, 1901, № 24, с. 34). К моменту открытия отделения крещеное автохтонное население составляло треть от общей численности местных аборигенов.

Структура Алтайской духовной миссии представляла собой сеть миссионерских отделений, охватившую весь Горный Алтай и его предгорья. Количество станов и отделений миссии постоянно увеличивалось с расширением православной паствы за счет как новокрещенных «инородцев», так и переселенцев. В 1853 г. был основан Макарьевский стан, в 1857 г. – Кебезенский, в 1893 г. – Созопский, в 1902 г. – Паспаульский и Тайнинский станы, в 1908 г. – Турачакский стан (Документы..., 1997, с. 103–104). По другим сведениям, Паспаульское отделение было открыто в 1897 г. (ТЕВ, 1898, № 10, с. 22).

В конце XIX в. на территории предгорий Северного Алтая существовало четыре отделения – в селах Кебезень, Макарьевское, Паспаул и Сузоп (см. Прил. I, карта 1). В начале XX в. дополнительно были выделены станы и построены церкви в деревнях Гурьяновской, Пильно, Тайна, Ташта, Турачак, Чапша, Усть-Иша, Урунск, Ынырга. Села Тайна, Ташта и Турачак стали центрами одноименных отделений Алтайской духовной миссии. Вне юрисдикции миссии оставались Быстрянский, Солтонский и Старобардинский приходы и образовавшиеся к 1909 г. Бехтемирский, Караканский, Озеро-Куреевский (переселенческий) и Березовский (ТЕВ, 1909, № 22, с. 567–568, 574), частично охватывавшие аборигенное население Быстрянской инородной управы, Нижне-Кумандинской волости и волостей Кузнецкого уезда.

Здесь следует обратить внимание на границы первых церковно-административных единиц. Макарьевское отделение включало большую часть территории современного расселения кумандинцев, охватывая Кумандинскую, Кондомо-Итиберскую и Кондомо-Елейскую волости. В подведомственных Кебезенскому отделению населенных пунктах проживало большинство тубаларов. В начале XX в. подотчетное Лебедскому (Турачакскому) отделению население было в основном приписано к Кондомо-Шелкальской волости (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 35. Л. 269 об. – 272 об., 285 об. – 286 об., 294 об. – 297 об., 304 об. – 307 об., 314 об. – 317 об., 327 об. – 328 об.; Документы..., с. 104).

Основой прозелитской политики Алтайской миссии являлось создание миссионерских селений: Кабыжак (1855 г.), Ташта (1854 г.), Макарьевск (1854 г.), Кылташ (1856 г.), Паспаул (1858 г.) (ТЕВ, 1899, № 10, с. 15); [Сатлаев, 1974, с. 21]. Позднее были организованы села Томай, Буручак, Ужулеп, Алеткин, Иртышкин, Пишпер, Кубий, Елейский, Усть-Кажинское, Балыкса (ТЕВ, 1909, № 11, с. 470).

В миссионерских селениях пришлое и коренное население проживало совместно. Со времен основателя миссии отца Макария поддерживался институт «крестных отцов» [Потапов, 1953, с. 201]. Данный факт подтверждается материа-

лами метрических книг, в которых фигурировали одни и те же лица, выступавшие в качестве восприемников.

Миссионеры при посредстве местных чиновников приселяли в айлы и улусы аборигенов семьи благочестивых переселенцев или крещеных «инородцев», выступавших в данной ситуации культуртрегерами. Так, о коренных жителях аула Усть-Кажа в 1863 г. сообщалось: «К ним для приучения их более правильному хлебопашеству, домохозяйству и христианскому образу жизни, допущено было оседлых инородцев Бустрянской управы...» (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 739. Л. 7). Со временем некоторые населенные пункты со смешанным населением становились русскими [Назаров, 2001а, с. 149].

Деятельность миссионеров Алтайской миссии в отношении «инородцев» определялась идеологами миссионерства как «учение и благотворение». Учение должно было способствовать «...спасению верою о Христе... и улучшению самого земного быта...», а благотворение – «...грамотностью, добрыми советами, утешением..., пособием в болезни, нуждах, сиротстве» (ТЕВ, 1881, № 14, с. 237–238). Однако наряду с добровольным крещением имели место случаи насильственной христианизации: в наказание за воровство, убийство или тайное винокурение (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 об.). Иногда аборигенное население соглашалось на крещение в надежде облегчить наказание (ТЕВ, 1897, № 7, с. 18). После жалоб коренных жителей в административные и судебные органы в конце 1850-х – начале 1860-х гг. методы христианизации были скорректированы и сделана ставка на воспитание сотрудников из числа коренного населения.

Новокрещенам предоставляли льготы по выплате ясака на три года; переселявшимся в миссионерские селения предлагались дома и др. В то же время никаких контрмер в отношении вернувшихся к традиционным верованиям со стороны государства по законодательству не предполагалось (ТЕВ, 1898, № 15, с. 28); [Мавлютова, 2001, с. 45–46].

Благосклонность потенциальной паствы миссионеры завоевывали в проповедях, дополнявшихся оказанием медицинской помощи: «У каждого миссионера есть особая аптечка, аллопатическая, гомеопатическая или электрогомеопатическая с соответствующими лечебниками, для подаяния нуждающимся первой помощи при острых болезнях» (ТЕВ, 1886, № 7, с. 9; 1915, № 13, с. 543).

Важное место в распространении христианских обычаев и обрядов занимало обучение детей аборигенов в миссионерских школах (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 57. Л. 34, 71, 149). Сеть церковноприходских школ постепенно расширялась. В 1854 г. была открыта школа в с. Макарьевском, в 1861 г. – в с. Кебезень, в 1877 г. – в с. Ынырга, 1883 г. – в селах Паспаул и Ташта. К 1916 г. в регионе функционировало 15 школ Алтайской духовной миссии (Там же. Оп. 1. Д. 18; Д. 156. Л. 19 об., 5 об., 6).

Важной задачей в деятельности миссии являлось формирование лояльной местной элиты. Проблема разрешилась через крещение зайсанов и демичи*. Например, в 1885 г. для занятия должности зайсана был освобожден от своей должности кебезенский учитель Иван Ялбаев (ТЕВ, 1886, № 5, с. 8). Среди зайсанов фигурировали: Василий Уйгучак – первый крещеный зайсан, живший в с. Паспаул,

* Зайсан, демичи, башлык – термины восходят к социальной организации тюркоязычных народов; в XIX в. представители местной волостной администрации из числа коренного населения. Обладали хозяйственной, судебной (за исключением уголовных дел) и фискальной властью.

башлык Тагапской волости Алексей Ажигашев и др. (ТЕВ, 1901; 1902, № 24; № 8, с. 29; № 12). В лице старейшин Алтайская духовная миссия получила поддержку в деле христианизации. Так, зайсан Комляжской волости М.В. Тобоков построил на собственные средства церкви в селах Паспаул и Карасук [Потапов, 1933, с. 109]; А.С. Софронов-Чиндеков в 1880 г. построил новую церковь в Макарьевском стане (ТЕВ, 1889, № 21, с. 14). В 1899 г. «Иона Рыспаев изъявил желание устроить в аиле Бешперском на свои средства молитвенный дом с алтарем» (ТЕВ, 1900, № 10, с. 2).

Принятие православия, при всей неоднозначности прозелитизма, позволяло коренному населению приобщиться к русской культуре, вступить в более престижные брачные отношения с пришлым населением, повысить свой социальный статус. Тем не менее отказ аборигенов от крещения часто аргументировался традицией, нежеланием нарушать завет родителей: «их вера заблудящая, а Бог – один, но сердце не позволяет креститься» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 120. Л. 1). В отчете миссии за 1888 г. указывается на опасения автохтонного населения, что в случае крещения «русские всю землю отберут» или уравниют в правах с русскими и заберут в солдаты (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 8. Л. 24; ТЕВ, 1897, № 7, с. 22–23).

В целом принятие православия нередко имело фиктивный характер, не изменяя традиционного уклада жизни аборигена. Миссионеры отмечали: «инородцы не знают молитвы, креститься не умеют. Дети... только по имени христиане, а в душе язычники» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 об.; Д. 103. Л. 1 об.). Но все же в миссионерских поселениях к началу XX в. новокрещены по своей религиозности не отличались от пришлого населения (Там же. Д. 103. Л. 3).

Тенденция роста численности новокрещенных позволила священнику Паспаульского отделения Алтайской духовной миссии в отчете за 1914 г. предположить, что через пять лет при существующих темпах христианизации в предгорьях Алтая не останется ни одного язычника (Там же. Оп. 2. Д. 91. Л. 42). Если в 1886 г. по Макарьевскому и Кебезенскому отделениям числилось 2 654 крещенных аборигена, то в 1913 г. в шести отделениях миссии, охватывавших ту же территорию, проживал уже 7 331 новокрещен (см. Прил. III, табл. 16–17). С учетом автохтонного населения Быстрянского, Старобардинского и Солтонского приходов Томской епархии численность принявших православие составляла более 10 тыс.

В ходе аграрной колонизации и землеустроительной реформы предполагалось стирание границ между крестьянами и «инородцами». Это вызывало сопротивление автохтонного населения.

Миссионер Макарьевского отделения Сергей Постников в записке за 1906 г. отмечал, что под влиянием царского манифеста от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания начались разговоры о переходе русских в раскол, а коренного населения в язычество, так как «там (в язычестве. – *Н. В.*) только ясак» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 102. Л. 1). В результате имели место случаи повторного крещения аборигенов, вернувшихся к традиционным религиозным верованиям после первого крещения.

Таким образом, уже в XIX в. религиозный фактор стал одним из признаков дифференциации автохтонного населения Горного Алтая и его предгорий наряду с культурно-хозяйственными, языковыми и другими параметрами.

Деятельность Алтайской духовной миссии по христианизации коренного населения и переводу его на оседлость определяла характер этнических процессов в регионе. Строительство сети миссионерских поселений на территории расселения

«кумандинских и черневых татар» вкуче с крестьянской колонизацией способствовало активизации ассимиляционных и аккультурационных процессов в предгорьях Северного Алтая. Это существенно трансформировало этнокультурный облик автохтонного населения и отделило его от родственных этнических образований на сопредельных территориях.

При всех сложностях христианизации именно миссионерские поселения и крупные смешанные в этническом плане населенные пункты становились центрами этнокультурных контактов (Тев, 1898, № 15, с. 14–16). В перспективе предполагалось стирание сословных границ между крестьянами и аборигенным населением, что активизировало их этническую идентичность.

С момента включения сибирских территорий в состав Российской империи центральную власть в большей степени интересовала стабильность поступления налогов. Политика по отношению к народам Сибири имела меньшее значение и реализовывалась противоречиво: с одной стороны, расширялась миссионерская деятельность, ориентированная на аккультурацию, а с другой – коренное население фактически было выделено в особое сословие с определенными гарантиями сохранения самобытности.

Огромную роль в развитии этнических процессов в рассматриваемом регионе сыграл принятый в 1822 г. «Устав об управлении инородцев», зафиксировавший автономию аборигенных этнических групп. Разработанный М.М. Сперанским «Устав...» кодифицировал опыт межэтнического взаимодействия в Сибири. Главную его цель современные исследователи видят в «устранении кризисного положения в сборе ясака, поднятие платежеспособности сибирских народов», что было возможно сделать, заменив промысловое хозяйство «на земледельческо-скотоводческое, имевшее постоянный доход» [Сатлаев, 1994, с. 5]. Фактически предполагалось постепенное включение коренного населения в состав крестьянского или другого сословия.

В тоже время «Уставом...» подтверждался принцип веротерпимости: разрешалось отправление традиционных религиозных представлений; крещеным не запрещались браки с язычниками и т. д. [Асочакова, 2008, с. 151]. Наряду с созданием условий для аккультурации этот документ предполагал сохранение традиций во всех областях существования коренного населения. Например, в § 34 среди важнейших прав выделяются «назначенные во владения земли», распределение которых «зависит от самих кочующих»; в § 36 и 37 «инородцы ограждаются от взаимных стеснений, кои могут происходить от перехода одних племен на земли другим племенам принадлежащая». Русским запрещалось «самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных», хотя и предусматривалась возможность приселения по обоюдному согласию сторон (Законодательные акты..., с. 20–21).

Обособленное положение со второй половины XVIII в. занимали родоначальники и почетные люди, возглавлявшие административно-податные единицы. По Манифесту 1763 г. южноалтайские зайсаны были приравнены к чину майора, освобождались от уплаты ясака и избавлялись от телесного наказания. Признавая за ними важность административных функций, государство уравнивало данную социальную группу с дворянским сословием [Потапов, 1953, с. 183].

В 1824 г. была введена разработанная М.М. Сперанским поразрядная система, нацеленная на постепенное нивелирование сословных границ и одновременно дальнейшее выделение этнических групп Сибири. «Оседлые инородцы» уравни-

вались в правах и обязанностях с крестьянским сословием (кроме рекрутской повинности), в то время как кочевые составляли особую сословную группу [Сатлаев, 1994, с. 5; Шерстова, 2005, с. 131].

Большая часть коренного населения предгорий Северного Алтая была определена как «кочевые инородцы» с родовым управлением – инородной управой. Сравнительно небольшая группа «оседлых инородцев» позже была причислена к трем новообразованным управам: Быстрянской, Кокшинской и Сарасинской. Часть «оседлых инородцев», проживавших совместно с крестьянами Смоленской волости, была причислена к русским волостям и вскоре ассимилирована. В соответствии с § 44 «Устава...» подобное предполагалось в случае, «ежели селения инородцев не могут составить особенной волости...» (Законодательные акты..., с. 22).

Быстрянская инородческая управа была образована в 1834 г.; ее население составляло крещеное аборигенное население. В отличие от большинства других инородных волостей данного региона эта управа имела четкие границы (Горный Алтай и его население. Оседлые инородцы..., 1902, с. 16–19). В это же время в инородные управы были преобразованы кумандинские и черневые волости [Славнин, Шерстова, 2008, с. 19, 68].

Административные изменения продолжались вплоть до начала XX в. Так, в 1880 г. администрация Кергежской, Комляжской, Кузенской и Южской волостей располагалась в с. Ынырга, а к 1897 г. родовое управление Кузенской и Южской волостей переместилось в с. Паспаул [Потапов, 1953, с. 186].

Со временем значение волостного деления слабело по мере усиления территориальных связей в среде коренного населения предгорий Северного Алтая. К 1897 г. большая часть аборигенов под действием различных факторов (притока переселенцев, экономических интересов и проч.) сменила место проживания. Переселялись аборигены семьями преимущественно в пределах границ волости (см. Прил. III, табл. 9).

Миксация играла существенную роль в трансформации этнических групп рассматриваемого региона. Так, расчеты, сделанные С.П. Швецовым по материалам переписи 1897 г., показали расселение на территории четырех черневых волостей представителей 22 *сеоков*, местами исхода которых являлись Горный Алтай и Кузнецкий уезд, отчасти Саяны (Горный Алтай и его население. Кочевники..., 1900, с. 98–99).

Интересен пример «лебединских татар», компактно расселившихся в бассейне Лебеди. Только 5 % от их общей численности проживали за пределами этнической территории (см. Прил. III, табл. 9). Присутствие иноэтничных групп в населенных пунктах «лебединских татар» было незначительным: 5 чел. из Тагапской 1-й половины и несколько человек из Кондомо-Елейской инородных управ [Славнин, Шерстова, 2008, с. 115]. Замкнутость этой группы, обусловленная в основном природно-географическими особенностями региона, способствовала сохранению традиционных устоев. По данным переписи 1897 г., среди «лебединских татар», в отличие от остальных этнических групп предгорий Северного Алтая, не был распространен русский язык (см. Прил. III, табл. 10).

В начале XX в. Алтай становится одним из центров притяжения переселенцев из Европейской России. Возрастание плотности населения вызвало земельные конфликты. Положениями «Устава об управлении инородцев» земли юридически закреплялись за коренным населением, хотя и находились в ведении Кабинета

[Потапов, 1953, с. 184]. На практике права аборигенов часто игнорировались, особенно с увеличением притока переселенцев. Землепользование принимало во многом бесконтрольный характер. Отсутствие у мигрантов средств на уплату взносов, необходимых при вступлении в сельское общество, становилось причиной насильственных захватов земли, что приводило к конфликтам.

С 1861 г. стало возможным заключение земельных сделок (практиковавшихся и ранее), включая арендные отношения между коренным и пришлым населением [Ковалышкина, 1992, с. 111]. Уже в 1870-х гг. русские располагали заимки по берегам рек Бии, Лебеди и их притоков, в зоне расселения «лебединских татар». В районе Телецкого озера и верхнего течения Лебеди появились прииски.

Уже в 1889 г. В.И. Вербицкий отмечал необходимость наделения земель автохтонного населения Макарьевского отделения Алтайской духовной миссии [Назаров, 2001б, с. 225]. Вероятно, именно с проблемами землепользования был связан проект укрупнения волостей Бийского уезда в 1886 г. Предполагалось объединение Кокшинской и Быстринской инородных управ со Сростинской волостью; из Тогульской 2-й половины, Верхне- и Нижне-Кумандинских волостей должна была быть образована Кумандинская волость; а из четырех черневых волостей – одна с центром в с. Паспаул (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 658. Л. 15–15 об.). Однако проект остался не реализованным.

Следует заметить, что границы предполагаемых административных образований совпадали с территорией расселения современных кумандинцев и тубаларов. Представляется, что уже ко второй половине XIX в. формирование основы современных этносов предгорий Северного Алтая завершилось. Именно в эти годы появляются работы В.И. Вербицкого [1993, с. 21] и В.В. Радлова [1989, с. 92–93], в которых выделены кумандинцы, «черневые татары» (тубалары) и «лебединские татары» (челканцы); появился термин «северные алтайцы».

В 1891 г. государство предприняло попытку разрешить земельные споры. В Томском губернском совете рассматривался план причисления кумандинских управ к Сростинской волости. Однако чиновники натолкнулись на сопротивление местного населения, интересы которого были защищены «Уставом об управлении инородцев». Власти не получили согласия местного населения, как того требовало законодательство [Славнин, Шерстова, 2008, с. 24]. В 1894 г. спорная ситуация возникла между жителями с. Карасук и Никольским женским монастырем. Попытки разрешить проблему натолкнулись на спорность межевания 1863 г. (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 917).

Не прекращавшиеся земельные споры, связанные с открытием в 1865 г. для переселенцев кабинетских земель, обусловили принятие в 1898 г. «Временного положения о крестьянских начальниках», вводившего институт крестьянских и инородческих начальников. Новые чиновники должны были обеспечить полицейскую опеку над коренным населением, способствуя их русификации [Дамешек, 1986, с. 76].

В конечном счете в 1899 г. был принят закон о «землеустройстве» алтайцев, основанный на результатах экспедиции 1897 г. под руководством С.П. Швецова. Это исследование было инициировано «Особым Совещанием, образованным 26 февраля 1897 г. из чинов Министерства Императорского Двора и Внутренних Дел, по вопросу об упорядочении землепользования инородческого района Алтайского округа» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 82. Л. 4). Протесты алтайцев, поддержанные

областнической печатью, способствовали временной приостановке действия закона в 1904 г. [Потапов, 1953, с. 237–238].

Однако отсрочка реализации планов правительства оказалась недолгой. События революции 1905 г. вновь обратили взгляд чиновников на Алтай как регион, пригодный для расселения малоземельных и безземельных крестьян из европейской части страны.

В 1909 г. представители Алтайской духовной миссии высказались за укрупнение волостей. Характер их предложений был практически идентичен проекту 1886 г., с той только разницей, что Кондомо-Шелкальскую волость предлагалось объединить с другими кондомскими волостями. В рамках выдвигаемого проекта отмечалась необходимость выборности глав волостей «по преимуществу... из крещеных», а также то, что центрами вновь образованных административных единиц должны были стать «христианские селения» (ТЕВ, 1909, № 9, с. 378–379; № 11, с. 470).

В 1910 г. начальник Алтайского округа В.П. Михайлов совершил обследование Горного Алтая, результаты которого позволили уже в 1911 г. приступить к землеустройству [Потапов, 1953, с. 362, 364]. Исследование В.П. Михайлова показало запутанность административного устройства и поземельных отношений в регионе, что способствовало, по мнению чиновника, обезземеливанию самого коренного населения. В результате среди автохтонного населения «начинает развиваться идея обособления по землепользованию», что подкрепляло выводы В.П. Михайлова о необходимости проведения землеустройства (Отчет..., 1910, с. 199, 220–221).

В ходе земельной реформы чиновники руководствовались несколькими правилами: переводить в оседлый разряд следовало тех «кочевых инородцев», которые занимаются земледелием и ведут оседлый образ жизни; смешанные в этносоловном плане населенные пункты или одиночные инородческие поселения должны передавать в крестьянские волости; группа близкорасположенных инородческих населенных пунктов должна образовывать инородческую волость. Однако эти правила не всегда соблюдались [Шерстова, 2005, с. 231].

По мнению Л.М. Дамешека [1986, с. 102], землеустроительная кампания была направлена на то, чтобы, «не теряя экономической выгоды от их эксплуатации, усилить систему правительственного надзора за коренными жителями и, по возможности, скорее русифицировать их». Сотрудники Алтайской миссии надеялись также, что землеустройство ослабит влияние инородческой администрации, способствуя успеху христианских проповедей (ТЕВ, 1910, № 5, с. 221).

В то же время существовала практическая необходимость земельной реформы, обусловленная общими изменениями в рассматриваемом регионе: переход аборигенного населения к оседлому образу жизни, миграции автохтонного населения в пределах региона и, как следствие, проживание не по месту приписки, земельные споры и т. д. Раньше всего землеустройство началось в кумандинских волостях, коренное население которых в силу длительных этнокультурных контактов с пришлым населением в меньшей степени сопротивлялось нововведениям. Уже в 1907 г. инородческие управы стали волостями, в них постепенно вводились идентичные крестьянским структуры власти [Славнин, Шерстова, 2008, с. 26].

Землеустройство черневых волостей началось только в 1911 г. (Отчет..., с. 87–88). Тем не менее уже в 1909 г. в бассейне Лебеди и в 1910 г. на территории черневых волостей начался отвод участков для переселенцев, сопровождавшийся выделением земли для коренного населения (см. Прил. I, карты 2–5).

Сложности проведения земельной реформы были связаны с пассивным сопротивлением «кочевых инородцев». Они писали обращения в государственные органы, в том числе центральные, скрывали печати своих родовых старшин, отказывались от приобретения необходимой волостной документации и оплаты организации волостных органов самоуправления, мигрировали и т. д. Так, аборигенное население Тостоковского, Курлуганского и Кичековского улусов Кондомо-Итиберской управы «выселилось с традиционных мест обитания в неизвестном направлении» [Шерстова, 2005, с. 241–242].

В документах Алтайской духовной миссии также отражено недовольство автохтонного населения в отношении землеустройства. Псаломщик Созопского отделения в 1906 г. отмечал, что местные «инородцы не берут землю (нарезанную землемером. – *Н. В.*) и собираются уехать в Кузнецкий уезд» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 108. Л. 1). В 1907 г. фиксировались случаи недовольства коренного населения, проживавшего по берегам Телецкого озера, тем, что русские заселяются в их айлы без согласия (Там же. Д. 130. Л. 5 об.). По документам начала XX в. прослеживается бойкотирование аборигенами мероприятий власти. Так, в 1910 г. семья «кочевых инородцев» Кайгородовых Комляжской волости, проживавшая в Мыютинской волости, отказалась сообщить сведения о составе семьи и количестве скота (Там же. Ф. 185. Оп. 1. Д. 28. Л. 107 об. – 108).

После выделения в 1915 г. общего надела для 28 кумандинских айлов началось поайльное межевание, а в некоторых населенных пунктах и подворный душевой раздел, завершившийся в 1916 г. [Назаров, 2001б, с. 225–226]. По итогам межевания эти айлы располагались на территории трех волостей: Нижне-Кумандинской, Сузопской и Тайнинской. Айлы Тостаков и Кичеков оказались зафиксированы в списках двух волостей: Сузопской и Урунской (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3454. Л. 124, 139).

В описанном выше сюжете стоит обратить внимание на то, что местная администрация рассматривала коренное население 28 айлов, в недавнем прошлом причисленных к Кондомо-Итиберской, Кондомо-Елейской, Нижне- и Верхне-Кумандинским волостям, как единую общность. Собственно, и согласие самих аборигенов на образование общего надела указывает на их этническую близость, устойчивость этнокультурных, брачных и иных коммуникативных связей, необходимых для стабильного существования этнического образования.

Земельная реформа сопровождалась административно-территориальными изменениями 1912–1914 гг., а также унификацией налогообложения и судопроизводства на административно-территориальных, а не родовых принципах. Вместо названий-этнонимов в наименование волостей вводилось обозначение территории. Если черновые волости упразднялись одновременно с 1 января 1913 г., то кумандинские волости частично сохранились. Были упразднены инородческие управы и образованы волости с сельскими обществами общекрестьянского типа: Быстрянская, Верхне-Бийская, Карабинская, Лебедская, Макарьевская, Нижне-Кумандинская (упразднена не позднее сентября 1922 г.), Озеро-Куреевская, Паспаульская, Солтонская, Сузопская, Тайнинская, Успенская волости Бийского уезда и Пильневская, Урунская волость Кузнецкого уезда. Часть населенных пунктов была передана в ведение существовавших крестьянских волостей (Покровской, Троицкой и др.). Автохтонное население фактически оказалось на одном правовом и экономическом уровне с крестьянским сословием [Сатлаев, 1974, с. 29; Славнин, Шерстова, 2008, с. 90–91; Шерстова, 2005, с. 230–231, 239–243].

В это же время состоялось перераспределение территорий между Бийским и Кузнецким уездами. В 1912 г. Кондомо-Шелкальская (с 1913 г. Лебедская) волость была упразднена, а ее территория вошла в Бийский уезд [Славнин, Шерстова, 2008, с. 122; Екеев, 1998, с. 49]. В Лебедскую волость вошли в основном населенные пункты с русским населением (ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 869. Л. 267 об. – 268). Аилы бывшей Кондомо-Шелкальской волости, вероятно, были организованы в Байгольскую волость, которая фигурирует в некоторых документах 1913–1916 гг. (От уезда..., 2001, с. 23). В материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. ее название уже отсутствует, как и сведения по челканским аилам.

Часть территории современного Солтонского района Алтайского края по-прежнему входила в Кузнецкий уезд и была включена в Урунскую волость. В данную волость вошли территории бывших Кондомо-Елейской, Кондомо-Итиберской, Кондомо-Карачерской, Тагабской 2-й половины, Тогульской 1-й половины волостей и управ.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., аборигенное население рассматриваемого региона проживало в Верхне-Бийской, Карабинской, Лебедской, Макарьевской, Нижне-Кумандинской, Озеро-Куреевской, Паспаульской, Покровской, Сузопской, Тайнинской, Троицкой и Успенской волостях Бийского уезда и в Урунской волости Кузнецкого уезда. Незначительным оно было в Карабинской, Макарьевской, Покровской и Успенской волостях. При этом часть населения Макарьевской волости, ранее причисленного к Быстрянской управе, практически полностью растворилась среди русских (ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б).

Таким образом, этнические процессы, протекавшие в Центральной Азии и Южной Сибири в средние века и в новое время, обусловили субстратность локальных этнических образований, наличие множества этнокультурных параллелей между удаленными друг от друга общностями. Сюзеренно-даннические отношения определяли сложную систему межэтнических взаимодействий в макрорегионе.

Присоединение Сибири к России на первом этапе не отразилось на положении автохтонного населения рассматриваемого региона. Новый сюзерен первоначально не стремился менять веками устоявшуюся систему владения-подчинения. Изменение этнополитической обстановки в Сибирском регионе на протяжении XVII–XVIII вв. позволило российским властям приступить к нововведениям в администрировании, выражением чего стал «Устав об управлении инородцев» 1822 г.

Новый этап в этнической истории коренного населения предгорий Северного Алтая во многом был обусловлен имперской политикой, в которой можно выделить несколько направлений: администрирование, обусловившее границы будущих этносов; этносоциальное конструирование, выразившееся в создании нового инородческого сословия; крестьянская колонизация и миссионерские практики, в совокупности определившие трансформацию материальной и духовной сфер этнических общностей региона.

Активная межэтническая коммуникация коренного и пришлого населения, разрыв традиционных культурно-хозяйственных и брачных связей, локализация отдельных этнических групп по линии волость – отделение Алтайской духовной миссии – округ (уезд) интенсифицировало консолидацию этнических сообществ в этносы с одновременно происходящими ассимиляционными и аккультурационными процессами. Земельные и административно-территориальные преобразования начала XX в. лишь закрепили произошедшие изменения на этнической карте предгорий Северного Алтая.

1.2. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Анализ социальной структуры коренного населения предгорий Северного Алтая связан с такими понятиями, как патронимия, род, вторичный род. Под патронимией один из теоретиков российской этнологии М.О. Косвен [1963, с. 4] понимал родственную группу, состоящую из больших и малых семей, сохраняющую в некоторых отношениях и формах хозяйственное, общественное и идеологическое единство и ведущую свое происхождение от одного общего реального предка. Образование патронимии происходило в результате разрастания и сегментации патриархальной семейной общины. Исследователем отмечалось, что патронимия и род являются разными стадиями развития общества. В противоположность патронимии, по мнению М.О. Косвена, для рода характерно общественно-экономическое единство, коллективизм, тотемическое происхождение названия рода [Там же, с. 119–120].

В академической традиции род – «коллектив, принадлежность к которому определяется унилинейно... по отцовской линии и внутри которого нормами экзогамии запрещены брачные связи» (Свод этнографических понятий..., 1986, с. 122). Л.П. Потапов [1937, с. 5] рассматривал род как «экзогамную группу родственников, объединенных общностью происхождения и счетом родства по отцовской линии». Большинство современных исследователей приходит к выводу о сложности или невозможности определения сущности алтайского *сеока* и в целом социальной структуры коренного населения Алтая [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 9; Шерстова, 2005, с. 67–68].

По отношению к коренному населению Алтая авторы используют понятие «вторичный род». Формализованного определения вторичного рода в отечественной этнографии до настоящего времени не предложено. Но, исходя из исследований Л.И. Шерстовой, можно сформулировать определение вторичного рода как искусственного конструкта, основу которого составляли остатки средневековых этносов-*сеоков* в рамках одной административно-территориальной единицы, что способствовало формированию общего экзоэтнонима и единой общности, на которую переносилась часть признаков *сеока* (экзогамия, единые религиозные представления, мифический предок и божество-покровитель и т. д.).

В ходе освоения Сибири в связи с усилением миграционных процессов в макро-регионе в целом и на Алтае в частности автохтонное население предгорий Северного Алтая переживало процесс трансформации: хозяйственные связи между сородичами разрушались, аккумулируясь на уровне семейных или территориальных общин. Мы попытаемся реконструировать социальную структуру этнических групп предгорий Северного Алтая на основе материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. и посемейных списков начала XX в.

В основе социальной структуры коренного населения находилась большая патриархальная семья, организованная в айльную общину. Название айла соответствовало имени родоначальника семьи и основателя поселения. Это подтверждается материалами переписи 1917 г. Например, в айле Пилат Озеро-Куреевской волости проживало три семьи Акпыжаевых (20 чел.). Главой одной из них являлся 65-летний Филат. Два его сына в переписи фигурируют как самостоятельные домохозяева, а третий вместе с супругой проживал с отцом (ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а. Д. 389).

Аналогичная ситуация прослеживается в соседних айлах – Сузапове Верхне-Бийской волости и Санькином Лебедской волости. Их патриархи – Сузап Улаков

(три семьи, 22 чел., а с возможными родственниками Чираковыми – пять семей, 31 чел.) и 100-летний Александр Акпыжаев (восемь семей, 45 чел.) (Там же. Д. 148 а; 254). Население айлов образовывало территориальные общины, т. к. в населенных пунктах присутствовали семьи (в основном простые) переселенцев из числа автохтонного населения исследуемого региона.

Значимость большой семьи среди аборигенного населения Южной Сибири можно проследить на примере «кузнецких татар». В Горной Шории на протяжении XVII – начала XX в. сохранялись патронимические названия волостей: Бежбоякова, Едеева, Казанов улус и т. д. [Шерстова, 2005, с. 105].

Активизация процесса формирования территориальных общин была напрямую связана с крестьянской колонизацией и созданием сети миссионерских поселений Алтайской духовной миссии. Одновременно шел процесс распада больших патриархальных семей, выделявшиеся из них простые семьи составляли основу территориальных общин. К 1917 г. подавляющее большинство населенных пунктов с автохтонным населением было полиэтничным, айльные общины сохранялись, как реликты, только в зоне черневой тайги. В данной ситуации обозначились процессы локальной консолидации – стал возможным поиск брачного партнера внутри населенного пункта. Удельный вес внутриселенческих браков, по данным метрических книг конца XIX – начала XX в., достигал 52 % (или 262 брака), а разнопоселенческих браков – 48 % (или 240 брачных союзов).

О динамичности происходивших трансформаций можно судить на примере улуса Шатобал Кондомо-Елейской волости. В посемейных списках улуса в начале XX в. фигурировало восемь фамилий: Шитобаловы (11 семей), Чуудиновы (2), Тотушевы (1), Сурубашевы (1), Солтыгашевы (1), Камзараковы (1), Акбашевы (1) и Васильевы (1) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2637. Л. 2–3). В переписи 1917 г. часть из них отсутствует, но общее количество фамилий достигло 10: Шатобаловы (17 семей), Чудековы (6) (видимо, соответствуют Чуудиновым), Татушевы (1), Салтыгашевы (1), Алековы (1), Куегашевы (1), Манаховы (1), Саргашевы (1), Тукмашевы (1), Тукпаевы (1) (ГААК. Ф. 233. Оп. 1 б. Д. 778). Улус по-прежнему оставался моноэтничным, в нем преобладала одна фамилия, с которой была связана история появления поселения.

В наименьшей степени этот процесс затронул коренное население Кондомо-Шелкальской волости. Из 24 айлов десять представляли собой айльные общины, или большие патриархальные семьи. При этом однофамильцы зачастую проживали в разных населенных пунктах (см. Прил. V, табл. 1–2). Однофамильцы, видимо, дальние родственники, могли относиться к разным *кезекам* (подразделение *сеока*; досл.: часть, кусок), например, Пустогачевы – к *алыйан*, *бардыяк*, *кара-дувен*, *кызыл кос* и т. д. Подобное не было характерно для остальных тюркоязычных групп предгорий Северного Алтая.

На рубеже XIX–XX вв. усиливается движение населения в пределах региона, что привело к распространению одинаковых фамилий на территории разных волостей. По мнению В.Д. Славнина и Л.И. Шерстовой [2005, с. 85], подобная ситуация «отражает процесс “распыления” прежних этнонимических волостей, массовое включение их компонентов (родов, семей-толь) в состав формирующихся новых этносов Северного Алтая и сопредельных территорий».

Ф.А. Сатлаев [1974, с. 98] приводит легенду об образовании нескольких кумандинских фамилий. Когда членам семьи Сатлаевых (аил Егона) стало не хватать мяса одной лошади на празднике *тайылга*, глава семьи указал места поселений двум своим сыновьям (родоначальники Чартычаковых и Пастаевых)

и их близким. В аиле Егона осталось три основателя ук (большие семьи) – Сатлаевы, Арбагозовы и Казагачевы, объединенные общим названием *чагын-туган* (близкие родственники. – Н. В.), члены которых принадлежали к *алтына-куманды*. Данная легенда подтверждается переписью 1917 г. В аиле Егона проживали представители 15 фамилий, из которых к Сатлаевым относилось девять семей, к Арбагозовым и Казагачевым – по четыре семьи. Остальные фамилии менее распространены: одна фамилия соответствует одной семье (ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а. Д. 306).

Динамика социальной структуры у «лебединских татар» до XX в. подтверждается фактом выделения дочерней фамилии Бачетковых из Санжанакowych при сохранении общего *кезека*. Исследователями данное событие относится к 1930-м гг. [Бельгибаев, 2004а, с. 32].

Интересно, что глубина генеалогической памяти некоторых *кезек*ов восходит к XVII в. [Тюркские народы..., 2006, с. 470], в то время как происхождение фамилий связано с административно-фискальными потребностями государства и относится, по всей видимости, к XVIII–XIX вв. Следовательно, деление фамилий на несколько *кезек*ов происходило в более позднее время и является результатом естественного прироста населения при минимальном внешнем влиянии.

Более вариативны процессы образования подразделений *сеока* в остальных этнических группах предгорий Северного Алтая. На это указывает этимология их названий. Выделяются наименования-прозвища и этнонимы, отражающие расселение или хозяйственную специализацию членов подрода. Так, кумандинский *сеок шабат* делился на *верхних* («киргизский род») и *нижних* – *тайман сеок* (т. е. найман), *тастар* – на *суз тастар* («водные тастары») и *таг тастар* («горные тастары») и т. д. [Сатлаев, 1974, с. 25, 28]. Аналогична ситуация по тубаларам. Например, *сеок юс* состоял из *тау-юстар* («горные юзы»), *сары юс* («желтые юзы»), *шанмай-юз* или *санмай-юз*, *саргайчи-юз* («собиратели сараны») [Потапов, 1969, с. 49]. *Чагат* включал *кара чагат* («черный чагат»), *сары чагат* («желтый чагат») и *кол чагат* («озерный чагат») [Сарбашева, 2000, с. 169]. Интересно, что этнонимы-прозвища (*тонжарак*, *педеш*) встречаются среди подразделений *сеока* кузен, а также у *комношей* и *тиверов*: *катагус-конгдош* («молчаливые»), *тастар-конгдош* («плешистые»), *кёгус-конгдош* («горластые») и *калча тивер* («буйные») [Бельгибаев, 2003, с. 200; Сарбашева, 2000, с. 169; Славнин, Шерстова, 2008, с. 76].

Именно к прозвищам относятся названия большинства челканских *кезек*ов. Видимо, в прошлом прозвища (у челканцев – *чола*) трансформировались в имена людей, ставших родоначальниками подразделений рода и затем были перенесены на всех членов семьи. Так, Кандараковы имели прозвища *ак паш* («белая голова»), *колчач* (кол – «руки», чач – «драка»), *кожо* («песенники»), Санжанакowych – *тельвеш* («молчуны»), Сумачаковы – *нён-докой* («кривой заяц»), Пустогачевы – *кызыл кос* («красные глаза») [Бельгибаев, 2004а, с. 31]; (Полевые материалы автора (ПМА). Южносибирский отряд ИАЭТ СО РАН. 2008 г. Республика Алтай, Турачакский р-н, с. Турачак).

Заметим, что этнонимы-прозвища в основном локализируются в бассейне р. Лебедь и на сопредельных территориях. Значительно шире распространены территориальные этнонимы, формирование которых, скорее всего, происходило в течение XVII–XIX вв. Появление некоторых из них связывается исследователями с инкорпорацией пришлых этнических групп в структуру коренного населения предгорий Северного Алтая. В частности, *сеок шабат* состоял из подразделений, восходящих

к «киргизскому роду» и «найманам» [Сатлаев, 1974, с. 25]. У *комношей* выделялись подразделения *палан-конгдош* и *тастар-конгдош*, имеющие иноэтническое происхождение [Славнин, Шерстова, 2008, с. 77].

Таким образом, природа происхождения подразделений *сеоков* «лебединских татар», части «черневых татар», «кумандинских и черневых татар» была различной. Видимо, это было связано с их изоляционным положением, обусловленным географическими условиями и постоянным притоком в регион их проживания новых групп. Экзогамность частей *сеока* позволяет предположить сознательное дробление этого социального института в брачных целях.

Возникновение новых подразделений в большинстве случаев было сопряжено с выделением из материнской общности дочерних образований, встраиваемых в сложившуюся социальную структуру аборигенного населения предгорий Северного Алтая. В то же время существовал и иной путь ее формирования. Часть пришлых (немногочисленных) *сеоков*, появление которых в рассматриваемом регионе, вероятно, относится к XVII–XVIII вв., включалась в местные этнические общности на правах подразделений *сеока*.

Структура *сеоков* аборигенного населения предгорий Северного Алтая подробно представлена в работах В.В. Радлова [1989, с. 93], Л.П. Потапова [1969, с. 24, 49; 1972, с. 53] и Ф.А. Сатлаева. *Чалканыг* и *шакшалыг* относились к челканцам, *сеоки*: *кондош*, *кузен*, *тиргеш*, *тогус*, *тибер*, *чагат*, *юс*, *ялан*, *ярык* – к тубаларам, а *со*, *кубан*, *тастар*, *чооты*, *чабат* и *тон* – к кумандинцам.

В течение XVIII–XX вв. сеоковая структура этнических групп Алтая трансформировалась. В состав кумандинцев интегрировались *сеоки*: *челей*, *калар*, *чедибер*, *шабат*, *табыска* и др. Большинство из них по названию были аналогичны южно-алтайским и кондомским и локализовались в основном на территории современного Солтонского района Алтайского края [Сатлаев, 1974, с. 25–28]. В ходе переселений групп коренного населения из Горной Шории и Тувы в состав тубаларов были включены *сеоки шор* и *сойон* [Бельгибаев, 2003, с. 198].

Более поздняя инкорпорация данных групп, их монолитность, большая численность и иная административная привязка (г. Кузнецк) позволила большинству из них сохранить статус *сеоков* в структуре коренного населения предгорий Северного Алтая. В течение нескольких столетий миграционные потоки вкупе с административной и фискальной политикой государства способствовали превращению *сеоков* в *сеоки-волости*.

У «кумандинских татар» сложилось два подобных института на основе Нижне- и Верхне-Кумандинской волости – *орё*- и *алтына-куманды*, практически полностью заменивших структуру *сеоков*. Появление данных экзоэтнонимов Л.П. Потапов [1969, с. 108] относил не ранее чем к 1640-м гг.; а после 1715 г. произошло их закрепление. В.Д. Славнин и Л.И. Шерстова [2008, с. 13] также связывают происхождение данных терминов с джунгарской эпохой.

Несколько сложнее происходили аналогичные процессы в среде «черневых и лебединских татар». Так, Н.В. Екеев [2002, с. 123] отмечает, что на отношения *сеоков-карындаш* (*сеоков-побратимов*) большое влияние оказала административная система управления джунгарского и последующего российского периодов. В результате образовалось четыре родственных сообщества: *тиргеш* (*чагат*, *тогус* и *тибер*), *комдош* (*комдош*, *ярык*, *ялан*), *кузен* (*кузен*, *часть шалканду*), *юс* (*юс*, *шор*). Административные преобразования 1912–1915 гг. затормозили данный процесс [Славнин, Шерстова, 2008, с. 87, 114].

Складывание вторичных общностей в XIX – начале XX в. происходило на основе существовавших административно-территориальных единиц и являлось частью процесса консолидации, сопровождавшегося, с учетом деятельности Алтайской духовной миссии и крестьянской колонизации региона, ассимиляцией и аккультурацией.

Для понимания сущности социальных структур коренного населения предгорий Северного Алтая необходимо рассмотреть их функции. Ведение комплексного хозяйства в специфических условиях региона было возможно только силами крупного коллектива, которым и являлась большая патриархальная семья. Именно фамилия или большая патриархальная семья, зачастую совпадавшая с *кезеком* или подразделением *сеока*, была фундаментом социальной организации. Проживание в одном населенном пункте (аиле) обуславливало единство хозяйства и сакральных практик (обряд *тайылга* и т. д.). Естественный прирост населения способствовал выделению новой фамилии, а в отдельных случаях и подразделения *сеока*. В условиях сохранения родственных связей и отношений *карындаш* в брачной сфере дочерняя общность вела самостоятельное хозяйство, проводила культовые мероприятия, в рамках которых со временем могли оформиться некие локальные отличия. Так, в аиле Егона три фамилии (*ук*), имевшие общего родоначальника, были объединены в *чагын-туган* (близкие родственники. – Н. В.) [Сатлаев, 1974, с. 98].

Известны и исключения из данного правила. Фамилия Сумачаковых представлена в структуре взаимобрачных *сеоков шакшалу* и *шолгану*, образуя два разных *кезека*: *нондакой* и *кертен*.

На примере «лебединских татар», у которых нередко отмечается тождество фамилии с *кезеком*, можно говорить об аналогичном наборе функций у подразделений *сеока*. В результате численного роста *кезеков* утрачивалась общность их расселения, что, несомненно, отражалось на снижении интенсивности связей на всех уровнях. Данное положение можно распространить и на территориальные подразделения, и на этнические группы, интегрированные в состав *сеоков* в качестве подразделения этнические группы.

Таким образом, можно заключить, что североалтайский *сеок* XIX в. выполнял преимущественно брачную функцию. Говорить о каком-либо хозяйственном единстве, за исключением наличия охотничьих угодий, возрожденных под давлением фискальной политики государства, не приходится. На смену традиционным формам внутриэтнической организации пришли новые. Так, во время сенокоса и уборки урожая 3–4 кумандинские семьи объединялись – *өдүштеш* – для организации взаимопомощи. С появлением огнестрельного оружия началось развитие индивидуального охотничьего промысла [Там же, с. 42, 61]. Коренное население предпринимало попытку структурировать развивающиеся социальные отношения, используя известные формы социальной организации.

Со временем административные названия стали отодвигать на второй план самоназвания *сеоков*. В большей степени это было характерно для «кумандинских татар». Одновременно *сеоки* утрачивали и функцию экзогамии.

Экзогамность *орё*- и *алтына-куманды* можно проверить на материалах метрических книг о венчании. Количество браков с 1880-х по 1910-е гг. между коренным населением Верхне- и Нижне-Кумандинской волостей было незначительным. Отмечаются устойчивые брачные связи с населением Кондомо-Елейской и Кондомо-Итиберской волостей, а для Верхне-Кумандинской характерны браки с населением черневых волостей. Представляет интерес распространенность браков

внутри волостей, особенно в Кергежской, Комляжской и Нижне-Кумандинской волостях, что указывает на сохранение функции экзогамии в начале XX в. за *сеоками*. Что касается Кондомо-Шелкальской волости, то здесь *сеоки шолгану* и *шакшылу* имели устойчивые брачные связи с *сеоком кузен* и в меньшей степени с северными соседями («кумандинские татары» и шорцы). Таким образом, брачные круги охватывали соседние этнические группы, расширяясь в ходе миграционных процессов в рассматриваемом регионе.

Сеок представлял собой сложную социальную структуру. Подразделения *сеока*, или *кезеки* имели вторичный характер, до начала XX в. они поддерживались фискальной и административной политикой государства. Внешние факторы (крестьянская колонизация, деятельность Алтайской духовной миссии и т. д.), провоцируя миграции коренного населения, придавали динамичность социальным структурам: патронимии разрастались в подразделения *сеока*, а пришлые *сеоки* включались на правах подразделений и т. д.

Сложная социальная структура тюркских этносов предгорий Северного Алтая и в целом таежного мира, по-видимому, объясняется их существованием на стыке границ центрально-азиатского и угро-самодийского миров. Этим, возможно, объясняется сосуществование разных форм самоорганизации со схожим содержанием и функциями.

1.3. СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Этническая идентичность автохтонного населения предгорий Северного Алтая была во многом сопряжена с социальной структурой, которая динамично развивалась в течение XVII–XX вв. До включения региона в состав России его коренное население являлось частью полиэтничной общности, выступавшей на исторической арене в качестве кыштымов различных этнополитических образований Сибири и, шире, Центральной Азии, сферы влияний которых распространялись на горно-таежную область. Эта общность сформировалась в результате смешения различных тюркских и угро-самодийских этносов.

Низовым уровнем самоидентификации аборигенного населения являлась большая патриархальная семья (патронимия), что было связано с мобильностью небольших групп населения в рамках Алтае-Саянского региона. Неудивительно, что в XVII в. на административной карте Южной Сибири присутствовали патронимические названия волостей.

Вторым таксономическим уровнем самоидентификации автохтонного населения предгорий Северного Алтая являлся *сеок*. Сохранение разнообразных древних этнонимов в качестве наименований *сеоков* отражало сложный процесс формирования отдельных общностей. Уже к XVII в. многие этнонимы не соответствовали происхождению своих носителей [Шерстова, 2005, с. 32].

Консолидационные процессы в среде коренного населения на уровне региона долгое время имели слабовыраженный характер. Консолидации препятствовала природно-географическая среда, характеризующаяся сложным рельефом и труднодоступностью региона в целом. Не последнюю роль играла низкая плотность населения, обусловленная спецификой освоения природной среды. Процесс осознания аборигенами самих себя через противопоставление «мы – они» был затруднен в силу субстратности этнических групп и схожести их культурного облика.

Определенное влияние на характер самосознания кыштымов оказывали сменявшие друг друга сюзерены. Складывание крупной и относительно монолитной общности в южно-сибирском регионе рассматривалось кыргызами, джунгарами и проч. как потенциальная угроза сложившейся системе владения-подчинения. Появление русских в Сибири первоначально не предвещало серьезных изменений в положении коренного населения региона. Сменился сюзерен, но во многом сохранились сложившиеся к XVII в. формы отношений. Изменение этнополитической обстановки в Сибирском регионе в течение XVIII в. позволило российским властям приступить к реорганизации отношений между государством и подданными в регионе. Новые административные практики получили свое выражение в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г.

Коренное население Южной Сибири было разделено на волости (часто по родовому признаку) и включено на правах «инородцев», или «оседлых инородцев» в социальную стратификацию России. Часть аборигенного населения вошла в состав крестьянских (русских) волостей. Административно-территориальная политика России, направленная на выделение отдельных (этнических) общностей в рамках определенных территорий, активизировала консолидационные процессы. Их усиление было вызвано уплотнением автохтонного населения в процессе крестьянской колонизации Южной Сибири. В ходе расширяющихся межэтнических контактов разворачивались ассимиляционно-аккультурационные процессы, способствовавшие формированию дихотомии «мы – они» в религиозном, культурном и иных планах.

В течение XVIII–XIX вв. трансформировались существующие идентичности у аборигенного населения предгорий Северного Алтая. Самый низкий таксономический уровень самоидентификации – патронимический – постепенно нивелировался. Аилы пополнялись пришлым населением и превращались в улусы; аильная община преобразовывалась в территориальную. Одновременно в результате механического прироста населения *кровнородственный сеок* преобразовывался в *сеок-волость*, или административный род.

Одновременно в XIX в. происходило закрепление самоназваний: *тадар-кижи*, *тадарлар* (кумандинцы); *йыш-кижи* (тубалары); *куу-кижи* (челканцы). Во второй половине XIX в. исследователи обратились к дифференцированным описаниям коренного населения предгорий Северного Алтая. Так, В.И. Вербицкий [1993, с. 23–28] разделил алтайцев на северных и южных, ссылаясь на различия в хозяйственных занятиях, культуре и языках и т. п. В.В. Радлов [1989, с. 92–93] писал уже о конкретных этносах: кумандинцах, черневых и лебединских татарах.

Аналогичные этнонимы можно встретить в документах Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, датированных началом XX в. По данным неизвестного исследователя, коренное население Верхне- и Нижне-Кумандинской волостей именует себя «татарами и кумандинцами», отделяясь от черневых татар и алтайцев по языку (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 10 об.).

Изначально данные этнонимы восходят к обобщенному названию тюркоязычных народов Российской империи – татары. Широта данного термина обусловила появление словосочетаний в виде географического или административного уточнения: «бийские татары», «черневые татары» и т. д. Официальная легитимность этнонима «татары» в государственных документах и на бытовом уровне обусло-

вила его распространение среди автохтонного населения предгорий Северного Алтая.

Другим квазиэтнонимом стал социальный таксон «инородцы». Его официальное утверждение, связанное с принятием «Устава об управлении инородцев», обусловило формирование сословного («инородческого») самосознания. Его актуализация наравне с этническим самосознанием сказалась на характере этносоциальных процессов в предгорьях Северного Алтая и в целом в Сибири. Кодификации этого квазиэтнонима способствовали практики христианизации региона, особенно активно развернувшиеся во второй половине XIX в.

В начале XX в. государство активизировало свои действия в отношении уравнивания сословных прав «инородцев» и «крестьян». Государство ориентировалось на создание единого податного сословия. Хотя «Устав...» не был отменен, он фактически игнорировался при проведении земельной реформы 1912–1914 гг. В 1916 г. было аннулировано последнее право на освобождение от воинской повинности и аборигенное население было мобилизовано на тыловые работы. Политические события февраля 1917 г. окончательно стерли сословные границы. Но к этому времени особый социальный статус стал частью менталитета аборигенов. Уравнивание в правах с крестьянами расценивалось ими как утрата прежних, гарантированных государством прав [Славнин, Шерстова, 2008, с. 120].

Несмотря на социально-политические изменения первой половины XX в., память коренного населения предгорий Северного Алтая сохраняла данный квазиэтноним, в том числе и как свидетельство былых преференций. В похозяйственных книгах некоторых сельских советов в границах предгорий Северного Алтая (например, Сузопского) вплоть до 1940-х гг. в графе национальность часто указывалось – «инородец».

Многоуровневый характер этнического самосознания коренного населения региона отразился в материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. Переписчики регистрировали сословную и национальную принадлежность главы семьи со слов респондента. Если с сословной идентичностью аборигены определялись четко: «инородец» или «крестьянин» (иногда в графе «сословие» фиксировалась национальность, что можно связать с невнимательностью корреспондента), то графа «национальность» предлагает весь спектр этнонимов Алтая: «алтаец», «кумандинец», «инородец», «татарин», «верхний или нижний кумандинец», «кузен» и т. д. Как видно, приведенные наименования относятся к разным таксономическим уровням идентичности этнических групп предгорий Северного Алтая.

На основе имеющихся сведений можно реконструировать ареалы распространения тех или иных этнонимов. Так, в Тайнинской и Троицкой волостях все автохтонное население назвалось «татарами», как и в соседней Нижне-Кумандинской волости, где проживали «кумандинцы» (только в аиле и селе Пильно), реже «теленгиты» и «алтайцы». В Урунской волости распространены были этнонимы «алтайцы», «инородцы» и «татары»; количество последних преобладало. В Сузопской, Озеро-Куреевской и Паспаульской волостях превалировали «алтайцы», а также «кумандинцы» (в Озеро-Куреевской также «верхне- и нижне-кумандинский»), «татары» (только аил Тебенда Сузопской волости), «инородцы» (Паспаульская волость). В Верхне-Бийской волости помимо «алтайцев» фигурировали «калмыки», «теленгиты», «кумандинцы». Наиболее «полиэтничной» была Лебедская волость: здесь проживали «алтайцы», «верхне-кумандинские инородцы», «комляш», «ку-

зены», «кузнецкие татары», «кумандинцы», «теленгиты», «тиргеш», «чалганы», «чалканцы», «шелканские инородцы».

Отмеченный плюрализм идентичностей напрямую зависел от интенсивности этнокультурных контактов коренного и пришлого населения. Использование наименований *сеоков* было актуально для населения небольших моноэтнических айлов, а для жителей крупных населенных пунктов было характерно употребление этнонимов более высокого таксономического уровня (например, «алтайцы», «татары», «инородцы» и т. д.). Важным моментом является также то, что в большинстве населенных пунктов предгорий Северного Алтая наблюдается применение одного конкретного этнонима всем автохтонным населением.

Таким образом, для разных групп аборигенного населения был актуален тот или иной уровень идентичности. В аборигенных поселениях Северного Алтая сохраняло устойчивость родовое и этническое самосознание, а в поселениях с этнически смешанным населением на первый план выходили квазиэтнонимы: «инородец», «татарин».

Усложнение самосознания происходило в условиях активизации этносоциальных, в том числе миграционных процессов в регионе. Основными факторами, обуславливавшими формирование новых идентичностей, являлись административно-территориальная и фискальная политика государства в Сибири, сопряженная с актуализацией противопоставления «мы – они» крестьянской колонизацией и миссионерскими практиками в регионе. Многоуровневый характер идентичности коренного населения указывает на сложность и незавершенность процесса консолидации к началу XX в.

Глава 2

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

2.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Общая численность. Оценка численности коренного населения Сибири стала актуальной к концу XIX в. с началом активного освоения ресурсов Сибирского региона. Качественная и количественная ограниченность статистических материалов в этот период привела к формированию в рамках общественно-политического дискурса тезиса о вымирании «инородцев». Основоположниками такого дискурса стали выдающиеся исследователи Сибири и видные общественные деятели (областники) Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Они акцентировали внимание на негативных сторонах присоединения Сибири.

Следует отметить, что Г.Н. Потанин, в отличие от Н.М. Ядринцева, принимал тезис о вымирании инородческого населения с оговорками. Исследователь не считал положение аборигенов критичным [Сагалаев, Крюков, 1991, с. 231]. В создании демографических моделей Н.М. Ядринцев опирался на разнообразные свидетельства современников (врачей, этнографов и др.), которые имели во многом фрагментарный характер; материалы административно-полицейского и церковного учета населения им не использовались. Работы областников появились в период, когда длительное время не проводился массовый учет населения. Последней была ревизия 1858 г.

Конкретных сведений по коренному населению предгорий Северного Алтая Н.М. Ядринцев не имел и ограничивался общими выкладками по Бийскому округу, согласно которым численность населения здесь увеличилась «с 25 502 д. в 1868 г. до 27 475 д. в 1881 г.» [Ядринцев, 1883, с. 127]. Незначительный естественный прирост аборигенного населения Алтая исследователь связывал с практиками колонизации, правительственной политикой и другими внешними факторами. Решение данной проблемы Н.М. Ядринцев видел в культурном влиянии русских и просвещении, улучшении социально-экономических условий, в защите гражданских прав аборигенов и законодательной защите их от насилия [Там же; 2003, с. 161–162]. Примеры тому – «оседлые инородцы» Кумышской волости и Быстрянской управы, численность которых быстро увеличивалась. При этом Н.М. Ядринцев не рассматривал роль ассимиляционных процессов в «исчезновении» отдельных групп коренного населения.

Интересно, что тезис «о вымирании инородцев» получил отражение и в одном из отчетов Алтайской духовной миссии. Миссионеры прямо указывали на то, что их деятельность спасает коренное население Алтая от вымирания: «Предоставленный самому себе языческий калмыцкий народ неизбежно осужден на вымирание.

Крестившиеся множатся, улучшается материальное их состояние, а язычники вымирают и беднеют» (ТЕВ, 1898, № 15, с. 16).

При всей неоднозначности концепции областников, имевшей политическую подоплеку и ориентированной на привлечение внимания общественности к нуждам коренных жителей Сибири, несомненной их заслугой стало введение в общественно-политический дискурс инородческого вопроса. В советское время тезис о «вымирании» был взят на вооружение в качестве одного из аргументов разоблачения антинародной политики царизма (напр.: АОАКР. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 77). В 1990-е гг., когда историческая наука «освободилась» от политической детерминированности, появились работы, направленные на объективное изучение динамики численности аборигенов Сибири [Москаленко, 2004; Скобелев, 1999; 2002; Скобелев, Выборнов, 2009, с. 495–498]. Несмотря на это, тезис о «вымирании» коренного населения продолжает использоваться отдельными исследователями как доказанный факт [Гончарова, 2002; Пономарева, 2004].

Однако в течение XIX – первых десятилетий XX в. численность автохтонного населения предгорий Северного Алтая постоянно возрастала (см. Прил. III, табл. 1–8, 11–15, 18–19; Прил. IV, табл. 4). Так, численность автохтонного населения кумандинских волостей и четырех черневых волостей увеличилась в течение XIX в. в 3 раза, а Кондомо-Шелкальской волости – в 4 раза. К 1897 г. численность «кумандинских татар» достигла 4 092 чел. (с учетом «быстрянцев» – 7 613 чел.), «лебединских татар» – 866, «черневых татар» – 4 553 чел. (см. Прил. III, табл. 9).

Авторы справочника «Красная книга языков народов России» [1994, с. 34] определили численность кумандинцев на 1897 г. в 4 092 чел., что соответствует численности населения Верхне- и Нижне-Кумандинской волостей. В этнографической литературе сложилось ошибочное представление о том, что только Быстрянская, Верхне- и Нижне-Кумандинская волости являлись кумандинскими в этническом плане [Сатлаев, 1974, с. 117 и др.]. В реальности территория расселения этих этносов была значительно шире.

К приведенной численности можно прибавить часть населения Кондомо-Итиберской (920 чел.), Кондомо-Елейской (321 чел.), Тогульской 2-й половины (170 чел.) и Тагапской 2-й половины (538 чел.) волостей. Во многих документах коренные жители этих административных структур фигурировали как «татары-кумандинцы» (ТЕВ, 1900, № 8, с. 7 и др.). Из этих групп коренного населения позднее сформировались кумандинцы современного Солтонского района Алтайского края (роды челей, чедыбер, тонгул).

Кроме того, часть автохтонного населения была причислена к крестьянским волостям: Сростинской (47 чел.), Яминской (267 чел.) и, возможно, другим. Значительная группа «кумандинских татар» проживала на левом берегу Катуни. В июле 1887 г. здесь были зафиксированы 144 кумандинские фамилии (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 687. Л. 222–223 об.). Общая численность, скорее всего, составляла около 800–1 000 чел.

Исходя из вышесказанного, численность «кумандинских татар» можно оценить примерно в 10–11 тыс. чел.; общее количество аборигенного населения предгорий Северного Алтая в конце XIX в., как нам представляется, превышало 15–16 тыс. чел.

Наши вычисления во многом подкрепляются материалами Алтайской духовной миссии, согласно которым численность коренного населения Кебезенского, Созопского и Паспаульского отделений в 1899 г. составляла 7 724 чел., а с учетом

Макарьевского отделения – более 9 тыс. чел. К этому количеству необходимо добавить автохтонное население Быстринской управы и Солтонского прихода Томской епархии. Таким образом, численность инородческой паствы миссионеров Алтайской духовной миссии и священников Томской епархии в рассматриваемом регионе составляла около 14 тыс. чел.

Рождаемость, смертность, естественный прирост и миграции. Для коренного населения предгорий Северного Алтая в XIX – начале XX в. был характерен традиционный тип воспроизводства населения, сопряженный с высокими уровнями смертности и рождаемости, всеобщей брачностью. Уровень рождаемости на рубеже веков колебался в пределах 20–70 ‰ (см. Прил. II, табл. 6–11). Наиболее высоким данный показатель был в Тайнинском приходе – 90,2 ‰ в 1905 г.

Уровень смертности в 1880–1910-е гг. варьировался в пределах 5–60 ‰. Наиболее низкий показатель смертности, как и рождаемости, фиксировался в пределах Сузопского отделения Алтайской духовной миссии. Это, возможно, было обусловлено этническими особенностями демографического поведения местного населения или недоучетом демографических событий. Материалы Алтайского Горного правления по трем черновым волостям за 1906 г. иллюстрируют в целом схожие темпы естественного движения населения (см. Прил. VII, табл. 1).

Смертность коренного населения предгорий Северного Алтая носила циклический характер: достигая «высшей точки» (в период эпидемий), она снижалась в последующие годы. Соответственно, естественный прирост населения в отдельные годы сменялся регрессом, хотя в целом имел незначительную положительную динамику. Максимальные показатели смертности взрослого населения приходились на зимне-весенний период, что было связано с суровыми климатическими условиями, голодом, плохим питанием в весенние месяцы и т. п. Не меньшее влияние на уровень смертности оказывал и низкий уровень санитарно-гигиенических знаний аборигенов.

Что касается естественных летальных исходов, то в этой группе отмечаются существенные различия между причинами смерти. Так, «от старости» умирали преимущественно в зимне-весенние месяцы из-за тяжелых климатических условий.

Значительную группу умерших (до 30 ‰) составляли младенцы до года; до 5-летнего возраста доживало только 4 ребенка из 10 родившихся (см. Прил. II, табл. 12–17). Специфическими заболеваниями для данного возраста являлись: «младенческая», «родимец»* и скарлатина.

В рамках возрастных групп 5–10 и 10–15 лет численность умерших не превышала 2–4 чел. в год по отделениям Алтайской миссии. Дети до 15 лет болели преимущественно золотухой, «кашлем», «коликами», корью, оспой. Помимо этих заболеваний были распространены порок сердца, сифилис, чахотка и др.

Поскольку среди крещеных большинство умерших составляли дети до пяти лет, можно говорить о том, что именно они формировали закономерности смертности всего коренного населения предгорий Северного Алтая при традиционном типе воспроизводства населения.

* «Родимец, родимчик – падучая младенца, или, вернее, воспаление мозга с корчами, пострел, паралич» (Даль, 1994, т. IV, с. 11). Схожий смысл имел и термин «от младенческой»: «...родимец, родимчик, род судорог или падучей младенцев» (Там же, т. II, с. 332). По мнению С. Смирновой [2006, с. 75], в слово «родимец» вкладывались различные значения: поражение центральной нервной системы, эпилепсия, тяжелая форма рахита, невыясненная причина смерти слабых детей и др.

Структуру смертности на рубеже XIX–XX вв. можно реконструировать по материалам метрических книг. Их анализ позволяет выделить основные группы заболеваний, приводивших к летальному исходу: инфекционно-вирусные (обычно детские), простудно-легочные и «натурально-естественные». Первая группа заболеваний включала коклюш, корь, оспу, скарлатину, тиф или брюшной тиф. Ко второй группе заболеваний – простудно-легочным, отмеченным в метриках, можно отнести горячку, простуду, чахотку и др. При этом часто в метрических книгах вместо названий болезней указывались их признаки: головная боль, кашель, «колотье», лихорадка и т. п. Третью группу составляют следующие причины смерти: «слабое здоровье», несчастный случай, «младенческая», «родимец» и старость, которые в реальности могли относиться к другим группам заболеваний.

Причиной смерти в одной трети случаев являлся понос, под которым могли подразумеваться дизентерия или холера (см. Прил. II, табл. 18). Пик данного заболевания приходился на июнь–сентябрь. Инфекционно-вирусные заболевания в основном преобладали в зимние, весенние и осенние месяцы, чему благоприятствовало скученное проживание в тесных жилищах, перепады температуры и проч. Летом был высок процент заболеваемости населения коклюшем, корью и скарлатиной. Распространенность простудно-легочных заболеваний с ноября по апрель была обусловлена долгой и суровой зимой, а также снижением иммунитета организма из-за частых голодовок.

В отчетах миссионеров Алтайской духовной миссии иногда фиксировались эпидемии. В частности, миссионер Тайнинского отделения отмечал эпидемию оспы в 1904 г. (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.). Кебезенский миссионер описывал причину эпидемий на территории своего отделения следующим образом: «Туман, постоянная сырость, дожди представляют в этой местности, покрытой безчисленными реками, топами и сплошь, почти непроходимыми, хвойными лесами, такие неблагоприятные условия для здоровья, против которых оказываются все средства бессильными» (ТЕВ, 1890, № 11, с. 28).

Основными причинами смерти аборигенов становились (в порядке уменьшения количества смертей) понос, оспа, чахотка, старость, корь, горячка, слабость. В документах Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО за второе десятилетие XX в. в качестве основных причин летальных исходов указывались горячка, оспа и тиф (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 52. Л. 9). Действительно, при сопоставлении архивных данных с данными метрических книг выявляется значительное увеличение количества смертельных случаев вследствие инфекционных заболеваний в начале XX в., в том числе от оспы – в 3 раза и от тифа – в 4 раза. Это могло быть связано с увеличением численности переселенцев и, как следствие, расширением контактов коренного населения. Возможно, определенную роль сыграло повышение грамотности экспертов, перешедших от описательных характеристик (боль в груди, кашель, понос, рвота и т. д.) к соответствующим медицинским терминам.

Таким образом, в структуре смертности коренного населения предгорий Северного Алтая преобладали экзогенные факторы, что было характерно для традиционного типа воспроизводства населения. Высокий (точнее, катастрофический) уровень смертности был детерминирован комплексом природных, биологических, санитарно-гигиенических, экономических и других факторов.

Динамика демографических процессов на рубеже XIX–XX вв. у новокрещенов и шаманистов существенно не отличалась. В первую очередь на это указывает практически полное отсутствие как для тех, так и для других медицинской

помощи. Кроме того, принятие православия представителями коренного населения кардинально не меняло их образа жизни, а значит, и характера демографических процессов.

Со временем у православной части автохтонного населения предгорий Северного Алтая происходило изменение демографического поведения, вслед за этим менялся и характер демографических процессов. Несомненно, этому благоприятствовал оседлый образ жизни, развитие земледелия и, как следствие, устойчивое экономическое положение, способствовавшее некоторому снижению уровня смертности и росту многодетности. Примером демографического благополучия являлась группа «быстрянцев».

В материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. были зафиксированы различия в детности семей различных групп автохтонного населения. Более высокой была детность семей в Озеро-Куреевской, Паспаульской (2,5) и Троицкой (2,7) волостях (см. Прил. XIII, табл. 1). Население указанных административно-территориальных единиц, испытывавшее значительное влияние пришлых групп, в подавляющем большинстве было христианизировано. В результате аккультурационно-ассимиляционных процессов часть коренного населения вступила в первый этап демографического перехода. Рост уровня детности был обусловлен снижением уровня смертности. В этой связи важным для нас является замечание В.А. Исупова [2006, с. 46] о том, что начало демографического перехода было связано с русским населением и изменением его демографического поведения.

В целом воспроизводство этнических групп предгорий Северного Алтая в XIX – начале XX в. характеризовалось положительной динамикой. В годы Первой мировой войны, несмотря на освобождение от воинской повинности, коренное население с середины 1916 г. стали призывать на тыловые работы. Это негативно отразилось на демографических процессах.

По материалам метрических книг прослеживается отрицательный прирост населения в 1916 г. в Макарьевском и в 1915 г. в Таштинском отделениях. В целом по всем приходам Томской епархии и отделениям Алтайской духовной миссии в предгорьях Северного Алтая в эти годы отмечается снижение количества рождений, а затем (в меньшей степени) и смертей. Во многом схожую картину иллюстрируют данные переписи 1917 г., в ходе которой со слов населения фиксировались демографические события за последний год. Несмотря на неполноту данных переписи, относительные показатели смертности, рождаемости и естественного прироста сопоставимы с материалами метрических книг (см. Прил. VII, табл. 2).

Прямых демографических потерь в годы Первой мировой войны у аборигенного населения предгорий Северного Алтая не было. На состоянии аборигенного сообщества сказались временная утрата семьями кормильцев и последовавшие за этим экономические трудности. Следует отметить также, что некоторые из призванных на тыловые работы не вернулись в родные места. Один из информаторов вспоминал, что его дед участвовал в революционных событиях в Москве (ПМА, 2008, Алтайский край, Красногорский р-н, с. Красногорское).

Определенное влияние на естественный прирост автохтонного населения оказывало его механическое движение. В XIX – первой половине XX в. автохтонное население перемещалось в основном в пределах региона исконного проживания. На рубеже XIX–XX вв. из-за увеличения притока переселенцев граница расселения коренного населения продолжала сужаться. Переселение за пределы этнической территории было исключительным явлением.

Механическое движение населения практически не учитывалось ни одним видом статистического учета в рассматриваемый период. Метрические книги фиксируют лишь принадлежность крещеных к различным волостям. Так, уже в 1889 г. в миссионерском селении Макарьевское проживало коренное население из девяти волостей (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 739. Л. 6). К началу XX в. в Верхне-Кумандинской волости числилось 319 душ приписанного к ней автохтонного населения, 226 аборигенов и 102 русских непричисленных, в Нижне-Кумандинской волости из 2 212 душ причислено было 1 373 души [Шерстова, 2005, с. 197].

Перепись 1897 г. зафиксировала существенные изменения в расселении коренного населения, произошедшие в течение XIX в. Они имели место в черневых волостях (за исключением Кергежской волости) и прилегающей Верхне-Кумандинской волости, более половины населения которых сменило место проживания. Население Кергежской и Кондомо-Шелкальской волостей осталось не вовлеченным в миграционные потоки (см. Прил. III, табл. 9). По спискам населенных мест можно выявить исчезновение одних и появление других айлов в Кондомо-Шелкальской волости, что указывает на перемещение лебединских татар в пределах бассейна р. Лебедь (см. Прил. IV, табл. 1–3).

Среди причин миграций в XIX в. могло выступать бегство населения от эпидемий. Так, «тергешцы», жившие в Яйлю-ашу, из-за распространения горячки переехали ниже по Телецкому озеру (ТЕВ, 1895, № 16, с. 14). Голод также провоцировал движение населения. Примером этого являются «тогульцы», пришедшие в чернь и давшие начало новому *сеоку ялан* [Потапов, 1935, с. 11].

Развитие сети церковных учреждений и распространение христианства приводило к переселению в тайгу противников православия. Так, строительство церкви в с. Сузоп вынудило семью некоего Анания уйти в отдаленную часть Кондомского отделения (ТЕВ, 1900, № 9, с. 23).

Факторами, детерминировавшими смену места жительства коренным населением, выступали также торговые интересы и родственные связи. В течение XIX – начала XX в. центрами притяжения крещеного населения являлись крупные торговые, часто миссионерские поселения (см. Прил. IV, табл. 1–3).

Механическое движение населения в этот период, нараставшее со временем, оказывало влияние на характер демографических процессов. Внешние факторы во многом определяли масштабы и направления миграций коренного населения предгорий Северного Алтая.

В целом представленный статистический материал доказывает стабильность демографических процессов на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Положительный естественный прирост населения, в течение всего рассматриваемого периода перекрывавший демографические потери в ходе ассимиляционных процессов, обусловил увеличение в несколько раз численности этнических групп предгорий Северного Алтая.

Брачность. С рождаемостью и смертностью, в совокупности определяющими половозрастную структуру населения, напрямую была связана брачность населения. Уровень ее был высоким на рубеже XIX–XX вв. Рассчитанные на основе метрических книг показатели (от 0,4 до 21,3 %) не в полной степени отражают брачное поведение аборигенного населения предгорий Северного Алтая. Следует учитывать, что обряд венчания не являлся у аборигенов обязательным элементом брака.

Более достоверные данные основаны на обработке материалов Алтайского Горного правления за 1906 г. Общий коэффициент брачности в моноэтнических

населенных пунктах Кузенской волости достигал 15,2 %. В Комляжской и Южской волостях он был очень низким, колеблясь в пределах 7–8 % (см. Прил. VII, табл. 1). В браки вступало практически все дееспособное и здоровое население. Для коренного населения были характерны ранние браки. Следует отметить распространенность повторных браков, освященных традицией левирата (см. Прил. II, табл. 24, 26, 29).

Факты ранних браков зарегистрированы в ходе проведения сельскохозяйственной переписи 1917 г. Ранние браки отмечены в Верхне-Бийской, Нижне-Кумандинской, Сузопской и Урунской волостях. В некоторых случаях они носят спорный характер. Возраст супругов коррелировался в пределах 12–15 лет, в Паспаульской волости фиксируются даже 8-летние супруги. Количество подобных браков было незначительным, и они были неравными (мужья – несовершеннолетние мальчики). Анализ половозрастного состава данных семей указывает на то, что их причинами становилось отсутствие взрослой женщины в доме из-за смерти матери, или смерть брата влекла за собой левиратный брак. Зачастую браки были неравным и в экономическом плане (ПМА, 2008, с. Турачак).

Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. позволяют проследить динамику браков автохтонного населения предгорий Северного Алтая: на момент проведения переписи большинство мужчин и женщин состояло в браке; корреляция по волостям была существенной – 70–51 % у мужчин и 73–60 % у женщин; более половины людей в возрасте от 16 до 24 лет не вступали в брак. Группы не состоящих в браке формировались за счет вдовых и людей, имевших физические недостатки (см. Прил. XI, табл. 2–14).

В сравнении с ситуацией в Кондомо-Итиберской волости в 1888 г. каких-либо существенных отличий не фиксируется (см. Прил. XI, табл. 1). Некоторым исключением является относительно более значительная доля состоящих в браке мужчин и женщин: 76,8 и 73,3 %.

Таким образом, основными характеристиками брачности коренного населения предгорий Северного Алтая является всеобщность, а также распространенность ранних и повторных (часто в форме левирата) браков, что проверяется на уровне различных источников.

Половозрастная структура. Соотношение мужчин и женщин в условиях функционирования традиционного типа воспроизводства среди коренного населения предгорий Северного Алтая было уравновешено. Материалы различных статистических видов учета населения отражают незначительное преобладание мужчин в разные годы второй половины XIX в. В 1869 г. только в Кережской волости доля женщин составляла 50,3 %. В остальных волостях преобладала доля мужчин: в Верхне- и Нижне-Кумандинской волостях – по 53 %, в Комляжской и Южской – по 52, в Кузенской – 54, в Кондомо-Шелкальской волости – 58 % (см. Прил. III, табл. 4). В 1888 г. в Кондомо-Итиберской волости также наблюдалось превосходство в численности мужчин (54 %) над женщинами (46 %). Преобладание мужчин было характерно для всех возрастных групп, за исключением старших возрастов (см. Прил. XVI, рис. 1).

По материалам проведенного С.П. Швецовым статистического обследования и обработанных им данных переписи 1897 г. у «кочевых инородцев» также зафиксировано преобладание мужчин над женщинами. Выделенные С.П. Швецовым пять возрастных групп, частично несовпадающие у мужчин и женщин, позволяют проследить соотношение полов по возрастам. Доля мужчин в общей численности

населения составляла 51–54 %. Превалирование мужчин (по всем возрастным группам) отмечено в Кондомо-Шелкальской волости. В то же время в составе населения, приписанного к Тагапской 2-й половины и Тогульской волостям, а также у «оседлых инородцев» кумандинских и черневых волостей численно преобладали женщины (см. Прил. VI, табл. 1–2). Отмеченная тенденция в целом характерна для групп аборигенного населения, испытавших значительное влияние пришлого населения. Большинство населения Тагапской 2-й половины и Тогульской волостей было христианизировано к рубежу XIX–XX вв. Значительно преобладание женщин у «оседлых инородцев» черневых волостей во всех возрастных группах и по отдельным возрастным группам у «оседлых инородцев» кумандинских волостей, Тагапской 2 половины и Тогульской волостей.

По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. прослеживается незначительное превосходство мужчин (51–52 %) и отсутствие существенных изменений в половой структуре коренного населения предгорий Северного Алтая. Наибольшее преобладание мужчин зафиксировано в Озеро-Куреевской волости (54 %). Только в Тайнинской волости переписчиками было зарегистрировано превалирование женщин (50,6 %).

Преобладание мужчин в младших, средних и старших возрастных группах было характерно, в первую очередь, для населения Нижне-Кумандинской и Озеро-Куреевской волостей, где численное превосходство женщин отмечалось для возрастов 15–24 и 50–54 года соответственно. При этом половозрастная структура населения Нижне-Кумандинской волости была максимально уравновешена. По остальным волостям региона зафиксировано некоторое превалирование женщин над мужчинами на 2–4 % в младшей (Лебедская и Троицкая волости) или средней (Сузопская и Троицкая волости) возрастных группах (см. Прил. XVI, рис. 2–10).

Здесь следует отметить, что перепись 1917 г. зафиксировала смену этнословной принадлежности у части аборигенного населения рассматриваемого региона. В первую очередь данный процесс коснулся «оседлых инородцев», у которых и наблюдалось преобладание женщин над мужчинами на рубеже XIX–XX вв. Это в определенной степени способствовало выравниванию половой структуры населения.

В целом же половозрастная структура коренного населения иллюстрирует стабильность демографического развития коренного населения предгорий Северного Алтая в течение XIX – начала XX в. В начале XX в. здесь фиксируются различия в половой структуре у разных групп автохтонного населения. Преобладание мужчин или сохранение равновесия в половой структуре было характерно для коренного населения современных Турачакского и Чойского районов Республики Алтай. Превалирование женщин при большей миграционной активности мужчин фиксируется у аборигенного населения современных Красногорского и Солтонского районов Алтайского края.

Возрастная структура жителей Кондомо-Итиберской волости, по материалам 1888 г., свидетельствует о значительном преобладании группы трудоспособного возраста (55,6 %), относительной немногочисленности младшей (38,6 %) и старшей (5,8 %) возрастных групп (см. Прил. XVI, рис. 1).

По материалам С.П. Швецова можно реконструировать возрастную структуру автохтонного населения на рубеже XIX–XX вв. Соотношение детей (мальчики до 17 лет, девочки до 15 лет), взрослых трудоспособного возраста (мужчины 18–59 лет, женщины 16–54 лет) и пожилых соответствует прогрессивному типу возрастной структуры (см. Прил. VI, табл. 1–2). В целом для коренного населения

предгорий Северного Алтая доля детей в общей численности населения составляла 45–50 %. Наиболее высокой она была у «оседлых инородцев» Верхне- и Нижне-Кумандинской волостей (53 и 50 %), а наименьшей – в Кондомо-Елейской и Тагапской 2-й половины волостях (31 и 41 %).

Различия в возрастной структуре «оседлых инородцев» кумандинских волостей, скорее всего, были обусловлены улучшением социально-экономических условий жизни. Это могло способствовать началу демографического перехода: снижению уровня младенческой смертности.

Доля лиц трудоспособного возраста по волостям изменялась незначительно – в пределах 44–50 %. Пропорциональное снижение доли взрослых было характерно для «оседлых инородцев» Верхне- и Нижне-Кумандинской волостей, повышение – для Кондомо-Елейской и Тагапской 2-й половины волостей (39, 43, 51 и 51 % соответственно).

Высокий уровень смертности среди коренного населения предгорий Северного Алтая детерминировала низкий процент (от 6 до 10) старшей возрастной группы. Только в Кондомо-Елейской волости доля пожилых достигала 18 %, что было сопряжено с низким удельным весом детей в общей численности населения. В соответствии со шкалой демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Рос-сета коренное население находилось на уровне «демографической молодости» и отчасти «первого преддверия старости», кроме коренного населения Кондомо-Елейской волости, переступившего порог демографической старости [Медков, 2003, с. 130].

К 1917 г. существенных изменений в возрастной структуре не произошло, она оставалась прогрессивной. В целом удельный вес детей составлял 35–42 %. Наиболее высоким он был у коренного населения Паспаульской, Троицкой и Урун-ской волостей – 42, 40 и 41 % соответственно, а наименьшим – в Верхне-Бийской, Озеро-Куреевской и Тайнинской волостях (по 35 %).

Доля лиц трудоспособного возраста по волостям незначительно различалась – от 51 до 56 %, а в старшей возрастной группе – от 7 до 10 %, что соответствовало уровню «демографической молодости» и отчасти «первого преддверия старости». В трех соседних волостях – Верхне-Бийской, Лебедской и Озеро-Куреевской – возрастные группы 10–14, 30–34 и 50–54 лет были немногочисленными, что можно объяснить кризисными явлениями в воспроизводстве населения в XVIII – первой половине XIX в. (периодическими эпидемиями). Влияние внешних факторов на возрастную структуру населения можно проследить и по другим волостям.

Данные о половозрастной структуре населения, обработанные с использованием метода ретроспекции, в целом позволяют утверждать, что демографическое развитие автохтонного населения предгорий Северного Алтая было стабильным на протяжении второй половины XIX в. Имеющийся материал позволяет выделить некоторые локальные особенности структуры аборигенного населения, проявившиеся уже на рубеже XIX–XX вв. и вызванные интенсивными межэтническими контактами и ассимиляционно-аккультурационными процессами.

Межэтнические браки. Значительное влияние на демографические процессы последних десятилетий XIX–XX вв. оказали межэтнические браки. Их распространение было сопряжено с интенсивностью аккультурационно-ассимиляционных процессов в рассматриваемом регионе. Начальный этап контактов автохтонного и пришлого населения относится к XVIII в. В этот период из-за ограничений на

расселение крестьян в пределах Бийской военной линии брачные связи имели фрагментарный характер и охватывали только северную часть региона.

Распространение межсословных браков по инородческим управам нами прослежено по материалам метрических книг. Значительное количество таких союзов заключалось в Быстрянском, Солтонском и Старобардинском приходах, а также в Макарьевском отделении после выделения из его состава Сузопского стана (см. Прил. II, табл. 19–23). Около половины всех межсословных браков в предгорьях Северного Алтая в последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX в. заключило аборигенное население Быстрянской инородной управы, Тагапской 2-й половины волости и иных волостей Кузнецкого уезда (Солтонский приход).

«Быстрянцы», «тагапцы», «тогульцы», «кокшинцы» и некоторые другие группы автохтонного населения были раньше остальных вовлечены в брачные и этнокультурные контакты с пришлым населением. Уже в середине XIX в. «быстрянцы» отличались от переселенцев только антропологически; их культура и хозяйство существенно трансформировались [Шерстова, 2005, с. 143]. Сохранение инородческого сословного статуса при этом обуславливалось заинтересованностью в налоговых льготах. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., коренное население сел Быстрянское, Березовка и др., сохранив прежний сословный статус, записалось русскими в графе «национальность».

В соответствии с записями в метрических книгах, в последних десятилетиях XIX – первых десятилетиях XX в. крещеное коренное население большинства отделений Алтайской духовной миссии активно вступало в браки с представителями других сословий. Отмеченная тенденция была связана с ростом численности пришлового населения. Ориентация коренного населения на переселенческое окружение и переход в православие приводили к прекращению традиционных практик предбрачных знакомств, способствуя поиску брачного партнера вне инородческого сословия.

Семейно-брачные союзы между русскими и автохтонным населением имели престижный характер [Там же, с. 170]. Так, глава семьи с р. Байгол надеялся женить крещеного сына на русской девушке, а затем перейти в христианство всей семьей, так как «жить “по-татарски” стало неловко» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 103. Л. 8 об.). Возможно, определенную роль играл экономический фактор. Например, в работе С.Л. Чудновского [2007, с. 277] приводится дело Сростинского волостного суда за 1875 г. о возвращении через суд «вспомоществования», выданного невесте коренным жителем Быстрянской инородной управы. Один из информаторов также указывал, что причиной интереса переселенцев к межэтническому браку было желание получить от родственников-«инородцев» помощь при сельскохозяйственных работах в случае призыва на воинскую службу члена семьи (ПМА, 2008, Республика Алтай, Турачакский район, с. Тондошка).

Среди представителей коренного населения, вступавших в межсословные браки, преобладали мужчины (более 60 %) (см. Прил. II, табл. 28). В этой связи интересны сведения, приводимые Л.И. Шерстовой [2005, с. 140] по Кузнецкому уезду за середину XIX в. Для аборигенов уезда был характерен половой дисбаланс в пользу мужчин, что было связано с оттоком женщин через браки в русскую среду. В целом для региона в рассматриваемый период характерна иная картина. Изменение соотношения мужчин и женщин у аборигенов в пользу первых было обусловлено, на наш взгляд, притоком семейных переселенцев. Недостаток русских женщин брачного возраста в Бийском и Кузнецком уездах сменился их небольшим преобладанием в последнее десятилетие XIX в. [Россия, 1907, с. 220].

Характер взаимоотношений аборигенов с переселенцами имел определенные различия. Со старожилами (прожившими в Сибири более 20 лет) складывались устойчивые связи, в том числе и брачные. По метрикам прослеживается брачный круг аборигенного населения из числа соседей других сословий. В то же время браки с новоселами (не приписанными) были единичными даже в годы наибольшего подъема переселенческого движения [Там же, с. 239].

Но при всех изменениях в структуре брачных связей большая часть коренного населения предгорий Северного Алтая придерживалась традиционных связей, регулируемых обычаями экзогамии. К этой группе можно отнести практически все некрещеное коренное население. К тому же брак православного с представителем традиционных религиозных верований не мог быть освящен церковью.

Распространению межэтнических браков могли препятствовать несколько факторов: конфессиональный и языковой барьеры, более изолированное проживание шаманистов (особенно в Кондомо-Шелкальской волости) в сравнении с новокрещеными. В то же время для принявших православие аборигенов многие препятствия в развитии межэтнических браков были аннулированы.

Можно говорить о том, что именно в последнее десятилетие XIX в. начались активные межэтнические контакты, в первую очередь между крещеными аборигенами и русскими. Интересно, что многие «русские», под которыми понималось все пришлое население, владели «черневым» (татарским) языком (ПИМА, 2007, Алтайский край, Солтонский район, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Однако сужение территории коренного населения под натиском переселенческих волн и причисление большей его части к «кочевым инородцам» сдерживало воздействие внешних сил и способствовало сохранению традиций.

2.2. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Демографическое поведение по поводу рождаемости определяется взаимосвязанными матримониальным, половым и репродуктивным поведением. Изменение модели демографического поведения определяет содержание переворота в рождаемости в ходе демографической революции: переход к автономному (как друг от друга, так и от социального контроля), матримониальному, половому и репродуктивному поведением [Вишневский, 2005, с. 99].

Демографическое поведение и его этнические особенности обуславливают своеобразие воспроизводства населения. Традиционно для автохтонного населения предгорий Северного Алтая были характерны ранние браки. Брачный возраст девушки и молодого человека в прошлом составлял соответственно 13–15 и 14–16 лет (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 3. К. 25. Л. 1); [Сатлаев, 1974, с. 109; Шерп, 1903, с. 106]. В брак дети вступали по старшинству (ПИМА, 2008, села Красногорское, Турачак). По данным метрических книг, самый ранний возраст при вступлении в первый брак составлял: 15 лет и 11 мес. у женщин, 17 лет и 6 мес. у мужчин; наиболее поздний – 65 лет у мужчин. Анализ данных метрических книг за 1880–1910-е гг. показал, что в первый брак до 20 лет вступали 60 % мужчин и 75 % женщин, до 25 лет – около 90 % молодых людей. Соотношение возраста партнеров было различным и сильно варьировалось (см. Прил. II, табл. 29).

Имели место и поздние браки, после 26 лет: 11 % у мужчин и 6 % у женщин, причиной чего, скорее всего, были трудности с выплатой калыма, обусловленные

бедностью или сиротством. С трудностями выплаты калыма был связан обычай левирата (брак вдовы старшего брата с его младшим братом), соблюдавшийся и в первые десятилетия XX в. Некоторые информаторы указывали на обязательность проведения свадебного обряда при повторном, в том числе и левиратном, браке (ПМА, 2008, с. Турачак). Вероятно, это – более позднее явление, практиковавшееся только в первой половине XX в.

Левиратный брак позволял избежать новых затрат на «покупку» невесты. Схожей причиной было обусловлено бытование обычая сорората (брак с сестрой умершей жены) [Кандаракова, 2007, с. 41]. В материалах переписи 1917 г. зафиксировано совместное проживание с хозяином вдовы умершего брата и племянников, в другом случае – 8-летнего мужа с 30-летней женой при наличии «общих» детей 14, 10, 8 и 2 лет (ГAAK. Ф. 233. Оп. 1 а. Д. 399. Л. 38; Д. 596. Л. 14, 16). К сожалению, характер переписи не позволяет однозначно судить о форме данных браков.

О вариативности традиционных брачных норм свидетельствуют следующие примеры: миссионер Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии в 1906 г. встречал супружескую пару, в которой возраст мужа составлял 14 лет, а жены – 26 лет; в другой семье мужу было 16, а жене – 13 лет. При этом обе пары жили вместе не первый год, и подобное было обычным явлением. Вне брака оставались только люди с ограниченными физическими возможностями, что прослеживается по анкетам сельскохозяйственной переписи 1917 г. Характерной чертой традиционного матримониального поведения коренного населения предгорий Северного Алтая была всеобщая брачность, сопряженная с существованием больших семейных коллективов.

Принятие православия существенно не изменило матримониального поведения коренного населения. Среди крещеных было широко распространено сожителство с язычниками (ГAAK. Ф. 164. Оп. 1. Д. 103. Л. 3; Д. 124. Л. 14; Д. 153. Л. 165). Автохтонным населением новая религия была воспринята лишь частично. Церковные нормы (например, вступление в брак девушек в 16 лет и юношей в 18 лет) и обрядность не могли за короткий срок стать частью повседневной культуры.

По материалам переписи 1917 г., у автохтонного населения домохозяйства, состоящие из одного человека, были явлением исключительным; их доля не превышала 3 % и среди таких домохозяев значительно преобладали мужчины (см. Прил. X, табл. 2–8). Большинство мужчин и женщин состояли в браке или проживали со своими родственниками в семье. Значительная доля вдовых среднего возраста, являвшихся главами семей, отмечается только в Сузопской волости.

Обычное право коренного населения не исключало разводов. В прошлом причиной развода могло стать нарушение супружеской верности, избиеение жены и т. д. В таких случаях женщина имела право обратиться в суд демичи или зайсана. С основанием в регионе Алтайской духовной миссии у крещеных появилась возможность уже при содействии миссионера добиваться развода с супругом, придерживавшимся традиционных верований [Радлов, 1989, с. 53; Сатлаев, 1974, с. 114]. Но все же разводы оставались редким явлением по причине социального контроля. В материалах миссии зафиксирован только один подобный случай: «инородец Кергешской волости Иван Казаков, 50 лет, бросил жену и живет с наложницей» (ТЕВ, 1910, № 9, с. 380).

Высокий уровень смертности в рамках традиционного типа воспроизводства населения обуславливала распространенность повторных браков. При этом мужчины чаще вступали в брак во второй и в третий раз. Интересно, что удельный

вес мужчин, вступающих в повторный брак, был больше, чем женщин: 17 против 11 % (см. Прил. II, табл. 25–26).

Традиционным правом коренного населения предгорий Северного Алтая заключение нового союза (*икинчи катап кижжи алган* ‘второй раз женился’) не запрещалось. Судьба вдов и вдовцов решалась во время «свиданий» с духами предков, «рекомендовавших» живым брачного партнера. Если муж (*иже*) или жена (*абахай*) умирали в течение первого года сожителства, и у них не было детей, то вдовец (*абахай унхан*) или вдова (*иже чок*) не считались состоявшими в браке (МАЗ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2; ПМА, 2008, с. Турачак); [Потапов, 1953, с. 259; Сатлаев, 1974, с. 105; Славнин, 1990, с. 141; 2005, с. 90].

Традицией предписывалось соблюдение годового траура. Возможно, под влиянием русских, которым церковь разрешала вступать в повторный брак после сороковин, у автохтонного населения со временем заключение брачного союза становится возможным спустя более короткий период после похорон. Об этом свидетельствуют данные метрических книг. Так, 26 января 1892 г. «инородец» Феодор (Денис) Сергеев Ачураков, 49 лет, сочетался третьим браком с «инородческой» девицей Параскевой Николаевой Шагашевой, 18 лет. При этом вторая жена Ачуракова Анисия (Караашь) Иванова умерла 1 марта 1891 г. (ГААК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 423. Л. 46, 85). В целом более 80 % мужчин вступали в следующий брак в течение полугода в отличие от женщин, для которых поиск нового брачного партнера занимал более года (см. Прил. II, табл. 27).

Большинство мужчин и женщин «инородческого» сословия вступали во второй брак обычно в возрасте соответственно 26–30, 36–40 и 19–30 лет. Несколько иначе выглядело брачное поведение аборигенов, вступавших во второй брак с представителями других сословий: в 26–30 лет чаще вступали в брак мужчины, в 19–25 и 41–45 лет – женщины. В целом почти треть мужчин и женщин венчалась во второй раз в возрасте соответственно 26–30 и 19–25 лет (см. Прил. II, табл. 25).

Фактически в каждой четвертой паре (как из инородческого сословия, так и в смешанной по составу) отмечаются возрастные различия между молодоженами. По данным из метрических книг разных отделений Алтайской духовной миссии за 1880–1910-е гг., невеста лишь в 16–18 % случаев была старше жениха, в то время как возраст последнего был большим в 72–74 % случаев (см. Прил. II, табл. 29; Прил. XII, табл. 1). Разница в возрасте в основном объясняется трудностями с выплатой калыма.

Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. отражают во многом аналогичную картину. Жена старше мужа в 10–20 % супружеских пар. Но в Троицкой, Нижне-Кумандинской, Озеро-Куреевской, Сузопской и Тайнинской волостях, где ассимиляционно-аккультурационные процессы были наиболее интенсивными, доля жен возрастом старше мужа несколько ниже: 8, 11, 11, 12 и 11 % соответственно. В то же время в черневых волостях данная доля повышается, достигая, в частности, в Лебедской волости 23 %. В названных выше волостях была зафиксирована наибольшая разница в возрасте мужа и жены. Например, в Верхне-Бийской волости в одной из семей жена была старше мужа на 59 лет, в Лебедской – на 28, в Паспаульской – на 46 лет; в Сузопской волости муж был старше жены на 75 лет, в Верхне-Бийской – на 53 года, в Паспаульской и Нижне-Кумандинской – на 45 лет (см. Прил. XII, табл. 1).

И ранние, и повторные браки были во многом обусловлены экономическими и социальными факторами. Переход коренного населения предгорий Северного

Алтая от традиционного комплексного хозяйства к земледельческому (завершившийся в период коллективизации) не отразился существенно на их матримониальном поведении.

Матримониальное поведение молодых людей находилось под жестким контролем старших родственников и родителей и освящалось традицией, выражавшейся в конкретных обычаях (экзогамия и т. д.). Половые ограничения были связаны с традиционными занятиями коренного населения предгорий Северного Алтая. Так, Л.П. Потапов [2001, с. 125] отмечал, что перед отправлением на охоту кумандинцы соблюдали половое воздержание в течение нескольких суток. Это было сопряжено с представлениями о том, что женщины – «грязные». По словам информаторов, подобный запрет соблюдался вплоть до 1930-х гг. (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак). Один из информаторов отметил, что половые запреты соблюдались перед началом любых хозяйственных занятий (Там же, с. Турачак).

Важнейшей составляющей полового поведения являлось отношение к добрачным и внебрачным связям. Косвенным подтверждением добрачных связей может служить факт смерти холостого 16-летнего юноши от сифилиса, зафиксированный в 1909 г. в метрической книге Сузопского отделения Алтайской духовной миссии (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 1373).

По данным Н.П. Дыренковой [1937б, с. 41] и Л.П. Потапова [1953, с. 258], у коренного населения предгорий Северного Алтая допускалось половое сожителство (по обоюдному согласию) с некоторыми категориями женщин. Подобные отношения поощрялись в случае смерти жены. Собственно, самим Потаповым [Там же, с. 259] отмечалось, что данное право обычно реализовывалось на праздниках, т. е. регламентировалось социумом. Аналогичные нормы полового поведения отмечены у алтай-кижи и шорцев (Горный Алтай и его население. Кочевники..., 1900, с. 125–126); [Дыренкова, 1937б, с. 40].

В сохранении традиционного демографического поведения значительную роль играло совместное проживание молодых со старшими родственниками, характерное для рассматриваемых этнических групп в XIX – первой половине XX в. Родители и старшие родственники определяли брачного партнера для своих детей в соответствии с обычаем экзогамии, экономическими интересами семьи и собственными вкусами. Старшие родственники и члены общины следили за поведением молодых сородичей. Особенно жестким социальный контроль был в отношении замужних женщин. Так, девушка, украденная из дома родителей, после ночи у жениха не могла вернуться домой, поскольку считалась опозоренной (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

Существование большесемейных коллективов обуславливало складывание обычаев, регулировавших внутрисемейные отношения. В частности, к таким обычаям относится обычай избегания, включавший запрет называть по имени свекра и старших родственников мужа, появляться при свекре с непокрытой головой и босиком, показывать ему обнаженную выше локтя руку, шутить с ним, поворачиваться спиной, дотрагиваться до него, передавать из рук в руки и т. д. Свекор не имел права садиться на постель снохи, присутствовать при расчесывании ею волос. В юрте отца своего мужа жена не проходила далее порога [Вербицкий, 1993, с. 100; Потапов, 1953, с. 259; Токарев, 1936, с. 25]. Подобные запреты распространялись и на родовую гору мужа, имя которой не называли вслух, рядом не появлялись босиком, с непокрытой головой и т. д. (ПМА, 2008, с. Красногорское). Муж также был скован различными ограничениями в общении с родственницами жены и жен братьев [Дыренкова, 1937б, с. 44].

В рамках традиционного типа воспроизводства населения существовала установка на многодетность, считавшаяся главным мерилом семейного счастья. Значительную роль в репродуктивном поведении играли иррациональные представления. Например, для того чтобы родился мальчик, кумандинцы клали топор под брачное ложе (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3. Оп. 6. К. 30. Л. 6–7). У тубаларов в этих целях использовали платок, полученный от шамана и намотанный на колено перед посещением супруги (ПМА, 2008, с. Турачак). Надежды на воспроизводство потомства возлагались на богиню Умай. С ней были связаны различные верования и запреты, направленные на защиту роженицы и чада от злых сил [Сатлаев, 1974, с. 149–150]. Беременность и роды были сопряжены с многочисленными действиями рационального и магического порядка. Беременную женщину кумандинцы называли *сынар* («отяжелевшая»), *паарлыг*, *поос* или *айлыг*, тубалары – *курсак* (букв.: «желудок»), *айлу*, а челканцы – *курсак*, *барлу* (букв.: «у нее есть»), *шыдовас* (букв.: «в тягости»). Беременных освобождали от тяжелой работы. Вступали в силу различные ограничения [Бельгибаев, 2004б, с. 15; Кандаракова, 1994, с. 24; 1999, с. 131]; (Кумандинско-русский словарь, 1995, с. 57; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 33. Л. 1–3; ПМА, 2008, с. Красногорское). При родах помогали опытные женщины: бабка-повитуха (*киндик-ана*, *кортуяш*, *урякен* – у кумандинцев, *сӧсче* – у кумандинцев с. Шунорак, *сыймучи туркуш* – у тубаларов, *энедже* – у челканцев), старшие родственницы [Баскаков, 1985, с. 229; Бельгибаев, 2004б, с. 15; Сатлаев, 1974, с. 115]; (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2; ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

Роды происходили при стечении народа под крики и ружейную стрельбу [Вербицкий, 1993, с. 107]. По поверьям, благополучному исходу родов, защите роженицы и ее детей способствовали духи материнского рода (*куртыйак*, *орокеннер* и др.) [Дыренкова, 1937а, с. 123, 125, 142; Сатлаев, 1974, с. 152]. Для облегчения родов повивальная бабка гладила роженицу по животу в направлении выхода младенца. Могли пригласить шамана, чтобы изгнать злого духа, который препятствовал родам. Иногда приводили мужчину, некогда разнявшего двух сцепившихся змей и прошедшего между ними. Порой было достаточно принести что-нибудь из его одежды (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3. Оп. 3. К. 9. Л. 2); [Кандаракова, 1999, с. 133; Потапов, 1991, с. 37–38, 289; Сатлаев, 1974, с. 115]. Тубалары с той же целью приглашали пожилого незнакомца из соседнего поселка. Его задачей было напугать роженицу своим неожиданным появлением [Бельгибаев, 2004б, с. 15]. Важной составляющей послеродильной обрядности являлось соблюдение периода сорокадневной изоляции матери и младенца (ПМА, 2008, с. Красногорское).

В связи с высокой смертностью младенцам при рождении часто давали имена-обереги, так как верили, что это помешает злому духу забрать душу ребенка (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 1, 4. К. 7. Л. 7–9); [Вербицкий, 1993, с. 107; Кандаракова, 1999, с. 139]. В тех же целях использовали вещи-обереги: пуговицы, когти, бусы, крыло глухаря, бич или кровь, спекшуюся и отслоившуюся от пуповины [Бельгибаев, Бурнаков, 2003, с. 23; Кандаракова, 1999, с. 139].

Зачатие, а затем и рождение полноценно здоровых детей имело большое значение для семьи. Мальчик должен был стать охотником и рыбаком, а следовательно – кормильцем семьи (*Оглу да болзо, ол торозин* – «Пусть дурак, но лучше мужчина родится»). Кроме того, он впоследствии становился продолжателем рода и наследником имущества отца. Девочки были менее желательны, поскольку после замужества они покидали отчий дом (ПМА, 2008, с. Турачак).

Существенное влияние на самосохранительное поведение человека оказывали предсказания. По пуповине повитуха могла определить, как долго будет жить новорожденный. Считалось, что малое количество крови указывает на недолгую жизнь. Обращались также к предсказателям (*курумчи*), гадавшим по руке (ПМА, 2008, с. Красногорское). По другим сведениям, до обряда имянаречения приглашался шаман или пожилой человек. Будущее ребенка определял еще при зачатии Кудай Ульгенъ (*чаяннда чаяпсан намыны киженг* – «на роду написано, кому сколько жить»). Судьбу (*irq, ulyga*) новорожденного предсказывали, камлая с помощью маленького лука (*ырык*). Сообщались срок его жизни и те моменты, когда ему будет грозить смерть (*бом, пом* – букв.: скала, утес). Их (*бом, пом*) могло быть до девяти, но этих опасностей можно было избежать [Потапов, 1991, с. 149; Славнин, 1990, с. 134; 1991, с. 195; Хильден, 2000, с. 90].

Традиционный образ жизни автохтонного населения предгорий Северного Алтая обуславливал особенности его демографического поведения. Оно не было статичным и на протяжении XIX – начала XX в. претерпевало изменения – у одних групп («быстрянцев» и др.) в большей, у других (в первую очередь «лебединских татар») в меньшей степени.

Демографическое поведение по поводу смертности состояло из нескольких взаимосвязанных компонентов: отношение к смерти, санитарно-гигиенические традиции, народная и официальная медицина и др. Мировоззренческие установки, выражавшиеся в комплексе запретов, ограничений, обычаев, также влияли на характер воспроизводства и смертность.

В метрических книгах зафиксированы умершие от огнестрельных ран, утопившие в реке, «убитые лошадьё» и т. д. Безусловно, отмеченные случаи были немногочисленны и существенно не влияли на общий уровень смертности. Один из организаторов миссионерского дела на Алтае В.И. Вербицкий [1993, с. 101] отмечал, что среди коренного населения предгорий Северного Алтая было распространено курение табака и пьянство; что они были нечистоплотны, склонны к отчаянию и самоубийству. Но эти описания не вполне соответствовали реальности. Распространенность суицидов среди аборигенного населения предгорий Северного Алтая была явно преувеличена священником. Метрические книги практически не содержат сведений подобного рода. Нами обнаружено лишь по одному «застрелившемуся» и «удавившемуся». Традиционная культура жизнеобеспечения формировала установки на сохранение жизни и психологическое здоровье. В одном из документов Русского географического общества за 1910 г. отмечалось, что среди автохтонного населения нет «сумасшедших, юродивых, порченных и кликуш» (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

Процесс алкоголизации аборигенов также спорен. Из отчетов Алтайской духовной миссии может сложиться представление о большой распространенности пьянства среди аборигенного населения. Однако необходимо учитывать, что миссионеры посещали инородческие айлы редко (в среднем раз в год) и задерживались в них в основном проездом на один день.

Традиционно значительная часть коренного населения предгорий Северного Алтая потребляла слабоалкогольные напитки в праздники, во время встреч с родственниками, при проведении обрядов, при том что это регулировалось старшим поколением (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). П.В. Бутягин в своем исследовании [1905, с. 1283–1291] обосновал относительную безвредность для организма человека араки, которой «для опьянения необходимо

выпить до 4 бутылок». Злоупотребляли алкоголем преимущественно представители маргинальной части автохтонного населения. Жители первых миссионерских поселений, крестившиеся из-за бедности или вследствие изгнания из общины и проч., в наибольшей степени были подвержены негативному воздействию «новой жизни», хотя их интеграция в русскую крестьянскую культуру сопровождалась множеством положительных заимствований, в том числе в области демографического поведения.

У автохтонного населения сложился комплекс представлений, сопряженных с объяснением начала (рождения) и завершения (смерти) жизни. Аборигены верили, что смерть наступала по решению главы подземного мира Эрлика. Душа доставлялась в преисподнюю, где над ней творился суд. Во избежание опасности Эрлику и его подопечным приносились жертвы (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2); [Баскаков, 1978, с. 110; Потапов, 1991, с. 31, 54, 257; Сатлаев, 1974, с. 150–151, 163; Славнин, 1990, с. 134–135; Сыченко, 2000, с. 125; Шерр, с. 112].

По традиционным представлениям, человек заболел из-за кражи его души злым духом или в случае, если душа оказывалась заблудшей, и в человека вселялся нечистый дух. Для излечения требовалось возвратить душу. С этой просьбой обычно обращались к шаманам. Их могли также просить причинить вред роду, к которому принадлежал человек, совершивший преступление (убийство, изнасилование и т. д.). Считалось, что из-за проклятия в роду этого человека будут рождаться только девочки, и фамилия исчезнет. Именно этим объясняют информаторы сокращение количества кумандинских фамилий в XX в. (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

Причиной смерти считались и действия враждебно настроенных к человеку духов, объединявшихся общим названием *кара тӧс*; среди них можно выделить *алвун/албан*, опасного для охотника; *кормес*, угрожавшего путнику у заброшенных жилищ; *суыны/суу иези*, забиравшего человека на дно водоема. Нарушение правил поведения наказывалось болезнью глаз, насылавшейся духом *тӧбӧне*, или болезнью груди и спины, исходящей от *чажылдай-аза* [Бельгибаев, 2005, с. 42–44; Сатлаев, 1974, с. 151].

Согласно сведениям Ф.А. Сатлаева [1974, с. 151], у кумандинцев существовали нечистые духи *кӱдербе-аза* и *кӱдертгиш-аза*, способные «зарыться» в ограде дома, что приводило к смерти членов семьи, а затем и *сеока*. Скорее всего, по той же причине в прошлом кумандинцы иногда покидали жилище после захоронения своего родственника (ТЕВ, 1890, № 11, с. 27); [Гельмерсен, 1840, с. 258]. У тубаларов подобные действия объяснялись тем, что нельзя было оскорблять место погребения (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19).

Трагическое событие предполагало охранительные ограничения, во многом рациональные по характеру. В записках миссионера Кебезенского отделения описан обычай оставлять «больных почти совершенно на произвол судьбы» (ТЕВ, 1890, № 11, с. 27). На наш взгляд, подобные действия были исключением и могли иметь место лишь в критических ситуациях.

Обычно члены семьи, в которой умирал домочадец, были ограничены в свободе передвижения по деревне, с наступлением сумерек не выходили на улицу. Соседи при встрече их сторонились, не приходили в гости (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10. К. 22. Л. 6–7; Оп. 1. К. 22. Л. 3; К. 26. Л. 4).

Чтобы в дом не проник дух усопшего, у окон и двери на ночь клали топор или нож, а также зажигали свечу (пчелиный воск считался священным). Так делали

в течение семи суток, если умершей была женщина, а если мужчина, то в течение девяти ночей. В доме занавешивались все предметы, способные отражать, например зеркало (*кусунге*) (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10. К. 22; К. 23. Л. 6–7, 3); [Сатлаев, 1974, с. 162]. На похоронах запрещалось присутствовать женщинам (особенно беременным) и детям (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак); [Кандаракова, 1999, с. 153].

Различные ограничения сопровождали совершение всех обрядов погребально-поминального цикла в течение года, обеспечивая локализацию несчастья (возможной эпидемии) в рамках отдельной семьи и сохранение общины. В то же время санитарно-гигиенические практики коренного населения оставались на низком уровне. Нарастание эпидемиологической угрозы было сопряжено с увеличением плотности и миграционной активности населения.

В рамках традиционной культуры при отсутствии или ограниченном влиянии медицинских учреждений в среде коренного населения «врачами» выступали шаманы, повивальные бабки, народные знахари. При этом повивальные бабки и народные знахари являлись хранителями традиций народной медицины и рациональных знаний, одновременно широко применяя магические действия.

Количество шаманов среди коренного населения в начале XX в. было значительным. Миссионер Созопского отделения, состоявшего из 26 населенных пунктов, в 1907 г. отмечал, что на подотчетной ему территории проживало 11 камов: три – в Карагане, по два – в Карасево и Тостоке, по одному – в Пешпере, Шатобале, Калашеве и Чонураке (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 120. Л. 6). Правда, в ходе переписи 1917 г. был зарегистрирован только один шаман, проживавший в аиле Сюря Верхне-Бийской волости (Там же. Ф. 233. Оп. 1 а. Д. 141. Л. 21).

Таким образом, традиционное демографическое поведение включало сложный комплекс запретов и ограничений, установок и обычаев, транслировавшихся из поколения в поколение, однако не было обеспечено должным уровнем санитарных и медицинских норм. В ходе создания Алтайской духовной миссии ее руководство большое внимание уделяло формированию сети медицинских учреждений. Появились больницы в Бийске и с. Улала. В штате миссии в 1888 г. было два фельдшера: при больнице катехизаторского училища и «объездной по станам миссии» (ТЕВ, 1889, № 5, с. 2). Крещеные и язычники обращались в миссию за лекарствами, везли детей для оспопрививания (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.). Сотрудники миссии снабжали население гомеопатическими средствами, лекарственными растениями, распространяли медицинские и санитарно-гигиенические знания (Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.). Все же медицинская помощь со стороны миссионеров была эпизодической, она оказывалась лишь во время ежегодного объезда населенных пунктов для исполнения треб паствы.

В отчетах миссии отмечалось, что эпидемии в большей степени затрагивали некрещеное население. Новокрещены, проживавшие в миссионерских поселениях, благодаря изменившемуся быту (отапливаемые избы, бани, медицинская помощь и т. д.) были менее подвержены заболеваниям (ТЕВ, 1898, № 15, с. 14–17). В результате действия ряда факторов, в том числе формирования системы санитарно-гигиенической профилактики, с XIX в. наблюдается изменение демографического поведения коренного населения предгорий Северного Алтая по поводу смертности.

В целом этнический фактор существенно влиял на демографические процессы в среде коренного населения предгорий Северного Алтая, определяя специфику структуры смертности и рождаемости. Трансформация традиционного демогра-

фического поведения под влиянием крестьянского (русского) окружения и миссионерских практик Алтайской духовной миссии стала причиной появления уже в конце XIX в. первых признаков демографической модернизации автохтонного населения.

2.3. ТИПЫ СЕМЬИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

В этнографической литературе типология семей коренного населения предгорий Северного Алтая практически не рассматривалась. Ф.А. Сатлаев в работе, посвященной кумандинцам [1974, с. 106], лишь констатировал переход от больших патриархальных семей к малым в конце XIX в. На основе косвенных сведений, содержащихся в работах некоторых исследователей, можно сделать вывод о преобладании в среде коренного населения региона в течение XIX в. больших патриархальных семей в виде патронимий, составлявших население айлов [Там же, с. 99, 101]. Такая семья состояла из родителей и семей нескольких женатых сыновей, проживавших в отдельных юртах. Обрабатываемые поля находились в собственности отдельных малых семей. Все остальные доходы (промысел и т. д.) отдавались главе семейства [Вербицкий, 1993, с. 106].

Структуру семей автохтонного населения предгорий Северного Алтая в XIX в. можно рассмотреть на примере Кондомо-Итиберской волости. Количество простых и сложных семей одинаково, полные семьи значительно преобладают. Фиксируется преобладание двух- и трехпоколенных семей. Следует отметить, что 28 % от общего числа составляли семьи, включающие несколько супружеских пар (см. Прил. IX, табл. 1–2; Прил. X, табл. 1). Их количество в последующие годы постоянно сокращалось.

Зафиксированные переписью 1917 г. типы семьи отражают ситуацию равного количества форм семьи или некоторого преобладания простых форм семьи над сложными (см. Прил. X, табл. 2–8). Более половины семей относилось к простым полным. Только в Сузопской и Тайнинской волостях данные формы семьи составляли по 39 %, а в Озеро-Куреевской волости – 46 %. В то же время количество сложных полных семей по всем волостям достигало трети от общего количества, кроме Тайнинской волости (42 %).

Значительная часть аборигенного населения предгорий Северного Алтая концентрировалась в небольших аилах, представлявших собой разросшиеся патронимии, или семейные общины. Аильная община в начале XX в. продолжала вести общее хозяйство, большинство вопросов решалось совместно. Тем не менее не стоит игнорировать начавшийся еще в XIX в. процесс нуклеаризации семей, что отражено в данных переписи. В частности, по сравнению с 1888 г. в Кондомо-Итиберской волости в 1917 г. по всем административно-территориальным единицам фиксируется увеличение доли двухпоколенных семей и домохозяйств, включающих одну супружескую пару (см. Прил. IX, табл. 1–2).

Выделение малых семей стимулировала деятельность Алтайской духовной миссии. Образование миссионерских сел, христианизация, часто приводившая к разрыву родственных связей, приток мигрантов и социально-экономическое развитие способствовали образованию малых семей. Села Паспаул, Кебезень, Ынырга, Турачак и другие крупные населенные пункты уже состояли из соседских, терри-

ториальных общин, единицами которых выступали малые семьи, реже – сложные по составу.

Сильному инокультурному влиянию подверглись Троицкая, Паспаульская и Лебедская волости. В Троицкой и Паспаульской волостях отмечена наибольшая доля простых полных семей – 55 и 56 %, в Лебедской волости самый низкий показатель сложных полных семей – 31 %. Правда, данные переписи по Лебедской волости оказались неполными, переписчиками были охвачены только крупные и легкодоступные населенные пункты: Турачак, Тондошка и некоторые близлежащие смешанные в этническом плане айлы. Большинство «лебединских татар» осталось не охваченным учетом.

В айле Сарыязы Лебедской волости зафиксирован единичный случай полигамного брака, что, возможно, объясняется невнимательностью переписчиков (ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а. Д. 253. Л. 28). В то же время глава семьи принадлежал к *сеоку комляш*, что зафиксировано в графе «национальность». Это тубаларский род, длительное время поддерживавший контакты с южными алтайцами, у которых было известно многоженство. В данном случае заключение второго брака (возраст жены – 28 лет) могло быть связано с большим возрастом главы семьи и его первой жены (70 и 71 лет соответственно) при наличии трех детей – 10, 8 и 6 лет.

Среди полных простых семей значительно преобладали семьи с детьми, что указывает на позднее выделение супружеских пар из большой семьи. Количество молодых бездетных супружеских пар невелико.

Полные сложные семьи в начале XX в. отличались большим разнообразием, включая помимо близких родственников и родственников по боковой линии (дяди, тети, племянники), а также сирот и наемных работников, статус которых мог совпадать. Перепись 1917 г. зафиксировала широкое бытование в среде коренного населения предгорий Северного Алтая традиции социального попечительства. В большинстве случаев усыновляли детей близкие родственники.

Количество семей, включавших две и более супружеские пары, различалось по волостям незначительно. Так, в Озеро-Куреевской волости совершенно отсутствовали семьи, состоящие из более чем двух супружеских пар, а в других (Лебедская, Сузопская, Тайнинская, Троицкая) таких семей фиксировалось по 1–2. Прослеживается упрощение семейной структуры на территориях, где активно развивались ассимиляционно-аккультурационные процессы. Наибольшее количество больших семей выявлено в Нижне-Кумандинской волости, где жила самая большая по числу супружеских пар (пять) семья.

Семьи, состоящие из семей двух и более братьев, к началу XX в. становятся редким явлением. В Озеро-Куреевской волости подобные формы семьи уже исчезли. Наибольшее их количество переписчики зафиксировали в Верхне-Бийской и Нижне-Кумандинской волостях – более 10 семей. В отмеченных районах еще сохранялись айлы, однородные в этническом плане, что обеспечивало сохранение традиционной культуры и форм социальной организации.

В целом среди полных сложных форм семьи количественно выделяются семьи, включающие супружеские пары родителей и одного из детей (обычно сын, изредка дочь), а также супружескую пару с детьми и одним из родителей (или родственников).

Неполные семьи в начале XX в. составляли небольшую долю – в основном в пределах 10 %. Лидерами являлись Сузопская и Тайнинская волости – соответственно 25 и 18 % неполных семей. Существование данных форм семьи в рамках

традиционного общества было связано со смертью супруга, в меньшей степени – с внебрачной рождаемостью, что осуждалось обществом. Это подтверждается статистическими данными. Соотношение матерей и отцов-одиночек практически совпадает; но по некоторым волостям (Нижне-Кумандинской, Верхне-Бийской, Озеро-Куреевской и Тайнинской) отмечается преобладание последних.

Малое количество неполных семей было обусловлено влиянием родственников на дальнейшую судьбу вдовца и особенно вдовы. В начале XX в. коренное население предгорий Северного Алтая продолжало соблюдать обычай левирата. Одинокие мужчины и женщины составляли незначительную группу домохозяйств – не более 5 %. Среди одиноких преобладали мужчины; в некоторых волостях одинокие женщины вовсе отсутствовали. Преобладание одиноких мужчин объяснялось оттоком женщин через межэтнические браки в крестьянскую среду.

На основе данных статистического учета коренного населения предгорий Северного Алтая конца XIX – начала XX в. можно реконструировать тип сложной семьи, состоявшей из родителей (или одного из родителей), женатого сына или сыновей с детьми и родственников. Перепись 1917 г. зафиксировала редкие случаи проживания с родителями замужней дочери, в большинстве случаев еще без детей. Традиционно для коренного сообщества были характерны семьи со сложным составом, что объяснялось ведением комплексного хозяйства и увеличением в первой половине XX в. доли земледельческого компонента. Одновременно с изменением социокультурного контекста происходил переход к простой семье.

Преобладание полных семей в среде коренного населения (при минимальном количестве одиноких) обуславливалось традиционными нормами морали и матримонимальным поведением. Человек с рождения готовился к вступлению в брак и продолжению рода, осваивая традиции в общении со старшими родственниками.

Прослеживая трансформацию типов семей у коренного населения предгорий Северного Алтая в начале XX в., можно говорить о некоторых локальных различиях, вызванных неравномерностью втягивания аборигенов в этнокультурные контакты с пришлым населением и дифференцированностью развития социально-экономической инфраструктуры.

Глава 3

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.)

3.1. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Общая численность коренного населения. XX век стал временем значительных преобразований в существовании автохтонного населения предгорий Северного Алтая. Сведения о численности коренного населения в первые годы советской власти были фрагментарны и противоречивы. Так, по данным Бийского уездного исполкома за 1921 г., численность алтайцев в Быстринской волости составляла 3 446 чел.; известна и иная цифра – 983 чел. Общая численность коренного населения региона (11 189 алтайцев и кумандинцев) не претерпела существенных изменений в годы Первой мировой и Гражданской войн (см. Прил. VIII, табл. 1–3).

Первая советская перепись населения была проведена в 1926 г. Некоторые сложности вызывает сопоставление данных переписей 1897 и 1926 гг., которые основывались на разных методиках, на что не раз обращали внимание исследователи [Семенова, 1994, с. 78–90, 112–116; Тишков, 2003, с. 39–85]. Несовершенство переписи накладывалось на незавершенность консолидации автохтонного населения в 1920-е гг.: часть кумандинцев, черневых татар (тубаларов) и «лебединских татар» (челканцев или чалканцев) записалась алтайцами или шорцами. Всего в 1926 г. численность алтайцев на территории проживания кумандинцев составляла 1 983 чел. (см. Прил. VIII, табл. 6).

Материалы переписи 1926 г. отражают изменения численности автохтонного населения: кумандинцы – 6 335, челканцы – 1 891 чел. (см. Прил. VIII, табл. 4–5). В литературе встречаются и другие данные по кумандинцам: Ф.А. Сатлаев [1974, с. 21] приводит цифру 6 327 чел., составители сборника «Тюркские народы Сибири» [2006, с. 324] – 6 334 чел. В первом случае не учтена городская группа (8 чел.), а во втором – 1 чел., проживавший в городе вне пределов Алтая.

Численность черневых татар в 1926 г. составила 12 чел., однако «черневым» (татарским) языком владели 67 мужчин и две женщины (Всесоюзная перепись..., 1928б, с. 12, 88). В материалах ССЭ фигурирует цифра около 3,5 тыс. черневых татар (см. Прил. VIII, табл. 4). Правда, в статье, посвященной Ойротской АО, численность кумандинцев оценивается в 5 тыс., а «шалганцев» – в 1,5 тыс. (Ойратская автономная..., 1933, с. 89). Соответственно, нельзя быть уверенным в точности исчислений авторов статьи.

Я.А. Пустогачевым [1997, с. 89] приводится общая численность коренного населения по Лебедскому и Успенскому аймакам: 3 769 и 1 939 чел. соответственно. Учитывая, что на территории указанных административно-территориальных единиц проживали в основном кумандинцы, тубалары и челканцы, можно

рассчитать приблизительную численность черневых татар (тубаларов) на 1926 г., которая составляла около 3,5 тыс. чел. Данная цифра несколько увеличится за счет черневых татар, проживавших в соседних аймаках, в первую очередь Майминском. В сопоставлении с результатами переписи 1897 г., по которым численность населения черневых волостей составила 4 186 чел., нам представляется более верным определение количества черневых татар около 4 тыс. чел.

Возможно, часть черневых татар оказалась в числе челканцев, численность которых за 30 лет (с 1897 по 1926 г.) не могла увеличиться более чем в 2 раза. По другим данным, их численность составила только 855 чел. (см. Прил. VIII, табл. 7). Учитывая, что большинство челканских айлов оставались моноэтническими, можно оценить численность их населения в 1,1 тыс. чел., с учетом проживавших за пределами бассейна р. Лебедь – 1,1–1,2 тыс. чел. В целом численность черневых татар могла превышать 4,5 тыс.

Перепись 1926 г. отразила начало формирования городской группы автохтонного населения предгорий Северного Алтая. Несколько кумандинцев (пять мужчин и три женщины) уже проживало в городе.

Таким образом, численность коренного населения предгорий Северного Алтая к середине 1920-х гг. сократилась до 12–13 тыс. чел. Снятие сословных границ в 1917 г., а значит и потеря льгот, привели к смене легитимной этнической идентичности обрусевших «быстрянцев» и некоторых других этнических групп рассматриваемого региона.

Наряду со сменой идентичности определенное влияние на демографические процессы в среде автохтонного населения в межпереписной период оказали войны и голод. Тем не менее в этнической памяти коренного населения предгорий Северного Алтая практически отсутствуют трагические сюжеты, связанные с Гражданской войной. Сохранились лишь воспоминания о жестокой расправе над мужчинами зимой 1921 г. в аиле Эдербес и военных столкновениях у Телецкого озера. Информаторы отмечают, что их предки не участвовали в вооруженной борьбе по причине безграмотности и непонимания происходивших событий (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак).

В этнографической литературе встречается только одно указание на участие коренного населения в Гражданской войне. В с. Тондошка Турачакского района у И.С. Папыева была записана сказка «Два охотника», содержащая сюжет о призыве красными командирами на борьбу с белыми меткого кумандинского охотника [Тыбыкова, Чумакаева, 1981, с. 82].

В документах Сибирского отделения Российского общества Красного Креста (РОКК) 1920-х гг. отмечаются, однако, большие потери, которые понесли «туземные народы Ойротской области» в годы Гражданской войны. Численность «туземного населения» снизилась с 41 119 чел. в 1913–1914 гг. до 20 тыс. чел. к 1923 г. (ГАНО. Ф. Р-1 Оп. 1. Д. 1002, 1424. Л. 10, 1). Данные цифры недостоверны, так как противоречат всем иным источникам и свидетельствам. Возможно, сотрудники РОКК сознательно преувеличивали сложность ситуации в регионе, чтобы получить поддержку в деле улучшения медицинского обслуживания в регионе, что было, безусловно, необходимо.

Поскольку точные сведения о численности аборигенного населения рассматриваемого региона отсутствуют, представляется важным привлечение аналитических данных. Так, Н.П. Дыренкова определяет численность кумандинцев в 1933 г. в 9 тыс. [Тюркские народы..., с. 324]. Вероятно, исследовательница учитывает

и группы обрусевших аборигенов. Интересны также статистические материалы по Старобардинскому району за 1928 г. (ЦХАФАК. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–1 об.). Численность коренного населения составила здесь 4 096 чел., это почти в 2 раза больше в сравнении с данными переписи 1926 г. (см. Прил. VIII, табл. 6, 8).

Положительная динамика прироста аборигенного населения была прервана политическими процессами 1920–1930-х гг. и Великой Отечественной войной. В эти годы коренное население понесло значительные демографические потери. В Турацком районе было репрессировано 147 алтайцев, в Чойском – 97 (Книга памяти..., 2003, с. 243). На фронтах в годы войны погибло 199 солтонских и 99 красногорских кумандинцев, 313 алтайцев из Чойского и 417 – из Турацкого районов (Книга памяти, 1993, с. 187–294; 1994, с. 447–557; 1996, с. 174).

С середины XX в. демографические потери уже не перекрывались естественным приростом. Начались существенные демографические и социокультурные трансформации в среде коренного населения предгорий Северного Алтая. Численность тубаларов, по данным Н.А. Баскакова, в 1965 г. составляла около 7 тыс. чел. [Сарбашева, 2000, с. 167], хотя в этом случае имело место преувеличение числа коренного населения.

По данным, предоставленным территориальными органами Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай и Алтайскому краю, численность коренного населения Турацкого района сократилась к 1989 г. в сравнении с 1939 г. в 1,5 раза, Чойского – в 2,6 раза, а в Красногорском и Солтонском районах с 1959 по 1989 гг. – в 3,5 и 2,4 раза соответственно (см. Прил. VIII, табл. 9). Изменения численности аборигенного населения были обусловлены в основном ассимиляцией и ростом миграционной активности, пик которой пришелся на 1960–1970-е гг. Сельское население стремилось в райцентры, ближайшие города Бийск и Горно-Алтайск, отчасти в Барнаул и Новосибирск, а также в Кемеровскую область и города Казахстана.

В одной из газетных публикаций указывалось снижение к 1989 г. численности кумандинцев до 2 119 [Коренные жители Алтая..., 2005, с. 3]. Эта оценка во многом правомерна. По нашим материалам, в сельских районах Алтайского края в 1989 г. проживало около 800 кумандинцев, в городских – более 1 тыс. чел. Сколько кумандинцев проживало в Горно-Алтайской автономной области, определить трудно. Их численность, скорее всего, составляла менее 1 тыс. чел. С учетом остальных групп (кемеровских кумандинцев и др.) численность кумандинцев составляла около 3 тыс. к началу 1990-х гг.

Численность челканцев и тубаларов в сельской местности составляла около 2,4 тыс. С учетом городских жителей общее их количество увеличивается до 2,6–2,7 тыс. чел. Таким образом, общая численность коренного населения предгорий Северного Алтая к 1989 г. сократилась до 5,5–6,0 тыс. чел.

Тем не менее, столь резкое уменьшение численности автохтонного населения предгорий Северного Алтая нельзя рассматривать как угрозу исчезновения малочисленных этносов Алтая. В течение первой половины XX в. завершилось включение в состав русского этноса отдельных этнических групп («быстрянцев» и др.), в среде которых наиболее быстро протекали ассимиляционно-аккультурационные процессы. Их доля составляла от четверти до трети общей численности коренного населения. Именно с неустойчивостью этнической идентичности аборигенов в первой половине XX в. была связана корреляция цифр в материалах статистического учета населения и в оценках исследователей.

События середины XX в. (коллективизация, репрессии, война) не только обусловили прямые демографические потери, но косвенным образом спровоцировали рост интенсивности ассимиляционно-аккультурационных процессов в регионе. Кампания по ликвидации неперспективных сел предопределила увеличение численности городской группы коренного населения, где ассимиляция протекала более интенсивно. Однако аборигенное население, несмотря на многочисленные прогнозы о скором вымирании или исчезновении, сохранило этническую идентичность до наших дней.

Рождаемость, смертность, естественный прирост. Начало XX в. и для Алтая, и для всей страны было связано с глобальными политическими и социокультурными изменениями. С первых лет установления в регионе советской власти предпринимались меры по оказанию помощи аборигенному населению Сибири. В Горно-Алтайском уезде были организованы три эпидотряда, один из которых базировался в с. Кебезень. Кебезенский отряд состоял из фельдшера, двух братьев милосердия и двух медицинских сестер, которые вели амбулаторный прием. В селе была открыта больница на 12 кроватей. При этом всего за неделю оказалось зарегистрировано «900 случаев эпидемических заболеваний», среди которых преобладал возвратный тиф, а также «спадающий сыпной тиф». К трудностям финансирования и нехватки медперсонала добавлялись сложности налаживания контакта с автохтонным населением. В документе того времени отмечалось: «Иностранцы по бытовым условиям не знают важности медицинской помощи и совершенно не приурочены к таковой» (ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–12 об.).

В Троицкой волости были созданы лечебница и фельдшерский пункт. В 1921 г. открыли больницу в с. Озеро-Куреево и фельдшерские пункты в селах Карабинском, Быстрянском, Тайнинском, Турачакском, Солтонском и Сузопском (Там же. Ф. Р-768. Оп. 1. Д. 21. Л. 14–14 об., 19 об., 21; Д. 32. Л. 68 об.). В укрупненной Лебедской волости в 1923 г. имелся врачебный участок в с. Озеро-Куреево и фельдшерский пункт в с. Кебезень [Протопопов, 1981, с. 2].

Помимо необходимости борьбы с эпидемиями перед новой властью остро стояла проблема голода в Алтынкольской, Ыныргинской и других волостях. На объединенном заседании Горно-Алтайского уездного ревкома и бюро РКИ с представителями воинских частей 10 февраля 1921 г. было принято решение обеспечить доставку «трехмесячного больничного пайка» в «голодные» районы. Интересно, что при этом учитывались этнические особенности рациона питания. В паек были включены зерна ячменя, увеличены объемы поставки соли, которую коренное население употребляет с чаем (ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–14 об.).

Сложное положение аборигенного населения региона было связано с тем, что в годы Гражданской войны были подорваны традиционные промыслы – прежде всего скотоводство и охота. За 1920 г. от эпизоотий пало 24 тыс. голов скота; у населения отсутствовали охотничьи ружья, что в свою очередь способствовало росту популяции волков, от которых страдало домашнее поголовье (Там же. Д. 10. Л. 46 об.).

В отчете Бийского уездного отдела по делам национальностей за 1921 г. указывалось: «они (коренное население. – Н. В.) голодны, раздеты, разуты и мало понимают разговорный русский язык», со стороны сельских и волостных исполкомов отношение к алтайцам «суровое и даже враждебное». Так, при распределении хлеба среди населения Пильненской и Тайнинской волос-

тей «русские получили чистый хлеб, а инородцы с мякиной, о мануфактуре же и говорить нечего, так как ее инородцы ни в одной из волостей не видели» (Там же. Л. 21, 27 об.).

Подобное отношение к автохтонному населению, вероятно, являлось отголоском событий времен землеустройства, когда нередкими были этнические конфликты. К тому же в органах местной власти не имелось представителей аборигенного населения предгорий Северного Алтая. В материалах уездного комитета фигурирует только инструктор С.И. Кузругашев (скорее всего шорец), инспектировавший школы в национальных районах (Там же. Д. 20. Л. 8 а). К концу 1920-х гг. членами Елтошинского сельсовета стали Арбагозов и Сатлаев, кандидатом в члены сельсовета – И. Казагачев, кандидатом в члены ВКП(б) – М. Каралькин (Там же. Ф. Р-1181. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 11).

Но в целом ситуация в регионе существенно не изменилась. В документах за 1925 г. Сибирского отделения РОКК отмечается распространение среди «туземных народов» сифилиса и трахомы. К этому времени в Ойротии работал один врачебный отряд РОКК и действовала аптека-амбулатория. Началась подготовка еще трех отрядов, в составе которых были специалисты по «глазным и венерическим болезням», для отправки их в Горный Алтай (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1002. Л. 2; Д. 1547. Л. 11).

Начавшаяся в 1930-х гг. коллективизация спровоцировала новую волну голода и эпидемий (ПМА, 2008, с. Красногорское). В памяти информаторов сохранились воспоминания о голоде в с. Шунораке в начале 1930-х гг., также связанном с коллективизацией (ПМА, 2008, с. Турачак).

На фоне ухудшения социально-экономической ситуации изменились демографические показатели коренного населения. Материалы похозяйственных книг позволяют рассчитать общие коэффициенты рождаемости, смертности (в том числе младенческой) и естественного прироста коренного населения предгорий Северного Алтая, начиная с 1940-х гг. (см. Прил. VII, табл. 3).

Необходимо учитывать, что значительная часть аборигенного населения не спешила регистрировать в сельсовете изменения состава семьи, а то и вовсе избегала этого по разным причинам. Даже в 1978 г. в с. Шатобал одного из новорожденных зарегистрировали только через 2 года и 4 мес. Аналогичной была ситуация с фиксацией смертей и браков [Кравченко, 1978, с. 4]. Нам представляется, что вне похозяйственного учета населения оставались преимущественно дети, умершие вскоре после рождения, в меньшей степени – взрослое население. Данные похозяйственных книг за военные и послевоенные годы в целом правдиво отражают демографические процессы среди аборигенного населения. В годы войны снизился уровень рождаемости, а затем и смертности. Отрицательное естественное движение населения в эти годы является следствием ухудшившихся социально-экономических условий жизни. В сравнении с естественным движением населения на рубеже XIX–XX вв. прирост населения к 1940-м гг. в среднем снизился в 2 раза, что отражает негативное воздействие внешних факторов на демографические процессы в среде автохтонного населения.

Окончание войны и демобилизация военнотружущих детерминировали рост рождаемости. При этом в конце 1940-х гг. еще сохраняется высокий уровень смертности, в том числе младенческой. Свидетельства информаторов о преждевременной смерти членов их семей в основном ограничиваются концом 1940-х – началом 1950-х гг. (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак).

Развитие сети медицинских учреждений, продолженное в послевоенный период, в конечном итоге позволило снизить уровень смертности к началу 1950-х гг. Прежде всего речь шла о снижении младенческой и детской смертности. Это обусловило завершение первого этапа демографического перехода.

В начале 1970-х гг. в похозяйственных книгах фиксируются единичные случаи смерти детей в возрасте до года только на территории двух сельсоветов – Кебезенского и Сузопского, находящихся в отдалении от районных центров. Структура смертности к этому времени претерпела существенные изменения. Среди причин летальных исходов преобладающими стали экзогенные факторы.

Второй этап демографического перехода – снижение уровня рождаемости – относится к концу 1960-х – началу 1970-х гг. На этот период, по данным похозяйственных книг, приходится резкое уменьшение количества деторождений. Так, в 1973 г. в Каракокшинском и в 1975 г. в Ыныргинском сельсоветах не родилось ни одного ребенка (см. Прил. VII, табл. 3). Статистические сведения подтверждаются полевыми материалами, свидетельствующими о произошедшем во второй половине XX в. изменении демографического поведения автохтонного населения. Широкое распространение получают аборт.

Миграции населения. Механическое движение также претерпело существенные изменения в течение XX в. Если в XIX – первой половине XX в. аборигенное население перемещалось в основном в пределах региона исконного проживания, то в последующем география расселения значительно расширяется, выходя за рамки этнической территории. В 1920-е гг. начинает формироваться городская группа коренного населения. В 1930-е гг. миграции коренного населения были вызваны государственными репрессивными мероприятиями и «раскулачиванием». Сильные меры со стороны государства вынуждали коренное население мигрировать в пределах предгорий Северного Алтая. Из опасения быть «раскулаченными» или подвергнуться репрессиям семьи перебирались в соседние районы к родственникам. На новом месте жительства вновь прибывшим соплеменниками оказывалась помощь в обустройстве (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак).

События 1920–1930-х гг. положили начало многолетнему процессу стягивания населения в крупные населенные пункты. По словам информаторов, в поисках работы их родители были вынуждены переселяться из небольших айлов в крупные деревни и села (ПМА, 2008, с. Турачак).

Вынужденная, трудовая и учебная миграции и другие факторы (включая межэтнические браки, практику укрупнения совхозов, ликвидацию «неперспективных сел») способствовали расширению географии миграций в 1960–1970-х гг. В частности, в Солтонском районе 22 февраля 1961 г. на базе 14 колхозов было организовано три совхоза [Старченков, 2004, с. 3]. В Чойском районе в 1956 г. на основе 11 колхозов был создан Чойский мясомолочный комбинат, а в Турачакском – 15 колхозов были преобразованы в 2 совхоза [Пустогачев, 1997, с. 89].

Одновременно шло укрупнение сел. В начале 1950-х гг. исчезла дер. Карачам (ПМА, 2008, с. Турачак). Из с. Елей последние жители уехали в 1965 г. [Асямов, 2005а, с. 5]. В Красногорском районе исчезли села Богучак, Елей, Елтош, Камышак, Колонок, Нарлык, Озерки, Подчайная, Сарыково, Теберек, Чулеш и др. [Исчезнувшие села, 1989, с. 4]. В Солтонском районе прекратили свое существование 22 населенных пункта [Бухтоярова, 1994, с. 2]. Практически все информаторы указали на неоднократную смену места жительства в течение второй половины XX в. Некоторые из них жили за пределами рассматриваемой территории, но вернулись

на родину в 1990-х гг. (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Механическое движение населения, нараставшее со временем, существенно влияло на характер демографических процессов в течение XIX–XX вв. Внешние факторы во многом определяли масштабы и направления миграций коренного населения предгорий Северного Алтая.

Брачность. Существенные изменения уровня брачности коренного населения предгорий Северного Алтая были обусловлены социально-экономическими и политическими реалиями 1930-х гг. Эти изменения отражены в материалах похозяйственных книг за начало 1940-х гг.

По всем сельсоветам фиксируется снижение количества состоящего в браке автохтонного населения, что обусловлено в первую очередь появлением диспропорции в половой структуре населения: увеличением количества женщин. Доля состоящих в браке в сравнении с данными переписи 1917 г. сократилась до 61–51 % у мужчин и 48–29 % у женщин. Особенно низкой доля женатых и замужних была в Паспаульском сельсовете: 38 % мужчин и 14 % женщин (см. Прил. XI, табл. 15–19).

Сложная социально-экономическая и политическая ситуация в стране дополнялась постепенным распространением смешанных браков между аборигенным и пришлым населением. Данный фактор не сказался только на расчетах по Паспаульскому, Малочепенскому и Суранашинскому сельсоветам. При этом соотношение долей мужчин и женщин, состоящих в браке, в последних двух сельсоветах оказалось почти равным: 28,9 и 29,3 % соответственно.

В течение 1920–1930-х гг. в среде коренного населения продолжала сохраняться установка на всеобщую брачность, освященную традицией. Более половины аборигенов в возрасте от 16 до 29 лет в браке не состояли, большинство из них ни разу не вступало в брак. Количество вдовых (в основном женщин) в возрастных группах от 60 лет и старше увеличилось практически во всех сельсоветах.

По материалам похозяйственного учета населения прослеживается снижение количества ранних браков, что сопряжено с трансформацией традиционных обычаев, борьбой государства с «пережитками» прошлого, откладыванием регистрации. Становятся редкими браки, заключаемые не только в раннем возрасте (до 16 лет), но и в возрасте до 19 лет. Только в Сузопском сельсовете зафиксирован брачный союз с участием 14-летней девушки.

Резкое снижение уровня брачности и числа состоящих в браке отмечается в конце 1940-х гг. В Нижне-Ашпанакском и Ыныргинском сельсоветах лишь 42 % мужчин и 20 % женщин имели супругов (см. Прил. XI, табл. 20). Сохраняется тенденция прежних лет: на возрастные группы от 16 до 29 лет приходится большая часть не состоящих в браке. При этом все мужчины в возрасте от 40 до 69 лет имели спутницу жизни, в то время как для женщин характерно увеличение доли незамужних и вдовых в возрастных группах 30–44 и 50 лет и старше.

К началу 1950-х гг. отмечается некоторое увеличение удельного веса состоящих в браке: 44–43 % мужчин и 26–25 % женщин. Более высоким он был в Сузопском сельсовете – 56 % мужчин и 32 % женщин (см. Прил. XI, табл. 21–23). Распределение состоящих в браке по возрастам во многом идентично расчетам для Нижне-Ашпанакского и Ыныргинского сельсоветов.

К 1970-м гг. в процессе восстановления демографической структуры коренного населения предгорий Северного Алтая доля состоящих в браке по большинству сельсоветов коррелировала в пределах 65–53 % у мужчин и 55–38 % у женщин

(см. Прил. XI, табл. 24–32). Наиболее низкой доля женатых и замужних была в Каракокшинском (43 и 38 %) и Ыныргинском (41 и 27 %) сельсоветах.

В сравнении с предшествующими десятилетиями отмечается снижение доли 20–24-летних, состоящих в браке. Одновременно уменьшилось количество не состоящих в браке в старших возрастных группах. Изменились и факторы, обуславливавшие распределение населения разных возрастов по отношению к браку. Распространившиеся среди аборигенного населения разводы детерминировали увеличение доли в первую очередь незамужних женщин в средней и старшей возрастных группах. Высокая доля незамужних 50-летних женщин была сопряжена с диспропорцией полов из-за демографических потерь в годы Великой Отечественной войны.

В течение XX в. в брачной структуре этнических групп предгорий Северного Алтая произошли существенные изменения. К началу 1970-х гг. снизилась доля состоящих в браке мужчин и женщин. Уже в начале 1940-х гг. наметилась диспропорция полов, обусловившая преобладание удельного веса мужчин, состоящих в браке. В последующем распределение коренного населения по отношению к браку детерминировалось распространением разводов, смешанных браков и т. д. Аккультурационно-ассимиляционные процессы также сыграли определенную роль: исчезли обычаи левирата и браки, заключаемые в раннем возрасте.

Половозрастная структура. В первые десятилетия советской власти намечаются изменения в половой структуре автохтонного населения предгорий Северного Алтая. За 1920-е гг. имеются лишь фрагментарные данные по некоторым населенным пунктам Старобардинского района. Доля мужчин составляла 48 % против 52 % женщин (см. Прил. VI, табл. 3).

К 1940-м гг. обозначилась демографическая диспропорция, ставшая результатом изменений, произошедших в период Первой мировой и Гражданской войн. Так, по материалам похозяйственных книг Калташинского сельсовета за начало 1970-х гг. нами выявлено резкое снижение количества мужчин в возрасте 35–39, 50–59 лет, по Кебезенскому – 40–65 лет, по Сузопскому сельсовету – 35–39, 50–59 лет и т. д.; отчасти эта тенденция была характерна и для женщин. Безусловно, определенную роль в дисбалансе половой структуры, в первую очередь в средних возрастных группах, сыграли репрессии и «раскулачивание». Например, в Кебезенском сельсовете более 70 % репрессированных мужчин имели возраст 40–65 лет.

Социально-экономические и политические причины привели к изменению половой структуры аборигенного населения в 1970-е гг. по сравнению с началом столетия в сторону увеличения доли женщин. Возможно, это связано с недоучетом детей (в большей степени мальчиков) на территории большинства сельсоветов. В данном случае сказывалась дисперсность проживания коренного населения, откладывавшего регистрацию демографических событий (рождение, брак, смерть) «до удобного случая» (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Возможно, определенную роль в формировании моделей поведения коренного населения сыграли репрессии 1930-х гг., когда аборигены стремились избегать контактов с представителями власти.

В целом демографические изменения, связанные с формированием половых диспропорций в первой трети XX в., затронули все коренное население предгорий Северного Алтая. Доля мужчин от общей численности населения составляла: в Калташинском сельсовете – 44 %, Кебезенском – 49, Малочебезенском и Суранашинском – 45, Солтонском – 38, Сузопском – 49,6, Паспаульском – 30, в Чап-

шинском сельсовете – 42 %. Данные по Солтонскому и Паспаульскому сельсоветам не вполне корректны из-за незначительности количественных данных по ним (см. Прил. XVI, рис. 11–17).

В ходе Великой Отечественной войны продолжилась трансформация половой структуры автохтонного населения. В частности, в Малочебеченском сельсовете доля мужчин снизилась с 45 % в начале 1940-х гг. до 41 % к началу 1950-х гг., а в Нижне-Ашпанакском и Ыныргинском сельсоветах составила 36 % к концу 1940-х гг. Ухудшение быта в тылу отразилось в основном на младшей и средней возрастных группах. К концу 1940-х гг. доля детей по указанным сельсоветам уменьшилась примерно в 1,5 раза в сравнении с началом десятилетия. В средней и старшей возрастных группах отмечается существенное преобладание женщин в возрасте 30–60 лет (Малочебеченский сельсовет) и 25 лет и старше (Нижне-Ашпанакский и Ыныргинский сельсоветы) (см. Прил. XVI, рис. 2, 3).

Данные по Нижнененинскому и Сузопскому сельсоветам за начало 1950-х гг. во многом сопоставимы с вышеприведенными данными (с учетом их пятилетнего разрыва). В первом сельсовете отмечается превалирование женщин в возрасте 35 лет и старше, во втором – от 30 до 65 лет и от 70 лет и выше (см. Прил. XVI, рис. 20–21).

В течение последующих десятилетий происходило выравнивание половой структуры в младшей, а затем и в средней возрастной группе. Если в начале 1970-х гг. половая диспропорция начиная с возраста 50 лет была обусловлена влиянием войны, то преобладание женщин в возрасте от 10 до 49 лет было сопряжено с комплексом социально-экономических причин и появлением гендерных различий в смертности. Среди социально-экономических причин можно отметить: срочную службу в вооруженных силах, получение высшего образования и практику распределения по окончании вуза, а также ликвидацию «неперспективных» сел.

В целом только в двух сельсоветах к 1970-м гг. фиксируется преобладание мужчин: 52 % в Каракокшинском и 56 % в Паспаульском. Незначительное превалирование женщин фиксируется в Кумандинском и Турачакском (по 49 %) и Ыныргинском (48 %) сельсоветах. Значительной была доля женщин в Кебезенском, Нижнененинском, Солтонском и Сузопском сельсоветах – 55–56 %. Ситуация в Солтонском районе (Нижнененинский, Солтонский и Сузопский сельсоветы) была обусловлена оттоком коренного населения в соседнюю Кемеровскую область в ходе ликвидации «неперспективных» сел. Данный процесс затронул в первую очередь молодых мужчин. Уже с младшей возрастной группы, в том числе в диапазоне 15–29 лет, в данном сельсовете фиксируется преобладание женщин, что не характерно для остальных административных образований. Кумандинский сельсовет того же района являлся своеобразным «островком благополучия», где и по сей день компактно проживают кумандинцы (см. Прил. XVI, рис. 22–30).

В меньшей степени события 1960-х – начала 1970-х гг. (укрупнение совхозов, ликвидация «неперспективных» сел) отразились на соотношении полов у автохтонного населения Турачакского и Чойского районов. Скорее всего, большая часть их населения переселилась в более крупные села и райцентры, что отчасти было характерно и для коренного населения Красногорского и Солтонского районов. На это, в частности, указывает отставание темпов урбанизации тубаларов и челканцев по сравнению с кумандинцами (по данным переписи 2002 г.).

Таким образом, половая структура коренного населения предгорий Северного Алтая существенно изменилась в течение XX в. Уже в начале века здесь были

зафиксированы некоторые различия в половой структуре у разных групп автохтонного населения региона. Преобладание мужчин или равновесие полов было характерно для коренного населения Турачакского и Чойского районов. Прева-лирование женщин, детерминированное их большей миграционной активностью и более высокими темпами урбанизации, фиксируется у аборигенного населения Красногорского и Солтонского районов. К началу 1970-х гг. во многих сельсоветах отмечалось устойчивое преобладание мужчин над женщинами.

Существенные изменения в течение XX в. претерпела и возрастная структура коренного населения. В начале 1940-х гг. возрастную структуру еще можно оха-рактеризовать как прогрессивную (см. Прил. XVI, рис. 11–17). При этом основание возрастных пирамид по всем сельсоветам было сужено. Структурные изменения были сопряжены с комплексом фактором: начало Великой Отечественной войны, ухудшение социально-экономического положения населения и соккрытие рожде-ний по объективным и субъективным причинам, а также эпидемии (в Красногор-ском районе, в с. Шунорак) и проч.

К 1940-м гг. доля детей в общей численности населения составляла в основ-ном 30–34 % – это ниже, чем по данным переписи 1917 г. Более высокой она была в Паспаульском (60 %) и Солтонском (45 %) сельсоветах, однако численность автохтонного населения в них была небольшой, следовательно, расчеты не вполне репрезентативны. В этих же сельсоветах доля лиц трудоспособного возраста была значительно меньшей, чем в остальных сельсоветах: 44 и 29 % соответственно. В целом корреляция в средней возрастной группе была небольшой – 53–56 %. По сравнению с 1917 г. трансформации 1920-х – начала 1940-х гг. практически не затронули данную возрастную группу.

В то же время отмечается увеличение доли пожилых до 10–14 %, а в Чап-шинском сельсовете до 16 %. Старение населения было связано с сокращением рождаемости и, как следствие, уменьшением доли детей в общей структуре абори-генного населения. События 1930-х гг., а возможно, и времен Первой мировой и Гражданской войн, отразились на возрастной структуре коренного населения. По материалам похозяйственных книг Малочеченского и Суранашинского, Су-зопского и Чапшинского сельсоветов нами выявлено резкое сокращение числен-ности людей в возрасте 35–39 лет, а в Калташинском, Сузопском и отчасти в других сельсоветах – 50–59 лет. В Кебезенском сельсовете относительно немногочислен-ной была группа 20–24-летних.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. произошло дальнейшее увеличение средней и старшей возрастных групп за счет снижения доли детей в общей численности населения. Причиной этого стало уменьшение количества деторождений в первой половине 1940-х гг. по большинству сельских советов. Так, в Нижне-Ашпанакском и Ыныргинском сельсоветах в 1944–1945 гг. и Нижненинском сельсовете в 1943 г. не было зарегистрировано ни одного новорожденного. Во второй половине десяти-летия наблюдается некоторый рост уровня рождаемости. Однако доля младшей возрастной группы (до 14 лет) в Малочеченском и Нижне-Ашпанакском сель-советах уменьшилась примерно в 1,5 раза по сравнению с началом 1940-х гг.

В средней возрастной группе фиксируется резкое сокращение населения в воз-расте 25–59 лет. Уменьшение численности населения, произошедшее в годы войны, затронуло не только мужскую, но и женскую половину. В целом корреляция в трех основных возрастных группах была следующей: 22–31 % – дети, 54–60 % – взрос-лые, 15–24 % – пожилые (см. Прил. XVI, рис. 18–21).

В течение 1950–1960-х гг. происходило восстановление возрастной структуры коренного населения предгорий Северного Алтая. На территориях разных сельсоветов демографические процессы протекали неравномерно (см. Прил. XVI, рис. 22–30). Наиболее высоким процент младшей возрастной группы был в Кебезенском (42) и Кумандинском (45) сельсоветах. Доля детей в Паспаульском, Сузопском, Каракокшинском, Турачакском и Солтонском сельсоветах уступает вышеприведенным данным – 36, 34, 31, 28 и 27 %. Наименьшей была в Нижнененинском (19 %) и Ыныргинском (20 %) сельсоветах.

Соответственно доля трудоспособного населения в первых двух сельсоветах, а также в Сузопском, была относительно незначительной – 45–50 %. В Нижнененинском и Паспаульском сельсоветах средняя возрастная группа составляла 56 и 55 % соответственно. По остальным сельсоветам процент был более высоким и колебался в пределах 63–67.

Столь же большой была корреляция доли пожилых. «Демографическая молодость» или «первое преддверие старости» (6–10 % пожилых от общей численности населения) были характерны для автохтонного населения большинства сельсоветов. По некоторым сельсоветам нами отмечено постарение аборигенного населения: Ыныргинский – 13 %, Сузопский – 16, Нижнененинский – 25 %.

Наблюдаемая корреляция данных по сельсоветам была детерминирована, на наш взгляд, различной миграционной активностью коренного населения. Основными центрами притяжения населения, покидавшего «неперспективные» села, становились райцентры, а также города. Среди мигрантов в основном преобладала молодежь, что обуславливало увеличение доли старшей возрастной группы. В целом половозрастная структура аборигенного населения соответствовала стационарному типу. Продолжилось постарение населения, начавшееся во второй половине 1930-х гг. и прерванное ростом уровня рождаемости в конце 1940-х гг. Демографический кризис первой половины 1940-х гг. обусловил волнообразный характер возрастной структуры коренного населения. Так, рост численности населения в возрасте от 10 до 19 лет приходится на вторую половину 1950-х – начало 1960-х гг., а в возрасте от 40 до 49 лет – на вторую половину 1920-х – начало 1930-х гг. Это – наиболее благополучные в социально-экономическом плане годы, когда демографическое развитие было стабильным.

Материалы похозяйственных книг за 1970-е гг. подтверждают влияние коллективизации и репрессий 1930-х гг. на демографическую структуру автохтонного населения предгорий Северного Алтая. Возрастные группы, сформировавшиеся в 1930-х гг., уступают в процентном соотношении старшим поколениям.

Рост численности аборигенного населения во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. был определен условиями первого этапа демографического перехода: снижением уровня смертности, сопряженным с трансформацией традиционного демографического поведения, развитием системы медицинского обслуживания, улучшением общих социально-экономических и санитарно-гигиенических условий жизни. Таким образом, комплекс факторов обусловил уменьшение летальных исходов в младшей возрастной группе.

По нашим расчетам, у коренного населения большинства сельсоветов во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. фиксируется сокращение количества деторождений. Исключение составило лишь автохтонное население Турачакского сельсовета.

Подходы к объяснению причин снижения количества деторождений разнятся. Данный демографический процесс может рассматриваться как временное явление,

или как часть системного процесса. На наш взгляд, снижение уровня рождаемости в рассматриваемый период стало вторым этапом демографического перехода. Во-первых, на это указывает тот факт, что в 1960–1970-х гг. население репродуктивного возраста увеличивалось в сравнении с предшествующими годами, причем за счет численно превосходящего молодого поколения.

Во-вторых, в этот период не случалось социальных или природных катастроф, эпидемии остались в прошлом. Однако кампания по ликвидации «неперспективных» сел, затронувшая в первую очередь автохтонное население предгорий Северного Алтая, вынудила его переселяться зачастую в другие регионы. Миграции из традиционных мест проживания могли отразиться на рождаемости через более длительный временной промежуток.

В-третьих, во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. произошло снижение уровня смертности у коренного населения предгорий Северного Алтая. Следствием этого стало резкое увеличение численности населения за счет младшей возрастной группы. В условиях ограниченных возможностей планирования семьи большое количество детей становилось тяжелым бременем для семей аборигенов. В результате широкое распространение получили аборты. Полевые материалы подтверждают увеличение количества аборт в 1960-е гг., сопровождавшееся комплексными изменениями демографического поведения по поводу рождаемости (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Санькино, Турачак). Это и способствовало снижению уровня рождаемости и переходу к рациональному типу воспроизводства населения.

Межэтнические браки. На протяжении XX в. количество межэтнических браков в среде коренного населения предгорий Северного Алтая увеличивалось. Их распространение, а значит и нарастание давления на демографическую структуру коренного населения предгорий Северного Алтая, было сопряжено с интенсивностью аккультурационно-ассимиляционных процессов в рассматриваемом регионе.

В течение 1920–1930-х гг. существенных изменений в сфере межэтнических браков не произошло. По данным, извлеченным нами из похозяйственных книг, в конце XIX в. межэтнические браки были распространены только в крупных населенных пунктах (райцентрах, центрах сельсоветов), что характерно и для начала XX в. Моноэтническими оставались айлы, преимущественно на территории современного Турачакского р-на Республики Алтай.

По словам информаторов, смешанные браки в довоенное время были единичными и осуждались родителями и обществом в целом. Социальный контроль со стороны старших родственников усиливался тем обстоятельством, что контакты аборигенов предгорий Северного Алтая с внешним миром были ограниченными. В определенной степени этому способствовало создание в начале 1930-х гг. национальных колхозов, просуществовавших несколько лет («Алтайский пахарь» в с. Шунорак, «Нацмен» в Тостоке, «Звезда Алтая» в Кичеке и др.) (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак).

Высоким процент смешанных браков в середине XX в. оказался в Кебезенском (20) и Чапшинском (44) сельсоветах (см. Прил. XIV, табл. 1–2). Стоит отметить, что большая часть межэтнических браков приходилась на тех, кто проживал в селах Кебезень, Чапша и Елтош. Коренное население, проживавшее в близлежащих населенных пунктах, придерживалось границ традиционного брачного круга. По остальным сельсоветам количество межнациональных браков было минимальным и не имело существенного влияния на демографическую структуру автохтонного

населения предгорий Северного Алтая. В Сузопском, Солтонском и Чапшинском сельсоветах в смешанные браки вступали только женщины из числа коренного населения региона.

Последствия войны и происходивших в первой половине XX в. процессов ассимиляции и аккультурации проявились уже в 1950-е гг. Следствием гибели родителей и старших родственников в годы войны становилось снижение социального контроля в сфере выбора брачного партнера. Количество смешанных семей резко увеличилось в Сузопском и Солтонском сельсоветах, составив в начале 1950-х гг. около трети общего числа семей. Тем не менее, данные по черным районам иллюстрируют сохранение тенденций предвоенных лет. Так, доля смешанных семей в Малочеченском сельсовете составляла всего 6 %, а в Нижне-Ашпанакском и Ыныргинском сельсоветах – по 19 % (см. Прил. XIV, табл. 1–2).

В последующие годы доля межнациональных браков продолжала увеличиваться, в том числе и в черных районах. Анализ материалов похозяйственных книг за 1970-е гг. позволяет выделить две группы сельсоветов. В первой группе (Кебезенский, Кумандинский и Сузопский сельсоветы) доля смешанных семей не превышала четверти общего числа; во второй группе (Каракокшинский, Нижненнинский, Паспаульский, Солтонский, Турачакский и Ыныргинский сельсоветы) – варьировалась в пределах 40–52 % (см. Прил. XIV, табл. 1–2). Подобные показатели объясняются более компактным проживанием коренного населения в сельсоветах первой группы, где дольше сохранялась эндогамность.

На территории всех сельсоветов, кроме Турачакского, фиксируется преобладание количества женщин, вступивших в межнациональный брак. Помимо уже ставших «традиционными» браков с русскими регистрируются семьи, в которых один из супругов – немец, мордвин, коми, украинец, якут и т. д.

Аккультурационно-ассимиляционные процессы отразились и на выборе этнической принадлежности детьми, рожденными в смешанных семьях. Необходимо отметить при этом, что в похозяйственных книгах отражен выбор родителей, а не детей. На протяжении 1930–1970-х гг. снижалось количество детей от смешанных браков, записываемых в похозяйственных книгах сельсоветов алтайцами, кумандинцами и др. (см. Прил. XIV, табл. 3–8). Данная тенденция была связана с ростом количества межэтнических браков, утратой традиционной культуры и родного языка.

Заметим, что Ю.В. Бромлей считал, что показатель 27,8–64,3 % межнациональных браков от общего их числа представлял угрозу существованию этноса. При этом исследователь отмечал, что «из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе» [1983, с. 202].

Коренное население было дисперсно расселено на территории исследуемых сельских советов, в которых преобладали русские. Это способствовало распространению межэтнических браков, а через них и ассимиляции. Все это в целом негативно отражалось на демографических процессах коренного населения предгорий Северного Алтая, но, тем не менее, способствовало освоению аборигенами новационных форм демографического поведения.

Демографическое поведение. По словам большинства информаторов, в 1920–1930-х гг. левиратные браки уже не практиковались и были известны только по рассказам. Лишь несколько информаторов смогли указать, что обычай левирата еще соблюдался. Интересно, что в одном из описанных случаев жена была русской

(ПМА, 2007, с. Солтон). Некоторые информаторы, родившиеся в 1930-х гг., уже рассматривали данный обычай как «грех», указывая на то, что брак между родственниками всегда был запрещен (ПМА, 2008, с. Красногорское).

Продолжалась трансформация и других форм брака. Ушли в прошлое традиции ранних и неравных браков между взрослой женщиной и мальчиком. Нормой становятся браки в 16–18 лет. Практиковались союзы взрослых мужчин с молодыми девушками. У нескольких информаторов мама (или мачеха) вышла замуж (часто путем кражи) за отца (часто вдовца) в раннем возрасте – 14–16 лет. При повторных браках сокращался промежуток между овдовением и вступлением в повторный брак (40 дней, шесть месяцев). В больших семьях соблюдался обычай избегания (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

Полевые сведения подтверждаются материалами сельскохозяйственного учета населения. На начало 1940-х гг. в браке состояла только одна 14-летняя девушка, проживавшая на территории Сузопского сельсовета. Возраст остальных женатых и замужних превышал 16 лет. В то же время снизился общий уровень брачности населения, причиной чего стало не изменение матримониального поведения, а негативное воздействие внешних факторов (репрессии, коллективизация, война).

Соотношение возраста супругов на начало 1940-х гг. по сравнению с данными переписи 1917 г. также несколько изменилось. Уменьшилась разница в возрасте между супругами и увеличилась доля супружеских пар, в которых жена была старше мужа. Например, в Кебезенском сельсовете данную группу составили 32 % супружеских пар. При этом разница в соотношении возрастов супругов, вступающих в смешанные и однородные браки, была несущественной (см. Прил. XII, табл. 2).

В определенной степени количество ранних брачных союзов сдерживалось большим размером калыма, который продолжал сохраняться в среде коренного населения предгорий Северного Алтая. По этой причине отец одного из информаторов смог жениться только после войны на 40-летней вдове (ПМА, 2008, с. Турачак). Калым (окончательно принявший денежную форму), как и приданое, потерял свой обязательный характер, но оставался данью традиции и окончательно исчез лишь во второй половине XX в.

В ходе трансформации моделей демографического поведения в середине XX в. существенно изменилось отношение молодых людей к добрачным и внебрачным связям. Советская мораль, противостоящая «пережиткам прошлого», формировала негативное отношение к патриархальным социальным нормам; «сексуальная распущенность» трактовалась как «контрреволюционность». В обществе пропагандировались многодетность и моногамность [Пушкарева, Казьмина, 2003, с. 74–75]. При этом каких-либо административных санкций в отношении молодых людей не предпринималось. Беременная девушка подвергалась общественному порицанию; молодежь могла «сломать окна» в ее доме, двери испачкать мазутом или дегтем; допускалось грубое отношение к ней со стороны мужа и членов его семьи. В ходе свадебного пира «нечестной» невесте родственницы со стороны жениха могли предложить кружку с дырявым дном. Такую же чашку могли поднести родителям жены на простинах, потребовав возвращения части уплаченного калыма (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

Распространение добрачных и внебрачных связей во многом было обусловлено половой диспропорцией в среде коренного населения. Внебрачные дети (*сураз*), количество которых в 1940–1950-е гг. резко увеличилось, становились

препятствием к вступлению в брак (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Информаторы указывают на то, что до коллективизации и Великой Отечественной войны внебрачных детей не было. Лишь единичные случаи отмечаются в некоторых населенных пунктах (Там же).

В первой половине XX в. автохтонное население предгорий Северного Алтая утрачивало этническую специфику демографического поведения. При этом взаимобусловленность матримониального, полового и репродуктивного поведения сохранялась в рамках все еще актуального традиционного типа воспроизводства населения.

Демографическое поведение по поводу рождаемости в конце 1940–1970-х гг. претерпевало существенные изменения. Продолжала сохраняться установка на ранние браки, однако большинство информаторов, родивших в 1920–1930-х гг., вступали в брак уже после 20 лет. Причиной откладывания свадьбы становится учеба, служба в армии.

В начале 1950-х гг. соотношение возраста супругов по сравнению с началом 1940-х гг. существенно не изменилось (см. Прил. XII, табл. 3). В начале 1970-х гг. соотношение супружеских пар, в которых старше мужчина или старше женщина, не изменяется – 20–30 % (только в Сузопском сельсовете – 13 %), но уменьшилась разница в возрасте супругов. Уменьшение количества неравных браков отмечено в сельсоветах Солтонского района (кроме Нижнененинского) и Турачакском сельсовете. В то же время отсутствует существенная корреляция в соотношении возраста супругов между смешанными и однородными браками. Только по некоторым сельсоветам отмечается преобладание доли межэтнических супружеских пар, в которых жена старше мужа (см. Прил. XII, табл. 4).

Сходит на нет социальный контроль межэтнических браков. Война отрицательно повлияла на демографические процессы в среде коренного населения; к середине XX в. наметилось сокращение числа потенциальных брачных партнеров в своей этнической среде. Межэтнические браки, исчезновение больших семей привели к нивелированию некоторых обычаев, в частности, обычая избегания (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Случай левиратного брака отмечается информаторами в 1940-х гг. только в с. Шунорак (ПМА, 2008, с. Турачак).

В этот же период получают распространение, хотя и незначительное, разводы, по-прежнему осуждавшиеся старшим поколением. Их причинами, в описанных информаторами случаях, являлась измена мужа. При этом следует отметить, что связи мужа на стороне не всегда приводили к разводу (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

Подобные трансформации были обусловлены изменениями общей социально-политической, культурной и экономической ситуацией в стране. Социально-экономические трудности, увеличение числа неполных семей, половая диспропорция населения и проч. факторы привели к росту числа аборт. По словам информаторов, аборты и другие способы предотвращения беременности в довоенное время были редким явлением (Там же). На основании результатов полевых материалов мы можем сделать вывод о преобладании среднедетных семей вплоть до середины XX в.

Массовость абортов, начиная с 1950-х гг., свидетельствовала о некотором смягчении общественного мнения в отношении искусственного прерывания беременности и внебрачных связей. По постановлению от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов...» репродуктивные права женщин существенно ограничивались [Пушкарева, Казьмина, 2003, с. 74], что способствовало распространению «крими-

нальных» способов прерывания беременности. С отменой в 1955 г. запрета на аборт ситуация начала меняться. В 1950–1960-е гг. снизился уровень детской смертности, хотя сократилась и рождаемость; начал осваиваться опыт индивидуального контроля рождаемости [Демографическая модернизация..., 2006, с. 175].

Если раньше высокая детская смертность выступала своеобразным регулятором детности семей, то успехи медицины в 1950-е гг. потребовали применения новых средств ограничения рождаемости. Стали практиковаться аборт как наиболее доступное и уже известное средство. Один из информаторов отметил: «Раньше дети сами умирали, вот и не делали аборты» (ПМА, 2008, с. Турачак).

По словам информаторов, в 1920–1960-е гг. женщины применяли различные средства, чтобы «скинуть, выбросить ребенка» (*боланы чигарсан* – челк.; *балазын чыгарын салган* – тубал.). Для предупреждения беременности использовали всевозможные настойки (например, отвар из стебля конопли), длительное кормление ребенка грудью и т. д. Средства, использовавшиеся для прерывания беременности, были также разнообразными: настойки из конопли, луковой шелухи и проч.; давление на живот; ношение тяжестей; глотание ртути, йода, водки, мыльной воды; «горчичники» для разогревания тела и т. д. (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

Вопрос о традиционности или инновационности описанных выше способов прерывания беременности сложен. Так, практически все «бабушки», помогавшие делать аборты, были русскими. Хотя и в 1920–1930-е гг., по воспоминаниям информаторов, были знахарки и среди коренного населения. Один из информаторов отметил, что в прошлом «челканцы не умели делать аборты», так как это считалось грехом. О том же рассказывали уроженцы кумандинских айлов Озерки и Курлек Красногорского района, указывая на распространение абортов уже в послевоенный период (Там же).

Во второй половине XX в. претерпело существенные изменения отношение к детям. По свидетельству информаторов, в 1950–1970-х гг. было отмечено уже несколько случаев умерщвления новорожденных (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Тондошка). Таким образом, изживание традиционных норм демографического поведения не только порождало позитивные изменения, но и провоцировало негативные тенденции.

Гибель в годы войны большого числа мужчин (в том числе старшего поколения – хранителей традиций), а также нуклеаризация семей и территориальная мобильность (в основном молодежи) способствовали сокращению влияния родителей и старших родственников на демографическое (матримониальное, половое, репродуктивное) поведение молодых. В обществе коренных обитателей предгорий Северного Алтая уже к середине XX в. наметился отход от традиционных норм и установок в брачной сфере.

Таким образом, до середины XX в. для коренного населения предгорий Северного Алтая были характерны традиционное воспроизводство населения и традиционное демографическое поведение. Прослеживалась его этническая специфика: левират, ранние браки, половые табу и т. д. Однако уже с последних десятилетий XIX в. под влиянием пришлого населения и деятельности миссионеров начался процесс модернизации демографического поведения. Политические и социокультурные изменения последующих десятилетий способствовали утрате этнической специфики демографического поведения. К 1960–1970-м гг. обозначился процесс ускоренной демографической модернизации.

Аналогичные процессы проходили в сфере демографического поведения по поводу смертности. В 1920–1930-е гг. продолжают распространяться санитарно-гигиенические знания. Реальностью аборигенных поселений Северного Алтая стали общественные и индивидуальные бани (в начале XX в. бани были только в крупных населенных пунктах у русских или обрусевших аборигенов) (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Получили распространение предметы и технологии личной гигиены. Например, у челканцев, кумандинцев и тубаларов появились ванночки (*тозьяк*) для купания детей. Их выделывали из коры и скрепляли черемуховыми «нитками». С данным предметом были связаны различные ограничения: запрещалось класть в ванночку какие-либо вещи, иначе ребенок мог заболеть. Воду после купания новорожденного выливали за ограду (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2). И все же рациональные знания постепенно вытесняли иррациональные традиции. Так, за 1920–1930-е гг. только одного информатора, до рождения которого у родителей умерло четыре ребенка, называли именем-оберегом – Чикчира (ПМА, 2008, с. Красногорское).

Продолжала развиваться сеть медицинских учреждений. Так в Солтонском районе этот процесс активно шел с конца 1930-х гг. и был прерван лишь в годы войны; в 1939 г. в районе имелись больница и 17 медпунктов [Сивкова, 2006, с. 2; Старченков, 1997, с. 3]. В Чойском районе длительное время существовал только врачебный участок (с 1924 г. – больница) в райцентре. Развитие сети медицинских учреждений активно началось в послевоенный период. В 1947 г. помимо разнопрофильных медицинских учреждений в с. Чоя существовала Ыныргинская больница, в селах Паспаул, Салганда, Верх-Учек, Бобучак, Киска – фельдшерско-акушерские пункты [Чойская летопись..., 2005, с. 160–162]. В Старобардинском (Красногорском) районе в середине XX в. функционировали больницы в райцентре и с. Усть-Ише, амбулатория в Усть-Каже, фельдшерские пункты в селах Еронде, Каянче, Калташе, Пильно, Фрунзе, Макарьевском, Лебяжьем, Тайне [Иванова, 2004, с. 2]. Таким образом, медицинское обслуживание охватывало не только районный центр, но и близлежащие населенные пункты.

По воспоминаниям многих информаторов, детство которых прошло в отдаленных аилах или на заимках, единственным «врачом» в черне был шаман – кам. Их количество к середине XX в. значительно уменьшилось. Часть камов подверглась преследованиям со стороны советской власти в 1930-е гг., некоторые были репрессированы. Оставшиеся шаманы не пользовались большим уважением со стороны сородичей. При тяжелых болезнях жители предгорий Северного Алтая отправлялись за помощью к их шорским «коллегам». Стало обычным явлением участие русских повитух в принятии родов (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак).

Коренное население предгорий Северного Алтая обращалось за помощью в медицинские учреждения часто только под внешним воздействием, прежде всего со стороны сельского начальства, поскольку не всегда доверяли врачам (Там же). Так, в 1930-х гг. в Красногорском районе во время эпидемии кумандинцы скрывали от врачей больных детей, мотивируя тем, что они их не возвращают (ПМА, 2008, с. Красногорское).

В 1950-е гг. доступность медицинской помощи на фоне улучшения социально-экономических условий жизни стала одним из условий первого этапа демографического перехода: снижения уровня смертности. Очень важным было начавшее формироваться доверие коренного населения к врачам. Если еще в середине века

многие женщины, жившие обычно в отдаленных аилах, рожали при содействии повитух, то в последующие годы большинство из них обращалось в больницы (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, с. Турачак).

При этом некоторые обычаи, запреты и ограничения сохранялись до 1970-х гг. (ПМА, 2008, с. Красногорское). В условиях всеобщего охвата населения медицинской помощью сохранение элементов традиционного демографического поведения по поводу смертности уже не играло существенной роли.

Таким образом, трансформация традиционного демографического поведения по поводу смертности была сопряжена с распространением санитарно-гигиенических знаний и формированием доверия коренного населения предгорий Северного Алтая к медицинским учреждениям в условиях нивелирования традиционных, прежде всего иррациональных представлений в этой сфере. Успехи медицины и развитие сети медицинских учреждений в регионе сами по себе не могли привести к изменению структуры смертности в 1950-е гг. Для этого необходимо было изменить модели повседневного поведения коренного населения. Рационализация и модернизация жизненных стандартов автохтонного населения оборачивалась трансформацией демографического поведения.

Типы семьи. В предвоенные годы происходило становление похозяйственного учета. Часть жителей и в первую очередь коренное население избегали регистрации в сельсовете. В результате данный вид учета населения оставался несовершенным до середины XX в. Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют обозначить основные тенденции в изменении типов семьи.

Так, к середине XX в. отмечается уменьшение доли полных семей, как простых (на 20 %), так и сложных (на 10 %) (см. Прил. X, табл. 9–12). Отраженное в похозяйственных книгах соотношение типов семей указывает на влияние внешних факторов. Среди них можно выделить латентно воздействовавшую на семейную структуру коллективизацию и репрессии. С учетом репрессивных практик анализ типов семей приводит к корректировке результатов. Так, в Кебезенском сельсовете к началу 1940-х гг. было арестовано 40 чел., среди них 35 глав семей и три замужних женщины. В результате 38 семей стали неполными, увеличив долю таковых в сельсовете на 20 %. Данный процесс продолжался в годы Великой Отечественной войны (см. Прил. X, табл. 9).

По большинству остальных сельсоветов также прослеживается влияние политических событий 1930-х г. В Калташинском, Чапшинском, Паспаульском, Малочебеченском и Суранашинском сельсоветах соотношение полных и неполных семей сопоставимо с данными по Кебезенскому сельсовету. В Сузопском сельсовете (посчитан вместе с Солтонским) существенного роста неполных семей, количество которых в Сузопской волости в 1917 г. было наибольшим по сравнению с другими волостями, скорее всего, не произошло. Сопоставление данных по Сузопскому сельсовету на начало 1940-х и 1950-х гг. указывает на рост количества сложных и неполных семей, произошедший в 1940-е гг. Возможно, коренное население отмеченного сельсовета было в меньшей степени затронуто репрессиями. Полевые материалы подтверждают статистические сведения. Большинство информаторов росло в неполных семьях или воспитывалось у родственников (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Социально-экономическое положение населения значительно ухудшилось, что было вызвано изъятием скота, вынужденным переселением, смертью или арестом родителей (ПМА, 2007, с. Солтон).

В целом отмечается незначительное уменьшение общего количества семей простых форм (полных и неполных). Исключение составляет Сузопский сельсовет, в котором количество таких семей увеличилось на 10 % по сравнению с данными по Сузопской волости за 1917 г. Несмотря на некоторое увеличение количества сложных семей, их формы упрощаются. В отдельных сельсоветах в разной степени сокращается количество семей, состоящих из несколько супружеских пар, поколений; снижается показатель детности (см. Прил. IX, табл. 3–4; Прил. XIII, табл. 2). В 1940-е гг. лидером по количеству подобных семей являлся Кебезенский сельсовет, в то время как в Малочебеченском и Суранашинском сельсоветах все сложные семьи состояли из одной супружеской пары. Еще сохранялись семьи, включающие семьи двух женатых братьев, в Кебезенском и Калташинском сельсоветах.

Среди неполных простых семей резко возросло количество тех, где главами являются матери-одиночки. В несколько раз (по разным сельсоветам от 2 до 5 раз) увеличился процент одиноких по сравнению с данными переписи 1917 г. В то же время соотношение одиноких мужчин и женщин изменилось в сторону увеличения последних. Это указывает на постепенный отход от традиционных норм поведения: обязательное вступление в брак, забота о пожилых родителях и родственниках и т. д. Кроме того, особенности похозяйственного учета населения не отражали всех реалий межсемейных связей. Одиноким человеком, за редким исключением, активно контактировал с родственниками, обычно жившими по соседству, мог положиться на них в трудную минуту.

Таким образом, за два десятилетия в семейной структуре коренного населения предгорий Северного Алтая произошли значительные изменения. Наметившийся на рубеже XIX–XX вв. процесс нуклеаризации семей под влиянием негативных внешних факторов сменяется архаизацией семейных форм, вследствие чего уменьшается количество полных семей. «Вынужденное безбрачие», выразившееся в росте числа матерей-одиночек и одиноких женщин, в еще большей степени усиливается в 1940-е гг.

Великая Отечественная война и послевоенная разруха существенно отразились на семейной структуре этнических групп предгорий Северного Алтая. Объединение семей способствовало выживанию населения в трудные годы. Пожилые работали по хозяйству, присматривали за малолетними детьми, работоспособные трудились на колхозных полях, на лесозаготовках и т. д.

На примере Сузопского и Малочебеченского сельсоветов, по которым имеются данные и на начало 1940-х гг., и на начало 1950-х гг., прослеживаются все отмеченные выше процессы. Несмотря на некоторые различия, имеют место общие тенденции: рост количества неполных и сложных семей и сокращение полных и простых. Во многом схожее соотношение форм семей отмечено в похозяйственных книгах Нижне-Ашпанакского и Ыныргинского сельсоветов за конец 1940-х гг. (см. Прил. X, табл. 12–14). Так, в Малочебеченском сельсовете в 1940-х гг. двумя женатыми братьями было образовано общее домохозяйство. В Сузопском сельсовете появилась семья, состоящая из трех супружеских пар – семей отца и двух его сыновей. Для Нижне-Ашпанакского и Ыныргинского сельсоветов было характерно наличие обоих отмеченных выше видов семьи.

Ухудшение социально-экономических условий жизни в военный период способствовало снижению процента одиноких домохозяйств, в наибольшей степени проявившееся на территории, подотчетной Малочебеченскому сельсовету. В пер-

вую очередь это было сопряжено с уменьшением количества домохозяйств (или исчезновением, как в Малочебеченском сельсовете), состоящих из одиноких мужчин.

Вместе с тем процесс нуклеаризации семей коренного населения предгорий Северного Алтая продолжался в послевоенные годы. Этому в значительной степени способствовали государственные меры в области сельского хозяйства, в том числе кампания по строительству жилья для колхозников. По воспоминаниям многих информаторов, вышедших замуж или женившихся в 1950–1960-е гг., первые годы супружеской жизни проходили в доме родителей мужа. Через несколько лет совхоз предлагал жилье, и молодая семья переезжала в свой дом, часто в другом селе (ПМА, 2007, с. Солтон).

В итоге продолжалось уменьшение количества сложных семей: в Сузопском сельсовете – на 4 %, в Ыныргинском – на 2 %. В целом к началу 1970-х гг. удельный вес сложных семей по разным сельсоветам существенно различался. Наименьшим он был в Каракокшинском, Кумандинском и Турачакском сельсоветах – 10, 15 и 18 % соответственно, а наибольшим – в Солтонском (33 %). Одновременно уменьшалось количество типов семей, а также изменялся их поколенный состав (см. Прил. IX, табл. 3–4; Прил. XIII, табл. 3–4). Исчезли «братские» семьи, редким явлением стали и двухпоколенные семьи, состоящие из семей отца и сына. В Каракокшинском, Кумандинском и Паспаульском сельсоветах такие семьи отсутствовали вовсе (см. Прил. X, табл. 15–19).

К 1970-м гг. в демографической структуре аборигенного населения уменьшилось количество неполных семей. Корреляция по сельсоветам составила от 9 и 15 % соответственно по Турачакскому и Кумандинскому, до 29 % – по Ыныргинскому. Появились и новые типы семей: совместное проживание подруг отмечено в Турачакском сельсовете.

В отличие от начала XX в., когда количество неполных семей, состоящих из вдов и вдовцов с детьми, примерно совпадало, в 1940-е гг. наметилось преобладание матерей-одиночек. Подобная ситуация была связана с деформацией половозрастной структуры автохтонного населения, а также с утратой традиции социального патернализма, включавшего комплекс мер по сохранению жизнеспособности семьи (левират и т. д.) или отдельных индивидов (социальное попечительство, усыновление и т. д.).

В этой связи уместно отметить, что в «кризисные» годы (коллективизация, репрессии, война) в рамках традиции взаимопомощи аборигены заботились не только о родственниках, сородичах и соплеменниках, но и о русских соседях. Информаторами были отмечены факты усыновления (удочерения) «татарских» детей русскими и наоборот. Но уже во второй половине XX в. отмечаются факты сиротства детей при живых родителях. Детей бросали, передавали в детдома или отдавали в семьи родственников (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, с. Красногорское).

В это же время существенно увеличилось количество одиноких: в Сузопском сельсовете по сравнению с 1950-ми гг. в 2 раза. По сельсоветам корреляция одиноких мужчин и женщин существенна: от 5 % в Солтонском до 21 % в Ыныргинском. В целом прослеживается тенденция предыдущих лет: отмечается преобладание одиноких женщин над мужчинами, что связано с более высоким уровнем смертности последних и раздельным проживанием детей и родителей (часто в разных селах и регионах). Исключение составляют Каракокшинский сельсовет, где зафиксировано преобладание мужчин, и Турачакский сельсовет, где половая структура сбалансирована.

Разрушение традиционных форм семьи, жизнь в которых регулировалась традиционными нормами, было сопряжено с прерыванием трансляции из поколения в поколение знаний, обрядов, поведенческих установок. Это было связано с демографическими потерями, с ассимиляционно-аккультурационными процессами, усилением межпоколенного разрыва. Утрата традиций неизбежно вела к росту маргинального поведения и отказу от семейных ценностей, результатом чего становился рост количества неполных семей и одиночек. Проследивая трансформацию типов семей у коренного населения предгорий Северного Алтая, можно говорить, что к концу XX в. они приблизились к процессам, происходившим в среде окружающего русского населения.

3.2. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Социально-экономические преобразования 1990-х гг. в совокупности с этнонациональной и миграционной политикой советского государства оказали существенное влияние на этнодемографические процессы у коренного населения предгорий Северного Алтая. С 1970-х по 2000-е гг. происходило «снижение общей и генетически эффективной численности населения, старение популяций, был выявлен суженный тип воспроизводства, увеличение доли метисных браков, снижение показателя общей брачности, уменьшение числа детей в семьях» [Ульянова и др., 2002, с. 142].

По данным Всероссийской переписи 2002 г., общая численность кумандинцев составляла 3 114 чел., тубаларов – 1 565, челканцев – 855 чел. Большая часть кумандинцев (57 %) проживала в городах (в основном в Бийске). По темпам урбанизации тубалары (9,6 %) и челканцы (15,8 %) уступали кумандинцам (см. Прил. VIII, табл. 10–11). Основная их часть проживает в Горно-Алтайске.

За прошедшее столетие существенно изменился характер расселения аборигенов. Практически исчезли небольшие айлы, в настоящее время коренное население сконцентрировано в крупных населенных пунктах, где оно тем не менее составляет меньшинство. В результате происходит сужение брачного круга, рост инбридинга, разрыв внутриэтнических и межэтнических связей [Лотош, Лузина, 1990, с. 154–155].

Анализируя ожидаемую продолжительность жизни некоторых народов России в конце XX в., демографы отмечают, что для большинства крупных народов Сибири характерно сочетание незавершенности первой фазы эпидемиологического перехода (экзогенные факторы смертности вытесняются эндогенными) и негативных последствий модернизации экономики и быстрого разрушения традиционного образа жизни, что в совокупности приводит к высокому уровню смертности [Демографическая модернизация..., 2006, с. 307–308]. Материалы по автохтонному населению предгорий Северного Алтая иллюстрируют еще более сложное демографическое положение малочисленных этносов.

Существенные изменения претерпела структура смертности. До середины XX в. в ней преобладали экзогенные факторы, распространенность инфекционных, простудных и иных заболеваний. К концу века причинами ухудшения здоровья населения стали стрессы, ухудшение экологической обстановки, алкоголизация, рост детской заболеваемости и т. д. В начале XXI в. структура смертности изменилась – преобладающими причинами смертности стали сердечно-сосудистые заболевания, заболевания эндокринной системы и т. д., увеличилось количество

летальных исходов по неестественным причинам. Так, в Чойском районе в 2000 г. не зафиксировано ни одного случая естественной смерти среди коренного населения трудоспособного возраста. Смертность детей у автохтонного населения Республики Алтай сократилась, но по-прежнему на 20–25 % выше, чем у русских того же региона [Соболева и др., 2004, с. 109–110].

Произошедший в 1950–1970-х гг. демографический переход способствовал постарению населения. Так, в Чойском районе за период с 1940-х до начала 2000-х гг. средний возраст мужчин увеличился на 13,14 года, женщин – на 7,61 года, составив соответственно 37,07 и 37,44 года. В Турачакском районе Республики Алтай в 1970-х гг. наблюдалось некоторое снижение среднего возраста, но к 2003 г. он увеличился на 8,67 года у мужчин и на 7,16 у женщин, составив соответственно 33,76 и 36,24 года [Ульянова и др., 2002, с. 143]. В отношении кумандинцев Красногорского и Солтонского районов Алтайского края прослеживается схожая динамика: повышение среднего возраста мужчин и женщин до 31,95 и 35,69 года в Красногорском, до 34,17 и 36,64 года в Солтонском [Октябрьская, Ульянова, Лавряшина, 2005, с. 138].

По переписи 2002 г., доля младшей возрастной группы у кумандинцев составила 14 %, старшей – 9,8 %. Данные по тубаларам и челканцам отличаются: 27,3 и 5 %, 26,7 и 3,7 % соответственно. Во многом схожее соотношение возрастных групп рассчитано для коренного населения Чойского, Турачакского районов Республики Алтай, Красногорского и Солтонского районов Алтайского края [Там же, с. 140–141; Ульянова и др., 2002, с. 144–145]. В течение последних лет наблюдается смена способа воспроизводства населения: с «прогрессивного» на «суженный», т. е. снижение удельного веса группы дорепродуктивного возраста.

К аналогичным результатам приводит анализ материалов, представленных М.М. Волобуевой. При высоком уровне смертности, в несколько раз превышающем уровень рождаемости в отдельные годы XXI в., отмечается снижение численности возрастной группы от 0 до 15 лет. Можно также проследить отрицательное сальдо миграции для кумандинцев Солтонского района, где социально-экономическая ситуация сложнее, чем в Красногорском районе и в Бийске – основных местах притяжения кумандинских переселенцев (см. Прил. VIII, табл. 12). Среди кумандинцев, проживавших в Бийске, отмечено снижение рождаемости (на 30 %) и смертности (на 20 %).

Незначительная доля людей пожилого возраста объясняется относительно высоким уровнем смертности в трудоспособном возрасте, в первую очередь мужчин. По данным переписи 2002 г., доля женщин у кумандинцев составила 54,6 %, у тубаларов – 49,8, у челканцев – 56 %.

Диспропорция половозрастной структуры коренного населения предгорий Северного Алтая негативно отражалась на характере брачных отношений. На протяжении XX в. доля состоящих в браке мужчин и женщин неуклонно уменьшалась. В итоге в 2002 г. у кумандинцев состояли в браке лишь 57,8 % мужчин и 49,3 % женщин, у тубаларов – 61 и 61,4, у челканцев – 61,7 и 60,7 % соответственно. К началу XXI в. в Солтонском районе средний возраст мужчин, вступавших в брак, достиг 33 лет, превысив пределы репродуктивного оптимума. В то же время по сравнению с началом 1940-х гг. несколько увеличилось количество женщин, вступающих в брак в репродуктивно неблагоприятном возрасте – моложе 20 лет [Ульянова и др., 2004, с. 148–149].

Одновременно увеличивалась доля межэтнических браков в общей их численности. Так, в Турачакском районе с 1940-х по 2000-е гг. она увеличилась

с 0,13 до 0,57 %, в Чойском районе – с 0,19 до 1,24 %, превывсив долю однонациональных браков. Резкий рост количества смешанных брачных союзов (особенно в Турачакском районе) приходится на 1970-е гг. – время ликвидации «неперспективных» сел [Ульянова и др., 2002, с. 145–147]. Аналогичная ситуация отмечается в Красногорском и Солтонском районах. Здесь за тот же период доля межэтнических браков увеличилась с 8,33 до 55,71 % и с 10,29 до 63,83 % соответственно [Октябрьская и др., 2005, с. 136]. При этом в Солтонском районе за 2000–2003 гг. не было зарегистрировано ни одного однонационального брака [Ульянова и др., 2004, с. 149].

При рассмотрении соотношения смешанных и однородных браков в разрезе сельсоветов становится явной критичность ситуации, сложившейся к началу XXI в. Так, в Нижнененинском сельсовете доля однонациональных браков уменьшилась до 5 %. Более высокий уровень эндогамии характерен для коренного населения, сконцентрированного в райцентрах: Красногорский сельсовет – 29 %, Солтонский – 31, Турачакский сельсовет – 14 % (с учетом традиционных браков с представителями других коренных этносов региона – 43 %). Лишь в с. Шатобал отмечается преобладание однонациональных браков.

Исследования интенсивности генного потока показали, что в Чойском районе через 60 лет (при сохранении темпов смешения начала XXI в.) доля аборигенов, имевших в прошлом хотя бы одного русского предка, составит 80 %, а в Турачакском районе для этого потребуется около 100 лет. На начало XXI в. уровень смешения коренного населения в Чойском районе достигал 55,29 %, а в Турачакском – 36,41 %, что сопряжено с незначительностью доли автохтонного населения Чойского района в общей структуре (6,9 %) и более крупной в Турачакском районе (19,6 %) [Соболева и др., 2004, с. 112].

Метисация кумандинцев Красногорского и Солтонского районов была менее значительной, увеличившись с 3,01 % в 1940-х гг. до 26,6 % к началу XX в. При этом доля красногорских кумандинцев, имеющих хотя бы одного предка другой национальности, составит 90 % уже через 60 лет, а солтонских кумандинцев – через 50 лет. По итогам наблюдений исследователи сделали вывод о нарастании уровня метисации [Октябрьская, Ульянова, Лавряшина, 2005, с. 136]. Следует отметить, что сравнительно низкий уровень смешения в указанных районах был обусловлен более интенсивными темпами ассимиляции. Как было показано выше, «кумандинские татары» были в большей степени втянуты в этнокультурные контакты с пришлым населением.

Интенсификация процессов метисации коренного населения с пришлым стала причиной возрастания в последние годы интереса к проблеме самоопределения и этнического самосознания метисов. В 1970-е гг. на территории Красногорского и Солтонского районов 80 % людей, рожденных в смешанных браках, определяли национальность как «русские». Рост этнического самосознания, присвоение кумандинцам статуса коренного малочисленного народа в начале XXI в. способствовали увеличению почти в 2 раза числа метисов, указывающих в графе национальность «кумандинец». По мнению исследователей, данная ситуация «лишь завуалирует демографическую катастрофу этого этноса, так как несколько улучшает статистические показатели в отношении численности представителей кумандинского этноса» [Там же, с. 137–138]. Во многом аналогично, но не так активно из-за меньшей распространенности межэтнических браков отмеченные процессы развиваются у тубаларов и челканцев (ПМА, 2008, с. Турачак).

В течение XX в. семьи аборигенного населения оставались среднететными: в среднем 2,5 ребенка. Если в начале века данный показатель объяснялся высокой детской смертностью, то во второй половине – осознанным регулированием рождаемости. В это же время практически исчезают многодетные семьи.

Кризисные явления в демографических процессах коренного населения сопряжены с ухудшением социально-экономических условий жизни. Полевые материалы 2007–2008 гг. позволяют говорить о реархаизации (т. е. возрождении в кризисных условиях форм деятельности и организации, функционировавших в прошлом) семейной структуры вкупе с возрождением этнического самосознания и некоторых традиционных видов хозяйства. Сложные экономические условия 1990-х гг. привели к образованию сложных семей и их сохранению из-за отсутствия средств на отделение молодой семьи. Подобные объединения часто являются смешанными в этническом плане. Процесс реархаизации не носит всеобъемлющий и массовый характер. Количество сложных семей незначительно.

В течение XX в. происходило снижение значимости языков автохтонного населения. В современных условиях существует угроза исчезновения кумандинского, тубаларского и челканского языков (Красная книга языков..., 1994, с. 35, 55, 65). По данным переписей, в 1926 г. родным языком владело 45,7 % кумандинцев, а в 2002 г. – 32,2 % кумандинцев (без учета проживавших за пределами территории традиционного проживания), 26,6 % тубаларов (вероятно, часть респондентов отметила знание алтайского языка) и 56,1 % челканцев.

Материалы социолингвистического исследования отражают более высокий уровень владения родным языком: более 70 % челканцев, около 50 % кумандинцев [Бельгибаев, Назаров, Николаев, 2005, с. 156; Октябрьская и др., 2000, с. 523]. Вероятно, в ходе переписи 2002 г. часть аборигенного населения указала алтайский язык вместо родного.

В этой связи особенно угрожающе выглядит вытеснение из семейной среды родного языка. Проведенный в начале XXI в. опрос показал, что около 6 % кумандинцев и тубаларов и около половины челканцев пользуются только родным языком при общении с членами семьи. Владение кумандинским (тубаларским/челканским) языком постепенно становится прерогативой только старшего поколения [Бельгибаев и др., 2005, с. 523]. Аналогичные результаты по знанию тубаларского языка получила С.Б. Сарбашева [2000, с. 170–172], отметив более значительную роль русского языка во всех сферах общения по сравнению с алтайским языком. Анализ современных этноязыковых процессов указывает на двуязычие автохтонного населения предгорий Северного Алтая при нарастающем преобладании русского языка во всех сферах жизни [Бельгибаев, Назаров, Николаев, 2005, с. 523].

Утрата знания родного языка обусловлена комплексом факторов, одним из которых является образование на ином языке. В 1926 г. уровень грамотности составлял 14,3 %, в том числе на родном языке 0,4 %. В 2002 г. среди кумандинцев преобладали люди, получившие начальную и среднюю профессиональную подготовку – 20,6 и 22,4 %, высшее образование имели 10,2 % кумандинцев. Аналогичные показатели у тубаларов и челканцев существенно отличаются: 15,3, 23,7 и 8,8 %; 16,1, 28,1 и 16,1 % соответственно.

В районах проживания коренного населения предгорий Северного Алтая сохраняется аграрный характер хозяйствования. В 1926 г. в Ойротской автономной области 88 % автохтонного населения (в том числе рассматриваемые этнические группы) занималось сельским хозяйством. По данным переписи 2002 г., значи-

тельная часть кумандинцев, тубаларов и челканцев по-прежнему занята в аграрном секторе: 26,8, 17,0 и 14,0 %, но при этом увеличилась доля сельской интеллигенции (учителя, врачи, госслужащие и т. д.). Данная группа у кумандинцев и тубаларов достигает трети общей численности работающих, а у челканцев доходит до 50 %. Это свидетельствует об адаптации части автохтонного населения к современным условиям. При этом все же высока доля безработных – 12,8 % у кумандинцев, 10,3 % у тубаларов, 13,3 % у челканцев. Основным источником дохода для них является социальная помощь со стороны государства и личное подсобное хозяйство.

Результаты переписи в целом подтверждаются оценками социологов, указывающих на «вторичную натурализацию экономических отношений и архаизацию социальных отношений» [Октябрьская и др., 2000, с. 523]. С.Б. Сарбашева [2000, с. 170] отмечала противоречие между уровнем образования и характером профессии в конце XX в. у тубаларов. Большинство из них являются рабочими низкой квалификации (27,1 %) или не имеют работы (25,7 %, а в возрастной группе 19–60 лет – 39,8 %).

Таким образом, естественный прирост, уровень рождаемости, возрастная структура населения и другие показатели указывают на устойчивость этнодемографического развития коренных этносов предгорий Северного Алтая. При этом отдельные демографические показатели (численность этносов, средний возраст, метисация и т. д.) и их сопоставление в исторической ретроспективе позволяют определить неблагоприятные тенденции. Значительный негативный эффект имеют миграционная активность и межэтнические браки, зачастую приводящие к ассимиляции этнофоров, а также суженый тип воспроизводства населения, особенно усиливающийся в последней трети XX в.

Современные демографические процессы в среде автохтонного населения предгорий Северного Алтая интерпретируются как кризисные. «Если в периоды стабильного экономического развития эти (демографические. – Н. В.) показатели достаточно инерционны, то в кризисные годы они выходят за рамки сложившихся в прошлом тенденций» [Соболева и др., 2004, с. 104]. Несомненно, внешние факторы (социально-экономические, политические и др.) оказывают влияние, но основополагающими являются особенности конкретного типа воспроизводства населения и его эволюция.

Современный волнообразный характер половозрастной структуры этносов предгорий Северного Алтая является результатом значительных людских потерь в годы войны и демографического перехода в 1950–1970-х гг. от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. В результате на рубеж XX–XXI вв. приходится немногочисленные поколения репродуктивного возраста, обуславливая снижение уровня брачности и рождаемости (правда, не настолько интенсивное, как в прошлые годы), некоторое повышение смертности.

Однако не стоит отрицать наличие целого комплекса негативных тенденций в среде автохтонного населения, отмеченных выше: увеличение уровня смертности, межэтнические браки и метисация и т. д. Процесс «растворения» малочисленных этносов предгорий Северного Алтая среди алтай-кижи и русских является реальностью, как бы ни самоопределялись потомки от смешанных браков.

Имеющиеся демографические материалы позволяют говорить о более устойчивом развитии челканцев на протяжении XIX–XX вв. Их численность за последние 100 лет не претерпела существенных изменений, что объясняется их низкой миграционной активностью, ограниченной в основном территорией Турачакского района,

и относительной редкостью межэтнических браков. Миграции, смешанные браки, ассимиляционно-аккультурационные процессы в наибольшей степени отразились на демографических процессах у кумандинцев.

Коренное население предгорий Северного Алтая прошло два этапа демографического перехода, вступив на рубеже XX–XXI вв. в третий этап. Наместились некоторые изменения в сфере брачности и рождаемости: повышение брачного возраста, большая свобода матримониального поведения и появление новых форм брачных отношений, более высокая эффективность планирования воспроизводства, изменение ролевых функций мужчины и женщины в семье и обществе. В то же время не произошло позитивных изменений в структуре смертности. Скорее, наоборот: фиксируются негативные явления в этой сфере, что можно связать со сложными социально-политическими процессами 1990-х гг. Этнический фактор существенно не влияет на характер демографических процессов.

3.3. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ФОРМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

В XX в. основное влияние на самосознание коренного населения по-прежнему оказывали государство (прежде всего в сфере администрирования) и интенсивность этнокультурных контактов с иноэтничным окружением. Тема коренного населения Сибири на протяжении 1920–1930-х гг. была актуальной на всех уровнях власти формирующегося советского государства. В этот период были организованы национальные сельские советы (тузсоветы, тузРИКи). В начале 1930-х гг. в районах проживания коренного населения создавались национальные колхозы, просуществовавшие несколько лет. В границах Северного Алтая это были: «Алтайский пахарь» в с. Шунарак, «Нацмен» в с. Тостоке, «Кумандинец» в с. Алешкино, «Звезда Алтая» в с. Кичеке и др. (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак).

Организация национальных колхозов соответствовала характеру расселения разных этнических групп в рамках конкретных населенных пунктов. На рубеже XIX–XX вв. во многих деревнях и селах рассматриваемого региона сформировалось разделение поселений на две половины: «татарскую» и «русскую». Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., существовали село и аил Пильно. В с. Пильно проживало смешанное население, включая обрусевших аборигенов, а в аиле Пильно – в основном некрещеное коренное население (ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а. Д. 293, 294, 303). По полевым данным, подобное деление деревень сохранялось и в середине XX в. Например, с. Тондошка состояло из Верхней и Нижней Тондошки (ПМА, 2008, села Тондошка, Турачак). Существовали также аил и село Ужлеп, дер. Тайна и аил Верх-Тайнинский [Докучаев, 2005, с. 4; 2006, с. 2].

Интересно, что отголосок давней традиции расселения до сих пор сохраняется в с. Красногорском. Одна из его улиц заселена сородичами из исчезнувшего уже с. Егона (улица расположена в с. Красногорском, но она переходит в дорогу до с. Егана). При этом на одной стороне улицы живут Сатлаевы, а на другой – Кухтуековы. В прошлом в заречной части райцентра существовала подобная улица, населенная выходцами из Нарлыка, Сарыкова и других сел «по той стороне» (ПМА, 2008, с. Красногорское).

Одновременно с формированием национальных административно-территориальных образований расширились этнографические исследования автохтонных культур, ориентированные на научно обоснованное выделение новых этносов: кумандинцев, черневых татар (тубаларов), челканцев и др., включенных в перечень народов СССР при проведении переписи 1926 г. Появление новых этнических общностей отражено в результатах переписи. Часть аборигенного населения предгорий Северного Алтая записалась алтайцами или шорцами (кумандинцы в Кузнецком округе). В частности, алтайцы Сростинского и Старобардинского районов Бийского округа в прошлом составляли население Быстрянской управы, этнически близкое кумандинцам и телеутам. Термины «туземец» и «нацмен», синонимичные наименованиям «инородец» и т. п., введенные в 1920–1930-х гг. в научную литературу и документооборот для обозначения коренного населения Сибири, остались невостребованными.

Советская власть стала преемницей имперской административной политики. После 1917 г. продолжилось огосударствление всех аспектов жизни коренного населения [Соколовский, 2001, с. 61]. В 1917 г. был образован Каракорумский (Горно-Алтайский) уезд, вошедший вместе с Бийским уездом в созданную в том же году Алтайскую губернию. На 2 сентября 1918 г. Каракорумский уезд включал Алтынкольскую (Верхне-Бийскую), Ахтыганскую (Турачак), Байгольскую, Паспаульскую, Успенскую и Ыныргинскую волости, населенные коренными жителями предгорий Северного Алтая (От уезда к республике..., 2001, с. 23). Появление Каракорумского уезда соответствовало реалиям времени, когда все более или менее крупные народы стремились получить суверенитет в той или иной форме.

В это же время в состав Бийского уезда вошли Ельцовская, Уксунайская, Урунская, Яминская и другие волости Кузнецкого уезда (Справочник..., 1987, с. 10); (см. Прил. I, карта 6). В составе Кузнецкого уезда (позднее Кемеровская область) осталась только Караканская волость, вошедшая в 1924 г. в состав Ленинской укрупненной волости (Административно-территориальное деление..., 1966, с. 164). Несколько кумандинских населенных пунктов в Таштагольском районе Кемеровской области продолжают существовать и по сей день.

В 1922 г. из Каракорумского и части Бийского уездов была образована Ойротская автономная область, в которую вошли Алтынкольская (Верх-Бийская), Лебедская, Озеро-Куреевская (часть), Паспаульская, Успенская и Ыныргинская волости (Там же, с. 21).

В 1924 г. произошло укрупнение волостей в районы: Солтонский и Старобардинский (с 1960 г. Красногорский) Бийского уезда, а также Лебедской и Успенский (с 1933 г. – Турачакский и Чойский) в Ойротской автономной области. В 1925 г. с образованием Сибирского края предгорья Северного Алтая вошли в состав Бийского округа. Отдельной административно-хозяйственной единицей в составе края осталась Ойротская автономная область (Там же, с. 25, 55–56, 95, 160).

В 1930 г. Сибирский край был разделен на Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский края при сохранении в последнем Ойротской автономной области. В 1937 г. территория новой административной единицы была в свою очередь разделена на Алтайский край с центром в Бийске и Новосибирскую область с центром в Новосибирске. Одновременно в 1930 и 1931 гг. произошло укрупнение Солтонского и Старобардинского районов за счет перераспределения территории соседних ликвидированных (Там же, с. 117–118, 128, 168, 173).

По мнению официальных структур власти, создание и функционирование национальных районов и сельских советов «кроме культивирования национальной замкнутости, экономической неэффективности и пропагандистских миражей, других «достижений» не дало» [Национальная политика..., 1997, с. 294]. В 1930-х гг. власть отказывается от планов по созданию национальных административных образований: объединения Ойротской автономной области с Горной Шорией и др. В 1935 г. был упразднен Комитет Севера, ликвидированы все национальные советы [Соколовский, 2001, с. 108–109].

В 1948 г. Ойротская автономная область была переименована в Горно-Алтайскую. Официально изменение аргументировалось несоответствием термина «ойрот» историческим реалиям. Как и в начале XX в., этнонимичное содержание названия административной единицы сменяется территориальным.

В последующее время изменения административно-территориального деления предгорий Северного Алтая продолжались. Так, в 1956 г. был ликвидирован Чойский район, территория которого была распределена между Майминским и Турачакским районами. В 1980 г. Чойский район как самостоятельная административная единица был восстановлен. С 1963 по 1965 г. территории Красногорского и Солтонского районов были объединены в рамках Бийского сельского района, а затем вновь выделены в отдельные административные единицы.

Таким образом, в середине 1930-х гг. четко обозначился курс на унификацию и администрирование в области национальной политики. Государство взяло курс на укрупнение этнических образований. Во всех последующих советских переписях коренное население предгорий Северного Алтая включалось в образованную в ходе социалистического строительства алтайскую народность на правах этнографических групп.

В результате этнополитического реструктурирования часть кумандинцев, а также тубалары и челканцы, территории расселения которых были включены в состав Горно-Алтайской автономной области, испытывали нивелирующее влияние численно преобладавших алтай-кижи. В меньшей степени это касалось красногорских и солтонских кумандинцев Алтайского края, этнонимы которых продолжали функционировать в рамках сельских советов (похозяйственные книги, районная периодика, паспорта и иные документы). В Солтонском районе кумандинцы выступали в роли инкорпорирующей стороны в отношении части телеутов и шорцев.

Коллективизация, административные преобразования и одновременно осуществлявшиеся мероприятия по изживанию пережитков прошлого в конечном итоге способствовали нивелированию значения *сеоков* и экзоэтнонимов в жизни коренного населения к середине XX в. Именно в 1920–1940-е гг. прекращается проведение коллективных мероприятий (*тайелга*, праздники, свадьбы и т. д.), что впоследствии негативно отразилось на этническом самосознании и процессах воспроизведения культуры. Меры по ликвидации «неперспективных» сел в 1960–1970-х гг., способствуя миграциям этнофоров за пределы традиционных территорий проживания, окончательно разрушили архаичную основу социальной организации.

На первый план к середине XX в. выходят идентичности более высокого таксономического уровня. Для кумандинцев Красногорского и Солтонского районов Алтайского края был характерен этноним «татары», актуализированный в ходе крестьянской колонизации конца XIX – начала XX в. Его устойчивость была настолько велика, что, по словам одного из информаторов, фиксация в паспорте

этнонима «кумандинец» вызывала удивление и огорчение (ПМА, 2008, с. Красногорское). В то же время солтонские кумандинцы указывали на негативный оттенок наименования «татары» (ПМА, 2007, с. Солтон).

На территории Горно-Алтайской автономной области в силу административных мер наибольшее распространение получил этноним «алтаец», отодвинувший на второй план самоназвания. Попытка закрепления в 1920–1940-х гг. полиэтнонима «ойрот» не увенчалась успехом.

Рост национального самосознания, возрождение интереса к собственной культуре в начале 1990-х гг. вкупе с изменениями в административно-территориальном делении региона (образование в 1991 г. Горно-Алтайской ССР, в 1993 г. – Республики Алтай) способствовали актуализации самоназваний коренного населения предгорий Северного Алтая.

Современные уровни идентичности представляют собой сложное переплетение архаичных и инкорпорированных этнонимов. Низовой уровень – патронимический – практически полностью нивелирован. Наименования *сеоков* и экзоэтнонимов хоть и сохраняются в этнической памяти, но не актуальны для современного самосознания аборигенного населения предгорий Северного Алтая. В результате двухвековой русификации *сеоки* утратили всякую функциональную нагрузку и сохраняются только в памяти старшего поколения (см. Прил. XV, табл. 3–6).

Проведенное в 2002–2004 гг. в рамках историко-этнографических экспедиций АлтГУ анкетирование показало, что только треть кумандинцев знает свой *сеок* (31 %). С уменьшением возраста наблюдается некоторое снижение знаний своей родовой принадлежности. Относительно сеоковой принадлежности родителей респонденты показали схожий уровень осведомленности. Следует отметить, что часть респондентов может указать лишь *сеок* своего отца, что, скорее всего, объясняется патрилинейным счетом родства у кумандинцев. Только 9 % знают более трех *сеоков*. При этом ни один респондент с высшим образованием и родившийся в 1969 г. и позже таких знаний не проявил. Знания о семейной генеалогии ограничиваются двумя, реже тремя поколениями.

В настоящее время ряд исследователей отмечает замену термина *кезек* у челканцев словом *сеок*. При этом этнонимы *шолгану* и *шакшылу* воспринимаются коренным населением как названия племен [Тюркские народы..., с. 470–471; Функ И.И., Функ Д.А., 1991, с. 31]. Аналогичные процессы характерны для тубаларов [Бельгибаев, 2003, с. 200; Сарбашева, 2000, с. 169]. У кумандинцев наименования *сеоков* практически вытеснены экзоэтнонимами: *орё-* и *алтына-куманды*. Только в Солтонском районе сохраняется память о *сеоках* (ПМА, 2007, с. Солтон).

Наиболее актуальным на сегодняшний день для коренного населения предгорий Северного Алтая является уровень самоназвания: «кумандинцы», «тубалары», «челканцы» (см. Прил. XV, табл. 2). Причина распространения данных этнонимов в 1990–2000-х гг. кроется не только в росте национального самосознания, но и в административных мерах, выразившихся в принятии «Официального единого перечня коренных малочисленных народов России» и предоставлении им государственных дотаций. Вытесненные на второй план этнонимы «алтаец» и «татарин» сохраняют свою сферу бытования. Наименование «татарин» перешло на бытовой уровень и, как нам представляется, только в настоящее время приобретает ярко выраженный негативный характер. Этноним «алтаец» сохраняет свою устойчивость среди старшего поколения автохтонного населения Республики Алтай (ПМА, 2008, с. Турачак).

Основным идентифицирующим признаком, по мнению кумандинских респондентов, в настоящее время выступает язык (см. Прил. XV, табл. 7). С одной стороны, это объясняется возросшим интересом к родному языку, с другой – язык принимает символическое значение, когда немногие им владеют, но при этом большинство декларирует желание его знать и считают родным. На втором по значимости месте в стратегиях самоидентификации находятся обряды и обычаи, на третьем – пища. Среди остальных ответов фигурировали: антропологический тип – 6 %, религия, низкий уровень образования, одежда и чистоплотность – по 1 %. Более четверти участников опроса затруднились с ответом на поставленный вопрос (27 %), а 7 % не смогли выделить никаких отличий, что, по нашему мнению, сопряжено с далеко зашедшими процессами унификации культуры.

Формы самоопределения коренного населения предгорий Северного Алтая корректируются под воздействием внешних факторов в контексте этносоциальных и этнополитических процессов в Республике Алтай. Вслед за обретением независимости в республике развернулось движение национального возрождения, частью которого стал дискурс о единстве алтайского этноса. Произошло возрождение зайсаната и архаичных форм самоорганизации на уровне *сеоков* и *совета старшин сеоков*. По мнению Е.М. Самушкиной [2009, с. 57], родовое движение «...рассматривается символической элитой как способ консолидации населения и нейтрализации субэтнических различий». Алтайская элита настаивала на единстве алтайского этноса. В то же время в академическом и общественно-публицистическом дискурсе республики сохранялась тема противопоставления Севера и Юга.

По мнению одного из ведущих этнографов Алтая Н.А. Тадиной [2006, с. 152–154], можно говорить о внутреннем делении алтайского этноса по степени влияния русского фактора. Автор выделяет два этностереотипа: «алтай-кижи» (южные алтайцы) и «туба» (северные алтайцы). Первый стереотип «обозначает “истинных, настоящих” алтайцев – “су-алтай”, не подвергшихся русскому влиянию и живущих на территории распространения бурханизма» [Там же, с. 152]. Его формирование напрямую связано с консолидирующим движением бурханизма как этнической религии рубежа XIX–XX вв. и его современными формами. Основной характеристикой данного этностереотипа является происхождение из «...алтайского села (Усть-Канского, Онгудайского и части Шебалинского районов), где русское население минимальное или его вовсе нет, что гарантирует знание родного языка, быта, обычаев и традиций» [Там же].

Стереотип «туба», по мнению Н.А. Тадиной [Там же, с. 153], охватывает тех, кто подвергся «ассимиляции в той или иной степени...», «неправильных» алтайцев, т. е. маргиналов». Автор отмечает, что для «туба» характерна трансформация общества и быта, утрата родового управления и этнического самосознания [Там же]. Указывая на давность противопоставления северных и южных алтайцев, Тадина подчеркивает, что «алтай-кижи» являются ядром, а «туба» – промежуточной группой единого алтайского этноса [Там же, с. 153–154].

Актуализация межэтнического противостояния определяет современную ситуацию в Республике Алтай. Противопоставление «мы – они» на уровне алтайской общности является важным фактором самоопределения коренного населения предгорий Северного Алтая.

В настоящее время для кумандинцев, тубаларов, челканцев характерны административные и общественные формы самоорганизации [Тадина, 2009, с. 79]. В 1992 г. была создана «Ассоциация северных алтайцев», в 1993 г. в Бийске –

Общество возрождения кумандинского народа, в 1997 г. – региональная группа «Кумания» во главе с А. Пелековым, а также общественно-политическое объединение коренных малочисленных народов Республики Алтай и др. (Кумандинцы: в таежном углу..., 2007); [Нечипоренко, Октябрьская, 2003, с. 242–243]. В дер. Шатобал была организована Кумандинская национальная сельская администрация. В конце 1990-х гг. в городах и райцентрах появляются самостоятельные организации тубаларов и челканцев: Союз общин коренных народов Турачакского района Республики Алтай, «Возрождение тубаларского народа», общины тубаларов Чойского и челканцев Турачакского районов и т. д. В настоящее время, например, в Чойском районе Республики Алтай существует девять общин и национально-культурных центров (Информационный портал...).

Наличие большого количества общин и общественных организаций на деле провоцирует столкновения между ними, причинами чего становятся, в том числе государственные дотации. Так, в ходе II Съезда кумандинского народа в противовес Ассоциации кумандинского народа был создан Общественный национальный Совет кумандинского народа (Ассоциация кумандинского народа...). Аналогичная ситуация сложилась на III Съезде тубаларского народа Республики Алтай (В Республике Алтай создан Союз...).

Процесс образования и структурирования общественных организаций еще далек от завершения. Так, в с. Красногорское Красногорского района Алтайского края предполагается учредить самостоятельное кумандинское общество (ПМА, 2010, с. Красногорское).

Таким образом, у кумандинцев сложилось три основных центра возрождения: г. Бийск (пос. Нагорный), с. Красногорское и Кумандинская национальная сельская администрация в Солтонском районе Алтайского края. Среди тубаларов, как и среди челканцев, для которых исследуемые процессы характерны в наименьшей степени, значительное влияние имеют республиканские организации, от которых зависят районные общины.

Интересным моментом является эволюция позиции руководителей кумандинского движения в течение двух десятилетий. Так, в 1992 г. в резолюции I Съезда кумандинского народа предлагалось создание в республике «ущающихся условий жизни» для кумандинцев, что подразумевало отмену всех видов налога, замену обязательной воинской повинности добровольной, предоставление приоритета в природопользовании, а также «создание национальных районов и восстановление кумандинских сел» [О создании ущающихся условий..., 1992, с. 1].

IV съезд ознаменовал трансформацию позиции кумандинской элиты по вопросам национально-культурного возрождения. Избранному руководству кумандинской ассоциации было «рекомендовано больше заниматься проблемами трудоустройства, созданием коммерческих структур, чтобы зарабатывать деньги самим», а не дожидаться помощи от государства [Съезд кумандинцев, 2000, с. 1].

Как видно, в процессе общественно-политического строительства наиболее активны кумандинцы. Несмотря на отмеченное разнообразие этнонациональных объединений, для них характерна общность программных задач: «возврат к ценностям и нормам традиционной культуры, сохранение языка коренного тюркоязычного населения региона, отстаивание его интересов в экономической сфере, приоритет коренного населения в решении экологических проблем» [Самушкина, 2009, с. 47]. Например, цель «Курултая алтайского народа» состоит в «...сохранении и консолидации алтайцев как единого народа; ...возрождении и развитии само-

бытной культуры и языка всех групп алтайцев: туба, теленгит, чалганду, куманды, телеут, алтай-кижи» [Там же, с. 45].

Несмотря на внешнее отличие современных этнических процессов, наблюдается заимствование интеллектуальной элитой североалтайских этносов основных методов самоутверждения у южных алтайцев. Среди них: возрождение традиции проведения праздников (Жылгояк и др.) [Богатырь, 2007б, с. 3] или их конструирование на квазиэтнической основе («Шолак-колак» – «Журчание и гудение рек во время Великого Потопа») (Жылгояк...). По аналогии с Эл-Ойыном кумандинцы проводят в разных районах ежегодный фестиваль «Байрам», приуроченный к всемирному дню коренных малочисленных народов [Асямов, 2005б, с. 5; 2007, с. 4; Ветлинская, 2003, с. 3; Габриадзе, 2006, с. 3; Реснянский, 2002, с. 2–3]; (ПМА, 2010, с. Красногорское). В 2001 и 2003 гг. фестиваль проходил в с. Егона Красногорского района, в 2002 г. – в с. Шатобал Солтонского района, в 2005 г. – близ с. Карабинка Солтонского района, в 2006 г. – в с. Пильно Красногорского района, в 2007 г. – в с. Шунорак Турачакского района. Тубалары и челканцы раз в два года проводят «Тюрюк Байрам» (Праздник кедра) [Богатырь, 2007а, с. 1].

Одной из форм этнического самоопределения является конструирование этнической истории. В частности, можно отметить работу Л.М. Тукмачева-Соболева [2001], в которой изложена легенда о прибытии на Алтай кумандинцев во времена всемирного потопа. В схожем ключе, но с опорой на научную гипотезу о генетической связи современных южносибирских этносов и динлинов, изложена этническая история кумандинцев в рукописи М.В. Кастаракова «Белые кони духов» (Происхождение кумандинцев...). Философским поиском ответа на вопрос «Кто мы – тубалары?» пронизан сборник В.Г. Кушнарченко-Суртаевой [2000], в котором этнографические сведения переплетены с квазинаучными.

При изучении современных социокультурных практик коренного населения Алтая Е.В. Самушкиной было отмечено: «обращение к архаике в реинтерпретации этногенеза современных алтайцев отражает стремление этнической элиты подчеркнуть преемственность в развитии современного этнополитического сообщества Республики Алтай с кочевыми сообществами средневековья. Актуализация связи с сибирскими скифами, выступающими в качестве “престижных предков” по отношению к другим народам, проживающим на Алтае, направлена на символическое повышение статуса современных алтайцев путем наделения их «культурным капиталом» [2009, с. 88]. «Конструируя» прошлое, североалтайская элита преследует аналогичные цели, выводя кумандинцев из среды динлинов (М.В. Кастараков), или провозглашая «тубалары – родичи почти всему миру» [Кушнарченко-Суртаева, 2000, с. 5].

Следствием актуализации этнического самосознания в 1990-е гг. и официального признания за кумандинцами, тубаларами и челканцами статуса коренных малочисленных народов Сибири в 2000 г. стало обострение проблемы межэтнических отношений в рассматриваемом регионе. И хотя консолидация северных и южных алтайцев в рамках алтайской государственности остается доминирующей тенденцией этносоциального развития региона, элементы конфронтации по языковому, религиозному и проч. признакам остаются актуальными, задавая параметры самоопределения.

Показателем активности процесса самоопределения в последнее десятилетие является демографическая статистика. Так, в 1990-х гг. отмечается смена зафиксированных в похозяйственных книгах 1980-х гг. идентичностей детей с русской

на кумандинскую, тубаларскую или челканскую. В настоящее время через судебные инстанции этнофорами, родившимися в смешанных браках, подтверждается принадлежность к коренным малочисленным этносам Алтая. Данные тенденции сопряжены зачастую с возможностью получения государственных дотаций.

Таким образом, к началу XXI в. произошла существенная трансформация самосознания автохтонного населения предгорий Северного Алтая. Фактически «рабочими» остались только два уровня: самоназвание и причисление к алтайской общности. Основной детерминантой динамики самосознания выступило государство, а также этнокультурные контакты с иноэтничным окружением на протяжении всего рассматриваемого времени. В условиях нивелирования архаичной традиционной основы самоидентификации североалтайские этносы избрали путь административного возрождения своей культуры и этничности. Создаваемые в настоящее время общественные организации и этнонациональные общины в будущем могут заменить в функциональном отношении утраченные социальные институты и стать основой возрождения этносов предгорий Северного Алтая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этническая история тюркоязычных групп предгорий Северного Алтая отражает сложную этнополитическую историю всего южносибирского региона. К моменту прихода русских в Сибирь коренное население являлось частью таежного мира и представляло собой гетерогенную общность, в основе формирования которой находились разновременные угро-самодийский и тюркский субстраты.

Появление русских в регионе в течение XVII–XVIII вв. постепенно разжигало слабо тлевший «костер» этнических процессов. Гибель джунгарского конкурента в борьбе с Китаем в середине XVIII в. кардинально изменила этнополитическую ситуацию в регионе, оставив аборигенное население Сибири один на один с Российской империей. Именно середину XVIII – начало XIX в. можно рассматривать как период начала этногенеза кумандинцев, тубаларов и челканцев.

В 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев», сохранявший традиционные сюзеренно-вассальные формы взаимоотношений, но уже в совершенно ином качестве. Через фискальную, административную и колонизационную политику государство стремилось выделить отдельные этнические группы, что активизировало разновекторные этнические процессы: консолидационные и ассимиляционно-аккультурационные.

Административно-территориальное и более четкое церковно-административное деление обусловили границы формирования современных кумандинцев, тубаларов и челканцев. Земельные и административно-территориальные преобразования начала XX в. лишь закрепили произошедшие изменения на этнической карте предгорий Северного Алтая, обусловив вливание в состав русских ассимилированных групп и дальнейший этногенез коренного населения. Несмотря на многочисленные административные реформы XX в., наблюдалась преемственность политических решений в этой области между имперской и советской властями.

Интенсификация этнических процессов была сопряжена с трансформацией традиционных социальных институтов и уровней идентичности автохтонного населения предгорий Северного Алтая, обусловленных субстратностью данных этнических групп. В условиях сохранения архаичной социальной организации, функционировавшей благодаря актуализации в фискальных целях государством архаичных сфер культуры: охоты, относительно жесткой административной подчиненности аборигенов и т.д., через администрирование происходило наложение новых форм социальной организации, выразившееся в увеличении числа этнонимов. Основными факторами, детерминировавшими формирование новых идентичностей, являлись административно-территориальная и фискальная политика государства в Сибири, сопряженная с актуализацией противопоставления «мы – они» крестьянской колонизацией и миссионерскими практиками в регионе. Присутствие на начало XX в. сословной, территориальной, административной и иных идентичностей отражает незавершенность этнических процессов в рассматриваемом регионе.

Этнические процессы XIX – начала XX в. выступали частью разворачивавшейся модернизации всех сторон жизнедеятельности коренного населения пред-

горий Северного Алтая. В демографической сфере автохтонное население также испытывало значительное влияние пришлых групп.

Именно с ассимилированными группами коренного населения и новокрещеными, проживавшими в миссионерских поселениях Алтайской духовной миссии, связано появление первых признаков демографического перехода. В их среде происходит незначительное снижение уровня смертности (в первую очередь детской), что способствовало увеличению детности семей и некоторым иным структурным изменениям.

Важную роль в последующих демографических процессах играла интенсивность этнокультурных контактов между коренным и пришлым населением. «Кумандинские татары» были вовлечены в межэтническое общение раньше остальных групп автохтонного населения предгорий Северного Алтая, так как их территория расселения граничила с казачьими редутами в XVIII в., а в первой половине XIX в. близ их аилов стали появляться «заимочники».

Позднее крестьяне проникли в места расселения «черневых» и «лебединских татар». Если в первом случае появление переселенцев сопровождалось строительством миссионерских поселений, то присутствие Алтайской духовной миссии по р. Лебедь и ее притокам было минимальным и длительное время ограничивалось эпизодическими поездками миссионеров. В результате «лебединские татары», испытывая притеснения со стороны «заимочников», на протяжении второй половины XIX – первой половины XX в. были в меньшей степени вовлечены в ассимиляционные процессы. До середины XX в. часть челканских аилов оставалась моноэтнической по составу населения, в отличие от кумандинских и тубаларских.

Несмотря на имевшие место изменения в демографических процессах, для аборигенного населения предгорий Северного Алтая был характерен традиционный тип воспроизводства. Он имел специфические черты в силу природно-географических, климатических условий рассматриваемого региона, демографического поведения как комплекса культурных норм и обычаев, обусловленных ведением комплексного хозяйства и механизмами адаптации, а также характером и интенсивностью этнических процессов.

В течение второй половины XIX – первой половины XX в. происходило накопление структурных изменений, в первую очередь в сфере демографического поведения. Данный процесс протекал параллельно с развитием сети медицинских учреждений, без которой не могла состояться демографическая революция – снижение уровня смертности.

Демографическая модернизация была осложнена политическими событиями первой половины XX в. Как и другие народы России, автохтонное население предгорий Северного Алтая испытало существенное давление внешних сил, обуславливавших вынужденный, насильственный на отдельных этапах, а в целом ускоренный характер модернизационных процессов. Среди них можно отметить события Гражданской войны, которые привели к ухудшению социально-экономического положения коренного населения, коллективизацию, репрессии и Великую Отечественную войну, принесшую прямые демографические потери. В то же время война способствовала накоплению в среде рассматриваемых этносов опыта регулирования рождаемости, массовому распространению доверия к врачам и т. д.

В сфере этнических процессов в первой половине XX в. фиксируются попытки государства искусственно ускорить процесс консолидации. В середине 1920-х гг. были выделены «новые» народы, в том числе и рассматриваемые этнические

группы: кумандинцы, черневые татары, челканцы. Официальный статус этносы сохраняли недолго. Уже в 1930-х гг. этнические группы предгорий Северного Алтая определяются как этнографические группы алтай-кижи, и консолидационные процессы приобретают латентный характер.

Включение со второй половины XX в. аборигенного населения в миграционные потоки, во многом детерминированное административными мерами по ликвидации «неперспективных» сел в 1950–1970-х гг., значительно ускорило растворение кумандинцев, тубаларов и челканцев среди более многочисленных алтай-кижи и русских. Интенсивность ассимиляции и аккультурации отражалась на демографических процессах. Именно челканцы в течение XX в. испытали наименьшие демографические потери в силу незначительности оттока населения через межэтнические браки и миграцию. Наибольшие потери понесли кумандинцы.

В то же время устойчивые этнокультурные контакты способствовали более быстрому накоплению изменений в демографическом поведении, что было в большей степени характерно для «кумандинских татар». На наш взгляд, социально-экономические и политические события 1930–1940-х гг. привели к нивелированию большинства данных различий между отдельными группами коренного населения предгорий Северного Алтая, детерминировав практически одновременный демографический переход у кумандинцев, тубаларов и челканцев, ставший частью общемирового процесса и обусловленный общероссийскими тенденциями.

Демографический переход к рациональному типу воспроизводства населения состоялся в два этапа. Первый этап – снижение уровня смертности – пришелся на 1950-е гг. Это спровоцировало увеличение численности автохтонного населения, поскольку уровень рождаемости остался на прежнем уровне. Относительная немногочисленность поколения, родившегося в первой половине 1940-х гг., обусловила «смазывание» демографического взрыва и привела лишь к сглаживанию половозрастной диспропорции.

Нарушение равновесия демографической системы потребовало от населения изменения демографического поведения по поводу рождаемости. Именно в эти годы становится возможным отказ от традиционных норм поведения и установок в семейно-брачной сфере, что дополнительно провоцировалось внешними факторами: служба в армии, учеба в вузах и рост миграционной активности. Главным же фактором становится снижение социального контроля со стороны старших, которые либо погибли в предшествующие военные годы, либо проживали отдельно от молодых. Основным инструментом регулирования рождаемости стал аборт (в том числе криминальный). Иные способы предотвращения и прерывания беременности в те годы были малоизвестны населению, к этому не стремилось и государство, запретившее аборты постановлением от 27 июня 1936 г.

В конечном итоге в конце 1960-х – начале 1970-х гг. произошел второй этап демографического перехода: снижение уровня рождаемости, совпавшее с «провалом» в половозрастной структуре коренного населения предгорий Северного Алтая, обусловленным трагическими событиями середины XX в.

Вступление в третью фазу демографического перехода также ознаменовалось социально-экономическими трудностями 1990-х гг., что детерминирует архаизацию социальной жизни, хозяйственной деятельности, семейной сферы коренных этносов предгорий Северного Алтая.

Природа современных кризисных явлений обусловлена не только и даже не столько проблемами социального и экономического порядка, сколько модерни-

зацией демографической сферы аборигенного населения предгорий Северного Алтая. Наибольшее опасение и угрозу демографической безопасности малочисленных этносов предгорий Северного Алтая вызывает направленность этнических процессов. Их характер был изначально разновекторным: консолидационные процессы протекали параллельно с ассимиляционными и аккультурационными. Важным индикатором этнических процессов выступают межэтнические браки и метисация, рост которых фиксируется на протяжении всей второй половины XX в.

Несмотря на сложные этнодемографические и этносоциальные процессы в течение XX в., малочисленные этносы смогли выжить и пройти сложный путь консолидации в самостоятельные этносы с четко выраженным этническим самосознанием, основным маркером которого в настоящее время выступает язык. В условиях утраты традиционной культуры, генетического своеобразия и сокращения численности автохтонное население предгорий Северного Алтая обладает необходимым человеческим потенциалом для самовоспроизводства. В настоящее время происходит оформление на местах общин и организаций, стремящихся к возрождению культуры этносов предгорий Северного Алтая. Учитывая негативный опыт патерналистских принципов государственной политики на протяжении XIX–XX вв., необходимы иные подходы во взаимоотношениях между государственными структурами и общинами малочисленных этносов Сибири в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы

Архивный отдел Администрации Красногорского района Алтайского края (АО АКР)

Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 77. «Старобардинский колхозник» за 1936 г.

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

- Ф. 3. Оп. 1. Д. 66, 500, 583, 658, 687, 727, 917, 925. Документы Главного управления Алтайского Горного округа.
- Ф. 4. Оп. 1. Д. 3454. Документы по землеустройству «иностранцев» Нижне-Кумандинской волости.
- Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Документы Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО; Д. 52. Очерк из фонда Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО «Колонизация и поземельное устройство Кондомского края» от 30 апреля 1914 г.
- Ф. 144. Оп. 2. Д. 97; Оп. 5. Д. 190, 263, 287, 350, 352, 354, 365, 375, 423, 446, 464, 481, 496, 506, 521, 539, 567, 568, 588, 606, 629, 644, 702, 742, 744, 756, 826, 854, 874, 904, 920, 942, 944, 971, 998, 1000; Оп. 6. Д. 27, 38, 46, 52, 90, 91, 106, 183, 195, 233, 247, 260, 329, 363, 462, 512, 549, 561, 577, 616, 649, 674, 676, 682, 715, 736, 741, 755, 772, 779, 780, 821, 822, 892, 902, 906, 911, 953, 997, 1027, 1083, 1169, 1171, 1249, 1307, 1373, 1381, 1419, 1464, 1514, 1524, 1535, 1540, 1606, 1664, 1688, 1712, 1782, 1825, 1851, 1880, 1906, 1907, 1969, 2072, 2078, 2079, 2093, 2218, 2357, 2444, 2646, 2454, 2461, 2567, 2646, 2681, 2686, 2710, 2785, 2852, 2860, 2861, 2917, 2920, 2921, 2979, 2998, 3058, 3060, 3108, 3159, 3164, 3574. Коллекция метрических книг: Быстринский приход (1880, 1885–1916 гг.), Караканский приход (1900–1908 гг.), Пильненский приход (1915 г.), Солтонский приход (1887, 1899–1900, 1905, 1906, 1909–1917 гг.), Старобардинский приход (1883–1900, 1902–1916 гг.), Урунский приход (1918 г.), Чапшинский приход (1918, 1919 гг.), Кебезенское отделение (1883–1884, 1886–1887, 1889–1893, 1895–1899, 1901–1912 гг.), Макарьевское отделение (1883–1884, 1886–1896, 1898–1911, 1913, 1915, 1916, 1919 гг.), Паспаульское отделение (1885–1912 гг.), Сузопское отделение (1895–1900, 1905–1916 гг.), Тайнинское отделение (1901–1905, 1910–1912, 1915, 1918, 1919 гг.), Таштинское отделение (1892–1902, 1915 гг.), Турачакское отделение (1888–1895 гг.).
- Ф. 164. Оп. 1. Д. 18, 45, 61, 62, 71, 75, 84, 89, 102, 103, 108, 120, 124, 130, 153, 156; Оп. 2. Д. 8, 11, 24, 26, 28, 35, 36, 50, 52, 54, 57, 60–62, 67, 69, 91, 94. Документы и отчеты Алтайской духовной миссии.
- Ф. 170. Оп. 1. Д. 376, 869. Документы Бийского полицейского управления.
- Ф. 185. Оп. 1. Д. 28. Посемейные списки Мьютинской волости.
- Ф. 233. Оп. 1. Д. 29; Оп. 1 а. Д. 139–144, 145 а, 146, 147, 148 а, 189, 198, 244, 245, 248, 251, 253, 254, 260, 293–306, 350, 352, 371, 374, 377, 379, 385–390, 393–396, 398, 399, 401, 404, 406–408, 410, 450, 452, 578–581, 583, 586, 593, 595–597, 629–631, 637, 638, 644, 757, 758; Оп. 1 б. Д. 403, 705, 720, 723, 764, 765, 767–771, 773, 773 а, 774–779; Оп. 5. Д. 269. Анкеты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.
- Ф. Р-768. Оп. 1. Д. 21, 32, 103; Оп. 2. Д. 8–10. Документы Бийского уездного исполнительного комитета.

- Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 6, 10, 20. Документы Алтайского губернского отдела по делам национальностей.
- Ф. Р-1181. Оп. 1. Д. 38, 45. Документы, протоколы заседаний, статистические данные по Старобардинскому району.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

- Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1002, 1424, 1547. Материалы Сибирского отделения Красного Креста за 1925 г.

Государственный архив Республики Алтай (ГАРА)

- Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 1. Л. 70–71. Материалы статистического управления Горно-Алтайской автономной области (облстатуправление).

Государственный архив Томской области (ГАТО)

- Ф. 3. Оп. 5. Д. 82. Материалы Алтайской статистико-экономической экспедиции 1897 г. под руководством С.П. Швецова; Оп. 44. Д. 2599–2621, 2637. Посемейные списки Кондомо-Шелкальской волости.
- Ф. 184. Оп. 1. Д. 32. Документы Алтайской духовной миссии.

Турачакский районный архив Республики Алтай (ТРА)

- Ф. 14. Д. 3, 4, 22–27, 29, 30. Похозяйственные книги: Малочебеченского и Суранашинского сельских советов Турачакского района (1941–1943, 1949–1951 гг.).

Похозяйственные книги

Кебезенского сельского совета Турачакского района (1941–1943, 1970–1972 гг.), Турачакского сельского совета Турачакского района (1941–1943, 1951–1953, 1971–1973 гг.), Калташинского сельского совета Старобардинского (Красногорского) района (1941–1943 гг.), Чапшинского сельского совета Старобардинского (Красногорского) района (1941–1943 гг.), Кумандинского сельского совета Солтонского района (1971–1973 гг.), Нижнененинского сельского совета Солтонского района (1951–1953, 1970–1972 гг.), Солтонского сельского совета Солтонского района (1939–1941, 1951–1953, 1971–1973 гг.), Сузопского сельского совета Солтонского района (1940–1942, 1952–1954, 1971–1973 гг.), Каракокшинского сельского совета Чойского района (1971–1974 гг.), Нижнеашпанакского сельского совета Чойского района (1946–1948 гг.), Паспаульского сельского совета Чойского района (1941–1942, 1971–1972 гг.), Ыныргинского сельского совета Чойского района (1946–1948, 1973–1976 гг.).

Картографические материалы

- Карта Алтайской губернии. – Барнаул: Изд-во Алтайск. губ. зем. упр-ния Гос. Типо-лит., 1924. – 1 л.
- Карта Алтайской Духовной миссии в Бийском и Кузнецком округах Томской губернии. – СПб.: изд. А.В., Хромолит Полонского, 1869. – 1 л.
- Карта землеустройства Томской губернии. Сост. и выполн. А. Ширяев. – СПб.: [Переселенч. упр-ние], лит. Брандт, после 1909. – 1 л.
- Карта землеустройства Томской губернии. – СПб.: [Переселенч. упр-ние], карт. зав. Майкова, после 1910. – 1 л.
- Карта землеустройства Томской губернии. – СПб.: [Переселенч. упр-ние], карт. зав. Майкова, после 1911. – 1 л.

Карта основных сетей, построенных при землеустройстве в Алтайском округе к 1 января 1913 г., исп. в чертежной Кабинета е.в. – СПб.: Картограф. зав. Э.Х. Брандт, 1913. – 1 л.

Законодательные акты

Законодательные акты Российской империи («Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в XVII–XX вв.). – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 75 с.

Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raipon.org/Официально/Документы/tabid/345/Default.aspx-13> с (дата обращения: 15.02.2010).

Постановление Правительства РФ «О едином перечне коренных малочисленных народов РФ» от 24 марта 2000 г. № 255 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.severcom.ru/law/item9-1.html> (дата обращения: 21.11.2009).

Интернет-ресурс

Андреев Е.М., Харькова Т.Л. Незавершенность демографического перехода и демографические потери России [Электронный ресурс] // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: тез. докл. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_04.html (дата обращения: 15.08.2009).

Ассоциация кумандинского народа не имеет права выступать от имени народа и представлять его интересы [Электронный ресурс] // Информационно-образовательная сеть коренных народов «Львовравэтльан» [сайт]. URL: <http://www.indigenous.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=649> (дата обращения: 22.05.2010).

В Республике Алтай создан Союз общин коренных малочисленных народов РА [Электронный ресурс] // Информационно-образовательная сеть коренных народов «Львовравэтльан» [сайт]. URL: <http://www.indigenous.ru/modules.php> (дата обращения: 22.05.2010).

Гончарова О.А. Проблемы сохранения алтайского этноса в деятельности Алтайской духовной миссии на рубеже XIX–XX вв. [Электронный ресурс] // Макарьевские чтения. 2002. № 1. URL: <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2002/08.doc> (дата обращения: 05.09.2009).

Информационный портал администрации Чойского района Республики Алтай: [сайт]. URL: <http://www.choi.ru/cgi-bin> (дата обращения: 22.05.2010).

Кумандинцы: в таежном углу степного края [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/2007/09/11.htm> (дата обращения: 22.05.2010).

Пономарева Ю.А. Социальная поддержка коренного населения Горного Алтая в деятельности Алтайской духовной миссии [Электронный ресурс] // Макарьевские чтения. 2004. № 2. URL: <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2004-1/08.doc> (дата обращения: 05.09.2009).

Происхождение кумандинцев [Электронный ресурс] // Кумандинцы на Алтае [сайт]. URL: <http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php> (дата обращения: 22.05.2010).

Скобелев С.Г. Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская заимка. 2002. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zaimka.ru/03_2002/skobelev_epidemic/ (дата обращения: 11.12.2008).

Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебание численности и их причины // Сибирская заимка. – 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml (дата обращения: 11.12.2008).

Широкоротов С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 67 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/ShirokogorovEthnos.html> (дата обращения: 23.10.2009).

Ялгояк – встреча весеннего равноденствия, пробуждения Матери-Природы [Электронный ресурс] // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ [сайт]. URL: <http://www.raipon.org> (дата обращения: 22.05.2010).

Статистические и справочные материалы. Словари

- Административно-территориальное деление Сибири: справочник. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 220 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2002.ru/searchresult.html (дата обращения: 29.09.2008).
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Народность и родной язык населения СССР. – М.: Изд-ние ЦСУ СССР, 1928а. Вып. IV. – 138 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел I: Сибирский край: народность, родной язык, возраст, грамотность. – М.: ЦСУ СССР, 1928б. – Т. 6. – 339 с.
- Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда / сост. С.П. Швецов. – Барнаул: Типо-Литография Гл. управления Алтайского округа, 1900. – Т. 1, вып. 1. – 360 с.
- Горный Алтай и его население. – Барнаул: Типо-Литография Гл. управления Алтайского округа, 1901. – Т. 2: Экономические таблицы. – 309 с.
- Горный Алтай и его население. Оседлые инородцы Бийского уезда. – Барнаул: Типо-Литография Гл. управления Алтайского округа, 1902. – Т. 3, вып. 2. – 73 с.
- Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы / сост. С.П. Швецов. – Барнаул: Типо-Литография Гл. управления Алтайского округа, 1903. – Т. 3, вып. 4: Экономические таблицы. – 253 с.
- Горный Алтай и его население. Черневые татары Кузнецкого уезда. – Барнаул: Типо-Литография Гл. управления Алтайского округа, 1903. – Т. 6, вып. 1: Экономические таблицы. – 853 с.
- Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра, 1994. – Т. II. – 780 с.; Т. IV. – 684 с.
- Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX в.). – Барнаул: Упр-ние арх. дела администрации Алтайского края, 1997. – 408 с.
- Книга памяти жертв политических репрессий. Республика Алтай. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер-Белуха, 2003. – Т. 3. – 246 с.
- Книга памяти. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1993. – Т. 3. – 783 с.
- Книга памяти. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. – Т. 5. – 825 с.
- Книга памяти. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1996. – Т. 4. – 176 с.
- Красная книга языков народов России: энцикл. словарь-справочник / ред. В.П. Нерознак. – М.: Академия, 1994. – 119 с.
- Кумандинско-русский словарь. Пособие для учащихся / отв. ред. Л.М. Тукмачев. – Бийск: Бийский котельщик, 1995. – 150 с.
- Кумандинцы // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1932. – Т. 3. – С. 804.
- Лебединцы // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1932. – Т. 3. – С. 29.
- Ойратская автономная область // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1933. – Т. 4. – С. 85–103.
- От уезда к республике. Сборник архивных документов 1917–2001 гг. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. типография, 2001. – 276 с.
- Отчет начальника Алтайского Округа Действительного Статского Советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. – Барнаул: Типо-Литография Гл. управления Алтайского округа, 1910. – 224 с.
- Отчет о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 г. – Томск: Тип.-лит. Михайлова и Макушина, 1892. – 32 с.
- Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1886. – Бийск: Тип. И.Д. Реброва, 1887. – 38 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. – Томск: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева» (губ. типография), 1904. – 689 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. – Томск: Типография губ. упр-ния, 1910. – 601 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. – Томск: Типография губ. упр-ния, 1911. – 240 с.

- Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. – Томск: Типография губ. упр-ния, 1912. – 419 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. – Томск: Типография губ. упр-ния, 1913. – 297 с.
- Программа координации исследований «Взаимодействие научно-технического и социального прогресса: общее и особенное» (гуманитарный аспект). – Новосибирск, 1986. – 194 с.
- Предварительные итоги переписи населения 1926 г. по Ойратской автономной области. – Улала: Издание Ойратского стат. отдела, 1927.
- Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1: Социально-экономические отношения и соционормативная культура / отв. ред. выпуска А.И. Першиц и Д. Трайде. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
- Список населенных мест по сведениям 1859 г. Томская губерния. – СПб., 1868. – 275 с.
- Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск, 1928. – Т. 1: Округа юго-западной Сибири. – 952 с.
- Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. – Томск, 1893. – 331 с.
- Список населенных мест Томской губернии за 1899 г. – Томск: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева» (губ. типография), 1899. – 781 с.
- Список населенных мест Томской губернии за 1911 г. – Томск: Типография губ. упр-ния, 1911. – 331 с.
- Справочник административно-территориальных изменений на Алтае. 1917–1980 / под ред. В.С. Петренко. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. – 360 с.
- Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1881. № 14; 1886. № 5, 7, 19; 1889. № 5, 21; 1890. № 11; 1895. № 16; 1897. № 7; 1898. № 10, 15; 1899. № 10; 1900. № 8–10, 20; 1901. № 24; 1902. № 8; 1909. № 9, 11, 22; 1910. № 5, 9; 1911. № 8–9; 1913. № 11; 1915. № 13.
- Численность и расселение народов мира / ред. С.И. Брук. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 484 с.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. – М.: Изд-во ИАЭ РАН, 2004. Предисловие.

Литература

- Алексеев Н.А.** Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – 317 с.
- Алексеев Н.А.** Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 242 с.
- Андерсон Д.Дж.** Д.О. Долгих и Приполярная перепись 1926–1927 гг. Статистика на службе у государственной этнографии // Этнос Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2004. – Ч. 1. – С. 19–38.
- Апри Л., Блюм А.** Методика анализа в исторической демографии. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – 207 с.
- Арзютов Д.В.** Шорцы и северные алтайцы в XIX – начале XXI в.: этноконфессиональные аспекты взаимодействия традиционных верований и христианства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007. – 21 с.
- Арутюнян Л.А.** Социалистический закон народонаселения. – М.: Наука, 1975. – 95 с.
- Асочакова В.Н.** Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. (до образования Енисейской епархии). – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2008. – 248 с.
- Асямов В.** Елей сегодня // Восход (Красногорское). – 2005а. – № 82.
- Асямов В.** И был четвертый фестиваль // Восход (Красногорское). – 2005б. – № 109.
- Асямов В.** Фестиваль кумандинцев в Шунараке // Восход (Красногорское). – 2007. – № 104–105.
- Баскаков Н.А.** Душа в древних верованиях тюрков Алтая // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 108–119.
- Баскаков Н.А.** Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединых татар-чалканцев (куу-кижи). – М.: Наука, 1985. – 233 с.
- Батьянова Е.П.** Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. – М.: Наука, 2007. – 395 с.

- Белова В.А., Дарский Л.Е.** Статистика мнений в изучении рождаемости. – М.: Статистика, 1972. – 139 с.
- Бельгибаев Е.А.** Структура рода туба // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кузбассиздат, 2003. – С. 198–201.
- Бельгибаев Е.А.** Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004а. – 300 с.
- Бельгибаев Е.А.** Традиционные обряды жизненного цикла туба (по итогам полевых этнографических исследований 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004б. – Т. 10, ч. 2. – С. 13–17.
- Бельгибаев Е.А.** Традиционные религиозно-мифологические представления северных алтайцев об окружающем мире // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые науч. чтения памяти Е.М. Залкинда. – Барнаул: АзБука, 2005. – С. 39–46.
- Бельгибаев Е.А., Буриakov В.А.** Проблемы реконструкции традиционного мировоззрения коренного населения таежного Алтая (по материалам этнографии челканцев и туба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 2. – С. 21–24.
- Бельгибаев Е.А., Назаров И.И., Николаев В.В.** Современные этноязыковые процессы у северных алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2005. – Вып. 6. – С. 155–157.
- Богатырь А.** Ход подготовки к проведению «Тюрюк-Байрама – 2007» был рассмотрен на выездном заседании Оргкомитета // Истоки (Турочак). – 2007а. – № 20.
- Богатырь А.** Жилгаяк – праздник весеннего равноденствия // Истоки (Турочак). – 2007б. – № 12.
- Боронин О.В.** Двоеданничество и двоеподданство коренных народов Южной и Юго-Западной Сибири как стабилизирующий фактор в международных отношениях в Центральной Азии в XVII – 60-е гг. XIX в. // Востокovedные исследования на Алтае: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – Вып. 2. – С. 55–64.
- Бромлей Ю.В.** Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 283 с.
- Бромлей Ю.В.** Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
- Бутягин П.В.** Арака – национальный напиток некоторых сибирских инородцев // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1901. Сентябрь; Отд. оттиск. 1905.
- Бухтоярова А.** О программе возрождения кумандинского населения // За победу (Солтон). – 1994. – № 1.
- Вербицкий В.И.** Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 268 с.
- Ветлинская А.** «Яккшлар», значит «Здравствуйте» // Восход (Красногорское). – 2003. – № 9.
- Вишневский А.Г.** Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
- Вишневский А.Г.** Избранные демографические труды: В 2 т. – М.: Наука, 2005. – Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – 368 с.
- Владимир, епископ Бийский.** Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. – Бийск: Типо-лит. И.Д. Реброва, 1893. – 35 с.
- Владимиров В.Н., Плoduнова В.В., Силина И.Г.** Метрические книги как источник по истории народонаселения Алтайского края // Компьютер и историческая демография: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 137–164.
- Волжанина Е.А.** Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2007. – 24 с.
- Волобуева М.М.** О национальных сообществах в Алтайском крае // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 21: Современная Россия и мир: альтернативы

- развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 189–204.
- Габриадзе Г.** Эзен ок тар, кардыштар! // Восход (Красногорское). – 2006. – № 98.
- Гельмерсен Г.** Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – СПб., 1840. – Ч. 1, кн. 1–2. – С. 40–61, 238–261, 420–446.
- Гузеватый Я.Н.** Демографо-экономические проблемы Азии. – М.: Наука, 1980. – 248 с.
- Дамешек Л.М.** Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. – 168 с.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое изд-во, 2006. – 608 с.
- Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма (по материалам междунар. науч.-практ. конф. в Вильнюсе, 1985 г.). – М.: ИСИ, 1986. – 208 с.
- Демографическое поведение населения: сб. науч. тр. – Ташкент: ТашГУ, 1987. – 79 с.
- Докучаев В.** Кумандинцы. Ретроспектива // Восход (Красногорское). – 2005. – № 109.
- Докучаев В.** 2006-й: даты круглые и не очень. Ужлеп // Восход (Красногорское). – 2006. – С. 2.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Дыренкова Н.П.** Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // Советская этнография. – 1936. – № 6. – С. 70–84.
- Дыренкова Н.П.** Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков // Сборник памяти В.Г. Богораза (1865–1936). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937а. – С. 122–145.
- Дыренкова Н.П.** Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Советская этнография. – 1937б. – № 4. – С. 18–45.
- Дыренкова Н.П.** Охотничьи легенды кумандинцев // Сборник музея археологии и этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 11. – С. 110–132.
- Дьяконова В.П.** Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1980. – С. 19–24, 100–107.
- Екеев Н.В.** Этнодемографическая характеристика населения Алтая XIX – начала XX веков // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая: мат-лы Междунар. науч. конф. – Горно-Алтайск: Универ-Принт, 1998. – Вып. 2. – С. 49–56.
- Екеев Н.В.** Алтайская этногония (вопросы состава, типологии, этимологии, стратиграфии) // Древности Алтая. – 2002. – № 8. – С. 120–136.
- Иванова О.** У истоков становления района: медицина // Восход (Красногорское). – 2004. – № 123.
- Исупов В.А.** Источники по изучению демографического развития русского населения Сибири в первой половине XX в. // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 45–56.
- Исчезнувшие села // Восход (Красногорское). – 1989. – № 88.
- Итс Р.Ф.** Введение в этнографию: учеб. пособие. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 168 с.
- Кандаракова Е.П.** Легенды северного Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – 83 с.
- Кандаракова Е.П.** Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – 176 с.
- Кандаракова Е.П.** Детство, украденное войной. – Горно-Алтайск, 2007. – 130 с.
- Кваша А.Я.** Демографическая политика в СССР. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 200 с.
- Квашнин Ю.Н.** Сравнительные социально-демографические характеристики народов Западной Сибири (ненцы, ханты, сибирские татары) // Этнодемографический сборник. Народы Севера России / под ред. Е.А. Пивневой. – М.: ИЭА РАН, 2000. – С. 5–75.
- Ковалышкина Е.П.** Российская государственная власть и «инородческий» вопрос в Сибири // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири: сб. статей / под ред. А.М. Малолетко. – Томск: Ротапринт, 1992. – С. 104–113.
- Козлов В.И.** Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. – М.: Наука, 1969. – 407 с.
- Козлов В.И.** Этническая демография. – М.: Статистика, 1977. – 240 с.

- Коренные жители Алтая – кумандинцы // Восход (Красногорское). – 2005. – № 95.
- Косвен М.О.** Семейная община и патронимия. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 219 с.
- Кравченко М.** Соблюдать требования ЗАГСа // За победу (Солтон). – 1978. – № 66.
- Кривоногов В.П.** Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 1998. – 320 с.
- Кривоногов В.П.** Народы Таймыра (современные этнические процессы). – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2001. – 264 с.
- Кучер А.Н., Тадинова В.Н., Пузырев В.П.** Генетико-демографическая характеристика сельских популяций Республики Алтай: половозрастной состав, фамильная и родовая структура // Генетика. – 2005. – Т. 41. – № 2. – С. 254–260.
- Кушнаренко-Суртаева В.Г.** Тубалары: сборник. – Горно-Алтайск: София Ургас, 2000. – 64 с.
- Лотош Е.А., Лузина Ф.А.** Этнические группы Горного Алтая в условиях социально-экономических преобразований // Катунский проект: проблемы экспертизы. Материалы к обществ.-науч. конф. 13–15 апреля 1990 г. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1990. – С. 154–155.
- Луговской С.С.** Сравнительные демографические характеристики коренного населения этноконтактной зоны низовий Колымы // Этнодемографический сборник. Народы Севера России / под ред. Е.А. Пивневой. – М.: ИЭА РАН, 2000. – С. 76–92.
- Мавлютова Г.Ш.** Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. – 180 с.
- Макошева А.А., Макошев А.П., Апенышева И.Н.** Население Республики Алтай (системно-структурный анализ). – Горно-Алтайск: Юч Сюмер – Белуха, 2006. – 76 с.
- Мархинин В.В.** Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. – Томск: Изд-во ТГУ, 1989. – 145 с.
- Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. статей / под ред. В.Н. Владимирова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – 264 с.
- Медков В.М.** Основы демографии. – Ростов-н/Д: Феникс, 2003. – 448 с.
- Миронов Б.Н.** Социальная история России периода империи (XIX – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб.: Дм. Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.
- Миронов Б.Н.** Демографическая загадка: уменьшение численности помещичьих крестьян в России первой половины XIX в. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. статей / под ред. В.Н. Владимирова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007а. – С. 164–176.
- Миронов Б.Н.** Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. статей / под ред. В.Н. Владимирова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007б. – С. 8–47.
- Михалев Н.А.** Демографические процессы у коренного населения Обдорского Севера в начале XX в. // Историческая демография. – М.: Сыктывкар, 2007. – С. 76–81.
- Москаленко С.В.** Динамика численности и демографические предпосылки консолидации тюрков Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Этнос Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2004. – Ч. 1. – С. 121–130.
- Назаров И.И.** Деятельность Алтайской духовной миссии по организации поселений у кумандинцев // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. трудов / под ред. А.Г. Селезнева и др. – Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001а. – С. 147–150.
- Назаров И.И.** Землеустроительные работы и хозяйство кумандинцев в начале XX века // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001б. – С. 224–230.
- Национальная политика России: История и современность / сост. Н.И. Наумова. – М.: Русский мир, 1997. – 680 с.
- Нечипоренко О.В., Октябрьская И.В.** Современные этнополитические процессы в Республике Алтай: элита и электорат // Этносоциальные процессы в Сибири: тематич. сб. / под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: НГУ, 2003. – Вып. 5. – С. 241–246.

- О создании щадящих условий жизни для малочисленного кумандинского народа // За победу (Солтон). – 1992. – № 31.
- Октябрьская И.В., Нечипоренко О.В., Озонова А.А., Пустогачева С.Ч.** Современные этнополитические процессы в Республике Алтай. Проблема малочисленных коренных народов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 519–524.
- Октябрьская И.В., Ульянова М.В., Лавряшина М.Б.** Динамика демографических процессов в различных территориальных группах кумандинцев Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 2. – С. 135–143.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / под ред. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – 478 с.
- Патканов С.А.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – СПб., 1911. – Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. – 431 с.
- Пивнева Е.А.** Историческая динамика половозрастной структуры манси // Историческая демография. – М.: Сыктывкар, 2007. – С. 86–90.
- Потапов Л.П.** Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. – Новосибирск: ОГИЗ, 1933. – 203 с.
- Потапов Л.П.** Разложение родового строя у племен Северного Алтая. – М.; Л.: ОГИЗ Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. – 122 с.
- Потапов Л.П.** Пережитки родового строя у северных алтайцев (по материалам экспедиции в Ойротию в 1936 г.). – Л.: Изд-во Гос. музея этнографии, 1937. – 18 с.
- Потапов Л.П.** Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.
- Потапов Л.П.** Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 316–323.
- Потапов Л.П.** Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л.: Изд-во Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. – 196 с.
- Потапов Л.П.** Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. – М.: Наука, 1972.
- Потапов Л.П.** Заметки о происхождении челканцев-лебединцев // Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. – С. 304–314.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – 319 с.
- Потапов Л.П.** Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). – СПб.: РАН МАЭ, 2001. – 125 с.
- Протопопов А.** Свидетельствует документ // Звезда Алтая (Горно-Алтайск). – 1981. – № 150.
- Пустогачев Я.А.** Социально-экономическое и правовое положение северных этносов Алтая и пути их дальнейшего развития в современных условиях // Этносоциальные процессы в Сибири: тематич. сб. / под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: ЦЕРИС, 1997. – С. 87–95.
- Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е.** Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 67–89.
- Радлов В.В.** Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Реснянский Ю.** Международный день коренных малочисленных народов и этнических групп // За победу (Солтон). – 2002. – № 67.
- Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / под ред. Т.И. Заславской и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 748 с.

- Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. – Т. 16: Западная Сибирь. – 591 с.
- Сагайдачный А.Н.** Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 144 с.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
- Сагалаев А.М., Крюков В.М.** Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – 231 с.
- Садовой А.Н.** Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. – 198 с.
- Садовой А.Н.** К проблеме аксиологической оценки национальной политики (Народы Южной Сибири. XIX–XX вв.) // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX в.: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Волчек. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 91–113.
- Садовой А.Н., Поддубиков В.В., Шиллер В.В.** Система населения и состав населения // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы. – Кемерово: Изд-во Ин-та угля и углехимии СО РАН, 2003. – С. 188–197.
- Самушкина Е.В.** Символические и социо-нормативные аспекты современного этно-политического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX – начало XXI в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 274 с.
- Сарафанов Д.Е.** Материалы церковно-приходского учета населения как источник для изучения численности и демографического развития населения Барнаула в XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 27 с.
- Сарбашева С.Б.** Современная языковая ситуация у тубинцев // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты: сб. науч. ст. / под ред. Ю.В. Табакаева и др. – Горно-Алтайск, 2000. – С. 166–173.
- Сатлаев Ф.А.** Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. – 199 с.
- Сатлаев Ф.А.** Предисловие // Законодательные акты Российской империи («Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири в XVII–XX вв.). – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – С. 3–6.
- Селезнев А.Г.** Барабинские татары: истоки этноса и культуры. – Новосибирск: Наука, 1994. – 176 с.
- Сельское здравоохранение у малочисленных народов Севера Канады и России. Ч. 1: Безопасная питьевая вода в условиях северного поселка: канадский и международный опыт / сост. М. Оседовский; отв. ред. Д.Дж. Андерсон, Ю.В. Попков. – Новосибирск: Сибпринт, 2001. – 144 с.
- Сельское здравоохранение у малочисленных народов Севера Канады и России. Ч. 3: Здоровье и здравоохранение / под ред. Ю.В. Попкова, Д.Дж. Андерсона. – Новосибирск: НГУ, 2002. – 148 с.
- Семенова Е.А.** Этническая информация в материалах переписей населения (источниковедческий аспект) // Этнокогнитология. Вып. 1: Подходы к изучению этнической идентификации / под ред. Э.А. Чамоковой. – М., 1994. – С. 78–90, 112–116.
- Сивкова Г.** От волостного фельдшера... // За победу (Солтон). – 2006. – № 48.
- Скобелев С.Г., Выборнов А.В.** Динамика численности коренного населения Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 495–498.
- Славнин В.Д.** Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири / под ред. В.М. Кулемзина. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 132–146.
- Славнин В.Д.** Архаика в духовной культуре кумандинцев: Вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 179–218.

- Славнин В.Д.** Очерк представлений о браке и свадебной обрядности у чедыберов // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые науч. чтения памяти Е.М. Залкина / под ред. В.А. Моисеева. – Барнаул: АзБука, 2005. – С. 71–91.
- Славнин В.Д., Шерстова Л.И.** Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. – С. 5–124.
- Смирнова С.** Волею Божьей (от чего умирали в Карелии) // Родина. – 2006. – № 6. – С. 73–75.
- Соболева С.В., Октябрьская И.В., Ульянова М.В., Лавряшина М.Б.** Системная оценка современной этносоциальной ситуации на Северном Алтае в связи с проблемой коренных малочисленных народов (по материалам исследований в Турачакском и Чойском районах Республики Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 102–114.
- Соколовский С.В.** Образы других в российской науке, политике и праве. – М.: Путь, 2001. – 235 с.
- Старченков И.** Край наш – Алтай // За победу (Солтон). – 1997. – № 67.
- Старченков И.** У истоков дела // За победу (Солтон). – 2004. – № 52.
- Сурина М.В.** Этнические аспекты третьей и четвертой фазы демографического перехода на Среднем Урале во второй половине XX в. // Историческая демография. – М.: Сыктывкар, 2007. – С. 164–169.
- Съезд кумандинцев // За победу (Солтон). – 2000. – № 43.
- Сыченко Г.Б.** Ульгень, Тьажин, Кыргыс и другие... (заметки о чалканском шаманстве) // Челканцы в исследованиях и материалах XX века (Алтаистические исследования). – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т. 3. – С. 114–127.
- Тадина Н.А.** О русском факторе этнических процессов у алтайцев // Алтай – Россия: через века в будущее: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства (16–19 мая 2006 г.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – Т. 2. – С. 152–154.
- Тадина Н.А.** Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 77–81.
- Тадыев П.Е.** Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства // Туба (черневые татары). Этническая история. Традиционная хозяйственная деятельность. Культура. Этноэкология: сб. науч. статей. – Барнаул: Алтай, 2009. – С. 56–60.
- Тадышева Н.О.** Влияние христианизации на семейную обрядность коренных народов Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2010. – 27 с.
- Таштандинова И.С.** Развитие общины северных алтайцев в Горном Алтае в XVII – начале XX в. // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. – С. 281–285.
- Тишков В.А.** Историко-антропологический анализ переписи населения // Исторические записки. – 2003. – Вып. 6. – С. 39–85.
- Токарев С.А.** Докапиталистические пережитки в Ойротии. – М.; Л.: Соц.-экон. изд-во, Ленингр. отд-ние, 1936. – 155 с.
- Томилов Н.А.** Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 271 с.
- Тощакowa Е.М.** Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – 160 с.
- Троицкая И.А.** Ревизии населения России как источник демографической информации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 1995. – 21 с.
- Туба (черневые татары). Этническая история. Традиционная хозяйственная деятельность. Культура. Этноэкология: сб. науч. ст. / сост. С.Н. Тарбанакова. – Барнаул: Алтай, 2009. – 328 с.
- Тукмачев-Соболеков Л.М.** У истоков древнего Алтая. – Бийск: Кедр, 2001. – 195 с.

- Тыбыкова А.Т., Чумакаева М.Ч.** О диалектах алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка: сб. науч. тр. – Горно-Алтайск, 1981. – С. 60–86.
- Тюркские народы Сибири: сб. науч. тр. / под ред. Д.А. Функа, Н.А. Томилова. – М.: Наука, 2006. – 678 с.
- Ульянова М.В., Лавряшина М.Б., Зайцева В.А., Октябрьская И.В.** Этнодемографическая характеристика населения Солтонского района Алтайского края. Динамика брачно-миграционной структуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 2. – С. 147–150.
- Ульянова М.В., Лавряшина М.Б., Октябрьская И.В., Зайцева В.А.** Исследование динамики этно- и генетико-демографических процессов среди коренных малочисленных народов Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 9, ч. 2. – С. 142–147.
- Уманский А.П.** Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.
- Функ Д.А.** Численность и расселение челканцев в XIX веке // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. Алтаистические исследования. – М.: ИЭА РАН, 2000. – Т. 3. – С. 25–51.
- Функ И.И., Функ Д.А.** К вопросу о процессах трансформации родовой структуры челканцев // Этническая история и культура народов советской страны: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. молодых ученых. – Омск, 1991. – С. 30–33.
- Харьков В.Н., Степанов В.А., Медведева О.Ф., Спиридонова М.Г. и др.** Различия структуры генофондов северных и южных алтайцев по гаплогруппам у-хромосомы // Генетика. – 2007. – Т. 43, № 5. – С. 675–687.
- Хильден К.** О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века (Алтаистические исследования). – М.: ИЭА РАН, 2000. – Т. 3. – С. 74–113.
- Челканцы в исследованиях и материалах XX века. Алтаистические исследования / отв. ред. Д.А. Функ. – М.: ИЭА РАН, 2000. – Т. 3. – 140 с.
- Чернова И.В.** Демографическая ситуация в Тымском приходе в 1875–1918 гг. (по данным метрических книг) // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2004. – Ч. 2. – С. 89–94.
- Чойская летопись. Люди. События. Факты. – Горно-Алтайск, 2005. – 371 с.
- Чудновский С.Л.** Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века. – Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2007. – Т. 2. – С. 261–312.
- Шерр Н.Б.** Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. – Барнаул: Типо-Литография Гл. управления Алтайского округа, 1903. – Т. 5. – С. 81–114.
- Шерстова Л.И.** Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.
- Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России / отв. ред. Г.М. Афанасьева. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 254 с.
- Ядринцев Н.М.** Инородцы Сибири и их вымирание // Русская мысль. – 1883. – Кн. 3. – С. 6–128.
- Ядринцев Н.М.** Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб., 1891. – 308 с.
- Ядринцев Н.М.** Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. – 560 с.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

Алтайский край, Солтонский район, с. Солтон (2007 г.)

Ерасова (Чудекова) Прасковья Гавриловна, 1930 г. р., кумандинка
Калачева (Платакова) Вера Петровна, 1929 г. р., кумандинка, сеок тонгул
Камзаракова (Камзаракова) Мария Алексеевна, 1925 г. р., русская
Кузнецова (Алёкова) Тамара Воефановна, 1944 г. р., кумандинка
Куюков Виктор Петрович, 1940 г. р., кумандинец
Кызлаков Николай Яковлевич, 1927 г. р., кумандинец
Лемжина (Платакова) Анна Михайловна, 1930 г. р., кумандинка, сеок тонгул
Лемжина (Каптышева) Евдокия Еремеевна, 1923 г. р., кумандинка
Платаков Сергей Степанович, 1930 г. р., кумандинец
Платакова (Белекова) Екатерина Константиновна, 1940 г. р., кумандинка
Платакова (Платакова) Лидия Михайловна, 1937 г. р., кумандинка, сеок тонгул
Шатобалов Анатолий Иванович, 1948 г. р., кумандинец
Шатобалова (Чудекова) Ефросинья Еремеевна, 1933 г. р., кумандинка

Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское (2008 г.)

Бархоткина (Алексеева) Екатерина Адуевна, 1927 г. р., кумандинка
Белекова (Белекова) Анна Тозоровна, 1930 г. р., кумандинка, сеок орё-куманды
Джерепова (Софронова) Екатерина Ивановна, 1910 г. р., кумандинка
Колтычакова (Коновалова) Галина Петровна, 1946 г. р., кумандинка
Коновалова (Акпыжаева) Клавдия Ивановна, 1923 г. р., кумандинка
Кукоев Тимофей Ильич, 1927 г. р., кумандинец
Кукоева (Кукоева) Елена Селифоновна, 1932 г. р., кумандинка
Кукоева (Васькина) Лидия Онысовна, 1941 г. р., кумандинка, сеок тастар
Кухтуеков Максим Самойлович, 1933 г. р., кумандинец
Кухтуекова Варвара Игнатьевна, 1924 г. р., кумандинка
Максимачев Павел Александрович, 1924 г. р., кумандинец
Максимачева Таисья Ивановна, 1929 г. р., кумандинка, сеок кузен
Минаева (Сатлаева) Ольга Александровна, 1940 г. р., кумандинка
Теберекова (Чинчикеева) Анна Петровна, 1939 г. р., кумандинка
Тетешев Петр Сананович, 1929 г. р., кумандинец
Шатабалова Мария Семеновна, 1939 г. р., кумандинка

Республика Алтай, Турачакский район, с. Турачак (2008 г.)

Абашева (Барбачакова) Александра Казакоповна, 1921 г. р., челканка, сеок юс
Акпашев Александр Макарович, 1925 г. р., тубалар
Базеева (Базеева) Мария Сергеевна, 1918 г. р., кумандинка
Барбачакова Николай Ликеевич, 1928 г. р., челканец, кезек поктарок
Бекешева (Бекешева) Акулина Константиновна, 1948 г. р., кумандинка

Вялкина Ольга Базеевна, 1947 г. р., челканка
Дюднева (Тоскочакова) Наталья Николаевна, 1948 г. р., челканка
Камзина (Сумачакова) Матрена Байрамовна, 1932 г. р., челканка, сеок шолканду,
кезек кертен
Кандараков Александр Андреевич, 1934 г. р., челканец
Кандараков Константин Туганакovich, 1932 г. р., челканец
Кандаракова (Санженакова) Елизавета Мачутковна, 1935 г. р., челканка, кезек
тельвеш
Кандаракова (Сумачакова) Татьяна Чемоковна
Киркина (Базеева) Мария Васильевна, 1938 г. р., кумандинка, сеок орё-куманды
Крачнакова (Крачнакова) Федосья Александровна, 1927 г. р., челканка, кезек титкер
Пустогачев Прокопий Санакович, 1927 г. р., челканец
Пустогачева (Кандаракова) Екатерина Солопковна, 1934 г. р., челканка, кезек ак-паш
Сатлаева (Сумачакова) Мария Треньковна, 1942 г. р., челканка, сеок шалканду,
кезек нён-докой
Сумачакова (Сумачакова) Валентина Семеновна, 1946 г. р., челканка
Сумачакова Ирина Леонидовна, 1953 г. р., челканка, сеок шакшалу

с. Санькино (Санькин аил)

Акпыжаева (Ультебеева) Анна Александровна, 1934 г. р., тубаларка, сеок кузен
Акпыжаева (Курусканова) Зинаида Садаевна, 1932 г. р., челканка, кезек тярты
Ульчеекова (Черлякова) Мария Пантелеевна, 1931 г. р., тубаларка, сеок кузен

с. Тондошка

Тагызова Екатерина Ивановна, 1922 г. р., тубаларка, сеок чагат
Черляков Геннадий Иванович, 1941 г. р., тубалар, сеок кузен

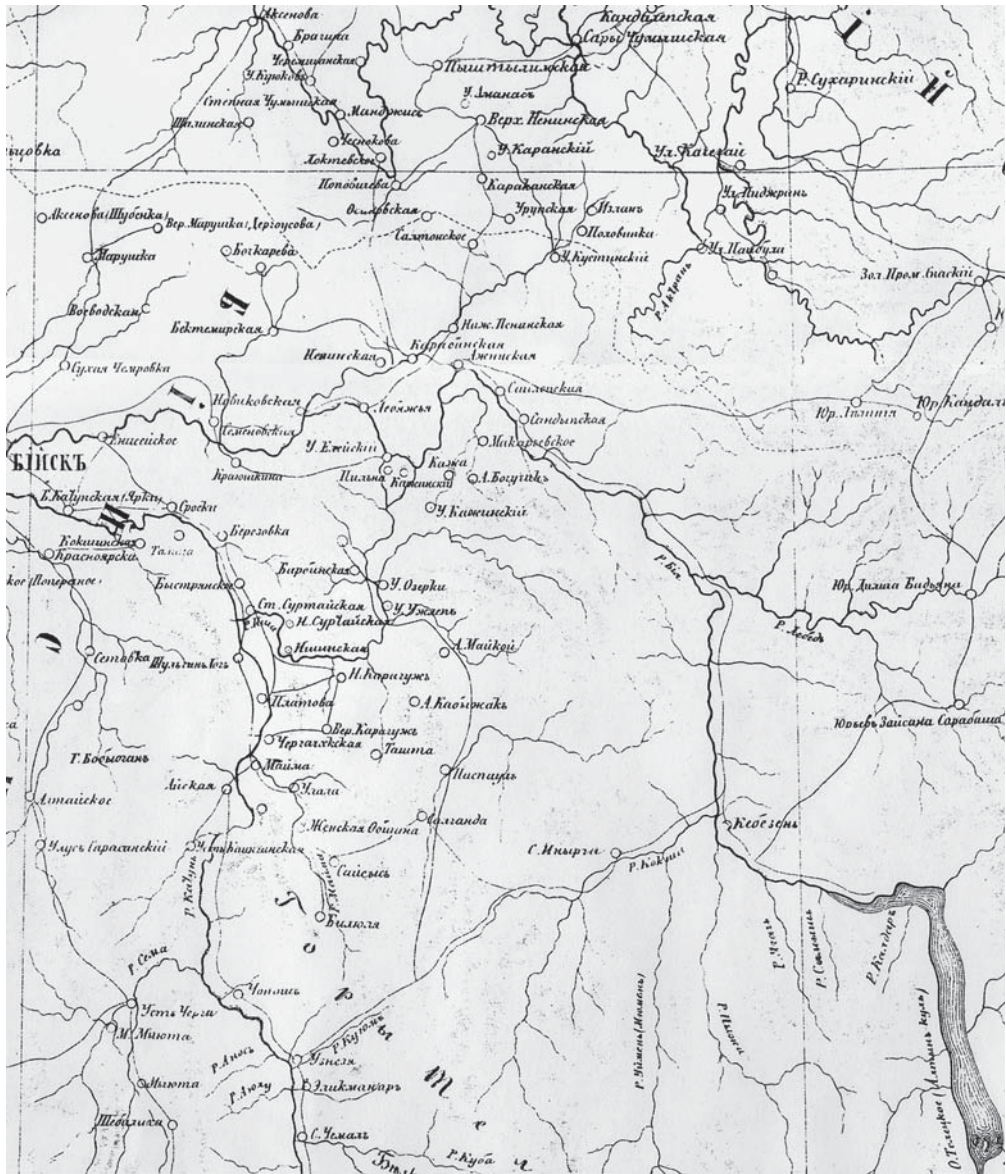
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАРА	– Государственный архив Республики Алтай
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
ИЭиОПП СО РАН	– Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КИПС	– Комиссия по изучению племенного состава населения
КРА	– Красногорский районный архив
МАЭ АлтГУ	– Музей археологии и этнографии Алтайского государственного университета
ТРА	– Турачакский районный архив

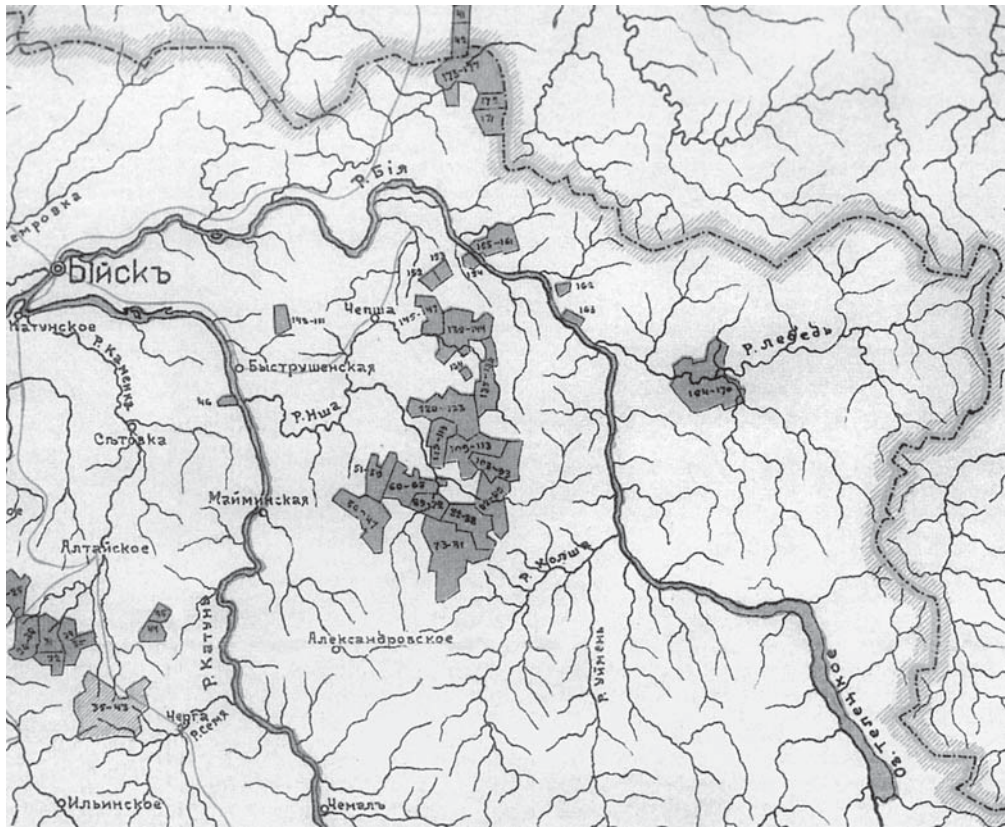
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

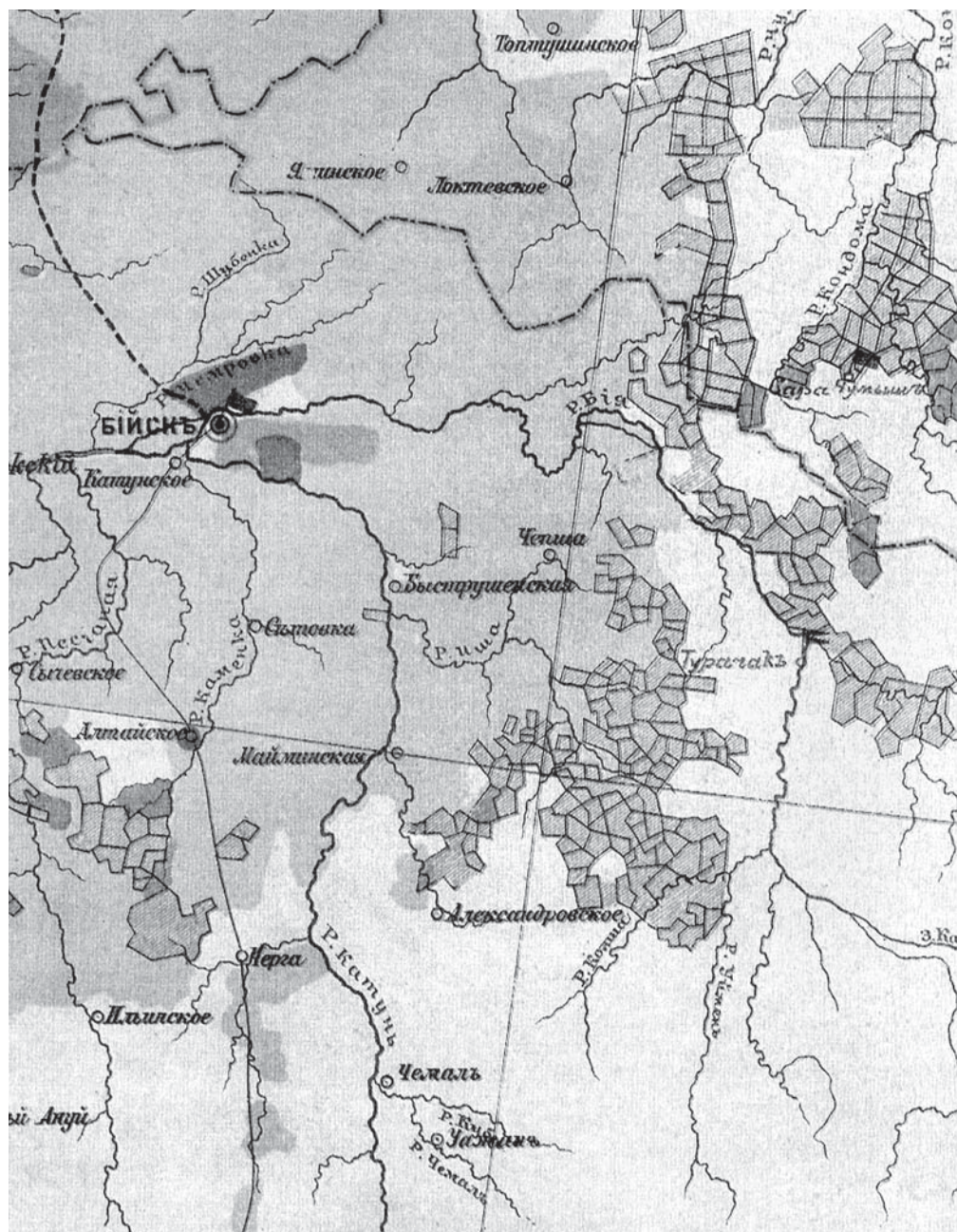
Карта 1. Алтайская Духовная миссия в Бийском и Кузнецком округах Томской губернии. СПб.: изд. А.В. Хромолит-Полонского, 1869. 1 л.

Карта 2. Землеустройство Томской губернии. Составил и выполнил А. Ширяев.
СПб.: [Переселенч. упр-ние], лит. Брандт, после 1909. 1 л.

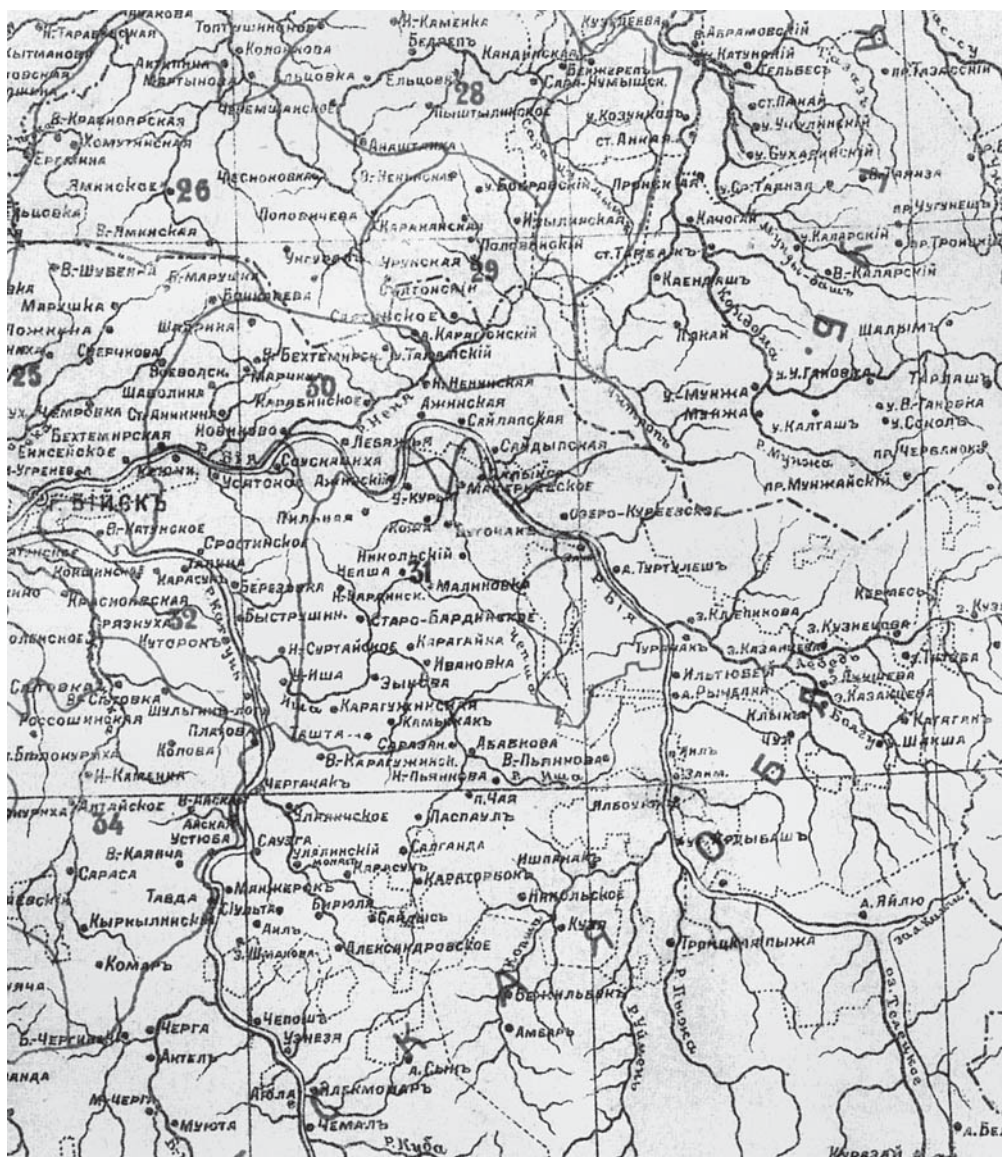
Карта 3. Землеустройство Томской губернии. СПб.: [Переселенч. упр-ние], карт. зав. Майкова, после 1910. 1 л.

Карта 4. Землеустройство Томской губернии. СПб.: [Переселенч. упр-ние], карт. зав. Майкова, после 1911. 1 л.

Карта 5. Карта основных сетей, построенных при землеустройстве в Алтайском округе к 1 января 1913 г., исп. в чертежной Кабинета е.в. СПб.: Картограф. зав. Э.Х. Брандт, 1913. 1 л.

Карта 6. Карта Алтайской губернии. Барнаул: Изд-во Алтайск. губ. зем. упр-ния, Гос. Типо-лит., 1924. 1 л.

Районы Бийского уезда:

25. Бийский	28. Ельцовский	31. Старо-Бардинский
26. Яминский	29. Солтонский	32. Сростинский
27. Тогульский	30. Новиковский	34. Алтайский

Приложение II

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ

Таблица 1

Точность метрического учета населения предгорий Северного Алтая в 1910 г., %*

Показатель	Макарьевское отделение		Кебезенское отделение		Сузопское отделение		Паспаульское отделение	
	только инородцы	все население	только инородцы	все население	только инородцы	все население	только инородцы	все население
Соотношение родившихся мальчиков и девочек	82	116	87	86	75	96	126	117
Соотношение умерших мужчин и женщин	156	127	111	110	144	120	70	80
Доля умерших до 5 лет среди всех умерших	78	...	55	...	76	...	61	...
Брачность	8,1	9,5	6,3	7,0	3,1	6,6	9,1	10,6
Рождаемость	76,0	88,0	50,7	48,5	37,6	78,6	57,9	68,9
Смертность	35,0	44,3	20,9	19,1	16,9	27,9	34,3	36,5
Естественный прирост	41,0	43,7	29,8	29,4	20,7	50,7	23,6	32,4

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 1381, 1419, 1664, 1688.

Таблица 2

Христианизация «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии в 1905–1916 гг., чел.*

Год	Лебедское (Турочакское) отделение			Пильненское отделение			Старобардинский приход		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
1905	1	0	1
1906	0	1	1
1908	8	9	17**	0	0	0
1909	4	1	5**	0	0	0
1910	5	4	9	1	0	1
1911	5	6	11	0	0	0
1912	15	22	37	0	0	0
1913	0	2	2	1	0	1
1914	13	11	24	1	1	2	0	0	0
1915	12	1	13	0	0	0
1916	8	8	16	0	0	0

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6. Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам данные носят приблизительный характер.

** Подсчитано по: [Владимир, еп. Бийский, 1893, с. 8–9]; Отчет о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 г. Томск, 1892. С. 4–5; Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1886. Бийск, 1887. 38 с.; ГААК. Ф. 164. Оп. 1, 2.

Таблица 3

**Христианизация «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии
и приходам Томской епархии в 1887–1918 гг., чел.***

Год	Солтонский приход			Сузопское отделение			Тайнинское отделение		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
1887	1	0	1
1895	26	23	49
1896	23	29	52
1897	23	23	46
1898	17	37	54
1899	20	24	44
1900	15	12	27
1901	21	18	39**
1903	3	2	5
1904	6	3	9**	2	0	2**
1905	2	2	4	25	21	46	5	1	6
1906	1	1	2
1907	24	28	52
1908	21	12	33	0	0	0**
1909	1	0	1	11	9	20	3	3	6**
1910	2	3	5	7	10	18	3	3	6
1911	1	1	2	20	31	51
1912	1	0	1	7	12	19	16	18	34
1913	0	1	1	8	8	16
1914	2	1	3	16	24	40
1915	1	0	1	4	11	15	9	5	14
1916	4	0	4	13	25	38	0	2	2**
1917	0	1	1	5	7	12
1918	2	2	4

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Подсчитано по: см. прим. к табл. 2.

Таблица 4

**Христианизация «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии
и приходам Томской епархии в 1913–1918 гг., чел.***

Год	Таштинское отделение			Урунский приход		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
1913	3	3	6**
1914	26	27	53**
1915	2	0	2
1916	1	1	2**
1918	2	0	2

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Подсчитано по: см. прим. к табл. 2.

**Христианизация «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии
в 1883–1919 гг., чел.***

Год	Кебезенское отделение			Макарьевское отделение			Паспаульское отделение		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
1883	4	2	6**
1884	12	10	22
1886	44	26	73	62	49	111
1887	7	15	22	61	42	103***
1888	25	21	46***	81	50	131
1889	31	35	66	53	75	128
1890	60	67	127**	21	19	40**
1891	28	19	47***	26	24	50***
1892	55	52	107	32	32	64***
1893	19	18	37	22	17	39
1894	15	16	31	0	1	1
1895	16	17	33	1	0	1
1896	12	5	17	5	3	8	1	0	1
1897	0	4	4
1898	37	34	71	1	3	4
1899	1	2	3	4	7	11
1900	5	5	10**	6	1	7
1901	7	6	13	2	1	3	2	1	3
1902	0	3	3	2	3	5
1903	0	1	1	1	1	2
1904	7	6	13***
1905	2	5	7	1	0	1	1	1	2
1906	10	9	19	10	10	20
1907	14	14	28
1908	10	7	17	1	0	1***	5	5	10
1909	7	9	16	2	1	3***	2	2	4
1910	9	8	17	5	4	9	0	2	2
1911	6	6	12	1	0	1	4	0	4
1912	6	3	9	3	3	6	1	0	1
1913	0	1	0
1914	8***
1915	0	3	3***	11	12	23
1916	13	7	20***	9	7	16***	5	3	8***
1919	1	0	1

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам данные носят приближенный характер.

*** Подсчитано по: см. прим. к табл. 2.

Таблица 6

Демографические показатели у крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии в 1880–1919 гг.*

Год	Быстрянский приход			Макарьевское отделение			Старобардинский приход		
	рожде- ний	смертей	ест. при- рост	рожде- ний	смертей	ест. при- рост	рожде- ний	смертей	ест. при- рост
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1880	58**	21**	+37**
1883	31	10	+21
1884	23	13	+10
1885	2**	46	21	+25
1886	11**	23	15	+8
1887	5**	227	24	+203**
1888	117	50**	+67**	135	40	+95**	...	20	...
1889	7**	96	15**	+81**	...	14	...
1890	7**	71**	10**	+61**	...	23	...
1891	5**	75**	13**	+62**	33	22	+11
1892	90	74	+16	91	40	+51	44	28	+16
1893	122	76	+46	86**	34	+52**	58	25	+33
1894	124	88	+36	79	27	+52	56	46	+10
1895	137	43**	+94**	101**	32	+69**	63	22**	+41*
1896	136	62*	+74**	50	31	+19	74	31	+43
1897	136	66	57	+9
1898	126	52	+74	50	13**	+37**	70	14**	+56**
1899	126	49	+77	69	29	+40	72	52	+20
1900	115	67	+48	55**	32	+23**	72	45	+27
1901	78	42	+36
1902	63	22	+41	65	24	+41
1903	152	67	+85	65	20	+45	62	37	+25
1904	149	72	+77	52	20**	+32**	68	50	+18
1905	158	104	+54	54	35	+19	76	60	+16
1906	167	76**	+91**	73	5**	+68**	72
1907	167	113	+54	70	28**	+42**	70
1908	183	28**	+155**	68	75	27	+48
1909	163	113	+50	...	41**	...	69	39	+30
1910	181	133	+48	56	68	44	+24
1911	185	103	+82	82	45	+37	60	50	+10
1912	201	106	+95	62	67	50	+17
1913	184	109	+75	64	8**	+56**	67	36	+31
1914	198	148	+50	43	30	+13
1915	210	101	+109	82	11**	+71**	31	20	+11

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1916	208	158	+50	55	74	-19	26	9	+17
1917	134	96	+38
1918	76
1919	70

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 7

Демографические показатели у крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии в 1887–1917 гг.*

Год	Паспаульское отделение			Солтонский приход			Сузопское отделение		
	рожде- ний	смертей	ест. прирост	рожде- ний	смертей	ест. прирост	рожде- ний	смертей	ест. прирост
1887	40	8	+32	49
1895	90	48	+42
1896	88	79	+9
1897	75	40	+35
1898	44**	25**	+19**	97**	53*	+44**
1899	79	41	+38	37	21	+16	80	21	+59
1900	80	65	+15	56	31**	+25**	42	32	+10
1901	63	30	+33	3**	30**	-27**
1902	55	43	+12
1903	63	29	+34
1904	...	31
1905	47**	36	+11**	53	44	+9	52	21	+31
1906	40	15	+25
1907	66	30	+36
1908	102	55	+47	69	34	+35
1909	81	52	+29	66**	47**	+19**	44	20	+24
1910	87	46	+41	67**	49**	+18**	43	26**	+17**
1911	89	70	+19	69	32	+37	29	14	+15
1912	78	57	+21	57	33	+24	49	7	+42
1913	70	43	+27	51	14	+37
1914	77	42	+35	35	16	+19
1915	86	40	+46	35	11	+24
1916	67	57	+10	32	19	+19
1917	51	38	+13	24	6**	+18**

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 8

Демографические показатели у крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии в 1892–1918 гг.*

Год	Кебезенское отделение			Тайнинское отделение		
	рождений	смертей	ест. прирост	рождений	смертей	ест. прирост
1892	77
1893	45
1895	68
1896	18**
1897	31**
1898	58
1900	25**
1901	75	32	+43	94*
1902	...	19	...	2*
1903	...	37	...	27
1904	35**	36	...	25
1905	105	55	+50	36	15	+21
1906	108	32
1907	111	40
1908	101	68
1909	88	49
1910	92	45	+47	27	18	+9
1911	91	50	19**	...
1912	76	30	...	24	1**	+23**
1915	15
1918	10	12**	–2**

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 9

Демографические показатели у крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии в 1892–1918 гг.*

Год	Пильненский приход			Таштинское отделение			Урунский приход		
	рожде- ний	смертей	ест. прирост	рожде- ний	смертей	ест. прирост	рожде- ний	смертей	ест. прирост
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1892	4**
1893	13**
1894	7
1895	9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1896	8
1897	10
1898	9
1899	4
1900	5**
1901	1**
1914	35	13	+22
1915	40	17	+23	18	19	-1
1916	10**
1918	32	31**	+1

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 10

Демографические показатели у крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии в 1888–1916 гг., %*

Год	Паспаульское отделение			Макарьевское отделение			Сузопский приход		
	рожде- ний	смертей	ест. прирост	рожде- ний	смертей	ест. прирост	рожде- ний	смертей	ест. прирост
1888	46,1	19,8	+26,3
1889	46,6
1892	39,0	17,2	+21,8
1900	69,9	56,8	+13,1
1902	51,5	40,3	+11,2	49,4	17,2	+32,2
1903	58,6	27,0	+31,6	50,7	15,6	+35,1
1904	...	27,9	...	40,9	15,7**	+25,2
1905	44,5**	34,1	+10,4**	42,2	27,3	+14,9	31,5	12,7	+18,8
1908	74,8	40,4	+34,4	50,7	46,0	22,7	+23,3
1909	56,1	34,6	+21,5	29,5	13,4	+16,1
1910	58,6	31,0	+27,6	47,8	33,0	20,0**	+13,0**
1911	63,1	34,6	+28,5	22,2	10,7	+11,5
1912	48,6	37,2	5,3	+31,9
1913	47,4	40,3	11,1	+29,2
1915	63,8	26,2	8,3	+17,9
1916	32,2	43,3	-11,1	25,4	15,1	+9,3

* Рассчитано по данным Приложения II, табл. 6–7 и Приложения III, табл. 17.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 11

Демографические показатели у крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии в 1892–1910 гг., %*

Год	Кебезенское отделение			Тайнинское отделение		
	рождений	смертей	ест. прирост	рождений	смертей	ест. прирост
1892	73,8
1903	...	17,3
1904	...	16,7	...	63,6
1905	47,9	25,1	+22,8	90,2	37,6	+52,6
1908	60,6	40,8	+19,8
1909	48,7	27,1	+21,6
1910	48,1	23,5	+24,6	66,5	44,3	+22,2

* Рассчитано по данным Приложения II, табл. 6–7 и Приложения III, табл. 17.

Таблица 12

Смертность крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии по возрастам в 1880–1917 гг., чел.*

Год	Быстрянский приход			Макарьевское отделение			Старобардинский приход		
	Всего	в т. ч. дети		Всего	в т. ч. дети		Всего	в т. ч. дети	
		до года	до 5 лет		до года	до 5 лет		до года	до 5 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1880	20	13	17
1883	10	4	4
1884	13	9	10
1885	21	12	16
1886	15	9	9
1887	22	13	15
1888	50	34	42	40	24	33	20
1889	10	6	9	14
1890	10	0	0	23
1891	13	0	0	22	14	19
1892	74	57	60	40	10	13	28	21	22
1893	34	17	22	25	17	20
1894	88	49	64	27	21	21	46	26	36
1895	33	17	24	22	15	17
1896	62	42	51	30	25	25	31	21	26
1897	56	30	39
1898	52	40	42	13	9	10	14	7	9
1899	49	24	29	29	16	21	52	31	41

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1900	67	28	36	32	28	28	45	27	33
1901	42	25	34
1902	21	12	15	24	16	17
1903	67	48	54	20	8	9	37	24	25
1904	72	53	57	19	11	12	50	34	46
1905	104	72	81	32	16	28	60	37	44
1906	76	52	61	5	2	4
1907	113	83	92	28	18	20
1908	28	16	19	27	16	21
1909	113	78	87	41	28	32	39	28	31
1910	133	102	116	44	25	31
1911	103	78	85	45	32	39	50	33	37
1912	106	78	88	50	37	44
1913	105	65	81	8	3	4	36	24	28
1914	146	87	109	30	20	25
1915	101	74	80	11	6	7	20	13	16
1916	38	14	8	9	7	8
1917	96	60	71

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6. Без учета умерших, возраст которых не зафиксирован в метрических книгах.

Таблица 13

Смертность крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии по возрастам в 1887–1917 гг., чел.*

Год	Паспаульское отделение			Солтонский приход			Сузопское отделение		
	Всего	в т. ч. детей		Всего	в т. ч. детей		Всего	в т. ч. детей	
		до года	до 5 лет		до года	до 5 лет		до года	до 5 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1887	7	2	3
1895	48	15	21
1896	79	22	49
1897	40	9	13
1898	25	13	18	53	14	27
1899	41	20	24	21	12	12	21	4	8
1900	65	31	47	31	18	21	32	12	14
1901	30	13	17	30	18	25
1902	43	16	22
1903	29	15	17

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1904	31	12	17
1905	44	24	36	21	3	9
1906	15	5	8
1907	30	6	13
1908	55	22	35	34	12	17
1909	52	25	32	47	30	34	20	4	5
1910	46	23	30	47	29	34	26	7	9
1911	70	38	47	32	22	24	14	5	5
1912	57	26	39	33	20	23	7	1	1
1913	43	23	30	14	4	5
1914	39	22	29	16	4	8
1915	40	23	28	11	3	4
1916	57	38	46	19	6	10
1917	38	20	24	6	3	6

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6. Без учета умерших, возраст которых не зафиксирован в метрических книгах.

Таблица 14

**Смертность крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии
по возрастам в 1901–1918 гг., чел.***

Год	Кебезенское отделение			Тайнинское отделение		
	Всего	в т. ч. детей		Всего	в т. ч. детей	
		до года	до 5 лет		до года	до 5 лет
1901	31	15	17
1902	19	7	15
1903	37	13	16
1904	36	17	20
1905	52	15	32	15	5	8
1906	32	12	15
1907	40	11	16
1908	67	29	41
1909	49	22	26
1910	45	20	24	18	12	14
1911	50	26	31	19	10	12
1912	30	10	15
1918	12	6	10

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6. Без учета умерших, возраст которых не зафиксирован в метрических книгах.

Таблица 15

**Смертность крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии
и приходам Томской епархии по возрастам в 1914–1918 гг., чел.***

Год	Пильненский приход			Таштинское отделение			Урунский приход		
	Всего	в т. ч. детей		Всего	в т. ч. детей		Всего	в т. ч. детей	
		до года	до 5 лет		до года	до 5 лет		до года	до 5 лет
1914	13	11	12
1915	17	12	14	20	13	15
1918	31	14	25

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6. Без учета умерших, возраст которых не зафиксирован в метрических книгах.

Таблица 16

**«Грубая оценка» вероятности младенческой смертности у крещеных «инородцев»
по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии
(1880–1918 гг.), %***

Год	Быстринский приход	Макарьевское отделение	Старобардинский приход	Паспаульское отделение	Солтонский приход	Сузопское отделение	Кебезенское отделение	Тайинское отделение	Пильненский приход	Таштинское отделение	Урунский приход
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1880	224,1
1883	129,0
1884	391,3
1885	260,9
1886	391,3
1887	...	122,6**	50,0
1888	290,6	258,1**
1889	...	62,5**
1891	424,2
1892	633,3	109,9	477,3
1893	...	197,7**	293,1
1894	395,2	265,8	464,3
1895	...	168,3**	238,1**	166,7
1896	308,8	500,0	283,8	250,0
1897	454,6	120,0
1898	317,5	180,0**	100,0**	295,5**	...	144,3**
1899	190,5	231,9	430,6	253,2	324,3	50,0**
1900	243,5	509,1**	375,0	387,5	321,4**	285,7
1901	...	320,5	...	206,4	200,0
1902	...	190,5	...	290,9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1903	315,8	123,1	...	238,1
1904	355,7	211,5**
1905	455,7	296,3	486,8	...	452,8	57,7	142,9	138,9
1906	311,4	125,0	111,1
1907	497,0	257,1**	90,9	99,1
1908	87,4**	...	213,3	215,7	...	173,9	287,1
1909	478,5	...	405,8	308,6	454,6**	90,9	250,0
1910	563,5	...	367,7	264,4	432,8**	162,8**	217,4	444,4	...	722,2	...
1911	421,6	390,2	550,0	427,0	318,8	172,4	285,7
1912	388,1	...	552,2	333,3	350,9	20,4	131,6
1913	353,3	...	358,2	...	328,6	78,4
1914	439,4	...	465,1	...	285,7	114,3	314,3
1915	352,4	...	419,4	...	267,4	85,7	300,0
1916	67,3**	...	269,2	...	567,2	187,5
1917	447,8	392,2	125,0
1918	437,5

* Рассчитано по данным Приложения II, табл. 6–7.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 17

Младенческая смертность у крещеных «иностранцев» по отделениям Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии (1884–1917 гг.), %*

Год	Быстрицкий приход	Макарьевское отделение	Старобардинский приход	Паспаульское отделение	Солтонский приход	Сузунское отделение	Кебезинское отделение	Пильнинский приход
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1884	350,7
1885	313,0
1886	293,5
1888	...	246,6**
1889	...	63,2**
1891	424,2
1892	...	116,7	520,7
1893	...	193,9**	318,8
1894	397,3	258,2	458,8
1895	...	181,5**	247,3**
1896	308,1	...	298,6	248,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1897	436,9	113,5
1898	309,3	156,1**
1899	190,5	255,3	434,6	297,0	...	46,7**
1900	236,0	469,3**	375,0	390,4	362,4**	219,5
1901	...	355,5	...	189,3
1902	...	176,5	...	277,5
1903	...	124,4	381,0	248,6
1904	353,3	195,3**	515,2
1905	464,5	300,0	504,5
1906	317,1	113,6	112,2	...
1907	497,0	253,5**	104,7	100,0	...
1908	218,2	176,5	278,0	...
1909	459,7	...	394,4	284,1	...	76,4	238,3	...
1910	582,9	...	365,9	270,6	435,0**	161,3*	220,6	...
1911	424,7	436,4	526,6	430,2	323,5	148,5	284,7	...
1912	398,6	...	572,2	318,4	327,9	23,6	123,5	...
1913	342,7	...	358,2	...	350,3	79,5
1914	450,0	...	392,2	...	294,6	99,2
1915	359,2	...	371,4	...	277,1	85,7	...	313,0
1916	253,0	...	518,2	181,8
1917	378,2	355,0	112,5

* Рассчитано по формуле Ратса по данным Приложения II, табл. 6–7.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 18

Распределение смертельных случаев в зависимости от причин летального исхода у крещеных «инородцев» на рубеже XIX–XX в., %*

Причина смерти	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Понос	5	5	5	3	3	8	25	20	15	4	3	4
Оспа	14	9	21	15	15	8	5	1	2	3	4	3
Чихотка	9	10	12	12	9	7	8	7	7	7	6	6
Старость	10	11	14	14	6	7	5	6	9	6	7	5
Корь	4	5	13	17	18	9	9	9	7	3	3	3
Горячка	10	6	12	10	11	8	3	3	5	6	15	11
Слабость	7	5	15	2	3	13	11	17	16	1	3	7
Кашель	11	15	5	8	14	11	8	7	4	7	5	5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Родимец	6	10	7	14	3	3	15	10	11	4	13	4
Коклюш	11	2	8	6	9	6	11	12	11	6	9	9
Скарлатина	5	2	5	0	12	7	18	14	14	0	14	9
Тиф или брюшной тиф	19	7	12	15	7	2	0	7	10	17	2	2
Младенческая	8	15	8	5	2	5	20	18	2	10	5	2
Простуда	13	22	6	22	3	3	3	6	6	6	0	10

* Составлена на основе репрезентативной выборки 2032 демографических событий из части метрических книг всех отделений Алтайской духовной миссии.

Таблица 19

**Количество браков, заключенных крещеными «иностранцами» по отделениям
Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии в 1880–1918 гг.***

Год	Быстринский приход			Макарьевское отделение			Старобардинский приход		
	Брак между «иностранцами»	Брак с участием «иностранцев»	Всего	Брак между «иностранцами»	Брак с участием «иностранцев»	Всего	Брак между «иностранцами»	Брак с участием «иностранцев»	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1880	10	11	21
1883	1	3	4
1884	2	2	18
1885	2	6	27
1886	2	9	29
1887	11	5	30	0	7	...
1888	12	9	33	21	10	31	0	3	...
1889	13	4	17
1890	6**	1**	7**	4**	8**	31**
1891	7**	1**	24**	4	8	31
1892	7	16	33	25**	9**	53**	3	5	27
1893	10	8	33	8**	2**	10**	5	5	27
1894	12**	9**	31	3	11	27	4	6	36
1895	16	13	42	4	9	...	5	11	49
1896	11	14	34	3	5	19	1	8	35
1897	0	1	25**	4	12	44
1898	15	7	23	3	8	23	3	3	39
1899	10	5	18	4	11	...	3	2	...
1900	11	4	16	7	9	31	4	7	32
1901	20	7	27
1902	5	9	14**	0	7	7**

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1903	15	11	27	5	8	13**	2	10	12**
1904	15	8	24	1	13	29	2	7	...
1905	13	14	28	1	10	33	3	13	42
1906	17	5	22	5	12		1	10	55
1907	17	13	34	2	9	31	1	14	15**
1908	5**	3**	16**	3	15	18**
1909	16	9	30	12	24	36	3	15	58
1910	15	6	27	4	11	34	2	15	79
1911	16	12	30	2	11	34	4	11	79
1912	27	12	42	2	9	44	2	17	95
1913	19	8	36	1	11	64	4	20	92
1914	18	11	32	2	14	76
1915	29	11	44	3	7	23	1	4	37
1916	15	9	26	2	7	25
1917	22	9	36
1918	0	1

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 20

**Количество браков, заключенных крещеными «инородцами», по отделениям
Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии в 1885–1917 гг.***

Год	Паспаульское отделение			Солтонский приход			Сузопское отделение		
	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1885	4	1**	5**
1886	2**	0**	2**
1887	4**	2**	6**	2	4	19
1888	3**	0**	3**
1889	10**	2**	12**
1890	10**	4**	14**
1891	9**	1**	10**
1892	7**	2**	9**
1893	7**	1**	8**
1894	6**	0**	6**

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1895	6**	1**	7**	4**	2**	6**
1896	2**	2**	4**	31	1	32
1897	15**	3**	18**	5**	1**	19**
1898	9**	4**	13**	1**	1**	4**
1899	17**	5**	22**	2	3	27	2	3	5**
1900	9	1	19	3	5	19	3	0	5
1901	6	1	17	8	1	9
1902	8	1	20
1903	9	3	18
1904	3	3	12
1905	7	1	13	4	9	23	5	3	9
1906	1	2	5
1907	2	4	14
1908	25	6	50	2	0	
1909	11	16	48	4	6	64	1	4	12
1910	11	5	34	5	12	49	3	2	13
1911	14	12	53	1	10	48	2	3	23
1912	5	6	38	5	19	64	0	1	42
1913	6	14	53	0	1	26
1914	1	15	47	1	3	45
1915	2	15	47	1	1	33
1916	6	13	48	13	2	33
1917	2	11	60**	0	3	40

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 21

**Количество браков, заключенных крещеными «инородцами», по отделениям
Алтайской духовной миссии в 1892–1919 гг.***

Год	Кебезенское отделение			Тайнинское отделение		
	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1892	10	2	18
1893	11**	1**	15**
1895	10**	1**	26**
1898	12**	7**	31**
1899	13**	12**	34**
1901	9	6	24

1	2	3	4	5	6	7
1902	19	4	41
1903	3	5	27
1904	5	4	20
1905	7	12	29	3	11	35
1906	6	6	33
1907	5	10	34
1908	10	9	38
1909	19	5	34
1910	9	6	23	1	3	22
1911	3	6	18
1912	4	3	16	1	4	46
1919	1	5	56

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 22

**Количество браков, заключенных крещеными «инородцами», по отделениям
Алтайской духовной миссии и приходам Томской епархии в 1914–1918 гг.***

Год	Пильненский приход			Таштинское отделение			Урунский приход		
	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего	Брак между «инородцами»	Брак с участием «инородцев»	Всего
1914	1	2	10
1915	1	8	13	0	3	9
1918	1	10	58

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Таблица 23

**Брачность у крещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии
в 1888–1916 гг., %***

Год	Кебезенское отделение	Макарьевское отделение	Паспаульское отделение	Сузопское отделение	Тайнинское отделение
1	2	3	4	5	6
1888	...	12,9
1889	...	6,3
1891	...	3,2**
1892	10,6	12,7
1900	8,3
1901	5,2	...

1	2	3	4	5	6
1902	9,7	7,5	8
1903	2,6	7	9,8
1904	3,3	5,9	4
1905	5,9	4,7	7,1	3,9	21,3
1908	8,7	...	20,5	1,3	...
1909	11,9	8,8	13	2	...
1910	6,3	8,1	9,1	3,1	6,2
1911	...	5,8	...	2,7	...
1912	...	5,1	...	0,4	...
1913	...	4,8	...	0,4	...
1915	...	5,1	...	1,1	...
1916	11,1	...

* Рассчитано по данным Приложения II, табл. 19–22. Количество браков соответствует количеству брачующихся «иностранцев», деленному на 2.

** Из-за неполной сохранности метрических книг по отдельным приходам за рассматриваемый период некоторые данные носят приблизительный характер.

Таблица 24

Возраст крещеных «иностранцев», вступивших в первый брак*

Тип брака по сословной принадлежности супругов	Пол	16–20 лет		21–25 лет		26–30 лет		Старше 30 лет	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Брак между «иностранцами»	муж.	445	58	235	31	43	5	45	6
	жен.	492	73	139	21	21	3	23	3
Брак с участием «иностранцев»	муж.	169	67	68	27	10	4	4	2
	жен.	146	86	20	11	1	1	3	2
Всего	муж.	614	60	303	30	53	5	49	5
	жен.	638	75	159	19	22	3	26	3

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Таблица 25

Возраст крещеных «иностранцев» при заключении повторного брака, %*

Тип брака по сословной принадлежности супругов	Пол	19–25 лет		26–30 лет		31–35 лет		36–40 лет		41–45 лет		46–50 лет		Старше 50 лет	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Между «иностранцами»	муж.	8	12	18	26	8	12	15	22	7	10	6	9	6	9
	жен.	13	40	9	27	4	12	5	15	0	0	1	3	1	3
С участием «иностранцев»	муж.	13	24	17	32	11	21	3	6	3	6	2	4	4	7
	жен.	4	37	0	0	2	18	1	9	3	27	0	0	1	9
Всего	муж.	21	17	35	29	19	16	18	15	10	8	8	7	10	8
	жен.	17	39	9	20	6	14	6	14	3	7	1	2	2	4

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Таблица 26

Число первых и последующих браков у крещеных «инородцев», %*

Тип брака по сословной принадлежности супругов	Пол	1-й брак		2-й брак		3-й брак		1-й брак в христианстве	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Между «инородцами»	муж.	509	86,9	60	10,2	6	1	11	1,9
	жен.	558	91,5	39	6,4	0	0	13	2,1
С участием «инородцев»	муж.	256	83	51	16,4	1	0,3	1	0,3
	жен.	164	95	9	5	0	0	0	0

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Таблица 27

Временной интервал между смертью супруга и вступлением в повторный брак у крещеных «инородцев» Макарьевского и Созопского отделений Алтайской духовной миссии и Старобардинского прихода Томской епархии на рубеже XIX–XX вв.*

Пол	1 месяц		3 месяца		6 месяцев		9 месяцев		1 год		Более года	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Мужчины	3	9	12	38	11	35	2	6	1	3	3	9
Женщины	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	100

* Рассчитано с помощью электронной базы данных.

Таблица 28

Распределение браков у коренного населения предгорий Северного Алтая по сословной принадлежности мужа и жены в течение года на рубеже XIX–XX вв. %*

Тип брака по сословной принадлежности супругов	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Брак между «инородцами»	27,1	20,7	0,2	3,4	7,7	4,8	9,9	2,4	5,0	11,8	7,0	0
Брак с участием «инородцев»	35,5	21,1	0,2	2,7	5,7	5,1	6,1	1,0	3,3	8,0	11,3	0
в том числе:												
«инородец» и крестьянка	40,2	18,1	0,4	2,0	4,8	6,0	5,6	0,8	0,8	8,8	12,5	0
крестьянин и «инородка»	29,3	25,9	0	3,5	5,2	6,9	6,9	1,7	4,3	6,0	10,3	0
«инородец» и мещанка	36,4	13,6	0	2,3	6,8	2,3	4,5	0	9,1	15,9	9,1	0
мещанин и «инородка»	29,7	29,7	0	5,4	8,1	2,7	10,9	2,7	0	2,7	8,1	0
«инородец» и солдатка	38,0	8,0	0	0	23,0	0	8,0	0	0	8,0	15,0	0
солдат и «инородка»	32,0	21,0	0	5,0	5,0	0	5,0	0	16,0	0	16,0	0
прочее	10,0	60,0	0	0	0	0	0	0	20,0	10,0	0	0
<i>Всего</i>	30,9	20,9	0,2	3,1	6,8	4,9	8,2	1,8	4,2	10,1	8,9	0

* Составлена на основе репрезентативной выборки 1071 демографического события из части метрических книг всех отделений Алтайской духовной миссии.

Таблица 29

**Соотношение возраста жениха и невесты на момент венчания
на рубеже XIX–XX вв., %***

Тип брака по сословной принадлежности супругов	Одинаковый возраст	Невеста старше жениха				Жених старше невесты				
		на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16–20 лет	на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16–20 лет	на 21–39 лет
Брак между «иностранцами»	9,6	15,0	2,0	0,5	0,3	50,4	12,0	4,4	2,5	3,3
Брак с участием «иностранцев»	9,7	15,0	0,6	0	0,2	54,5	14,0	3,4	2,0	0,6
в том числе:										
«иностранец» и крестьянка	9,2	17,3	1,2	0	0,4	52,7	13,0	3,0	2,0	1,2
крестьянин и «иностранка»	11,0	11,8	0	0	0	59,0	15,0	0,8	2,4	0
«иностранец» и мещанка	7,8	13,7	0	0	0	60,8	13,7	4,0	0	0
мещанин и «иностранка»	14,6	22,0	0	0	0	56,1	4,9	2,4	0	0
«иностранец» и солдатка	20,0	13,3	0	0	0	46,7	6,7	13,3	0	0
солдат и «иностранка»	0	5,0	0	0	0	25,0	40,0	20,0	10,0	0
прочее	0	0	0	0	0	77,8	22,2	0	0	0
<i>Всего</i>	9,6	15,0	1,4	0,3	0,3	52,3	12,8	4,0	2,2	2,1

* Составлена на основе репрезентативной выборки 2482 демографических событий из части метрических книг всех отделений Алтайской духовной миссии.

Таблица 30

**Брачные связи крещеных «иностранцев» Кебезенского и Паспаульского отделений
Алтайской духовной миссии в 1890-х гг.***

	Мужчины								
	Волости и управы	Быстрянская	Кергеская	Комляжская (Комдошская)	Кузенская	Южская	Алтайские дючины	Кокшинская	Чуйские Кондомо- Итиберская
Женщины	Быстрянская	1	0	1	2	0	0	3	0
	Верх.-Кумандинская	0	0	0	4	0	0	0	1
	Ниж.-Кумандинская	1	0	1	0	0	0	0	0
	Кергеская	0	8	3	1	0	0	0	2
	Комляжская (Комдошская)	0	4	5	2	6	1	0	0
	Кузенская	0	1	4	1	4	0	0	0
	Южская	0	1	7	0	1	1	0	0
	Алтайские дючины	0	0	1	1	1	2	1	0
	Кокшинская	1	0	0	0	0	0	0	0

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Таблица 31

Брачные связи крещеных «инородцев» Кебезенского и Паспаульского отделений Алтайской духовной миссии в 1900–1910-х гг.*

Волости и управы	Мужчины																	
	Быстрянская	Верх.-Кумандинская	Ниж.-Кумандинская	Кергежская	Комляжская	Кузнецкая	Южская	Алтайские дючины	Кокшинская	Мышотинская	Чуйские	Улалинская	Тагальская 1-й половины	Тогульская	Боторова	Кондомо-Итиберская	Кондомо-Шегальская	
Женщины	Быстрянская	3	0	0	1	1	0	2	0	3	0	1	1	0	0	0	1	0
	Верх.-Кумандинская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	Ниж.-Кумандинская	0	0	1	1	1	1	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	Кергежская	0	0	0	15	6	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Комляжская	0	0	1	14	18	5	17	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0
	Кузнецкая	0	0	1	1	5	1	6	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0
	Южская	0	0	2	0	20	8	4	3	0	0	1	0	0	0	0	0	0
	Алтайские дючины	0	0	0	1	6	2	0	4	0	0	0	0	1	0	0	0	0
	Кокшинская	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
	Чуйские	0	0	0	3	2	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0
	Улалинская	0	1	0	0	0	0	3	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
	Тогульская 2-й половины	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Кондомо-Итиберская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Брачные связи крещеных «инородцев» Макарьевского отделения Алтайской духовной миссии в 1880–1890-х гг.*

Женщины	Мужчины													
	Быстринская	Верх.-Кумандинская	Ниж.-Кумандинская	Кузнецкая	Кергеская	Ашкиштымская 2-й половинны	Итиберская	Кондомо-Елейская	Кондомо-Итиберская	Кондомо-Шелкальская	Тагапские	Телеутская 2-й половинна	Тогутская 2-й половинна	Шерогашева
	5	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
	1	1	1	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0
	2	1	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	2	1	0	0	0	0
	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0
	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0
	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0
	0	0	0	0	0	0	0	2	1	0	1	1	1	0
0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
0	0	3	0	0	0	0	0	1	1	0	6	0	1	
0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Таблица 33

Брачные связи крещеных «инородцев» Макарьевского отделения Алтайской духовной миссии в 1900–1910-х гг.*

Женщины	Волости и управы	Мужчины							
		Быстрянская	Верхне-Кумандинская	Нижне-Кумандинская	Кузенская	Каларская	Тагапская 1-й половины	Шерогаева	Кумышская
	Быстрянская	12	0	2	0	1	1	1	1
	Верхне-Кумандинская	2	2	0	0	0	0	0	0
	Нижне-Кумандинская	1	2	1	1	0	0	0	0
	Кондомо-Елейская	0	0	1	0	0	0	0	0
	Кондомо-Итиберская	0	1	1	0	0	0	0	0
	Тагапская	0	0	1	0	0	0	0	0

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Таблица 34

Брачные связи крещеных «инородцев» Сузопского отделения Алтайской духовной миссии и Солтонского прихода Томской епархии в 1890–1910-х гг.*

Женщины	Волости и управы	Мужчины								
		Ашкиштынская 2-й половины	Нижне- Кумандинская	Кузенская	Елейская	Итиберская	Керетская	Кондомо- Итиберская	Тагапская 2-й половины	Тогульская 2-й половины
	Быстрянская	0	1	0	0	1	0	0	0	0
	Верхне-Кумандинская	0	0	1	2	1	0	0	0	0
	Нижне-Кумандинская	1	5	0	2	3	0	0	2	0
	Комляжская	0	0	0	0	1	0	0	0	0
	Кокшинская	0	1	0	0	0	0	0	0	0
	Ашкиштымская	0	0	0	0	0	0	0	1	0
	Бежбоятская	0	1	0	0	0	1	0	2	0
	Елейская	0	5	0	0	1	0	1	0	0
	Итиберская	0	8	0	2	6	0	0	0	0
	Карачерская	0	1	0	0	2	0	0	0	0
	Кондомо-Итиберская	0	0	0	0	0	0	0	3	0
	Тагапские	0	1	0	1	2	1	2	1	0
Тогульская 2-й половины	0	1	0	0	0	0	0	0	1	

* Составлена по: ГААК. Ф. 144. Оп. 5, 6.

Приложение III

ЧИСЛЕННОСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Таблица 1

Численность «инородцев» в XIX в., ревизские души*

Волость	Население в 1804 г.	Население в 1830 г.	Население в 1849 г.	Население в 1897 г.
Верхне-Кумандинская	137	133	178	319
Нижне-Кумандинская	448	146	614	1373
Южская	105	95	114	369
Комляжская	285	328	645	784
Кергежская	172	173	275	570
Кузенская	122	133	145	490
Кондомо-Шелкальская	101	132	190	414

* Составлена по: [Шерстова, 2005, с. 104, 140, 142, 291–294].

Таблица 2

Численность кумандинцев в 1812 г.*

Волость и управа	Кумандинцы		Русские крестьяне, душ м. п.
	кочевых душ м. п.	оседлых душ м. п.	
Тогульская 2-й половины	31	0	0
Нижне-Кумандинская	1 994	27	196
Быстрянская	952	949	959
Верхне-Кумандинская	313	56	45
<i>Итого</i>	3 290	1 032	700

* [Сатлаев, 1974, с. 117].

Таблица 3

Численность «инородцев» Кондомо-Шелкальской волости в XIX в.*

Население	1816 г.	1858 г.	1889 г.	1897 г.
Мужского пола	132	300	456	457
Женского пола	65 (?)	214	418	472
<i>Всего</i>	197	514	874	929

* По: [Тюркские народы..., 2006, с. 469].

Таблица 4

Численность «инородцев» предгорий Северного Алтая в 1869 г., чел.

Волость*	Мужчины	Женщины	Волость**	Мужчины	Женщины
1	2	3	4	5	6
<i>Бийский уезд</i>					
Верхне-Кумандинская	322	284	Верхние кумандинцы	322	284

1	2	3	4	5	6
Нижне-Кумандинская	831	740	Нижние кумандинцы	831	740
Южская	251	232	Юс	257	232
Комляжская	756	705	Кёмнёш	756	705
Кергежская	378	383	Тиргеш	385	383
Кузенская	275	232	Кюзён	275	234
Тогульская	121	116	Торгул	121	116

Кузнецкий уезд

Тогульская	176	196	Торгул	176	196
Кондомо-Шелкальская	300	214	Кёмнёш	229	209
Тагабская	367	371			

* Подсчитано по: [Вербицкий, 1993, с. 21–22].

** Подсчитано по: [Радлов, 1989, с. 93–94].

Таблица 5

**Численность «инородцев» предгорий Северного Алтая
во второй половине XIX в., чел.***

Волость	10-я ревизия (число ревизских душ)		Наличное население в 1880 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Верхне-Кумандинская	116	...	439	419
Нижне-Кумандинская	289	...	522	564
Южская	102	...	233	188
Комляжская	328	...	649	648
Кергежская	171	...	418	383
Кузенская	123	...	358	280
Кондомо-Шелкальская	399	372

* Подсчитано по: [Ядринцев, 1891, с. 289, 291].

Таблица 6

Численность «инородцев» по волостям в 1883, 1888 и 1895 гг., чел.

Волость	Ревизских душ в 1883 г.*		«Инород- цев» в 1888 г.**	Ревизских душ (мужчин) в 1888 г.***	Ревизских душ в 1895 г.****
	«инородцы»	прочие			
1	2	3	4	5	6
Быстрянская	374	147	3722	471	646
Комляжская	1332	367	269
Кергежская	830
Кузенская	450	104	...
Южская	550
Верхне-Кумандинская	206	...	942
Нижне-Кумандинская	1913	326 (1190)	...

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6
Тагапская 1-й половины	33	...
Тагапская 2-й половины	156	156	...
Тогульская 1-й половины	77	...
Тогульская 2-й половины	7	...	280
Кондомо-Итиберская	255	5	...	240	...
Кондомо-Шелкальская	156	20	...	197	...

* Подсчитано по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 583. Л. 3 об. – 5, 8 об. – 9.

** Подсчитано по: Там же. Д. 658. Л. 11 об.

*** Подсчитано по: Там же. Д. 66. Л. 20 об., 48–49, 69–69 об., 71, 102, 142 об., 144 об., 224–225, 235.

**** Подсчитано по: Там же. Д. 925. Л. 14, 117–117 об.

Таблица 7

Численность крещеных и некрещеных «инородцев» по волостям в 1888 г.*

Волость	Язычники			Православные			Итого
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	

Бийский уезд

Верхне-Кумандинская	363	402	765	93	96	189	954
Нижне-Кумандинская	419	434	853	212	193	405	1258
Тогульская 2-й половины	22	26	48	66	63	129	177
Кергежская	348	456	804	16	13	29	833
Комляжская	326	333	659	83	162	245	904
Кузенская	112	112	224	30	33	63	287
Южская	215	395	610	0	0	0	610
Разных волостей	663	628	1 291	0	0	0	1 291

Кузнецкий уезд

Барсоятская	1	1	2	37	34	71	73
Елейская	121	119	240	58	57	115	355
Итиберская	195	203	398	121	118	239	637
Карачерская	5	6	11	16	16	32	43
Керецкая	2	1	3	24	20	44	47
Кондомо-Бежбоякова	8	6	14	37	34	71	85
Тагабская 1-й половины	15	12	27	33	41	74	101
Тагабская 2-й половины	85	105	190	82	78	160	350
Тогульская 2-й половины	1	1	2	13	13	26	28
Шелкальская	303	292	595	15	18	33	628
Шерогашева	32	28	60	24	23	47	107

* Составлена по: ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 8. Л. 57 об.

Таблица 8

**Население инородческих волостей и управ предгорий Северного Алтая,
по данным переписи 1897 г., чел.***

Волость и управа	Наличное население		Русские и другие переселенцы		Коренные тюрки (инородцы)	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Быстрянская	2 834	2969	1 290	1 384	1 773	1 780
Кергежская	840	819	91	75	757	746
Комляжская	841	858	134	144	712	719
Кузенская	447	436	94	103	353	333
Верхне-Кумандинская	736	725	171	188	565	537
Нижне-Кумандинская	1 859	1 787	118	122	1 742	1 665
Южская	387	388	99	110	288	278
Кондомо-Шелкальская	414	433	1	0	413	433
Тогульская 2-й половины	110	108	23	25	87	83
Кондомо-Елейская	167	181	13	14	154	167
Кондомо-Итиберская	520	493	40	53	480	440
Тагапская 2-й половины	272	285	2	17	270	268
Сростинская	397	454	378	426	19	28
Яминская	710	710	572	581	138	129

* Подсчитано по: [Патканов, 1911, т. 2, с. 192–193, 222–223, 270–271, 280–284].

Таблица 9

**Реальное проживание приписного населения инородческих волостей
и управ предгорий Северного Алтая, по данным переписи 1897 г.***

Волость и управа	Проживает по месту приписки		Всего, %	Проживает на территории Бийского уезда		Всего, %	Проживает на территории Кузнецкого уезда		Всего, %
	мужчин	женщин		мужчин	женщин		мужчин	женщин	
Быстрянская	1 333	1 336	76	423	411	23	11	7	1
Кергежская	521	530	92	53	42	8	0	0	0
Комляжская	360	379	40	561	532	60	0	0	0
Кузенская	205	208	49	219	188	49	8	9	2
Верхне-Кумандинская	185	176	41	259	252	58	8	7	1
Нижне-Кумандинская	1 257	1 187	76	285	277	18	108	91	6
Южская	152	140	40	219	227	60	0	0	0
Кондомо-Шелкальская	402	422	95	0	0	0	22	20	5

* Подсчитано по: [Патканов, 1911, т. 2, с. 195–196, 274–275].

Таблица 10

**Распределение населения инородческих волостей и управ предгорий
Северного Алтая по языковому признаку, по данным переписи 1897 г.***

Волость и управа	Тюрский (татарский) язык		Калмыцкий (алтайский) язык		Русский язык		Шорское наречие	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Быстрянская	45	45	99	77	1 629	1 658	0	0
Кергежская	0	0	720	712	37	34	0	0
Комляжская	0	0	655	654	57	65	0	0
Кузенская	0	0	351	332	2	1	0	0
Верхне-Кумандинская	0	0	408	395	157	142	0	0
Нижне-Кумандинская	0	0	1 613	1 538	129	127	0	0
Южская	0	0	259	240	29	38	0	0
Кондомо-Шелкальская	0	0	0	0	0	0	413	433

* Подсчитано по: [Патканов, 1911, т. 2, с. 194, 274].

Таблица 11

Численность мужчин у «инородцев» черневых волостей во второй половине XIX в.*

Волость	X ревизия	Перепись 1897 г.	Абсолютный прирост	Прирост, %	Средне- годовой прирост, %
Комляжская	328	936	608	182,3	4,6
Кузенская	123	435	312	235,7	6,7
Южская	102	355	253	248,0	6,5
Кергежская	171	559	388	226,9	6,0
<i>Всего</i>	724	2 285	1 561	215,6	5,7

* Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900. Т. 1, вып. 1. С. 45.

Таблица 12

Ведомость за 1908 г. о состоянии населения Бийского уезда по вероисповеданиям*

Волость	Православные			Идолопоклонники		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
1	2	3	4	5	6	7
Быстрянская	2 579	2 615	5 194	0	0	0
Кергежская	401	420	821	183	157	340
Комляжская	1 067	1 260	2 327	220	251	471
Кузенская	330	301	631	274	281	555
Южская	215	206	421	95	77	172
Верхне-Кумандинская	513	470	983	160	180	340

1	2	3	4	5	6	7
Нижне-Кумандинская	1 339	1 365	2 704	875	860	1 735
<i>Итого:</i>	6 444	6 637	13 081	1 807	1 806	3 613

* Подсчитано по: Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1997. С. 85–87.

Таблица 13

Численность «инородцев» по волостям в соответствии с сословным разрядом и вероисповеданием в 1906 и 1915 гг.*

Населенный пункт	Кочевые «инородцы»		Оседлые «инородцы»		Православные		Шаманисты	
	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Кузенская волость, 1906 г.

Паспаул	106	109	4	4	110	113	0	0
Вершина Малой Иши	54	45	9	13	28	24	35	34
Вершина Куюма	11	11	0	0	0	0	11	11
Каратам	40	42	0	0	21	22	19	20
Чаарбок	32	17	0	0	0	0	32	17
Сакулук	11	14	0	0	0	0	11	14
Тодоков	14	17	0	0	1	0	13	17
Турачак	35	27	0	0	35	27	0	0
Санькин	45	46	0	0	45	46	0	0
Юльтюбейский	25	24	0	0	21	21	4	3
Сейка	14	16	0	0	8	7	6	9
Тондошка	35	36	6	2	41	38	0	0
Кыдатов	12	14	0	0	8	7	4	7
Данилкин	30	27	0	0	23	22	7	5
Баланак	38	39	0	0	29	27	9	12
Культюбинский	32	31	0	0	29	26	3	5
<i>Всего</i>	534	515	19	19	399	380	154	154

Комляжская волость, 1906

Карасук	115	110	2	3	117	113	0	0
Жульчак	45	48	2	4	34	30	13	22
Салганда	80	83	11	8	91	91	0	0
Караторбок	32	34	4	3	29	31	7	6
Чаарбай	36	37	0	0	10	14	26	23

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Адыйман	32	33	0	0	29	31	3	2
Вершина-Нырги	45	45	0	0	37	35	8	10
Кузя	40	38	0	0	18	15	22	23
Юля	26	29	0	0	14	15	12	14
Чулушкара	42	38	0	0	10	15	32	23
Баушка	25	26	0	0	10	12	15	14
Вершина-Уйменя	37	35	0	0	25	25	12	10
Пыжа	58	58	0	0	23	26	35	32
Нырга	60	60	5	40	65	100	0	0
Сартогол	13	10	0	0	6	5	7	5
Ласкай	0	0	16	17	16	17	0	0
Мугуюта	92	73	0	0	82	63	10	10
Аюла	84	70	0	0	49	41	35	29
<i>Всего</i>	863	828	85	75	711	680	237	223

Южская волость, 1906 г.

Никольское	80	79	1	0	70	68	10	12
Ашпанак	27	22	0	0	19	16	8	6
Бежельбак	10	12	0	0	4	2	6	10
Шавга	32	25	0	0	20	12	12	13
Яжеяш	27	25	0	0	0	0	27	25
Учек	56	48	10	12	51	42	15	18
Тюньжа	57	53	2	4	53	51	6	6
<i>Всего</i>	289	264	13	16	218	190	84	90

Быстрянская волость, 1915 г.

Быстрянское	0	0	689	659	689	659	0	0
Березовка	0	0	475	523	475	523	0	0
Старо-Суртайское	0	0	189	200	189	200	0	0
Ново-Суртайское	0	0	190	179	190	179	0	0
<i>Всего</i>	0	0	1543	1561	1543	1561	0	0

*Лебедская волость, 1915 г.***

Тондошка	0	0	?	?	0	0	5	4
Турачак	0	0	184	174	164	156	20	18
<i>Всего</i>	0	0	184	174	164	156	25	22

* Подсчитано по: ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 376; 869. Л. 6 об. – 7, 52 об. – 53, 203 об. – 204; 77 об. – 78, 267 об. – 268.

** Нет «инородцев» в населенных пунктах: Ивановский, Сретенский, Завьяловский, Гурьяновский, Усть-Тюлемский, Усть-Байгольский, Айнинский, Усть-Лебединский.

Численность «инородцев» по волостям в 1910–1913 гг.*

Волость	1910 г.			1911 г.			1912 г.			1913 г.		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
<i>Бийский уезд</i>												
Быстрянская	2 579	2 615	5 194	2 437	2 458	4 895	2 932	2 905	5 837	3 012	3 014	6 026
Кергежская	590	585	1 175	582	573	1 155	803	826	1 629	715	715	1 430
Комляжское	1 409	1 940	3 349	1 423	1 386	2 809	1 681	1 634	3 315	1 629	1 639	3 268
Кузнецкое	605	583	1 188	615	592	1 207	606	594	1 200	654	591	1 245
Южское	310	283	593	329	291	620	339	311	650	336	274	610
Тогуйская 2-й половины	140	152	292	112	130	242	112	130	242	112	130	242
Верхне-Кумандинская	673	650	1 323	579	536	1 115	759	754	1 513	759	754	1 513
Нижне-Кумандинская	2 285	2 407	4 692	2 319	2 329	4 648	2 144	2 056	4 200	3 960	3 967	7 927

Кузнецкий уезд

Тогуйская 1-й половины	226	229	455
Тогуйская 2-й половины	112	110	222
Кондомо-Елейская	390	353	743	390	353	743	335	332	667
Кондомо-Итиберская	871	864	1735	871	864	1735
Кондомо-Шелкальская	534	467	1001	534	467	1001	656	588	1244

* Подсчитано по: Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. С. 162–163, 166; Памятная книжка... на 1911 год. Томск, 1911. С. 124, 127; Памятная книжка... на 1912 год. Томск, 1912. С. 129–130, 132; Памятная книжка... на 1913 год. Томск, 1913. С. 129.

Таблица 15

Численность «инородцев» Макарьевского отделения Алтайской духовной миссии, нуждающихся в наделении землей, за 1889 г.*

Населенный пункт	Кол-во домов	Душ м. п.	Населенный пункт	Кол-во домов	Душ м. п.
Макарьевское, Балыкса	...	203	Тостоков, Кичеков	79	207
Кажа-Иртышкино	41	101	Корлаган, Карасев, Сузопов	60	167
Кажа-Алешкино	17	55	Караган	39	100
Кылташ	30	100	Калашев	43	103
Жолдош, Егана	42	102	Бехтемир	6	22
Тюрегечь	13	31	Гавриловка	5	16
Куют и Сапашев	12	22	Сатуга, Усть-Солтонский, Шатубалов	26	98
Чонурак	10	20	Половинка	22	58
Постоков, Сурубашев, Полушев	30	68	Езлап	37	108
Курлем	7	18	Шумиха	11	31
Байлаш, Игнашкин, Курекей	11	21	Бобровка	30	109
Аламджир	14	39	Шаландайка	12	32
Сайлап, Пешпер, Кубия	68	182			

* Составлена по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 739. Л. 6–12 об.

Таблица 16

Численность крещеных и некрещеных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии в 1885–1916 гг.*

Год	Кебезенское отделение			Макарьевское отделение			Созопское отделение		
	православных	язычников	всего	православных	язычников	всего	православных	язычников	всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1885	868	1 855	2 723	2 956	3 734	6 690
1886	735	1 801	2 536	1 919	3 655	5 574
1888	820	1 843	2 663	2 017	2 482	4 499
1889	2 366	2 482	4 848
1891	1 004	1 655	2 659	2 365	2 050	4 415
1892	1 043	1 555	2 598	2 331	2 017	4 348
1899	1 807	1 348	3 155	611	?	...	1 420	1 868	3 288
1900	1 952
1901	1 539	1 343	2 882
1902	2 168	1 276	1 578
1903	2 145	1 281	1 562	1 445	3 007
1904	2 156	2 665	4 821	1 272	551	1 823	1 562	1 492	3 054

Продолжение табл. 16

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1905	2 194	1 280	1 650
1909	1 807	904	2 711	1 359	1 102	2 461	1 491	1 380	2 871
1910	1 913	780	2 693	1 171	1 133	2 304	1 303	1 230	2 533
1911	1 309
1912	1 275	1 318
1913	2 137	1 349	1 265
1915	1 127	479	1 606	1 271 (1 285)	946	2 217	1 334	880	2 214
1916	1 068	459	127	1 287	422	1 709	1 258	435	1 693

Окончание табл. 16

Год	Паспаульское отделение			Тайнинское (Таштинское**) отделение			Турочакское (+ Гурбяновское) отделение		
	православных	язычников	всего	православных	язычников	всего	православных	язычников	всего
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1885
1886
1888
1889
1891
1892
1899	983	298	1 281
1900	1 145	202	1 347
1901
1902	1 068
1903	1 076	319
1904	1 113	14	1 127	393	552	945
1905	1 056	202	1 258	399	590	989
1909	1 445	199	1 644	409	741	1 150	563	1236	1 799
1910	1 486	212	1 698	406	736	1 142	687	1 246	1 933
1911	751	1 286	2 037
1912	1 303	750	1 284	2 034
1913	1 256	530	655	1 185	794	1 277	2 071
1915	1 205	67	1 272	162	0	162	887 (227)	185 (277)	1 072 (504)
1916	1 229	32	1 261	160	0	160	693	106	799

* Составлена по: [Владимир, еп. Бийский, 1893, с. 8–9]; Отчет о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 г. Томск, 1892. С. 4–5; Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1886 г. Бийск, 1887; ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61, 71, 75, 84, 156; Оп. 2. Д. 11, 24, 26, 35, 36, 54, 60, 61, 62, 67, 69, 91, 94; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 32; Томские епархиальные ведомости. 1886. № 19. С. 6–7; 1889. № 21. С. 15; 1900. № 20. С. 13; 1913. № 11. С. 557.

** В 1913 г. из Тайнинского отделения Алтайской духовной миссии было выделено Таштинское отделение вместе со всем инородческим населением.

Численность православных «инородцев» по отделениям Алтайской духовной миссии в 1886–1916 гг.*

Год	Кебезенское отделение			Макарьевское отделение			Созопское отделение		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1886	379	356	735	952	967	1 919
1888	426	394	820	1 025	992	2 017
1889	2 366
1891	531	473	1 004	1 211	1 154	2 365
1892	548	495	1 043	1 183	1 148	2 331
1900	1 007	945	1 952
1901	798	741	1 539
1902	1 116	1 052	2 168	654	622	1 276	820	758	1 578
1903	1 104	1 041	2 145	654	627	1 281	806	756	1 562
1904	1 095	1 061	2 156	657	615	1 272	806	756	1 562
1905	1 006	1 188	2 194	655 (653)	625 (620)	1 280	850 (842)	800 (828)	1 650
1908	835 (836)	832	1 667	664	677 (635)	1 341	777	723	1 500
1909	1 807	1 359	1 491
1910	938	975	1 913	591	580	1 171	671	632	1 303
1911	651	649	1 300	662	647	1 309
1912	651	624	1 275	665	653	1 318
1913	1 067	1 070	2 137	689	660	1 349	640	625	1 265
1915	564	563	1 127	658	613	1 271	669	665	1 334
1916	502	566	1 068	671	616	1 287	610	648	1 258

Год	Паспаульское отделение			Тайнинское (Таштинское**) отделение			Турочакское (Лебедское) отделение			Всего
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1886	2 654
1888	2 837
1889	2 366
1891	3 369
1892	3 374
1900	565	580	1 145	3 097**
1901	1 539**
1902	519	549	1 068	174	168	342	6 432
1903	515	561	1 076	156	163	319	6 386
1904	524	589	1 113	192	201	393	6 496
1905	510 (507)	546 (543)	1 056	196	203	399	6 579 (6 586)
1908	666	697	1 363	207	208	415	306	265	571	6 857 (6 816)
1909	1 445	409	563	7 074
1910	736	750	1 486	199	207	406	366	321	687	6 966
1911	399	352	751	3 360
1912	403	347	750	3 343
1913	636	620	1 256	279	251	530	420	374	794	7 331
1915	602	603	1 205	78	84	162	465 + 176***	422 + 124***	887 + 300***	6 286
1916	609	620	1 229	77	83	160*	359	334	693	5 270

* Составлена по: см. прим. к табл. 16.

** В 1913 г. из Тайнинского отделения Алтайской духовной миссии было выделено Таштинское отделение вместе со всем инородческим населением.

*** Данные по Гурьяновскому приходу, выделенному из состава Турочакского отделения Алтайской духовной миссии.

Численность «инородцев» по клировым ведомостям

Населенный пункт	1902 г.			1903 г.		
	дворов	мужчин	женщин	дворов	мужчин	женщин
1	2	3	4	5	6	7
<i>Кебезенское отделение</i>						
Кебезень	46,75	187	199	43,75	175	188
Ынырга	32	128	125	32,5	130	121
Кузя	18,25	73	75	18,75	75	76
Турачак	22,25	89	81	21,75	87	83
Никольское	25,75	103	85	28	112	88
Вершина Ынырги
Эдербес	26,5	106	95	14,75	59	67
Телецкое озеро	31,75	127	115
Пыжа	20	80	87			
Уймень	18,75	75	70	18,5	74	69
Шпанак	4,75	19	20	4,75	19	19
Чорбок	12,25	49	47	12	48	47
Усть-Толой	8,75	35	31	9	36	32
Тондош(ка)	31	124	112	29,5	118	111
Арты-Баш
Займки по Лебеди и Байголу	12	48	25	11	44	25
<i>Всего</i>	279	1 116	1 052	276	1 104	1 041
<i>Макарьевское отделение</i>						
Макарьевское	38	152	154	38,25	153	158
Балыкса	36,75	147	158	38	152	161
Сайдып	0,25	1	3	0,25	1	3
Займка Куюта	1	4	3
Усть Кажа	0,5	2	4	0,25	2	4
Кажа	5,25	21	30	5,75	23	30
Елей	15	60	49	14,75	59	48
Бугачак	9,25	37	31	6,75	27	25
Иртышкино	13,5	54	34	13,5	54	34
Алешкина-Кажа	8,75	35	20	8,75	35	20
Кылташ	23,75	95	88	23,75	95	89
Жолдош (Елтош)	7,25	29	28	7	28	29
Егана	5,25	21	23	5,25	21	23
<i>Всего</i>	163,5	654	622	163,25	654	627
<i>Всего язычников</i>
<i>Паспаульское отделение</i>						
Паспаул	42	188	206	87	192	222
Тунча	12	34	31	14	37	33
Уйчек	7	27	25	11	25	27
Карасук	37	102	113	43	101	106
Адый-Ман	8	28	25	14	32	33
Кара-Торбок	5	23	27	12	24	29
Солганда	32	96	100	42	99	103

Алтайской духовной миссии за 1903, 1905–1906, 1908 гг.*

1905 г.			1906 г.			1908 г.		
дворов	мужчин	женщин	дворов	мужчин	женщин	дворов	мужчин	женщин
8	9	10	11	12	13	14	15	16
<i>Кебезенское отделение</i>								
43	172	191	42	168	192	93	170	189
53,75	215	223	53	212	219	62	136	151
						43	93	97
22,5	90	79	24,5	98	75
25,25	101	100	25,5	102	104
			17	45	33
25,25	101	94	26,25	105	95	26	69	65
					
37,75	151	153	39,25	157	152	48	92	93
						39	85	74
5	20	18	4,75	19	19	9	18	21
21,75	87	81	20,5	82	75	20	44	44
						17	37	33
29,75	119	114	29,75	119	120
...	17	47	32
12,75	51	34	13,5	54	38
277,25	1 107	1 087	279	1 116	1 089	391	836	832
<i>Макарьевское отделение</i>								
39,75	159	155	65	173	187	65	182	186
37,5	150	174	65	168	179	55	166	177
0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	4	3	2	3	3	2	3	5
...	2	2	5	1	1	3
5,25	21	27	8	21	25	8	20	22
14,75	59	48	32	90	71	19	54	47
6,75	27	21	10	26	21	13	25	20
13,25	53	34	7	22	12	15	45	30
8,75	35	20	9	35	20	10	35	18
23,75	95	88	34	98	87	38	87	80
7,25	29	28	12	29	27	14	25	25
5,25	21	22	7	21	22	8	21	22
163,75	655	625	244	688	659	268	664	675
...
<i>Паспаульское отделение</i>								
80	186	210	91	209	239	51	135	141
14	35	36	14	31	37	11	31	31
16	42	41	15	42	41
40	102	105	43	119	122	45	123	120
16	34	37	19	42	44	17	40	54
6	13	14	6	13	14	9	20	19
42	95	100	41	102	115	35	105	111

1	2	3	4	5	6	7
Никольская	6	21	22	2	5	8
Вершина-Иши
Заселка Тырга
Займки по М. Ише и Карагайле
Займки по рекам Паспаул, Коже, Карасу
Займки по р. Убале
Займки по рекам Учек, Карым
Займки по р. Сарыкокша
<i>Всего</i>	149	519	549	225	515	561
<i>Созопское отделение</i>						
Созоп	17	70	73	18	84	68
Карлаган
28 улусов	117	750	685
29 улусов	175	722	688
22 аила
23 аила
Сверх того язычники	...	708	697	...	723	722
<i>Всего</i>	134	2 158	1 445	193	1 529	1 478
<i>Тайнинское отделение</i>						
Ташта	...	70	69	...	71	73
Кам(б)ыш(ж)ак	...	70	72	...	63	67
Нарлык (Ынырлык)	...	34	27	...	20	22
Озерки
Курлек
Сарыков
Тибирек
Подчайна
Шубенка
Займки по р. Барсанаку
<i>Всего</i>	...	174	168	...	156	...
<i>Турачакское отделение</i>						
Турачак
Займки по р. Лебеди
Тондошка
Санькин, Мойкор, Кылык, Байгол
Сурбашев, Бастоков, Куретейкин, Усть-Элемчир
Санькин, Ультюбей, Кыдаткин, Данилкин, Кольдебе
<i>Всего</i>
<i>Всего язычников</i>

8	9	10	11	12	13	14	15	16
0	0	0	20	50	55
...	4	10	6
...	1	3	5
...	0	2	1
...	17	45	50
...	9	26	23
...	22	61	63
...	5	15	18
214	507	543	230	558	612	246	666	697
<i>Созопское отделение</i>								
33	84	90	30	78	65	27	74	60
2	8	4	2	8	4	3	11	4
...
...
297	750	734	331	776	729
...	287	692	659
...
332	842	828	363	862	798	317	777	723
<i>Тайнинское отделение</i>								
...	80	79	...	70	75	...	80	86
...	59	65	...	48	56	...	50	44
...	21	21	...	21	21	...	29	26
...	8	13	...	8	13	...	8	14
...	22	6	...	22	16	...	22	16
...	7	9	...	7	9	...	7	9
...	2	2
...	6	7
...	2	1	...	2	3
...	1	1
...	197	203	...	182	196	...	207	208
<i>Турачакское отделение</i>								
...	16	52	43
...	0	0	0
...	41	192	179
...	41	128	110
...
...
...	98	322	332
...

* Составлена по: ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61, 62; Оп. 2. Д. 26, 28, 35, 50, 52, 54, 61, 67, 69, 94.

Численность «инородцев» по клировым ведомостям Алтайской духовной миссии за 1910–1913, 1915 гг.*

Населенный пункт	1910 г.			1911 г.			1912 г.			1913 г.			1915 г.	
	дворов	мужчин	женщин	дворов	мужчин	женщин	дворов	мужчин	женщин	дворов	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Кебезенское отделение, всего	442	938	975	472	1067	1070
Макарьевское отделение, всего	205	591	580	205	651	649	259	651	624	259	689	660	237	615
Язычников	...	531	602
Паспаульское отделение, всего	263	736	750	196	636	620
Созопское отделение														
Созоп	23	64	57
Карлаган	8	17	10
23 аила	278	590	565
Всего	309	671	632	318	662	647	335	665	653	397	640	625	410	665
Тайнинское отделение, всего	...	199	207
Таштинское отделение, всего	279	251
Язычников	341	314
Турачакское отделение, всего	132	366	321	161	399	352	162	403	347	159	420	374	175	422
Язычников	217	651	595	226	672	614	225	671	613	218	668	609	46	89

* Составлена по: ГААК. Ф. 164. Оп. 1, 2. В документах указаны общие сведения по населенным пунктам без градации по сословиям.

Приложение IV

ДИНАМИКА РАССЕЛЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Таблица 1

Список населенных мест коренного населения предгорий Северного Алтая на 1859 г.*

Населенный пункт и его местоположение	Количество дворов	Число наличных душ	
		мужского пола	женского пола
Быстрянское, с.	97	315	329
Березовка, дер.	71	238	253
Старо-Суртайская, дер.	18	63	66
Ново-Суртайская, дер.	19	66	67
Ташта, дер.	12	33	37
Макарьевское, с.	7	13	19
Пильна, дер.	42	122	137
Урунский, у.	23	107	114
Березовский, у.	13	42	52
Калачевский, у.	24	62	69

Переходящие с места на места юрты кочевых «инородцев»

Излабские юрты	33	89	81
Половинские	14	43	40
Сарубашевы	2	3	8
Верх-Салтонские	11	34	38
Шумихины	3	6	12
Челейские	60	99	90
По р. Лебеди юрты, не имеющие наименования	85	226	171

* Список населенных мест по сведениям 1859 г. Томская губерния LX. СПб., 1868. С. 64–65, 97–98, 100–101.

Населенные пункты коренного населения предгорий Северного Алтая в 1893, 1899, 1904 и 1911 гг.*

Населенный пункт	1893 г.				1899 г.				1904				1911 г.			
	Кол-во дворов		Число душ		Кол-во дворов		Число душ		Кол-во дворов	Число душ		Кол-во дворов	Число душ		Кол-во дворов	Число душ
	«ино-родцев»	крестьян	м. п.	ж. п.	«ино-родцев»	крестьян	м. п.	ж. п.	Кол-во дворов	м. п.	ж. п.	Кол-во дворов	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
<i>Быстрянская инородная управа</i>																
Быстрянское	173	13	439	438	4	160	534	511	148	484	459	188	631	572		
Майминское	98	12	242	255	0	104	328	328	103	329	327		
Улалинское	266	187	810	800	68	302	466	505	370	753	754		
Заселки близ Уалы	13	13	74	75	26	58	60		
Займка Малая Сульта	2	2	7	10		
Бирюлинское	56	10	90	82	5	64	211	212	75	242	244		
Чепошинская	40	5	109	90	4	44	138	166	57	147	190	109	295	299		
Пильна	74	22	197	203	11	103	328	345	83	299	295	188	631	597		
Балькса	43	17	132	137	7	59	181	197	66	182	196		
Старо-Суртайская	50	174	179		
Ново-Суртайская	44	164	167		
Березовка	202	595	635		
Сидорова	3	12	6		
<i>Комляжская инородная волость</i>																
Карасук	37	6	62	70	6	39	125	129	47	156	158	59	158	166		
Салганда	15	6	33	43	9	46	125	126	59	96	104	50	134	136		
Караторбок	17	2	43	42	0	10	30	35	11	31	32	12	27	26		

Жульчак	0	8	19	22	8	33	32	14	34	47
Кажияк	0	4	10	7	4	10	7
Тажа	0	3	6	5	3	6	5
Адыйман	7	1	12	7	2	14	39	34	16	49	46	17	38	37
Чаарбай	0	6	17	21	6	17	23	13	36	32
Узунгол	2	4	20	19	6	15	18	5	15	15
Паспаул	1	49	101	125
Юля	0	11	24	16	11	24	16	12	32	23
Кузя	0	27	55	60	27	75	71	24	58	61
Апшия	0	15	38	32
Вершина Нырги	0	11	33	33	15	46	39	23	66	51
Паушка	0	11	24	24	8	21	22	11	31	25
Заселок Каташ	7	14	56	55	10	34	25	8	22	20
Николаевка	33	0	73	62
Могуюта	11	0	24	27	40	74	78	47	129	117
Баскаул	20	0	32	42
Тунжа	12	0	31	27
Сайдыс	52	0	115	114	3	5	8
Пешелтур	2	0	3	6
Усть... Нея	11	0	25	23
Чейот	1	0	2	4
Лекмондр	4	0	5	4
Чемал	22	0	53	43
Сюульта	4	0	9	10
Иша	4	0	10	13

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Эдеган	40	0	118	89
Малая Иша	11	0	27	26
Яшта	3	0	8	5
Большая Иша	12	0	27	46
Сартогол	16	0	34	25	23	63	54
Нырга, а.	15	0	24	16	16	20	96	105	19	134	141	98	255	252
Пыжа	38	0	62	57	29	70	69
Оон	6	0	9	10
Уймень	13	0	30	23
Илюшкин	12	0	27	29
Сорокша	12	0	29	32
Учек	7	0	16	8
Тулой	18	0	37	30
Кебезень, а.	10	0	10	13
Усть-Айла	5	0	9	9
Оскат	7	0	11	12
Анос	9	0	23	18
Актел	4	0	8	8
Балахта	11	0	23	22
Каньшина	7	20	18
Засел. Верш. р. Адыймана	4	18	14
Зас. Шевелева	9	38	34
Зас. Туткенек	8	19	25	12	29	32

Зас. Сейка	5	17	21	11	29	41
Зас. Ласпан	6	20	20	4	9	9
Зас. Орочек	8	19	18
Пос. Верш. р. Юля	19	49	52
Челушкаря	18	43	45	36	87	79
Усть-Юля	13	55	53
Усть-Уймень	8	10	9	8	20	17
Верш. р. Уйменя	5	20	19	17	34	28
Верш. р. Пыжа	25	68	66
Аюла	30	80	70	32	77	62
Юлинский	4	20	21

Южская инородная волюсть

Паспаул	19	0	44	48
Никольская	6	0	16	12	4	18	58	57	38	105	110	43	95	113	...
Туинса	20	0	47	33
Ашпанак, зас.	18	10	78	86
Корозен	0	2	5	5
Бежелъбок	0	3	12	17	4	12	17	3	5	3	...
Шавга	4	8	25	23	11	33	37
Вершина Саракокиши	0	6	26	29	17	55	45
Тырга	4	5	65	60	45	190	180
Тонъжа	13	17	97	80	13	27	27
Сайдыс	5	0	8	12
Курам	2	0	5	1
Адыбак	1	0	1	3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Узунгол	2	0	9	6
Қуми	1	0	2	2
Уймень	1	0	4	5
Ашпанак, а.	4	0	14	9	0	13	28	19	39	126	121	29	67	57
Қуля	6	0	10	16
Қарагол	1	0	1	3
Шауга	3	0	6	11
Қуюм	2	0	5	8
Баракта	0	0	3	1
Уючек	9	0	31	26	0	16	49	47	38	120	122	21	48	42
Вершина Малой Иши	1	0	4	3
Еликмондр	6	0	22	20
Қуячи	3	0	12	9
Падагач	2	0	5	6
Сорококша	31	94	93
Багучак	3	8	7
Евуза	7	14	14
Кочкина с займками по р. Убе	40	120	126

Кузенская инородная волость

Турачак	46	0	125	119	4	17	60	69	28	88	84	30	52	35
Тондошка, с.	22	0	52	64	37	100	106	26	61	54
Тондошка, а.	2	30	92	93
Санькин	0	7	21	22	10	32	30	12	14	13

Культюбинский	0	10	30	33	10	30	27	10	16	17
Юльтобенский	0	10	30	29	8	26	24	10	18	24
Тодоков	4	4	10	8	4	7	8	3	7	6
Баланак	0	4	14	14	6	18	15	6	12	12
Чоорбок	0	23	62	60	35	90	92	25	61	55
Вершина Малой Иши	1	15	48	43	23	64	58
Караташ	0	6	16	19	4	13	15	10	30	25
Малая Иша	11	0	36	27
Куюм	4	0	11	14
Сорококша	5	0	17	18
Уючек	2	0	7	8
Бежелбик	1	0	3	1
Сортугол	2	0	5	4
Тоизек	8	0	15	14
Сее	2	0	5	6
Посопке-Соколоа (Сукулу)	2	0	7	7	0	4	8	10	8	25	33
Данилкин	5	0	13	15	0	8	22	17	19	55	43	17	37	52	...
Тюленсков	18	0	43	46
Семенов	5	0	13	17
Балыкса, а.	2	0	6	7
Байгол	2	0	8	9
В вершине Маймы, а.	4	0	9	10
Боучак	2	0	3	4
Кылташ	2	0	4	2
Корал	3	0	5	5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Моугута и Балахта	12	0	35	36
Паспаул, с.	47	145	140	70	168	160
Сейка	6	16	22
Лекунар (Верш.)	22	47	58
Иша	19	60	50
Байдайский	4	13	12
Кылаткин	3	9	8	4	9	6
Займка по р. Киришу	5	17	16
Вершина Куюму	11	23	29

Кергежская инородная волость

Кебезень	35	38	80	83	2	67	188	188	48	139	136	77	153	152
Балыкса, дер.	1	0	5	3
Сартагон	6	0	12	10
Пыжа	40	0	113	121
Уймень	15	0	37	33
Тондошка, а.	8	0	16	11
Талой	12	0	29	39	13	32	35	24	60	59
Эдербес	14	0	37	42
Кевер	3	0	10	11
Серий	7	0	21	18
Теретол	5	0	17	21
Янлю	4	0	14	11	0	4	16	15
Аргыбаш	20	0	48	34	0	15	50	36

Азыган	23	0	51	41
Аш-Якту	15	0	30	28
Аилы по Телецкому о.
На р. Пыжа
На р. Едербес
На р. Сарокоша
По р. Азагак

Нижне-Кумандинская инородная волость

Макарьевское	15	40	98	93
Таштинское	28	0	72	65	13	26	114	86	40	126	96	23	61	79			
Сузоп	18	37	107	117	57	111	119	65	166	172			
Камыжак	1	23	65	71	25	71	74	17	58	52			
Курлаган	6	9	36	26	14	41	32	29	76	62			
Бехтемир	0	2	10	9	3	16	14	7	27	29			
Пильна	29	0	71	65	0	18	54	48	19	56	51	16	60	67			
Кожа	3	0	10	12			
Суртайская, а.	2	0	2	2			
Под Чайной	1	10	43	38	12	44	42	19	50	53			
Курлек	26	0	68	72	...	36	91	98	39	101	107	40	128	105			
Нарлык	17	3	35	39	0	29	93	87	35	96	91	27	79	76			
Теберек	13	0	37	40	13	19	70	73	44	77	81	26	78	75			
Пешпер	30	0	66	71	0	30	85	91	34	91	90	25	83	79			
Сайлак (Сайлапка)	7	0	6	8	0	12	31	36	15	17	25			
Кубия	21	0	67	50	0	30	84	79	31	96	84	40	101	104			
Тостаков	9	0	21	24	0	51	143	124	50	87	84	25	72	75			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Сузопов	16	0	41	43
Карагев (Карасев)	21	0	53	51	0	32	82	72	30	87	84	32	104	93
Кичиков	14	0	30	34	0	21	53	62	22	57	64	11	29	32
Каракан	25	0	67	71	0	37	115	94	36	119	110	40	130	140
Половижай	2	0	9	10
Елейский	25	0	56	57	10	62	191	187	72	194	196	49	160	170
Иртышкин (Иртышкина Кожа)	19	0	46	54	0	46	137	136	48	141	130	50	196	175
Черновая Кожа	5	0	10	9
Богучак	14	0	38	41	0	36	97	109	37	96	114	43	119	104
Алешкин (Алешкина Кожа)	16	0	36	39	0	19	56	43	19	54	40	30	102	85
Кылташ	23	0	61	58	0	41	108	100	41	111	116	65	151	141
Елтош	9	0	21	25	0	27	76	59	27	74	57	20	60	65
Яган (Егана)	12	0	35	45	0	18	51	43	19	54	47	24	76	72
Ужулеп	17	0	57	46	10	30	144	113	46	161	135	39	140	137
Озерки	17	0	37	38	0	26	69	60	24	71	70	26	74	75
Сарыков	31	0	70	71	0	42	118	119	40	120	124	40	124	129
Чайная Сойка	8	0	19	22
Сурубашев	6	0	14	16
Атемир	4	0	8	11
Сауска	2	0	6	5
Тебенда	8	24	17
Чулдинский	20	53	62

Верхне-Кумандинская инородная волость

Макарьевское	27	59	246	240	96	251	247	80	209	212
Алешкин	9	0	21	34	2	12	39	33	14	41	37	19	59	56	
Бостоков	0	7	15	19	7	16	22	5	16	13	
Танькин	0	3	7	5	4	10	11	
Кулунак	0	4	19	13	5	21	17	4	9	12	
Алемчир	0	6	16	17	3	11	10	
Куюта	2	0	5	6	
Сарубашев	16	0	47	37	0	17	57	49	19	62	58	35	84	89	
Полушкин	10	0	30	55	0	11	23	20	12	27	26	
Тагил	2	0	16	10	
Иташкин	1	0	4	4	
Каракан	1	0	3	1	
Шунарак	9	0	33	27	0	13	37	36	14	33	34	15	36	38	
Сапожкин	2	0	4	5	7	5	30	27	17	39	41	21	58	53	
Богучак	24	0	50	40	
Калташ	8	0	16	17	
Еленский	12	0	38	34	
Алтош	10	0	36	36	
Ужлеп	4	0	12	14	
Курлек	6	0	8	12	
Озерский	3	0	15	11	
Нарлык	3	0	15	9	
Камыжак	7	0	26	19	
Тайна	13	4	44	32	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Егана	3	0	6	13
Б(П)айлаш	3	0	24	24	7	19	31
Иртышкин	6	0	16	15
Алемзюр	2	0	12	10
Куктенов	3	0	3	2
Кубия	3	0	7	15
Курекчиев	2	0	4	3	8	24	32
Постак	6	0	20	30
Половинский	1	0	1	1
Пилатов	3	10	12
Каланак	4	13	16
Переселенческие участки	52	137	145

Кондомо-Шелкальская инородная волость

Куремес	5	0	18	15	0	7	21	17	12	29	22	14	33	26
Тяк	1	0	6	7	0	5	10	11	6	12	11	8	16	14
Карачан	7	0	21	20	0	7	26	19	10	30	19	12	38	24
Чиочек	3	0	14	7	0	2	10	4	5	15	10	7	19	16
Тура-Узень	2	0	10	6	0	6	16	11	8	18	13	11	26	22
Усть-Садринский	4	0	13	13	0	4	16	18
Тогун	4	0	19	17	0	11	34	33	13	36	35	15	48	49
Шокша	1	0	4	5	0	10	33	35	15	37	30	18	48	47
Байгол, 1-й	9	0	26	34
Байгол, 2-й	5	0	25	32

Куз(р)мач	6	0	21	19	0	8	23	23	23	9	26	28	12	36	35
Катычак	3	0	14	38	0	5	13	16	6	13	15	9	17	18	
Киргизан	5	0	16	22	0	13	32	35
Ога	5	0	13	15	0	5	11	13	6	15	14	8	19	18	
Колдырак	11	0	30	24	0	4	11	9	4	13	10	6	7	10	
Кааба	9	0	36	22	0	6	21	15
Атла	6	0	28	22	0	6	20	16	9	23	18	11	29	21	
Чибизек	4	0	14	14	0	2	10	9	2	11	9	6	17	15	
Ашкычак	5	0	12	11	0	7	16	16	6	16	13	8	19	16	
Клык	4	0	15	16	0	19	57	50	18	42	40	21	54	51	
Усть-Байгол	9	0	39	20
Чуя	3	0	12	7	0	4	16	19	11	27	12	14	38	40	
Садринский 1-й	6	17	20	8	21	24	
Садринский 2-й	15	39	28	18	46	41	
Кубагач	0	2	5	5	2	5	4	4	8	7	
Кыргызак	4	8	10	6	12	16	
Сурукаш	12	29	28	14	38	37	
Базла	0	3	5	10	4	5	12	6	10	14	
Байгол	0	10	29	31	12	27	32	14	39	40	
Чашнал	4	10	8	6	14	12	

Тагапская инородная волость 2-й половины

Бобровский	30	0	75	87	1	55	147	167	52	136	134
Половинский	6	0	7	5
Язлапский	5	0	7	6
Шумешинский	2	0	3	2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Шитобольский	2	0	5	9
Шелондайский	11	0	30	40	0	12	37	38	23	56	55
Березовский	13	4	30	40
Калашевский	13	0	43	42	0	35	92	89	35	95	88
Караганский	2	0	6	4	0	15	37	36
Каракинская	2	0	8	7
Бехтемирский	0	6	12	10	6	12	18

Кондомо-Елейская инородная волость

Березов	14	0	34	36	0	17	39	42
Караганский	3	0	5	5
Сатугин	1	0	2	5
Шетабанов	15	0	49	44	0	19	54	49
Бобровский	3	0	9	7
Шумихи	4	0	9	14
Язлапский	6	0	13	8
Сузопский	8	0	20	20
Каракавский	1	0	2	1
Тостоков	13	0	32	28
Полушкин	2	0	7	6
Шеланданский	1	0	4	1
Елейский	9	0	27	25
Кыташ	9	0	19	26

Тогульская инородная волость 2-й половины

Березов	9	0	18	21	39	126	130
---------	---	---	----	----	-----	-----	-----	-----	----	-----	-----	-----	-----	-----

Елейский	1	0	2	3
Кылташ	4	0	9	6
Солтонский	1	21	51	58	24	79	87
Калашев

Тогульская инородная волость I-й половины

Калачевский	19	0	61	56
-------------	----	---	----	----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Кондомо-Итиберская инородная волость

Шумиха	6	0	21	14	0	17	51	35	19	63	43
Курлек	1	0	4	2
Бобровка	8	0	28	26
Караканская	13	0	50	43
Половинский	27	0	73	80	3	49	122	138	53	99	93
Березовский	1	0	5	4
Езлапский	10	0	34	37	0	30	90	65	32	77	63
Урунская	3	0	9	7
Сатуга	15	0	38	46	0	21	51	52	20	49	50
Караганский	6	0	22	20
Елей	12	0	39	50
Иртышкин	2	0	11	9
Богучак	2	0	10	15
Пешпер	3	0	8	11
Тосток	26	0	87	80	0	51	169	154	70	186	167
Карасев	15	0	12	14
Кычек	14	0	45	44	0	33	61	69	21	52	61
Курлаган	5	0	16	15	5	16	52	46	21	53	48

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Сузоп	3	0	10	9
Салтона Вершины	3	0	11	6
Усть-Салтона	2	0	4	2

Таганская инородная волость 1-й половины

Язлап	7	0	23	21
Поповинский	3	0	9	8
Шелондайский	1	0	4	3
Тулой	5	0	7	7

Урунская волость

Караканская	99	142	141
Излапская	97	284	290
Солтанский	60	243	239
Тентешенский	25	72	73
Сатугинский	24	72	76
Шатабальский	26	75	76
Излапский	97	361	367
Половинский	65	104	116
Шаландайский	47	117	109
Березовский	44	120	130
Калашевский	20	52	57
Шумихинский	40	106	97

* Составлена по: Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. Томск, 1904. С. 546–549; Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск, 1893. С. 202–205, 208–223, 320–327, 332–335, 346–349; Список населенных мест Томской губернии за 1899 г. Томск, 1899. С. 560–565, 584–591, 672–695; Список населенных мест Томской губернии за 1911 г. Томск, 1911. С. 318–319, 322–332, 556–557, 562–563, 572–573.

Таблица 3

Список населенных мест коренного населения предгорий Северного Алтая, по данным Всероссийской переписи 1897 г. *

Населенный пункт	Кол-во хозяйств + хозяйства из 1 чел.	Наличное население		Русское население		Коренные тюрки (инородцы)		Прочие	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Быстрянское, с.	160 + 9	510	493	70	135	440	358	0	0
Бирюля, с.	81	221	223	31	27	189	195	1	1
Майма, с.	118	340	340	82	88	258	252	0	0
Чепша, дер.	53	140	174	25	31	115	143	0	0
Пильна, дер.	108 + 1	301	324	54	48	247	276	0	0
Балыкса, дер.	71	179	204	54	60	125	144	0	0
Улалинское, с. (с заимками)	440 + 18	1 143	1 211	731	796	399	412	13	3
<i>Итого:</i>	1 031 + 28	2 834	2 969	1 047	1 185	1 773	1 780	0	0

Кергежская инородческая волость

Кебезень, с.	58 + 3	157	147	47	48	105	97	5	2
Кебезень, дер.	27	58	72	12	11	45	61	1	0
Уймень, дер.	15	36	32	0	0	36	32	0	0
Сереу, а.	10	32	27	0	0	32	27	0	0
Токса, а.	7	14	12	0	0	14	12	0	0
Чичкебел, а.	3 + 1	5	8	0	0	5	8	0	0
Эдербес, а.	22 + 1	60	59	0	0	60	59	0	0
Толой, а.	11	34	38	0	0	34	38	0	0
Усть-Толой, а.	10	27	18	0	0	27	18	0	0
Чаашпак, а.	12 + 1	38	30	18	12	20	18	0	0

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Яйлю, а.	5	17	15	0	0	17	15	0	0
Артыбаш, а.	16	47	39	0	0	47	39	0	0
Ниж.-Пыжинский, а.	44	96	117	0	0	96	117	0	0
В.-Пыж, а.	21	55	51	0	0	55	51	0	0
Кувачан, а.	9	21	16	0	0	21	16	0	0
Эзевеч, а.	6	16	10	0	0	16	10	0	0
Азаган, а.	23	63	65	0	0	63	65	0	0
Сартогол, а.	12	34	26	0	0	34	26	0	0
Чалканак, а.	4	10	13	0	0	10	13	0	0
Каян, а.	6	20	24	0	0	20	24	0	0
Итого:	321 + 6	840	819	77	71	757	746	6	2

Комляжская инородческая волость

Нырга, с.	52	128	137	45	49	83	88	0	0
Салганда, с.	45 + 2	100	122	23	25	77	97	0	0
Карасук, с.	61 + 1	148	151	42	44	105	107	0	0
Паспаул, с.	65	144	150	6	7	138	143	0	0
Займки при р. Куташе	7	17	13	0	0	17	13	0	0
Займки и пасеки при р. Паспауле и др.	6	16	13	0	0	16	13	0	0
Паушка, а.	9	22	18	0	0	22	18	0	0
Юлинский, а.	16	42	32	0	0	42	32	0	0
Куза, а.	26	64	59	0	0	64	59	0	0
Алшия, а	11	29	30	0	0	29	30	0	0
Караторбок, а.	10	28	24	0	0	28	24	0	0

Чаарбай, а.	7	17	22	0	0	17	22	0	0	22	0	0
Узунгол, а.	8 + 1	22	22	7	10	15	12	0	0	12	0	0
Адыйман, а.	20	43	43	5	4	38	39	0	0	39	0	0
Жульчак, а.	10	21	22	0	0	21	22	0	0	22	0	0
<i>Итого:</i>	353 + 4	841	858	128	139	712	719	0	0	719	0	0

Кузенская инородческая волость

Тондошка, дер.	32	87	80	51	51	35	29	1	0	29	1	0
Турочак, с.	26 + 1	67	75	34	43	33	32	0	0	32	0	0
Вершина М. Иши, а.	22	49	47	8	9	41	38	0	0	38	0	0
Караташ, а.	9 + 1	27	29	0	0	27	29	0	0	29	0	0
Ктагов (Кадатов), а.	4	9	12	0	0	9	12	0	0	12	0	0
Кульдубе, а.	13	34	36	0	0	34	36	0	0	36	0	0
Баланақ, а.	6	13	13	0	0	13	13	0	0	13	0	0
Юльтобей, а.	10	30	26	0	0	30	26	0	0	26	0	0
Данилкин, а.	8	22	15	0	0	22	15	0	0	15	0	0
Тудоков, а.	7	20	20	0	0	20	20	0	0	20	0	0
Чоорбок, а.	22	64	59	0	0	64	59	0	0	59	0	0
Санькин, а.	8	25	24	0	0	25	24	0	0	24	0	0
<i>Итого:</i>	167 + 2	447	436	93	103	353	333	1	0	333	1	0

Верхне-Кумандинская инородческая волость

Макарьевское, с.	98	243	233	117	123	125	110	1	0	110	1	0
Сузол, с.	48	116	129	41	55	75	74	0	0	74	0	0
Карасе, а.	31	80	71	0	0	80	71	0	0	71	0	0
Кечеков, а.	26	61	72	0	0	61	72	0	0	72	0	0

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Алешкин, а.	14	39	35	2	2	37	33	0	0
Шупарак, а.	10	34	30	0	0	34	30	0	0
Бостоков, а.	7	13	16	0	0	13	16	0	0
Сурбашев, а.	16	53	46	0	0	53	46	0	0
Полушкин, а.	11	18	20	0	0	18	20	0	0
Курлек, а.	4	9	8	0	0	9	8	0	0
Кулунак, а.	5	19	13	0	0	19	13	0	0
Алемчир, а	5	13	16	0	0	13	16	0	0
Сапожкин, а	15	38	36	10	8	28	28	0	0
<i>Итого:</i>	290	736	725	170	188	565	537	0	0

Нижне-Кумандинская инородческая волость

Ташта, с.	36	113	116	22	31	91	85	0	0
Курлек, а.	40	96	100	0	0	96	100	0	0
Озерки, а.	27	68	62	0	0	68	62	0	0
Ужлеп, а.	40	132	121	28	25	104	96	0	0
Ягана, а.	18	47	44	0	0	47	44	0	0
Элтош, а.	29	75	60	0	0	75	60	0	0
Кылташ, а.	45	106	98	0	0	106	98	0	0
Алешкина Кожа, а.	18 + 1	57	43	0	0	57	43	0	0
Бубучак (Богучак), а.	34	95	85	0	0	95	85	0	0
Иртышкина Кожа, а.	48 + 1	139	130	4	0	135	130	0	0
Колонака Курлекеева, а.	3	6	9	0	0	6	9	0	0
М. Куют, а.	4	12	9	0	0	12	9	0	0

Елея, а.	80	201	207	7	7	194	200	0	0
Пешпер, а.	32 + 2	85	94	1	2	84	92	0	0
Большой Каракан, а.	42	119	103	0	0	119	103	0	0
Кубия, а.	28	86	76	0	0	86	76	0	0
Сойлоп, а.	15	32	38	0	0	32	38	0	0
Бехтемир, а.	2	9	10	0	0	9	10	0	0
Завендэ, а.	2	8	5	0	0	8	5	0	0
Камыжак а.	29	62	64	6	3	56	61	0	0
Сарыков (Тайна), а.	47	115	120	0	0	115	120	0	0
Нарлык, а.	39	94	87	19	16	75	71	0	0
Теберек, а.	30	69	75	29	37	40	38	0	0
Чайная, а.	14 + 1	33	31	1	1	32	30	0	0
<i>Итого:</i>	702 + 5	1 859	1 787	117	122	1 742	1 665	0	0

Тогульская инородческая волость 2-й половины

Салтонские, с. и ул.	27	78	78	23	25	55	53	0	0
Гавриловский, а.	8	24	17	0	0	24	17	0	0
Бехтемирский, а. (см. Н.-Кум. ин. вол.)	5	8	13	0	0	8	13	0	0
Пешпер, а. (см. Н.-Кум. ин. вол.)
<i>Итого:</i>	40	110	108	23	25	87	83	0	0

Южская инородческая волость

Никольское, с.	29	83	75	14	14	69	61	0	0
Тунжа, дер.	37	84	87	40	49	44	38	0	0
Бесельбак, а.	4	11	14	0	0	11	14	0	0
Ашпанак, а.	13	31	23	0	0	31	23	0	0
Вершина Нырги, а.	13	30	35	2	2	28	33	0	0

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Шавга, а.	10	22	22	1	2	21	20	0	0
Яжияш, а. (Ажяш)	14	26	41	11	14	15	27	0	0
Уючек, а.	30	82	69	31	29	51	40	0	0
При р. Корбоче, заимка	1	4	4	0	0	4	4	0	0
При р. Орочоке, заимка	2	6	4	0	0	6	4	0	0
При р. Ласпане, заимка	2	4	4	0	0	4	4	0	0
В низовье р. Тырги, заимка	1	1	2	0	0	1	2	0	0
По р. Учеке, заимка	1	0	3	0	0	0	3	0	0
На земле Кабинета Его Величества	2	3	5	0	0	3	5	0	0
<i>Итого:</i>	159	387	388	99	110	288	278	0	0

Кондомо-Шепкальская инородческая волость

Куремес, ул.	7	16	17	0	0	16	17	0	0
Атла, ул.	6	15	16	0	0	15	16	0	0
Садринский, ул.	4	12	18	0	0	12	18	0	0
Киргизан, ул.	10	28	36	0	0	28	36	0	0
Тура-Узен, ул.	5	14	11	0	0	14	11	0	0
Тяк, ул.	5	8	12	0	0	8	12	0	0
Карачан, ул.	8	26	21	0	0	26	21	0	0
Кубагач, ул.	2	5	5	0	0	5	5	0	0
Чибизек, ул.	2	10	10	0	0	10	10	0	0
Ашкичак, ул.	6	14	16	0	0	14	16	0	0
Базле, ул.	3	4	10	0	0	4	10	0	0

Калдырак, ул.	4	9	9	0	0	0	9	9	0	0
Ота, ул.	4	10	12	0	0	0	10	12	0	0
Кааба, ул.	8	29	23	0	0	0	29	23	0	0
Чиучек, ул.	4	14	9	0	0	0	14	9	0	0
Байгол, ул.	10	26	31	0	0	0	26	31	0	0
Кыгачак, ул.	5	12	16	0	0	0	12	16	0	0
Шокша, ул.	10	34	37	0	0	0	34	37	0	0
Тогуноу, ул.	11	30	33	0	0	0	30	33	0	0
Курмач, ул.	7	22	23	0	0	0	22	23	0	0
Клык, ул.	19	59	59	0	0	0	59	59	0	0
Чуя, ул.	4	17	9	1	0	0	16	9	0	0
<i>Итого:</i>	144	414	433	1	0	0	413	433	0	0

Кондомо-Елейская инородческая волость

Шатабальский ул.	19	61	62	0	0	0	61	62	0	0
Березовский ул.	40	106	119	13	14	14	93	105	0	0
<i>Итого:</i>	59	167	181	13	14	14	154	167	0	0

Кондомо-Итиберская инородческая волость

Шумихинский, ул.	19	59	40	0	0	0	59	40	0	0
Излапский, ул.	30 + 1	73	67	0	0	0	73	67	0	0
Половинка, ул.	37 + 1	116	127	20	34	34	95	93	1	0
Сатуга, ул.	23	53	58	5	10	10	48	48	0	0
Курлуганский, ул.	20	51	46	14	9	9	37	37	0	0
Тостоковский, ул.	56	168	155	0	0	0	168	155	0	0
<i>Итого:</i>	185 + 2	520	493	39	53	53	480	440	1	0

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Таганская 2-й половины									
Бобровка, ул.	163	143	149	1	17	141	132	1	0
Шаладинский, ул.	10	27	35	0	0	27	35	0	0
Унгурупский, ул.	4	7	11	0	0	7	11	0	0
Калашевский, ул.	33	95	90	0	0	95	90	0	0
Итого:	210	272	285	1	17	270	268	1	0
Яминская волость									
Каракан, дер.	91	258	283	180	212	78	71	0	0
Верх-Ненинская, дер.	53	144	145	121	122	20	22	3	1
Урунская, дер.	92	308	282	172	153	40	36	96	93
Итого:	236	710	710	473	487	138	129	99	94

Сростинская волость

Кожа, дер.	141	397	454	332	363	19	28	46	63
------------	-----	-----	-----	-----	-----	----	----	----	----

* Составлена по: [Патканов, 1911, т. 2, с. 210–215, 222–223, 280–284, 288–289].

Таблица 4

Расселение «инородцев» Кондомо-Шелкальской волости Кузнецкого уезда и их численность в 1901 г.*

Название улуса	Сводные сведения				Поаильные сведения			
	мужчин	женщин	кол-во семей	средний размер семьи	мужчин	женщин	кол-во семей	средний размер семьи
Атла	23	18	8	5,1	23	18	8	5,1
Ашкычак	17	14	6	5,2	16	13	7	4,1

Базла	6	12	2	9	5	12	3	5,7
Байгол	27	31	10	5,8	26	29	11	5
Карачан	31	19	7	7,1	32	18	7	7,1
Клык	47	40	17	5,1	61	59	25	4,8
Колдырак	13	12	4	6,3	13	10	4	5,8
Кубагач	6	4	1	10
Куремес	29	22	8	6,4	28	21	11	4,5
Курмач	24	27	7	7,3	24	26	7	7,1
Кыргизон	8	10	3	6	8	10	3	6
Кыгачак	13	15	5	5,6	13	16	5	5,8
О	15	16	5	6,2	16	14	5	6
Садринский 1-й (Усть-Садринский)	17	20	5	7,4	17	20	6	6,2
Садринский 2-й (Верхне-Садринский)	39	28	10	6,7	39	28	10	6,7
Сурунаш	28	28	9	6,2	29	27	9	6,2
Тугуны	39	36	11	6,8	36	35	12	5,9
Тура Учеп	19	14	5	6,6	18	13	5	6,2
Тяк	12	11	5	4,6	12	11	5	4,6
Чашкол	10	7	2	8,5
Чебизек	11	8	2	9,5	11	10	2	10,5
Чебучек	15	10	3	8,3	15	10	3	8,3
Чуя	27	14	7	5,9	27	12	8	4,9
Шокша	37	31	12	5,7	36	32	12	5,7
<i>Итого</i>	513	447	154	6,2	505	444	168	5,7

* Составлена по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2621 (сводные сведения); Д. 2599-2620 (поильные сведения).

Приложение V

ФАМИЛЬНО-СЕОКОВАЯ СТРУКТУРА КОНДОМО-ШЕЛКАЛЬСКОЙ ВОЛОСТИ В НАЧАЛЕ XX в.

Таблица 1

**Распределение коренного населения Кондомо-Шелкальской волости по фамилиям
в начале XX в.***

Фамилия	Численность	%	Проживает в улусах, чел.
Самочаковы	183	19,1	9
Кутоковы	10	0,4	1
Моныкеев	4	1	1
Карачаковы	60	6,2	2
Крачины	17	1,8	1
Пачековы	9	1	1
Шолгану	375	39,1	—
Абышевы	13	1,4	2
Барбачаковы	95	9,9	5
Менегешевы	12	1,2	2
Пустогачевы	190	19,8	5
Санжаковы	65	6,8	3
Шакшылу	301	31,3	—
Кондрековы	223	23,2	10
Курускановы	51	5,3	2
Сарботоковы	27	2,8	2
<i>Итого:</i>	959	100	...

* Составлена по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2621.

Таблица 2

Фамильно-сеоковая структура улусов Кондомо-Шелкальской волости в начале XX в.*

Название улуса	Фамилия	Кезек	Сеок	Численность
1	2	3	4	5
Атла	Карачаковы	?**	?	32
	Пачековы	?	?	9
Ашкичак	Кондрековы	?	шакшылу	31
Базла	Кондрековы	?	шакшылу	18
Байгол	Пустогачевы	?	шолгану	58
Карачан	Кондрековы	?	шакшылу	44
	Санжаковы	тельвеш	шолгану	6
Клык	Барбачаковы	поктарак	шолгану	39
	Самочаковы	?	?	39
	Кондрековы	?	шакшылу	4
	Арботоковы (Сарбадаковы?)	аксак	шакшылу	5

1	2	3	4	5
Колдырак	Кондрекеры	?	шакшылу	13
	Барбачаковы	поктарак	шолгану	10
Кубагач	Кондрекеры	?	шакшылу	10
Куремес	Санжаковы	тельвеш	шолгану	51
Курмач	Менегешевы	корукей	шолгану	5
	Пустогачевы	?	шолгану	26
	Самочаковы	?	?	12
	Санжаковы	тельвеш	шолгану	8
Кыргизон	Самочаковы	?	?	18
Кытачак	Карачаковы	?	?	28
О	Барбачаковы	поктарак	шолгану	24
	Менегешевы	корукей	шолгану	7
Садринский 1-й	Самочаковы	?	?	37
Садринский 2-й	Курускановы	чарты	шакшылу	50
	Крачины	?	?	17
Сурунаш	Абышевы	?	шолгану	6
	Кондрекеры	?	шакшылу	37
	Самочаковы	?	?	14
Тугуны	Пустогачевы	?	шолгану	53
	Сарботоковы	аксак	шакшылу	22
Тура-Узен	Самочаковы	?	?	33
Тяк	Кондрекеры	?	шакшылу	18
	Пустогачевы	?	шолгану	5
Чашнал	Абышевы	?	шолгану	7
	Монькеевы	?	?	10
Чибизек	Барбачаковы	поктарак	шолгану	19
Чебучек	Кондрекеры	?	шакшылу	22
	Самочаковы	?	?	3
Чуя	Барбачаковы	поктарак	шолгану	3
	Кондрекеры	?	шакшылу	26
	Кутоковы	?	?	4
	Самочаковы	?	?	39
Шокша	Курускановы	чарты	шакшылу	1
	Пустогачевы	?	шолгану	48
	Самочаковы	?	?	19

* Составлена по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2621.

** Обладатели этих челканских фамилий могли быть представителями нескольких *кезек* и в некоторых случаях обоих *сеоков*.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА «ИНОРОДЦЕВ» В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Таблица I

Половозрастная структура «инородцев» по подворной переписи 1900 г. *

Волость	Группа инородцев	Кол-во хозяйств	Мужчины						Женщины						Обоего пола
			всего	до 7 лет	7-13 лет	14-17 лет	18-59 лет	60 лет и старше	всего	до 7 лет	7-11 лет	12-15 лет	16-54 лет	55 лет и старше	
Верхне-Кумандинская	кочевые	140	373	85	50	35	163	40	352	87	38	32	165	30	725
	в т. ч. другой волости	62	142	30	20	12	63	17	132	34	12	10	63	13	274
	оседлые	22	63	18	11	6	24	4	67	21	6	8	26	6	130
	итого:	162	436	103	61	41	187	44	419	108	44	40	191	36	855
Нижне-Кумандинская	кочевые	828	2247	457	374	192	1012	212	2085	455	307	199	935	189	4 332
	в т. ч. другой волости	356	948	192	160	65	443	88	897	208	129	73	402	85	1 845
	оседлые	12	37	6	8	2	18	3	44	13	6	5	17	3	81
	итого:	840	2284	463	382	194	1030	215	2129	468	313	204	952	192	4 413
Тогуйская (а. Калашев, Березовка)	кочевые	70	187	43	25	18	83	18	190	41	30	16	84	19	377
	в т. ч. другой волости	54	148	37	21	16	63	11	147	31	22	13	65	14	295
	оседлые	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	итого:	70	187	43	25	18	83	18	190	41	30	16	84	19	377
Кондомо-Шелкальская	кочевые	162	512	103	75	51	224	39	433	77	49	41	247	19	945
	в т. ч. другой волости	4	11	2	2	1	5	1	13	5	0	2	5	1	24
	оседлые	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	итого:	162	512	103	75	51	224	39	433	77	49	41	247	19	945

Тагабская 2-я (Калашев, Шеланда)	кочевые	48	133	24	17	11	68	13	140	34	20	8	70	8	273
	в т. ч. другой волости	19	56	7	8	7	30	4	57	13	10	3	28	3	113
	оседлые	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	<i>итого:</i>	48	133	24	17	11	68	13	140	34	20	8	70	8	273
	кочевые	19	62	10	13	4	29	6	54	10	9	3	30	2	116
Кондомо-Елейская (Шатобал)	в т. ч. другой волости	3	7	3	0	1	3	0	11	3	0	2	5	1	18
	оседлые	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	<i>итого:</i>	19	62	10	13	4	29	6	54	10	9	3	30	2	116
	кочевые	221	600	132	97	66	259	46	546	131	60	50	257	48	1 146
	в т. ч. другой волости	85	233	48	37	29	95	20	196	54	16	16	97	13	429
Кондомо-Итиберская (Шумиха, Курлаган, Кичек, Караган, Половинка, Излап)	оседлые	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	2
	<i>итого:</i>	222	601	132	97	66	259	46	546	131	60	50	257	48	1 146
	кочевые	0	1341	279	209	130	617	106	1269	247	154	124	618	126	2 610
	оседлые	0	76	17	11	4	38	6	90	19	13	11	42	5	166
	<i>итого:</i>	0	1417	296	220	134	655	112	1359	266	167	135	660	131	2 776
Черневой район															

* Составлена по: Горный Алтай и его население. Барнаул, 1901. Т. 2: Экономические таблицы. С. 200; Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. Барнаул, 1903. Т. 3, вып. 4. Ч. 1 (Экономические таблицы). С. 236; Горный Алтай и его население. Черневые инородцы Кузнецкого уезда. Барнаул, 1903. Т. 6, вып. 1 (Экономические таблицы). С. 18, 26, 84, 132, 140, 142, 838.

Таблица 2

Половозрастная структура «инородцев» Черневого района, по переписи 1897 г.*

Группа населения	Мужчины						Женщины					
	до 7 лет	7–14 лет	14–18 лет	18–60 лет	Старше 60 лет	всего	до 7 лет	7–12 лет	12–16 лет	16–55 лет	старше 55 лет	всего
	279	209	130	617	106	1341	247	154	124	618	126	1269
Кочевые инородцы	17	11	4	38	6	76	19	13	11	42	5	90
Оседлые инородцы	198	131	61	328	72	800	195	93	67	369	65	789

* Составлена по: Горный Алтай и его население. Барнаул, 1901. Т. 2. С. 200.

Таблица 3

Половозрастная структура коренного населения по некоторым населенным пунктам Старо-Бардинского района на 1 октября 1928 г.*

Населенный пункт	Кол-во хозяйств	Мальчики до 8 лет	Девочки до 8 лет	Обоего пола	Мальчики 8–13 лет	Девочки 8–13 лет	Обоего пола	Мужчины старше 13 лет	Женщины старше 13 лет	Обоего пола	Всего мужчин	Всего женщин
Иртышкино	21	11	12	23	8	11	19	23	31	54	42	54
Пильно	22	15	13	28	3	1	4	42	48	90	60	62
Подчайная	3	2	1	3	0	1	1	4	5	9	6	7
Старая Барда	1	2	1	3	1	0	1	3	0	3	6	1
Ташта и Уйголь	30	7	10	17	4	5	9	68	71	139	79	86

* Составлена по: ГААК. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 38. Л. 15, 16, 18–20.

Приложение VII

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XX в.

Таблица 1

**Демографические изменения у «инородцев» предгорий Северного Алтая,
проживающих в моноэтнических населенных пунктах,
по материала Алтайского Горного правления***

Населенный пункт	Заклю- чено браков	Родилось			Умерло			При- рост
		муж- чин	жен- щин	всего	муж- чин	жен- щин	всего	
Кузенская волость, 1906 г.								
Каратам	1	1	1	2	1	2	3	−1
Чаарбок	1	2	1	3	1	2	3	0
Сакулук	1	1	1	2	1	2	3	−1
Санькин	1	3	1	4	2	2	4	0
Юльютубейский	0	2	1	3	1	1	2	+1
Кыдатов	0	1	2	3	1	2	3	0
Баланак	2	3	1	4	2	2	4	0
Культюбинский	1	1	2	3	2	2	4	−1
Итого:	7	14	10	24	11	15	26	−2
‰	15,2			52			56,3	−4,3
Всего по волости	16	31	29	60	24	30	54	+6
Комляжская волость, 1906 г.								
Караторбок	0	1	1	2	1	1	2	0
Кузя	0	1	2	3	0	2	2	+1
Баушка	0	1	0	1	1	0	1	0
Вершина-Уйменя	2	2	2	4	1	2	3	+1
Пыжа	1	1	2	3	1	1	2	+1
Итого:	3	6	7	13	4	6	10	+3
‰	7,7			33,3			25,6	+7,7
Всего по волости	21	34	35	69	25	31	56	+13
Южская волость, 1906 г.								
Бежельбик	0	5	0	5	2	0	2	+3
Шавга	1	2	1	3	0	1	1	+2
Яжеяш	0	1	1	2	1	1	2	0
Итого:	1	8	2	10	3	2	5	+5
‰	7,6			76,3			38,2	+38,1
Всего по волости	8	24	34	58	6	6	12	26
Быстрянская волость, 1915 г.								
Всего по волости	42	115	99	214	77	50	127	+87

* Составлена по: ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 376. Л. 8 об. – 9, 56 об. – 57, 193 об. – 194; Д. 869. Л. 83 об.

Таблица 2

**Демографические изменения у коренного населения предгорий Северного Алтая,
по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.***

Волость	Рождаемость		Смертность		Младенческая смертность		Естественный прирост	
	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰
Верхне-Бийская	101	37,1	69	25,3	17	6,2	+32	11,8
Карабинская	5	135,1	1	27	0	0	+4	108,1
Лебедская	24	39	22	35,7	3	4,9	+2	3,3
Макарьевская	1	55,6	0	0	0	0	+1	—
Нижне-Кумандинская	101	37,7	49	18,3	13	4,9	+52	19,4
Озеро-Куреевская	11	21,7	7	13,8	1	2	+4	7,9
Паспаульская	49	43,3	22	19,4	9	7,9	+27	23,9
Покровская	0	0	1	71,4	0	0	—1	—
Сузопская	27	31,6	20	23,4	5	5,9	+7	8,2
Тайнинская	16	32,3	10	20,2	2	4	+6	12,1
Троицкая	11	31,7	7	20,2	1	2,9	+4	11,5
Урунская	111	56,5	43	21,9	11	5,6	+68	34,6
Успенская	1	52,6	0	0	0	0	+1	—

* Подсчитано по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1, 1 а, 1 б, 5.

Таблица 3

**Демографические изменения у коренного населения предгорий Северного Алтая
в 1940–1970-е гг.***

Год	Рождаемость		Смертность		Младенческая смертность		Естественный прирост	
	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Калташинский и Чапшинский сельсоветы

1940	11	18,5	5	8,4	3	149,7	+3	+10,1
1941	9	15,5	10	17,1	1	90,9	—2	—1,6
1942	7	12	9	15,4	1	111,1	—3	—3,4
Не указан	—	—	7	—	—	—	—	—

Кебенский сельсовет

1940	41	36,7	12	10,7	2	48,8	+29	+26
1941	21	18,6	10	8,9	1	41,6	+11	+9,7
1942	2	1,8	19	17,1	2	95,2	—17	—15,3
1971	14	15,2	6	6,5	1	71,4	+8	+8,7
1972	9	9,9	5	5,4	1	111,1	+4	+4,5
Не указан	—	—	5	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Сузопский сельсовет</i>								
1940	7	18,8	3	8,1	0	0	+4	+10,7
1941	3	8	1	2,7	0	0	+2	+5,3
1942	4	10,6	1	2,7	0	0	+3	+7,9
1952	6	20,8	3	10,4	0	0	+3	+10,4
1953	8	27,1	1	3,4	0	0	+7	+23,7
1971	2	11,4	0	0	0	0	0	+11,4
1972	0	0	2	11,6	1	500	-2	-11,6
Не указан	—	—	8	—	3?	—	—	—
<i>Ыныргинский сельсовет</i>								
1947	3	15,2	1	5,1	0	0	+2	+10,1
1971	2	9,8	1	4,9	0	0	+1	+4,9
1975	0	0	0	0	0	0	0	0
1976	1	4,9	0	0	0	0	+1	+4,9
Не указан	—	—	1	—	—	—	—	—
<i>Малочебеченский и Суранащинский сельсоветы</i>								
1940	8	42,6	4	21,3	0	0	+4	+21,3
1941	1	5,4	4	21,6	1	125	-3	-16,2
1942	2	10,9	3	16,3	1	500	-1	-5,4
1943	1	5,4	1	5,4	0	0	0	—
Не указан	—	—	9	—	—	—	—	—
<i>Малочебеченский сельсовет</i>								
1949	5	17,1	3	10,3	1	200	+2	+6,8
1950	6	20,3	2	6,8	1	166,7	+4	+13,5
1951	3	10,2	6	20,5	1	166,7	-3	-10,3
<i>Нижнененинский сельсовет</i>								
1954	6	21,1	0	0	0	0	+6	+21,1
1971	0	0	3	28,9	0	0	-3	-28,9
1972	1	9,6	1	9,6	0	0	0	0
Не указан	—	—	2	—	—	—	—	—
<i>Каракокинский сельсовет</i>								
1971	8	20,7	3	7,8	0	0	+5	+12,9
1972	4	10,3	4	10,3	0	0	0	0
1973	0	0	0	0	0	0	0	0
1974	1	2,6	0	0	0	0	+1	+2,6

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Кумандинский сельсовет

1972	1	6,1	0	0	0	0	0	+6,1
------	---	-----	---	---	---	---	---	------

Паспаульский сельсовет

1972	5	16,2	0	0	0	0	+5	+16,2
------	---	------	---	---	---	---	----	-------

Солтонский сельсовет

1971	3	26,8	2	17,9	0	0	+1	+8,9
------	---	------	---	------	---	---	----	------

1972	0	0	1	9	0	0	-1	-9
------	---	---	---	---	---	---	----	----

Турачакский сельсовет

1975	5	19,2	0	0	0	0	0	+19,2
------	---	------	---	---	---	---	---	-------

* Составлена по данным похозяйственных книг за 1940–1970-е гг.

Приложение VIII

ЧИСЛЕННОСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Таблица 1

**Численность граждан алтайской национальности Бийского уезда
по волисполкомам, на 1 мая 1921 г.***

Волость и селение	Всего домо-хозяйств	Мужчины	Женщины	Мальчики школьного возраста	Девочки школьного возраста
1	2	3	4	5	6
<i>Тайнинский волисполком</i>					
Сарыково-Нырлык	60	205	216	48	40
Тиберек-Подчайна	25	62	64	8	9
<i>Быстрянский волисполком</i>					
Быстрянское	210	357	357	145	125
Ново-Суртайск	60	217	207	88	99
Березовка	181	493	680	62	72
Старо-Суртайская	64	172	177	94	101
<i>Солонешенский волисполком</i>					
Солонешенское	1	2	5	0	3
Туманова	5	6	6	4	3
Матвеевка	1	1	1	2	0
Колбино	1	3	3	2	2
<i>Троицкий волисполком</i>					
Старая Барда	2	4	6	0	0
Каянча	1	1	0	0	0
Сойновское	1	1	2	0	2
<i>Огневский волисполком</i>					
Огни	2	4	6	4	4
Маралиха	7	14	16	3	2
<i>Ново-Обинский волисполком</i>					
Ново-Обинское	1	3	1	1	0
Михайловское (Миколаевское)	2	3	4	2	1
<i>Пильненский волисполком</i>					
Пильненское	20	56	49	6	7
Елейское	62	157	182	29	31
Богучакский	34	91	79	16	10

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Алешкинский	41	106	118	17	18
Калташкинский	47	104	98	13	11
Иртышкинский	19	38	34	8	9
Елтошенский	27	71	67	9	7
Егонинский	31	45	40	19	11
Ужлепский	26	45	49	10	15
Озерский	32	81	86	7	4
Курлекский	63	141	162	11	13

Ыныргинский волисполком

Никольское	36	109	88	20	17
Усть-Уймень	47	110	118	16	15
Нижне-Челушкары	30	42	36	12	17
Кузя	65	179	174	44	45
Ниж. Челушкары	17	32	27	8	13

Бацалакский волисполком

Баравлянка	0	2	2	0	0
Шипонува	7	12	10	2	3
Сосновка	1	1	1	0	0

Макарьевский волисполком

Макарьевское	157	236	287	106	74
Усть-Кажа	1	1	2	0	0
Кажа	2	3	5	0	0
Кострома	1	1	0	0	0
Балыкса	56	171	169	33	21

Калманский волисполком

Усть-Калманка	6	8	5	5	2
---------------	---	---	---	---	---

Солтонский волисполком

Солтон	34	52	51	28	20
Караган	18	105	20	7	6

Сибирячихинский волисполком

Сибирячиха	1	1	1	1	2
<i>Всего</i>	1504	3547	3711	890	834

* Составлена по: ГААК. Ф. 768. Оп. 2. Д. 8–10.

Таблица 2

Численность коренного населения Бийского уезда в 1921 г.*

Волость	Алтайцы	Кумандинцы	Шорцы
Покровская	290	0	0
Солтонская	254	107	0
Бащелатская	15	0	0
Озеро-Куреевская	0	387	0
Урунская	1 210	0	527
Мартыновская	0	0	703
Солонешская	13	0	0
Быстринская	983	0	0
Уксунайская	0	0	13
Лебедская	750	0	0
Пильненская	0	4 016	0
Ыныргинская	1 071	18	0
Карабинская	1	0	0
Сентелекская	11	0	0
Троицкая	318	4	0
Верхне-Бийская	1 741	0	0
<i>Всего</i>	6 657	4 532	1 243

* Составлена по: ГААК. Ф. 768. Оп. 1. Д. 103. Л. 38–40.

Таблица 3

Численность тубаларов в конце XIX – XX в., чел.*

Район	Численность		
	1897 г.	1933 г.	1989 г.
Турачакский**	1 569	3 413	2 777
Чойский	2 313	2 207	651
Майминский	1 810	2 807	1 441
<i>Всего</i>	5 692	8 427	4 865

* Красная книга языков народов России: энцикл. словарь-справочник. М., 1994. С. 55.

** Вместе с челканцами и кумандинцами.

Таблица 4

Численность коренного населения предгорий Северного Алтая, по данным переписи 1926 г.*

Этнос	Всего населения, чел.
Кумандинцы	6 334
Лебединцы (челканцы)	1 891
Черневые татары	3 500

* Составлена по: Кумандинцы // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. С. 804; Лебединцы // Там же. С. 29; Ойратская автономная область // Там же. 1933. Т. 4. С. 89.

Таблица 5

**Численность коренного населения предгорий Северного Алтая,
по данным переписи 1926 г., чел.***

Этнос	Городское население	Сельское население	Всего
Кумандинцы	8	6 327	6 335
в том числе:			
в Бийском окр. Сибирского края	7	4 941	4 948
в Ойратской АО	0	1 384	1 384
Черневые татары	0	12	12

* Составлена по: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. Вып. 4. С. 12, 14, 86, 95.

Таблица 6

**Распределение кумандинцев и алтайцев по районам Бийского округа
и Ойратской АО (1926 г.)***

Район	Алтайцы	Кумандинцы
<i>Бийский округ</i>		
Алтайский	117	1
Новиковский	4	250
Солтонский	306	1 026
Сростинский	1 224	1 497
Старобардинский	224	2 166
Тогульский	108	1
<i>Ойратская АО</i>		
Лебединский	2 638	260
Майминский	3 793	3
Уймонский	3 388	922
Улаганский	56	23
Успенский	1 951	123
Чемальский	3 482	7
Шебалинский	3 755	46

* Составлена по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел I: Сибирский край: народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. Т. 6. С. 254, 256.

Таблица 7

**Расселение и численность коренного населения предгорий Северного Алтая,
по данным переписи 1926 г.***

Населенный пункт	Количество хозяйств	Мужчины	Женщины	Всего	Преобладающая национальность
1	2	3	4	5	6
<i>Лебедской аймак</i>					
Курмач**	14	45	39	84	алтайцы
Байгол**	15	34	38	72	алтайцы

1	2	3	4	5	6
В.-Клык**	5	12	14	26	алтайцы
Дидачак**	9	20	23	43	алтайцы
Еткуг**	12	31	29	60	алтайцы
Ильтеева**	5	20	12	32	алтайцы
Карагай**	3	7	8	15	алтайцы
Кресту-Кая**	5	12	8	20	алтайцы
Клык**	5	14	14	28	алтайцы
Тегозон**	10	25	29	54	алтайцы
Тогуна**	7	21	18	39	алтайцы
Усть-Клык**	3	6	6	12	алтайцы
Чаал**	4	11	10	21	алтайцы
Шокша**	14	42	42	84	алтайцы
Карачем**	19	34	36	70	алтайцы
Б.-Чиби́чень**	5	11	9	20	алтайцы
Гуремес**	7	17	14	31	алтайцы
М.-Чиби́чень**	3	5	9	14	алтайцы
Магалак**	5	8	11	19	алтайцы
Отла**	7	10	13	23	алтайцы
Сакеев**	5	10	11	21	алтайцы
Сакрамов**	2	3	2	5	алтайцы
Садра**	27	66	58	124	алтайцы
Токин**	3	9	11	20	алтайцы
Кыргызан**	10	21	22	43	алтайцы
Базла**	4	15	13	28	алтайцы
Иинколь**	7	25	16	41	алтайцы
Оо**	6	14	12	26	алтайцы
Суранаш**	8	23	22	45	алтайцы
Тараузынь**	7	19	13	32	алтайцы
Таштаузынь**	3	3	9	12	алтайцы
Усть-Оо**	5	14	13	27	алтайцы
Узынь**	4	16	11	27	алтайцы
Сапожкино	34	59	73	132	русские
Шунарак	19	45	52	97	алтайцы
Колторак	6	22	20	42	русские
Тайлоп	18	46	50	96	кумандинцы
Каралькин	6	15	16	31	кумандинцы
Разумовского	4	10	11	21	алтайцы
Босток	17	33	29	62	кумандинцы

1	2	3	4	5	6
Кебезень	106	209	228	437	русские
Артыбаш	43	115	119	234	алтайцы
Водянкин	3	5	14	19	алтайцы
Кузенский	9	18	20	38	алтайцы
Кара-Тулой	15	30	31	61	алтайцы
Кла	20	46	47	93	алтайцы
Какаево	9	22	22	44	алтайцы
Кооно	12	31	31	62	алтайцы
Н.-Троицк	30	60	68	128	алтайцы
Ст. Кебезень	30	52	64	116	алтайцы
Сюря	15	37	37	74	русские
Сузапова	5	12	14	26	алтайцы
Салганак	13	25	25	50	алтайцы
Тереген	9	23	26	49	алтайцы
Токса	6	12	10	22	алтайцы
Тулой	36	105	88	193	русские
Усть-Пыжа	11	21	30	51	алтайцы
Чуря	4	11	13	24	алтайцы
Эдербес	37	96	83	179	русские
Эзивеч	21	35	29	64	алтайцы
Яйла	12	19	26	45	алтайцы
Каначак	19	51	50	101	русские
Алешкин	27	69	54	123	кумандинцы
Турочак	74	149	157	306	русские
Турочак	15	29	27	56	алтайцы
Булонак	6	12	14	26	алтайцы
Байдаев	5	15	13	28	алтайцы
Курутейкин	12	25	24	49	алтайцы
Санькин	30	54	73	127	алтайцы
Ультебеевский	12	27	30	57	алтайцы
Тандошка	57	140	144	284	русские
Баланак	8	13	20	33	алтайцы
Данилкин	17	40	38	78	алтайцы
Культибинский	11	40	27	67	алтайцы
Кидаткин	5	11	12	23	алтайцы
Караса	11	24	22	46	алтайцы
Петрес	10	24	29	53	алтайцы
Сара-Язы	5	10	13	23	алтайцы

1	2	3	4	5	6
Алемчир	25	71	70	141	алтайцы
Куритейка	10	26	21	47	алтайцы
Колонок	6	14	16	30	алтайцы
Полушкин	15	41	50	91	алтайцы
Сурбашев	31	74	68	142	алтайцы
Филаткин	6	15	22	37	алтайцы

Уймонский аймак

Курунда	30	65	67	132	кумандинцы
Кастахта	48	102	114	216	кумандинцы
Огневка	71	165	174	339	кумандинцы
Тюгүрюк	17	50	50	100	кумандинцы
Усть-Тюгүрюк	9	13	21	34	кумандинцы
Кудрявцева	3	10	13	23	кумандинцы
Баштала	57	145	161	306	кумандинцы
Власьева	12	36	40	76	кумандинцы

Успенский аймак

Усть-Анучек	4	10	8	18	алтайцы
Чеоорбок	34	75	84	159	алтайцы
Инырга с.	109	246	239	485	русские
Инырга ур.	45	104	119	223	русские
Каракокшинский	10	27	26	53	русские
Кузя	64	143	157	300	русские
Козловская	4	13	11	24	кумандинцы
Саразен	9	23	21	44	алтайцы
Баушка	17	41	39	80	алтайцы
В.-Сартакол	21	39	42	81	алтайцы
Усть-Сартакол	9	14	17	31	алтайцы
Усть-Уймень	8	16	22	38	алтайцы
Верх-Чулушкара	20	40	49	89	алтайцы
Курагач	7	11	13	24	алтайцы
Паспаул	147	327	331	658	алтайцы
Куенок	5	13	13	26	алтайцы
Санзаров	3	5	6	11	алтайцы
Тадыков	2	3	2	5	алтайцы
Сафроновский	10	21	18	39	алтайцы
Пановский	45	115	112	227	телеуты
Салганда	76	150	170	320	алтайцы

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6
Адыман	31	63	68	131	алтайцы
Кырыш	6	12	12	24	алтайцы
Каратарбок	15	39	42	81	алтайцы
Чарбай	17	31	44	75	алтайцы
Арбачак	24	61	48	109	алтайцы
Верх-Инырга	41	109	114	223	русские
Туньжа	24	54	63	117	алтайцы
Н.-Челушкара	23	53	57	110	алтайцы
Капсак	4	13	12	25	алтайцы
Усть-Юля	18	37	42	79	русские
Сыгынды	8	14	15	29	алтайцы
Усть-Ажияш	6	17	16	33	алтайцы
Усть-Анучек	4	10	8	18	алтайцы
Никольское	15	38	44	82	алтайцы
Карагон	7	13	12	25	алтайцы

* Составлена по: Предварительные итоги переписи населения 1926 г. по Ойратской автономной области. Улала, 1927. С. 42–59, 68; Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа юго-западной Сибири. Новосибирск, 1928. С. 776–784, 792–795, 798–803.

** Населенные пункты с челканским населением.

Таблица 8

Численность коренного населения Старо-Бардинского района, по сельсоветам на 1 октября 1928 г.*

Сельсовет	Всего хозяйств	Всего населения	Алтайцы				
			всего хозяйств	численность	средний размер хозяйств	% хозяйств от общего кол-ва	% населения от общего кол-ва
1	2	3	4	5	6	7	8
Никольский	201	910	1	6	6	0,5	0,7
Сарыковский	78	383	61	297	4,9	78	76
Ерондинский	183	1 017	0	0	0	0	0
Пильненский	386	2 789	29	187	6,5	8	7
Теберековский	332	1 651	51	231	4,5	15	14
Новобардинский	380	2 180	0	0	0	0	0
Елейский	187	902	76	323	4,3	41	36
Карагужинский	390	2 134	2	14	7	0,5	0,7
Калташинский	237	1 285	97	452	4,7	41	35
Иртышкинский	160	897	20	96	4,8	13	11
Тайнинский	264	1 345	0	0	0	0	0

1	2	3	4	5	6	7	8
Малиновский	84	425	0	0	0	0	0
Каянчинский	114	579	1	2	2	0,9	0,4
Камышакский	118	617	32	125	3,9	27	20
Курлекский	77	398	66	266	4	86	67
Усть-Кажинский	189	1 029	3	15	5	2	2
Макарьевский	244	1 248	72	291	4	30	23
Прянишниковский	123	723	0	0	0	0	0
Елтошинский	130	587	88	391	4,4	68	67
Старобардинский	682	3 722	0	0	0	0	0
Михайловский	92	512	0	0	0	0	0
Карагайский	270	1 381	0	0	0	0	0
Ужлепский	149	823	132	611	4,6	89	74
Чапшинский	204	1 074	76	383	5	37	36
Таштинский	260	1 336	26	153	5,9	10	12
Кажинский	452	2 002	0	0	0	0	0
Богучакский	84	439	36	177	4,9	43	40
Ново-Зыковский	219	1 331	0	0	0	0	0
Балыксинский	250	1 195	18	76	4,2	7	6
Ивановский	128	704	0	0	0	0	0
<i>Всего</i>	6 667	35 618	887	4 096	4,6	13	12

* Подсчитано по: ГААК. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–1 об.

Таблица 9

**Численность коренного населения предгорий Северного Алтая,
по данным переписей***

Численность	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
1	2	3	4	5	6
<i>Алтайский край</i>					
<i>г. Бийск</i>					
Общая	...	145 694	186 344	214 069	232 341
в т. ч. алтайцев	...	278	717	1 117	1 150
<i>Бийский район</i>					
Общая	...	37 990	30 744	30 222	32 956
в т. ч. алтайцев	...	27	40	57	94
<i>Красногорский район</i>					
Общая	...	30 302	23 974	20 870	20 141
в т. ч. алтайцев	...	1 403	930	430	397

Окончание табл. 9

1	2	3	4	5	6
<i>Солтонский район</i>					
Общая	...	23 218	15 656	12 828	11 908
в т. ч. алтайцев	...	967	696	487	404
<i>Тогуйский район</i>					
Общая	...	16 827	12 787	11 880	11 498
в т. ч. алтайцев	...	2	5	16	7
<i>Республика Алтай Майминский район</i>					
Общая	26 774	36 831	25 254	27 320	22 533
в т. ч. алтайцев	4 695	5 023	2 054	2 204	1 444
<i>Турочакский район</i>					
Общая	25 356	18 581	14 907	13 559	13 594
в т. ч. алтайцев	4 240	3 200	3 148	2 816	2 767
<i>Чойский район</i>					
Общая	11 989	—**	—	—	9 047
в т. ч. алтайцев	1 729	—	—	—	655

* Материалы предоставлены Территориальными органами Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай и Алтайскому краю; ГАРА. Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 2 Л. 3, 14; Д. 3. Л. 22; Д. 9. Л. 119.

** В 1959–1979 гг. территория Чойского района была включена в состав Майминского района.

Таблица 10

**Численность коренного населения предгорий Северного Алтая,
по данным переписи 2002 г.***

Этнос	Городское население	Сельское население	Всего
Кумандинцы	1 704	1 410	3 114
из них проживают:			
в Алтайском крае	831	832	1 663
в Республике Алтай	445	486	931
в Кемеровской области	246	48	294
Тубалары	150	1 415	1 565
Челканцы	135	720	855

* Составлена по: Всероссийская перепись населения 2002 г. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2002.ru/searchresult.html (дата обращения 29.09.2008).

Таблица 11

Коренное население предгорий Северного Алтая, по районам проживания в 2002 г.*

Народ	Общая численность	Место проживания								
		вне Республики Алтай		Республика Алтай		Турачакский район	Чойский район	Майминский район	Шебалинский район	Чемальский район
		чел.	%	чел.	%					
Кумандинцы	3 114	2 183	70	931	30	322	21	76	12	15
Тубалары	1 565	32	2	1 533	98	998	352	19	15	7
Челканцы	855	25	3	830	97	676	...	11	6	4

* Составлена по: [Макошева, Макошев, Апенышева, 2006, с. 26, 27, 31, 35].

Таблица 12

Основные демографические показатели кумандинцев в начале XXI в.*

Демографические показатели		2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
1		2	3	4	5	6
Солтонский район	Численность населения (чел.)	366	347	340	339	336
	из них:					
	женщины (всего)	188	179	172	172	169
	в т. ч.:					
	0–15 лет	54	47	34	42	33
	16–55 лет	85	82	86	79	88
	старше 55 лет	49	50	52	51	48
	мужчины (всего)	178	168	168	157	167
	в т. ч.:					
	0–15 лет	45	32	33	31	31
	16–59 лет	112	115	117	117	117
	старше 60 лет	21	21	18	19	19
	Рождений	2	2	3	2	4
	Смертей	9	5	12	8	10
	Детская смертность	0	0	0	0	1
	Средняя продолжительность жизни (лет)	62	71	69	55	62
Красногорский район	Численность населения (чел.)	336	324	350	345	357
	из них:					
	женщины (всего)	174	172	186	181	196
	в т. ч.:					
	0–15 лет	38	28	34	35	34
	16–55 лет	98	99	102	100	106
	старше 55 лет	38	45	50	46	56

1		2	3	4	5	6
Красногорский район	мужчины (всего)	162	152	164	164	181
	в т. ч.:					
	0–15 лет	39	37	33	37	34
	16–59 лет	99	89	104	105	104
	старше 60 лет	24	26	27	22	23
	Рождений	3	3	4	4	4
	Смертей	6	5	7	6	5
	Детская смертность	0	0	0	0	0
г. Бийск	Средняя продолжительность жизни (лет)	67	66,2	66,7	66	65,8
	Численность населения (чел.)	732
	в т. ч.:					
	женщины	422
	мужчины	310
	Метисы	422
	Рождений (– 30 %)	3	4	3	2	2
	Смертей (– 20 %)	6	7	8	8	8
	Продолжительность жизни (лет)	45–50	45–50	45–50	45–50	45–50

* Подсчитано по: [Волобуева, 2005, с. 194–195].

Приложение IX

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЕМЬИ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Таблица 1

Удельный вес поколений в семьях «инородцев» в 1888 и 1917 гг., %*

Волость	Количество поколений			
	одно	два	три	четыре
<i>6 августа 1888 г.</i>				
Кондомо-Итиберская и др.	20	52	28	0
<i>1917 г.</i>				
Нижне-Бийская	14	66	19	1
Карабинская	0	57	43	0
Лебедская	15	67	18	0
Макарьевская	0	67	33	0
Нижне-Кумандинская	9	66	24	1
Озеро-Куреевская	18	67	14	1
Паспаульская	8	69	22	1
Покровская	0	67	33	0
Сузопская	9	67	24	0
Тайнинская	12	71	17	0
Троицкая	6	75	17	2
Урунская	13	64	22	1
Успенская	0	50	50	0

* Составлена по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 727; Ф. 233. Оп. 1, 1 а, 1 б, 5. Рассчитано по данным Приложения X, табл. 1–8.

Таблица 2

Удельный вес супружеских пар в семьях «инородцев» в 1888 и 1917 гг., %*

Волость	Количество супружеских пар				
	одна	две	три	четыре	пять
1	2	3	4	5	6
<i>6 августа 1888 г.</i>					
Кондомо-Итиберская и др.	64	27	4,5	4,5	0
<i>1917 г.</i>					
Верхне-Бийская	83,8	14	2	0,2	0
Карабинская	86	0	14	0	0
Лебедская	85	14	1	0	0

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
Макарьевская	50	50	0	0	0
Нижне-Кумандинская	79	15,5	4	1,2	0,3
Озеро-Куреевская	86	14	0	0	0
Паспаульская	82	15	2	1	0
Покровская	100	0	0	0	0
Сузопская	83	16	1	0	0
Тайнинская	83	14	3	0	0
Троицкая	83	16	1	0	0
Урунская	83	14	2	1	0
Успенская	50	50	0	0	0

* Составлена по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 727; Ф. 233. Оп. 1, 1 а, 1 б, 5. Рассчитано по данным Приложения X, табл. 1–8.

Таблица 3

**Удельный вес супружеских пар в семьях у коренного населения предгорий
Северного Алтая в 1940–1970-е гг., %***

Сельсовет	Количество супружеских пар		
	одна	две	три
1	2	3	4

Начало 1940-х гг.

Солтонский	71	29	0
Калташинский	89	11	0
Кебезенский	94	6	0
Малочебеченский и Суранашинский	100	0	0
Паспаульский	100	0	0
Сузопский	97	3	0
Чапшинский	93	7	0

Начало 1950-х гг.

Нижнененинский	92	8	0
Сузопский	94	4	2
Малочебеченский	97	3	0
Нижне-Ашпанакский и Ыныргинский	88	6	6

Начало 1970-х гг.

Каракошинский	100	0	0
Кебезенский	97	3	0
Кумандинский	100	0	0
Нижнененинский	96	4	0

1	2	3	4
Паспаульский	100	0	0
Солтонский	97	3	0
Сузопский	94	6	0
Турочакский	99	1	0
Ыныргинский	94	6	0

* Составлена по данным похозяйственных книг. Рассчитано по данным Приложения X, табл. 9–19.

Таблица 4

Удельный вес поколений в однородных и смешанных семьях у коренного населения предгорий Северного Алтая в 1940–1970-е гг., %*

Сельсовет	Тип семьи	Количество поколений			
		одно	два	три	четыре
1	2	3	4	5	6

Начало 1940-х гг.

Солтонский	однородный	38,5	38,5	23	0
	смешанный	0	100	0	0
Калташинский	однородный	11	69	19	1
	смешанный	14	57	29	0
Кебезенский	однородный	18	65	16	1
	смешанный	10	61	29	0
Малочебеченский и Су-ранашинский	однородный	20	64	16	0
	смешанный	25	25	50	0
Паспаульский	однородный	14	64	22	0
	смешанный	0	100	0	0
Сузопский	однородный	19	71	10	0
	смешанный	0	80	20	0
Чапшинский	однородный	19	70	11	0
	смешанный	17	83	0	0

Начало 1950-х гг.

Малочебеченский	однородный	14	74	12	0
	смешанный	0	67	33	0
Нижнененинский	однородный	34	55	11	0
	смешанный	0	17	83	0
Сузопский	однородный	11	79	10	0
	смешанный	22	61	17	0
Нижне-Ашпанакский и Ыныргинский	однородный	15	68	15	2
	смешанный	0	33	67	0

1	2	3	4	5	6
<i>Начало 1970-х гг.</i>					
Каракокшинский	однородный	16	80	4	0
	смешанный	10	86	4	0
Кебезенский	однородный	21	66	13	0
	смешанный	16	72	12	0
Кумандинский	однородный	18	80	2	0
	смешанный	0	100	0	0
Нижнененинский	однородный	39	54	7	0
	смешанный	31	63	6	0
Паспаульский	однородный	21	66	13	0
	смешанный	4	65	31	0
Солтонский	однородный	23	61	16	0
	смешанный	22	61	17	0
Сузопский	однородный	27	53	20	0
	смешанный	28	36	36	0
Ыныргинский	однородный	25	61	14	0
	смешанный	0	70	30	0

* Составлена по данным похозяйственных книг. Рассчитано по данным Приложения X, табл. 9–19.

Приложение X

**СЕМЕЙНЫЙ СОСТАВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ
СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – XX в.**

Таблица 1

**Семейный состав «инородцев» улусов Половинского, Язлапского, Шумихинского
и дер. Караканской Кондомо-Итиберской волости на 6 августа 1888 г.***

Тип семьи	Семей		Членов семей		Средний размер семьи
	всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6
Полные семьи простые	35	39	133	29	3,8
в т. ч.:					
супружеская пара с детьми	28	31	119	26	4,3
супружеская пара без детей	7	8	14	3	2
Полные семьи сложные	35	39	262	57	7,5
в т. ч.:					
более двух супружеских пар (отец и сын) с детьми	5	6	62	13,5	12,4
более двух супружеских пар (отец и сын) с детьми и родителем супругов	1	1,1	16	3,5	16
две супружеские пары (братья) без детей	1	1,1	4	1	4
две супружеские пары (отец и сын) с детьми	9	10	58	12,6	6,4
две супружеские пары (братья) с детьми	4	4,4	27	6	6,8
две супружеские пары (отец и сын) с детьми и родителем супругов	2	2,2	18	4	9
две супружеские пары (братья) с детьми и родственниками	1	1,1	11	2	11
две супружеские пары (братья) с детьми, родителем и родственниками	2	2,2	21	4,6	10,5
супружеская пара с детьми и родителем	4	4,4	17	3,7	4,3
супружеская пара с детьми и родственни- ками	1	1,1	6	1,3	6
супружеская пара с детьми и внуками	1	1,1	7	1,5	7
супружеская пара с родителем	3	3,2	9	2	3
супружеская пара с родителем и родствен- никами	1	1,1	6	1,3	6
Неполные семьи простые (мать (отец) с детьми)	8	9	35	7,5	4,4
Неполные семьи сложные	6	6,5	25	5,5	4,2
в т. ч.:					
мать (отец) с детьми и родственниками	1	1,1	7	1,5	7

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
братья, сестры	3	3,2	8	1,7	2,7
родственники	1	1,1	4	1	4
мужчина со снохой и детьми (левират?)	1	1,1	6	1,3	6
Одинокое	6	6,5	6	1	1
в т. ч.:					
мужчины	5	5,4	5	0,9	1
женщины	1	1,1	1	0,1	1
<i>Всего</i>	90	100	461	100	5,1

* Составлена по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 727. Несколько семей приписаны к другим волостям, но проживали в указанных улусах.

Таблица 2

**Семейный состав «инородцев» Нижне-Кумандинской волости,
по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.***

Тип семьи	Семей		Членов семей		Средний размер семьи
	всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6
Полные семьи простые	249	50	1172	43	4,7
в т. ч.:					
супружеская пара с детьми	227	45	1128	42	5
супружеская пара без детей	22	5	44	1	2
Полные семьи сложные	182	37	1328	49	7,3
в т. ч.:					
более двух супружеских пар с детьми	17	4	196	7	11,5
более двух супружеских пар с детьми (отец – сын – внук)	1	0,2	8	0,3	8
более двух супружеских пар с детьми (дед и внуки)	1	0,2	14	0,5	14
более двух супружеских пар с детьми и работником	1	0,2	9	0,3	9
более двух супружеских пар с детьми и родителем	1	0,2	10	0,4	10
более двух супружеских пар с детьми и дядя	1	0,2	11	0,4	11
две супружеские пары с детьми (родители и дети)	50	10	384	14	7,7
две супружеские пары с детьми и работниками	3	0,6	26	1	8,7
женатые братья с детьми	3	0,6	18	1	6
две супружеские пары с детьми и родителем супругов	1	0,2	12	0,4	12

1	2	3	4	5	6
женатые братья с детьми и родителем супругов	1	0,2	10	0,4	10
две супружеские пары с детьми и родственниками	3	0,6	19	1	6,3
женатые братья с детьми и родственниками	2	0,4	17	0,6	8,5
женатые братья с детьми, родителем и родственниками	4	1	33	1	8,3
супружеская пара с детьми и работником	2	0,4	11	0,4	5,5
супружеская пара с детьми и внуками	7	1	40	1	5,7
супружеская пара с детьми и родителем	26	5	155	6	6
супружеская пара с детьми и родственниками	34	7	209	8	6,2
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	7	1,4	51	2	7,3
супружеская пара с родителем	3	0,6	9	0,3	3
супружеская пара с родственниками	9	2	51	2	5,7
супружеская пара с родителем и родственниками	5	1	35	1	7
Неполные семьи простые	33	7	129	5	3,9
в т. ч.:					
мать с детьми	13	2,8	60	2,3	4,6
отец с детьми	19	4	65	2,5	3,4
женщина (мужчина) с внуками	1	0,2	4	0,2	4
Неполные семьи сложные	15	3	63	2	4,2
в т. ч.:					
мать (отец) с детьми и внуками	6	1,2	26	1	4,3
мать с детьми и родственниками	1	0,2	4	0,1	4
отец с детьми и родственниками	2	0,4	12	0,2	6
братья, сестры	6	1,2	21	0,7	3,5
Одинокие	15	3	15	1	1
в т. ч.:					
мужчины	14	2,8	14	0,9	1
женщины	1	0,2	1	0,1	1
<i>Всего</i>	494	100	2707	100	5,5

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Семейный состав коренного населения Верхне-Бийской и Лебедской волостей, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Тип семьи	Верхне-Бийская волость					Лебедская волость				
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи простые	304	52	1274	46	4,2	71	56	328	52	4,6
из них:										
супружеская пара с детьми,	258	44	1182	43	4,6	60	47	302	48	5
в том числе две жены	1	1	6	1	6
супружеская пара без детей	46	8	92	3	2	10	8	20	3	2
Полные семьи сложные	198	34	1253	45	6,3	39	31	250	39	6,4
в т. ч.:										
более двух супружеских пар с детьми	10	1,7	91	3	9,1	1	0,7	10	2	10
три супружеских пары с детьми (братья и сын)	1	0,2	9	0,3	9
более двух супружеских пар с детьми и ра- ботником	1	0,2	9	0,3	9
две супружеские пары с детьми (родители и дети)	45	8	296	11	6,6	9	7	63	10	7
женатые братья с детьми	1	0,2	8	0,3	8	1	0,7	6	1	6
две супружеские пары с детьми и работни- ком (родители и дети)	2	1,3	14	2	7
две супружеские пары с детьми и родителем одного из супругов	7	1,2	64	2	9,1

женатые братья с детьми и родителем одного из супругов	2	0,3	21	0,7	10,5
две супружеские пары с детьми и родственниками	6	1	49	2	8,2	1	0,7	6	1 6
женатые братья с детьми и родственниками	3	0,5	23	0,8	7,7
две супружеские пары с родителем и родственниками	2	0,3	20	0,7	10
женатые братья с детьми, родителем и родственниками	2	0,3	15	0,5	7,5	1	0,7	12	2 12
женатые братья с родителем и родственниками	3	0,5	20	0,7	6,7	1	0,7	9	1 9
супружеская пара с детьми и работником	2	1,3	13	2 6,5
супружеская пара с детьми и внуками	1	0,2	4	0,1	4	2	1,3	14	2 7
супружеская пара с детьми, внуками и родителем	1	0,2	7	0,2	7
супружеская пара с детьми и родителем	34	6	184	7	5,4	4	4	19	3 4,8
супружеская пара с детьми и родственниками	24	4	152	5,5	6,3	4	4	21	3 5,3
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	22	4	153	5,5	7	6	5	40	6 6,7
супружеская пара с детьми и работниками (няня)	4	0,7	20	0,7	5
супружеская пара с внуками	1	0,2	3	0,1	3
супружеская пара с родителем	5	0,8	15	0,5	3
супружеская пара с родственниками	14	2	47	1,6	3,4	3	2,3	10	2 3,3
супружеская пара с родителем и родственниками	9	1,5	43	1,5	4,8	2	1,3	13	2 6,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Неполные семьи простые в т. ч.:	44	7	154	6	3,5	7	6	40	6	5,7
мать с детьми	18	2,6	63	2,5	3,5	4	4	26	4	6,5
мачеха и дети мужа	1	0,2	3	0,1	3
отец с детьми	24	4	86	3,3	3,6	2	1,3	8	1	4
женщина (мужчина) с племянниками	1	0,2	2	0,1	2
женщина (мужчина) с внуками	1	0,7	6	1	6
Неполные семьи сложные в т. ч.:	16	3	66	2	4,1	3	2	11	2	3,7
мать (отец) с детьми и внуками	8	1,6	39	1	4,9
мать (отец) с детьми, внуками и работниками	1	0,7	5	1	5
мать (отец) с детьми и правнуками	1	0,2	4	0,1	4
мать (отец) с детьми, внуками и родственниками	1	0,2	5	0,2	5
отец с детьми и родственниками	3	0,5	10	0,4	3,3	1	0,7	4	0,7	4
братья, сестры	3	0,5	8	0,3	2,7	1	0,7	2	0,3	2
Одинокие в т. ч.:	22	4	22	1	1	6	5	6	1	1
мужчины	17	3	17	0,8	1	6	5	6	1	1
женщины	5	1	5	0,2	1
Всего	584	100	2769	100	4,7	126	100	635	100	5

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 4

Семейный состав коренного населения Урункой и Троицкой волостей, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.*

Тип семьи	Урунская волость						Троицкая волость					
	Семей			Членов семей			Семей			Членов семей		
	всего	%		всего	%		всего	%		всего	%	Ср. размер семьи
1	2	3		4	5		7	8		9	10	11
Полные семьи простые	188	49		880	44		36	56		180	50	5
в т. ч.:												
супружеская пара с детьми	166	43		836	42		32	50		172	48	5,4
супружеская пара без детей	22	6		44	2		4	6		8	2	2
Полные семьи сложные	133	35		910	46		22	34		149	42	6,8
в т. ч.:												
более двух супружеских пар с детьми	9	2		90	4,5	
более двух супружеских пар с детьми и родителем		1	1,5		12	3,4	12
более двух супружеских пар с детьми и работником	1	0,3		9	0,4	
две супружеские пары с детьми (родители и дети)	30	8		217	11		6	9		49	14	8,2
две супружеские пары с детьми и работником (родители и дети)	4	1		37	1,8		1	1,5		10	3	10
женатые братья с детьми и родителем одного из супругов	2	0,5		15	0,7	
две супружеские пары с детьми, родителем и работником		1	1,5		8	2,3	8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
две супружеские пары с детьми и родственниками	4	1	29	1,4	7,3
две супружеские пары с детьми, родственниками и работниками	1	0,3	10	0,5	10
женатые братья с детьми и родственниками	1	0,3	5	0,2	5
женатые братья с детьми, родителем и родственниками	3	1	30	1,5	10	1	1,5	6	1,7	6
супружеская пара с детьми и работником	7	2	50	2,5	7,1
супружеская пара с детьми и внуками	3	1	25	1,2	8,3	1	1,5	6	1,7	6
супружеская пара с детьми и родителем	16	4	95	5	5,9	5	8	30	8	6
супружеская пара с детьми, родителем и работником	3	1	18	0,9	6
супружеская пара с детьми и родственниками	18	5	112	6	6,2	1	1,5	4	1,1	4
супружеская пара с детьми, родственниками и работником	1	0,3	8	0,4	8
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	13	3,3	81	4	6,2	1	1,5	6	1,7	6
супружеская пара с детьми, родителем, родственником и работником	2	0,5	16	0,8	8
супружеская пара с работником	1	1,5	4	1,1	4
супружеская пара с внуками	2	0,5	8	0,4	4
супружеская пара с родителем	2	0,5	6	0,3	3
супружеская пара с родственниками	9	2	38	2	4,2
супружеская пара с родителем и родственниками	2	0,5	11	0,5	5,5	3	5	14	4	4,7

Неполные семьи простые в т. ч.:	28	7	101	5	3,6	6	10	29	8	4,8
	18	4,5	63	3,1	3,5	5	8,5	22	6	4,4
	1	0,3	6	0,3	6
	7	1,7	22	1,1	3,1	1	1,5	7	2	7
	2	0,5	10	0,5	5
	20	5	89	4	4,5
Неполные семьи сложные в т. ч.:	9	2	45	2	5
	1	0,3	4	0,2	4
	3	0,8	19	0,9	6,3
	1	0,3	4	0,2	4
	6	1,6	17	0,7	2,8
	14	4	14	1	1
Одинокие (мужчины)	383	100	1994	100	5,2	64	100	358	100	5,6
Всего										

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 5

Семейный состав коренного населения Сузонской и Тайнинской волостей, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.*

Тип семьи	Сузонская волость					Тайнинская волость				
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи простые	66	39	311	36	4,7	40	39	159	32	4
в т. ч.:	60	35	299	35	5	34	33	147	30	4,3
	6	4	12	1	2	6	6	12	2	2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи сложные в т. ч.:	57	34	374	44	6,6	44	42	276	55	6,3
более двух супружеских пар с детьми	1	0,6	12	1,4	12	1	1	8	1,6	8
три супружеских пары: родители – дети – внуки	1	0,6	9	1	9	1	1	10	2	10
более двух супружеских пар с детьми и родственники	1	0,6	10	1,2	10
две супружеские пары с детьми (родители с детьми)	13	8	92	11	7,1	8	8	52	10	6,5
две супружеские пары с детьми и работником	2	1,2	16	1,9	8
женатые братья с детьми	1	1	8	1,6	8
две супружеские пары с детьми, родителем и работником	1	0,6	7	0,8	7
женатые братья с детьми и родственниками	1	1	6	1,2	6
женатые братья с детьми, родителем и родственниками	2	1,2	17	2	8,5
женатые братья с детьми, родителем и родственниками, работником	1	0,6	9	1	9
женатые братья без детей с родителем и родственниками	2	2	19	4	9,5
супружеская пара с детьми и работниками	3	1,9	17	2	5,7
супружеская пара с детьми и внуками	2	1,2	11	1,3	5,5	1	1	10	2	10
супружеская пара с детьми и родителем	9	5	47	5,5	5,2	4	4	23	4,6	5,8

супружеская пара с детьми и родственниками	7	4	51	6	7,3	13	12	76	15	5,9
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	4	2,4	30	3,5	7,5	3	3	20	4	6,7
супружеская пара с работником	1	0,6	3	0,4	3
супружеская пара с родителем	2	1,2	6	0,7	3	1	1	3	0,6	3
супружеская пара с родственниками	3	1,9	12	1,4	4	7	6	34	7	4,9
супружеская пара с родителем и родственниками	4	2,4	25	2,9	6,3	1	1	7	1,4	7
Неполные семьи простые в т. ч.:	26	15	97	11	3,7	15	14	46	9	3,1
мать с детьми	13	7,4	53	6,1	4,1	6	6	21	4	3,5
отец с детьми	12	7	42	4,8	3,5	9	8	25	5	2,8
женщина (мужчина) с внуками	1	0,6	2	0,1	2
Неполные семьи сложные в т. ч.:	17	10	72	8	4,2	4	4	17	3	4,3
мать (отец) с детьми и внуками	10	6	43	5	4,3	1	1	5	1	5
мать с детьми и родственниками (брат мужа – левират?)	2	1,1	11	1,1	5,5
отец (мать) с детьми и родственниками	3	1,8	14	1,4	4,7	1	1	5	1	5
братья, сестры	2	1,1	4	0,5	2	2	2	7	1	3,5
Одинокие (мужчины)	4	2	4	1	1	1	1	1	1	1
<i>Всего</i>	170	100	858	100	5	104	100	499	100	4,8

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

**Семейный состав коренного населения Паспаульской и Озеро-Куревской волостей,
по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.***

Тип семьи	Паспаульская волость				Озеро-Куревская волость					
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
Полные семьи простые в т. ч.:	118	55	549	47	4,7	45	46	227	44	5
	106	49	525	45	5	37	38	211	42	5,7
	12	6	24	2	2	8	8	16	3	2
Полные семьи сложные в т. ч.:	76	35	541	47	7,1	34	34	222	44	6,5
	4	1,6	40	4	10
	1	0,5	17	1,5	17
	1	0,5	12	1	12
	22	10	168	15	7,6	11	11	72	14	6,6
	1	0,5	6	0,5	6
	1	0,5	6	0,5	6
	1	0,5	14	1,2	14
	2	1	14	1,2	7
1	0,5	9	0,8	9	

женатые братья с родителем и родственниками	1	0,5	7	0,6	7
супружеская пара с детьми и внуками	3	1,4	16	1	5,3	2	2	18	4	9
супружеская пара с детьми и родителем	17	8	109	9	6,4	1	1	5	1	5
супружеская пара с детьми и родственниками	11	5	67	6	6,1	7	7	43	8,4	6,1
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	3	1,4	24	2	8	5	5	40	8	8
супружеская пара с детьми и работниками (няня)	1	0,5	5	0,4	5	1	1	6	1,2	6
супружеская пара с родителем	1	0,5	3	0,3	3
супружеская пара с родственниками	4	1,6	20	1,7	5	2	2	7	1,4	3,5
супружеская пара с родителем и родственниками	1	0,5	4	0,3	4	5	5	31	6	6,2
Неполные семьи простые в т. ч.:	15	7	52	4,7	3,5	11	11	36	7	3,3
мать с детьми	9	4	33	3	3,7	3	3	13	3	4,3
отец с детьми	6	3	19	1,7	3,2	8	8	23	4	2,9
Неполные семьи сложные в т. ч.:	3	1,5	12	1	4	5	5	20	4	4
мать (отец) с детьми и внуками	2	1	8	0,7	4	1	1	8	1,6	8
отец с детьми и родственниками	1	1	3	0,6	3
братья, сестры	2	2	4	0,8	2
братья, сестры и родственники	1	0,5	4	0,3	4	1	1	5	1	5
Одинокие (мужчины)	3	1,5	3	0,3	1	4	4	4	1	1
<i>Всего</i>	215	100	1157	100	5,4	99	100	509	100	5,1

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 7

Семейный состав коренного населения Карабинской и Успенской волостей, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.*

Тип семьи	Карабинская волость				Успенская волость					
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
Полные семьи простые: супружеская пара с детьми	3	43	12	28	4	1	50	9	47	9
	4	57	31	72	7,8	1	50	10	53	10
Полные семьи сложные в т. ч.: более двух супружеских пар с детьми две супружеские пары с детьми (родители и дети) супружеская пара с детьми и работником супружеская пара с детьми, родителем и родственником	1	14	10	23	10
	1	50	10	53	10
	1	14	5	12	5
	2	29	16	37	8
Всего	7	100	43	100	6,1	2	100	19	100	9,5

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 8

Семейный состав коренного населения Покровской и Макарьевской волостей, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.*

Тип семьи	Покровская волость				Макарьевская волость					
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
			всего	%				всего	%	
	Полные семьи простые: супружеская пара с детьми	2	67	10	67	5	1	33,3	8	42

Полные семьи сложные в т. ч.: две супружеские пары с детьми и работником (родители и дети) супружеская пара с детьми, родственниками и работником	1	33	5	33	5	33	5	1	33,3	6	31	6
Неполные семьи простые: мать с детьми	1	33,3	5	27	5
<i>Всего</i>	3	100	15	100	5	100	19	3	100	100	6,3	6,3

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 9

Семейный состав коренного населения Кебезенского сельсовета (конец 1930-х – начало 1940-х гг.)*

Тип семьи	По данным на 1936 г. **						По данным на 1943 г. ***					
	Семей			Членов семей			Семей			Членов семей		
	всего	%	Ср. размер семьи	всего	%	Ср. размер семьи	всего	%	Ср. размер семьи	всего	%	Ср. размер семьи
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Полные семьи простые в т. ч.: супружеская пара с детьми супружеская пара без детей	106	43	572	45	4,2	101	33	427	35	4,2	4,2	4,2
	112	36	522	42	4,7	85	28	395	33	4,6	4,6	4,6
	21	7	42	3	2	16	5	32	2	2	2	2
Полные семьи сложные в т. ч.: две супружеские пары с детьми женатые братья с детьми супружеская пара с детьми и внуками супружеская пара с детьми и родителем	89	26	499	36	5,6	76	25	429	36	5,6	5,6	5,6
	9	3	68	5,5	7,7	9	3	68	5,8	7,6	7,6	7,6
	1	0,3	6	0,5	6	1	0,3	6	0,5	6	6	6
	1	0,3	4	0,3	4	1	0,3	4	0,3	4	4	4
	15	5	85	6,8	5,7	15	5	85	7,1	5,7	5,7	5,7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
супружеская пара с детьми и родственниками	18	6	98	7,9	5,4	15	5	86	7,2	5,7
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	20	7	130	10,4	6,5	19	6,2	124	10,3	6,5
супружеская пара с одним из родителей	5	1,6	15	1,2	1,9	5	1,6	15	1,3	3
супружеская пара с родственниками	8	2,1	24	1,9	3	7	2,3	21	1,8	3
супружеская пара с родителем и родственником	4	1,3	20	1,5	5	4	1,3	20	1,7	5
Неполные семьи простые в т. ч.:	40	16	123	12	3	74	24	237	20	3,2
мать (отец) с детьми	46	15	140	11,5	3	72	23,5	232	19	3,2
женщина (мужчина) с внуками	2	1	5	0,5	2,5	2	0,5	5	1	2,5
Неполные семьи сложные в т. ч.:	18	6	57	5	3,3	22	7	72	6	3,3
мать (отец) с детьми и внуками	6	2	22	1,9	3,7	5	1,6	18	1,5	3,6
мать (отец) с детьми и родственниками	4	1,3	16	1,3	4	8	2,6	30	2,5	3,8
родственники	7	2,4	20	1,6	2,9	8	2,6	22	1,8	2,8
братья, сестры	1	0,3	2	0,2	2	1	0,2	2	0,2	2
Одинокие в т. ч.:	32	9	32	2	1	34	11	34	3	1
мужчины	14	4,4	14	1	1	15	4,9	15	1	1
женщины	15	4,6	15	1	1	19	6,1	19	2	1
<i>Всего</i>	285	100	1283	100	4	307	100	1199	100	3,9

* Составлена по данным похозяйственных книг.

** С 1936 г. в сельсовете начались массовые репрессии.

*** С учетом результатов репрессий за 1936–1943 гг.

Таблица 10
Семейный состав коренного населения Калташинского и Кебезенского сельсоветов, на начало 1940-х гг.*

Тип семьи	Кебезенский с/с					Калташинский с/с				
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи простые в т. ч.:	101	33	427	35	4,2	35	29	153	30	4,4
супружеская пара с детьми	85	28	395	33	4,6	33	27	149	29	4,5
из них смешанные браки	22	7	118	10	5,4
супружеская пара без детей	16	5	32	2	2	2	2	4	1	2
из них смешанные браки	4	1	8	0,7	2	1	1	2	0,4	2
Полные семьи сложные в т. ч.:	76	25	429	36	5,6	38	31	210	41	5,5
две супружеские пары с детьми	9	3	68	5,8	7,6	7	6	47	9,2	6,7
из них смешанные браки	3	1	21	1,8	7	1	1	10	2	10
женатые братья с детьми	1	0,3	6	0,5	6	1	1	9	2	9
две супружеские пары с детьми и родственниками	1	1	6	1,2	6
супружеская пара с детьми и внуками	1	0,3	4	0,3	4	1	1	8	1,6	8
супружеская пара с детьми и родителем	15	5	85	7,1	5,7	4	3	19	4	4,8
из них смешанные браки;	5	1,6	31	2,6	6,2	2	1,7	11	2,2	5,5
супружеская пара с детьми и родственниками,	15	5	86	7,2	5,7	15	12	84	16	5,6
из них смешанные браки	1	0,3	6	0,5	6	1	1	6	1,2	6
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	19	6,2	124	10,3	6,5	3	2	16	3	5,3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
из них смешанные браки	2	0,7	14	1,2	7
супружеская пара с одним из родителей	5	1,6	15	1,3	3
из них смешанные браки	1	0,3	3	0,2	3
супружеская пара с родственниками	7	2,3	21	1,8	3	6	5	21	4	3,5
супружеская пара с родителем и родственником	4	1,3	20	1,7	5
Неполные семьи простые	74	24	237	20	3,2	27	23	92	18	3,4
в т. ч.:										
мать с детьми	62	20	206	17,3	3,3	22	18	74	14	3,4
из них смешанные браки	3	1	11	0,9	3,7	1	1	3	0,6	3
отец с детьми	10	3,3	26	2,3	2,6	4	3	16	3	4
женщина (мужчина) с внуками	2	0,7	5	0,4	2,5	1	1	2	0,4	2
Неполные семьи сложные	22	7	72	6	3,3	12	10	46	9	3,8
в т. ч.:										
мать (отец) с детьми и внуками	5	1,6	18	1,5	3,6
мать (отец) с детьми и родственниками	8	2,6	30	2,5	3,8	5	4	23	4,5	4,6
из них смешанные браки	2	0,7	9	0,8	4,5
родственники	8	2,6	22	1,8	2,8	5	4	17	3,3	3,4
братья, сестры	1	0,2	2	0,2	2	2	2	6	1,2	3
Одинокие	34	11	34	3	1	8	7	8	2	1
в т. ч.:										
мужчины	15	4,9	15	1	1	3	3	3	1	1
женщины	19	6,1	19	2	1	5	4	5	1	1
Всего	307	100	1199	100	3,9	120	100	508	100	4,2

* Составлено по данным похозяйственных книг.

Таблица 11

Семейный состав коренного населения Солтонского, Сузопского и Чапинского сельсоветов в начале 1940-х гг.*

Тип семьи	Сузопский и Солтонский сельсоветы					Чапинский сельсовет				
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи простые в т. ч.:	54	47	245	54	4,5	10	37	46	45	4,6
супружеская пара с детьми	46	40	229	50	5	8	30	42	41	5,3
из них смешанные браки	4	3,5	24	5,2	6	4	15	20	19	5
супружеская пара без детей	8	7	16	4	2	2	7	4	4	2
из них смешанные браки	1	0,9	2	0,4	2	1	3,5	2	2	2
Полные семьи сложные в т. ч.:	17	15	100	22	5,9	5	19	25	24	5
две супружеские пары с детьми	4	3,5	31	7	7,8	1	4	7	7	7
из них смешанные браки	1	1	5	1	1	1	4	7	7	7
супружеская пара с детьми и внуками	1	4	5	5	5
супружеская пара с детьми и родителем	6	5,2	32	7	5,3	2	7	10	9	5
супружеская пара с детьми и родственниками	2	1,8	11	2	5,5
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	3	2,5	20	4	6,7
супружеская пара с одним из родителей	1	1	3	1	3	1	4	3	3	3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
из них смешанные браки супружеская пара с родственниками	1	4	3	3	3
Неполные семьи простые в т. ч.:	19	17	60	13	3,2	8	29	27	26	3,4
мать с детьми	15	13	48	10	3,2	5	18	18	17	3,6
из них смешанные браки	1	1	2	0,4	2
отец с детьми	4	4	12	3	3	2	7	4	4	2
женщина (мужчина) с внуками	1	4	5	5	5
Неполные семьи сложные в т. ч.:	12	11	41	9	3,4	1	4	2	2	2
мать (отец) с детьми и внуками	3	3	14	3	4,7
из них смешанные браки	1	1	7	1,5	7
мать (отец) с детьми и родственниками	3	3	12	2,6	4
из них смешанные браки	1	1	5	1	5
родственники	1	1	2	0,4	2	1	4	2	2	2
братья, сестры	5	4	13	3	2,6
Одинокие	11	10	11	2	1	3	11	3	3	1
в т. ч.:										
мужчины	5	4,5	5	1	1	1	4	1	1	1
женщины	6	5,5	6	1	1	2	7	2	2	1
<i>Всего</i>	113	100	457	100	4	27	100	103	100	3,8

* Составлено по данным похозяйственных книг.

Таблица 12

Семейный состав коренного населения Паспаульского, Ыныргинского и Нижне-Ашшанакского сельсоветов в 1940-х гг.*

Тип семьи	Паспаульский сельсовет (начало 1940-х гг.)					Ыныргинский и Нижне-Ашшанакский сельсовет (конец 1940-х гг.)				
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи простые	1	7	3	7	3	15	25	74	31	4,9
в т. ч.:										
супружеская пара с детьми	1	7	3	7	3	11	18	66	28	6
из них смешанные браки	1	1,7	7	3	7
супружеская пара без детей	4	7	8	3	2
Полные семьи сложные	1	7	5	11	5	9	15	59	25	6,6
в т. ч.:										
три супружеских пары с детьми (смешанный брак)	1	1,7	14	6	14
два женатых брата с родителем и родственником	1	1,7	6	2,5	6
супружеская пара с детьми и родителем (смешанный брак)	1	1,7	6	2,5	6
супружеская пара с детьми и родственниками	2	3,3	11	5	5,5
из них смешанные браки	1	1,7	6	2,6	6
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	1	7	5	11	5	2	3,3	13	5	6,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
супружеская пара с родственниками	1	1,7	5	2	5
	1	1,7	4	2	4
Неполные семьи простые	6	43	14	31	2,3	23	38	71	30	3
в т. ч.:										
мать с детьми	5	36	12	27	2,4	23	38	71	30	3
из них смешанные браки	2	14	5	11	2,5	1	1,7	3	1,3	3
отец с детьми	1	7	2	4	2
Неполные семьи сложные	5	36	22	49	4,4	7	12	25	11	3,6
в т. ч.:										
мать (отец) с детьми и внуками	3	22	15	34	5	2	3,3	9	4	4,5
из них смешанные браки	1	7	8	18	8
мать (отец) с детьми и родственниками	1	7	5	11	5	2	3,3	6	2,5	3
родственники	2	3,3	6	2,5	3
из них смешанные браки	1	1,7	4	2	4
братья, сестры	1	7	2	4	2	1	1,7	4	2	4
Одинокие	1	7	1	2	1	6	10	6	3	1
в т. ч.:										
мужчины	1	7	1	2	1	2	3,3	2	1	1
женщины	4	6,7	4	2	1
Всего	14	100	45	100	3,2	60	100	235	100	3,9

* Составлено по данным похозяйственных книг.

Семейный состав коренного населения Малочеченского и Суранашинского сельсоветов в 1940–1950-х гг.*

Тип семьи	Малочеченский и Суранашинский с/с (1940-е гг.)						Малочеченский с/с (1950-е гг.)					
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	
	всего	%	всего	%			всего	%	всего	%		
1	2	3	4	5	6	6	7	8	9	10	11	
Полные семьи простые	14	32	69	39	4,9	4,9	20	29	80	29	4	
супружеская пара с детьми	13	30	67	38	5,2	5,2	16	23	72	26	4,5	
из них смешанные браки	1	1,5	4	2	4	
супружеская пара без детей	1	2	2	1	2	2	4	6	8	3	2	
из них смешанные браки	1	2	2	1	2	2	
Полные семьи сложные	6	13	30	17	5	5	16	23	84	31	5,3	
в т. ч.:	1	1,5	8	3	8	
женатые братья с родителем и родственниками	1	1,5	8	3	8	
супружеская пара с детьми и внуками	1	1,5	5	2	5	
супружеская пара с детьми и родителем	1	2	4	2	4	4	1	1,5	5	2	5	
из них смешанные браки	1	1,5	5	2	5	
супружеская пара с детьми и родственниками	3	7	16	9	5,3	5,3	3	4	20	7	6,7	
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	1	2	4	2	4	4	3	4	17	6	5,7	
из них смешанные браки	1	2	4	2	4	4	
супружеская пара с внуками	1	1,5	4	2	4	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
супружеская пара с одним из родителей	2	3	6	2	3
супружеская пара с родственниками	2	3	7	3	3,5
супружеская пара с родителем и родственником	1	2	6	4	6	2	3	9	3	4,5
из них смешанные браки	1	1,5	5	2	5
Неполные семьи простые	11	25	43	24	3,9	23	33	76	28	3,3
в т. ч.:										
мать с детьми	7	16	25	14	3,6	22	31,5	73	27	3,3
отец с детьми	4	9	18	10	4,5	1	1,5	3	1	3
из них смешанные браки	1	2	7	4	7
Неполные семьи сложные	7	16	28	16	4	8	12	31	11	3,9
в т. ч.:										
мать (отец) с детьми и внуками	4	9	18	10	4,5	3	4,5	11	4	3,7
мать (отец) с детьми и родственниками	3	4,5	13	5	4,3
родственники (смешанный брак)	1	2	3	2	3
братья, сестры	2	5	7	4	3,5	2	3	7	2	3,5
Одинокие	6	14	6	4	1	2	3	2	1	1
в т. ч.:										
мужчины	1	2	1	1	1
женщины	5	12	5	3	1	2	3	2	1	1
Всего	44	100	176	100	4	69	100	273	100	4

* Подсчитано по: ТРА. Ф. 14. Д. 3, 4, 22-27, 29, 30.

Семейный состав коренного населения Нижненининского и Сузопского сельсоветов в начале 1950-х гг.*

Тип семьи	Нижнененинский с/с				Сузопский с/с					
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи простые	24	24	84	28	3,5	33	37	129	39	3,9
в т. ч.:										
супружеская пара с детьми	15	15	66	22	4,4	26	29	115	35	4,4
из них смешанные браки	7	8	35	11	5
супружеская пара без детей	9	9	18	6	2	7	8	14	4	2
из них смешанные браки	4	5	8	2	2
Полные семьи сложные	15	15	86	29	5,7	17	19	97	30	5,7
в т. ч.:										
три супружеские пары с детьми	1	1	8	2,4	8
две супружеские пары с детьми	3	2,9	17	6	5,7	2	2	11	3	5,5
из них смешанные браки	2	1,9	12	4	6	2	2	11	3	5,5
супружеская пара с детьми и внуками	3	2,9	25	8,4	8,3	4	5	27	8,2	6,8
из них смешанные браки	1	1	6	2	6
супружеская пара с детьми и родителем	1	1	4	1,3	4	2	2	13	4	6,5
супружеская пара с детьми и родственни- ками	2	1,9	9	3	4,5	4	5	21	6,4	5,3
из них смешанные браки	2	2	10	3	5
супружеская пара с детьми и племянниками	1	1	4	1,3	4
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	4	3,8	24	8	6	1	1	7	2	7
из них смешанные браки	3	2,9	18	6	6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
супружеская пара с внуками супружеская пара с одним из родителей (смешанный брак) супружеская пара с родителем и родственником	1	1	3	1	3	1	1	3	1	3
	1	1	3	1	3
	1	1	4	1	4
	1	1	4	1	4
Неполные семьи простые в т. ч.:	28	29	75	25	2,7	22	24	61	19	2,8
мать с детьми	22	23	57	19	2,6	17	19	50	15	2,9
из них смешанные браки	1	1	5	2	5
отец с детьми	4	3,8	14	4	3,5	3	3	6	2	2
из них смешанные браки	1	1	4	1	4
женщина с внуками	2	1,9	4	1	2	2	2	5	2	2,5
Неполные семьи сложные в т. ч.:	8	8	29	10	3,6	10	11	33	10	3,3
мать с детьми и внуками	1	1	5	2	5	3	3	11	3,4	3,7
мать с детьми и родственниками	1	1	4	1,3	4	4	5	13	4	3,3
отец с детьми и родственниками	1	1	4	1,3	4	1	1	4	1	4
родственники	2	2	7	2,4	3,5	1	1	2	0,6	2
братья, сестры	3	3	9	3	3	1	1	3	1	3
Одинокие в т. ч.:	24	24	24	8	1	8	9	8	2	1
мужчины	7	7	7	2	1	2	2	2	0,6	1
женщины	17	17	17	6	1	6	7	6	1,4	1
Всего	99	100	298	100	3	90	100	328	100	3,6

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Семейный состав коренного населения Каракокшинского и Паспаульского сельсоветов в начале 1970-х гг.*

Тип семьи	Каракокшинский сельсовет					Паспаульский сельсовет				
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%		всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полные семьи простые в т. ч.:	63	62	332	74	5,3	43	48	183	51	4,3
супружеская пара с детьми	58	57	322	72	5,6	38	43	173	48	4,6
из них смешанные браки	19	19	86	19	4,5	14	16	55	15	3,9
супружеская пара без детей	5	5	10	2	2	5	5	10	3	2
из них смешанные браки	3	3	6	1	2	1	1	2	0,5	2
Полные семьи сложные в т. ч.:	4	4	23	5	5,8	16	18	99	28	6,2
супружеская пара с детьми и внуками (смешанный брак)	1	1	7	2	7
супружеская пара с детьми и родителем	1	1	11	2	11	8	9	49	14	6,1
из них смешанные браки	1	1	11	2	11	5	6	28	8	5,6
супружеская пара с детьми и родственниками	1	1	6	1	6	5	6	36	10	7,2
из них смешанные браки	1	1	6	1	6	2	2	13	4	6,5
супружеская пара с внуками (смешанный брак)	1	1	3	1	3
супружеская пара с одним из родителей (смешанный брак)	1	1	3	1	3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
супружеская пара с родственниками (смешанный брак)	1	1	3	1	3
супружеская пара с родителем и родственником (смешанный брак)	1	1	4	1	4
Неполные семьи простые в т. ч.:	18	17	63	14	3,5	15	17	49	14	3,3
мать с детьми	14	13	50	11	3,6	14	16	46	13	3,3
из них смешанные браки	1	1	5	1	5	1	1	3	1	3
отец с детьми	3	3	10	2	3,3
женщина (мужчина) с внуками	1	1	3	1	3	1	1	3	1	3
Неполные семьи сложные в т. ч.:	6	6	19	4	3,2	4	5	16	4	4
мать (отец) с детьми и внуками	4	4	13	3	3,3	1	1,3	3	1	3
мать (отец) с детьми, внуками и правнуками	1	1,2	9	2	9
мать (отец) с детьми и родственниками	2	2	6	1	3
из них смешанные браки	1	1	3	0,5	3	1	1,3	4	1	4
родственники	1	1,3	2	0,5	2
братья, сестры	1	1,2	2	0,5	2
Одинокое в т. ч.:	11	11	11	3	1	11	12	11	3	1
мужчины	7	7	7	2	1	2	2	2	1	1
женщины	4	4	4	1	1	9	10	9	2	1
Всего	102	100	448	100	4,4	89	100	358	100	4

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 16
Семейный состав коренного населения Кебезенского и Ыныргинского сельсоветов в начале 1970-х гг. *

Тип семьи	Кебезенский сельсовет						Ыныргинский сельсовет					
	Семей			Членов семей			Семей			Членов семей		
	всего	%		всего	%		всего	%		всего	%	Ср. размер семьи
1	2	3		4	5		7	8		9	10	11
Полные семьи простые в т. ч.:	109	47		577	57		24	34		113	43	4,7
супружеская пара с детьми	93	40		545	54		22	31		109	42	5
из них смешанные браки	20	9		108	11		10	14		44	17	4,4
супружеская пара без детей	16	7		32	3		2	3		4	1	2
из них смешанные браки	5	2		10	1	
Полные семьи сложные в т. ч.:	31	14		193	19		11	16		68	26	6,2
две супружеские пары с детьми	1	0,4		4	0,4		2	3		20	8	10
из них смешанные браки		1	1,5		9	3	9
две супружеские пары с детьми и родителем супругов	3	1,2		23	2	
из них смешанные браки	2	1		14	1,4	
женщина с детьми и няней (смешанный)	1	0,4		4	0,4	
супружеская пара с детьми и внуками	2	1		12	1,2		1	1,5		5	2	5
супружеская пара с детьми и родителем	11	5		80	8		7	10		40	15	5,7
из них смешанные браки	1	0,4		10	1		6	9		32	12	5,3
супружеская пара с детьми и родственниками	6	3		34	3,4	
из них смешанные браки	1	0,4		4	0,4	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
супружеская пара с детьми, родителем и родственником из них смешанные браки супружеская пара с внуками супружеская пара с одним из родителей супружеская пара с родственниками (смешанный брак) супружеская пара с родителем и родственником	3	1,2	22	2,2	7,3
	1	0,4	7	0,7	7
	2	1	6	0,6	3
	1	0,4	3	0,3	3
	1	1,5	3	1	3
	1	0,4	5	0,5	5
Неполные семьи простые в т. ч.:	44	19	140	14	3,2	14	20	42	16	3
мать с детьми	35	15	110	11	3,1	12	17	38	14	3,2
из них смешанные браки	1	0,4	2	0,2	2	1	1,5	2	1	2
отец с детьми	3	1	15	1,5	5	1	1,5	2	1	2
женщина с внуками	6	2,6	15	1,5	2,5	1	1,5	2	1	2
Неполные семьи сложные в т. ч.:	16	7	65	7	4,1	6	9	23	9	3,8
мать (отец) с детьми и внуками	11	5	51	5	4	4	6	14	5	3,5
мать (отец) с детьми и родственниками	2	1	7	1	3,5	1	1,5	5	2	5
братья, сестры	3	1	7	1	2,3	1	1,5	4	2	4
Одинокие в т. ч.:	30	13	30	3	1	15	21	15	6	1
мужчины	12	5	12	1	1	1	1,5	1	1	1
женщины	18	8	18	2	1	14	19,5	14	5	1
Всего	230	100	1 005	100	4,4	70	100	261	100	3,7

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Семейный состав коренного населения Нижненнинского и Солтонского с/с на начало 1970-х гг.

Тип семьи	Нижненнинский с/с						Солтонский с/с					
	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	Семей	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи	
	всего	%	всего	%			всего	%	всего	%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Полные семьи простые в т. ч.:	21	46	71	50	3,4	20	47	72	44	3,6		
супружеская пара с детьми	11	24	51	36	4,6	13	30	58	36	4,2		
из них смешанные браки	8	17	38	27	4,8	8	19	31	19	3,9		
супружеская пара без детей	10	22	20	14	2	7	16	14	9	2		
из них смешанные браки	5	11	10	7	2	3	7	6	4	2		
Полные семьи сложные в т. ч.:	5	11	30	21	4,2	11	26	62	38	5,6		
две супружеские пары с родственниками (смешанный брак)	1	2	5	3	5		
две супружеские пары с детьми и родителем (смешанный брак)	1	2	6	4	6		
супружеская пара с детьми и внуками	1	2	6	4	6		
супружеская пара с детьми и родителем	2	5	13	9	6,5	1	2	6	4	6		
из них смешанные браки	1	2	6	4	6		
супружеская пара с детьми и родственниками	1	2	8	6	8	3	7	18	11	6		
из них смешанные браки	1	2	7	4	7		
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	3	7	20	12	6,7		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
из них смешанные браки супружеская пара с внуками супружеская пара с родственниками (смешанный брак) супружеская пара с родителем и родственником (смешанный брак)	2	5	15	9	7,5
	1	2	3	2	3
	1	2	3	2	3
	1	2	4	2	4
Неполные семьи простые в т. ч.:	8	17	25	17	3,1	7	16	17	11	2,4
мать с детьми	7	15	21	15	3	6	14	15	9	2,5
отец с детьми (смешанный брак)	1	2	4	2	4
женщина с внуками	1	2	2	2	2
Неполные семьи сложные в т. ч.:	4	9	9	6	2,3	3	7	10	6	3,3
мать с детьми и внуками	2	5	7	4	3,5
мать с детьми и родственниками	1	2	3	2	3	1	2	3	2	3
родственники	3	7	6	4	2
из них смешанные браки	1	2	2	1	2
Одинокие в т. ч.:	8	17	8	6	1	2	5	2	1	1
мужчины	1	2	1	1	1
женщины	7	15	7	5	1	2	5	2	1	1
<i>Всего</i>	46	100	143	100	3,1	43	100	163	100	3,8

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Семейный состав коренного населения Кумандинского и Сузопского сельсоветов в начале 1970-х гг.*

Тип семьи	Кумандинский сельсовет						Сузопский сельсовет					
	Семей			Членов семей			Семей			Членов семей		
	всего	%		всего	%		всего	%		всего	%	
1	2	3		4	5		7	8		9	10	
Полные семьи простые в т. ч.:	23	57,5		126	74		25	49		102	54	
супружеская пара с детьми	21	52,5		122	71		21	41		94	50	
из них смешанные браки	4	10		23	13,5		4	8		17	9	
супружеская пара без детей	2	5		4	3		4	8		8	4	
из них смешанные браки		3	6		6	3	
Полные семьи сложные в т. ч.:	4	10		19	11		7	14		45	24	
две супружеские пары с детьми		2	4		17	9	
из них смешанные браки		1	2		5	3	
супружеская пара с детьми и внуками		3	6		16	9	
из них смешанные браки		1	2		4	2	
супружеская пара с детьми и родителем		2	4		12	6	
супружеская пара с детьми и родственниками (смешанный брак)	1	2,5		6	3		
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	1	2,5		7	4		
супружеская пара с внуками	1	2,5		3	2		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
супружеская пара с одним из родителей (смешанный брак)	1	2,5	3	2	3
Неполные семьи простые в т. ч.:	6	15	17	10	2,8	3	6	12	6	4
мать с детьми	5	12,5	14	8	2,8	3	6	12	6	4
из них смешанные браки	1	2,5	6	3	6
отец с детьми	1	2,5	3	2	3
Неполные семьи сложные в т. ч.:	2	5	4	2	2	6	12	20	11	3,3
мать с детьми и внуками	3	6	13	7	4,3
из них смешанные браки	2	4	9	5	4,5
мать с детьми и родственниками	1	2	3	2	3
родственники	2	5	4	2	2	2	4	4	2	2
Одинокие	5	12,5	5	3	1	10	19	10	5	1
в т. ч.:										
мужчины	1	2,5	1	1	1	2	4	2	1	1
женщины	4	10	4	2	1	8	15	8	4	1
Всего	40	100	171	100	4,3	51	100	189	100	3,7

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 19

Семейный состав коренного населения Турачакского сельсовета в начале 1970-х гг.*

Тип семьи	Семей		Членов семей		Ср. размер семьи
	всего	%	всего	%	
Полные семьи простые	59	58	211	62	3,6
в т. ч.:					
супружеская пара с детьми	38	37	169	50	4,5
из них смешанные браки	21	21	94	28	4,5
супружеская пара без детей	21	21	42	12	2
из них смешанные браки	12	12	12	4	2
Полные семьи сложные	16	16	82	24	5,1
в т. ч.:					
две супружеские пары с детьми	1	1	7	2	7
супружеская пара с детьми и внуками	1	1	4	1,2	4
супружеская пара с детьми и родителем	9	9	46	13,5	5,1
из них смешанные браки	2	2	11	3,2	5,5
супружеская пара с детьми и родственниками	3	3	17	5	5,7
из них смешанные браки	1	1	4	1,2	4
супружеская пара с детьми, родственником и родителем	1	1	5	1,5	5
супружеская пара с родственниками	1	1	3	0,8	3
Неполные семьи простые	7	7	26	7,5	3,7
в т. ч.:					
мать с детьми	7	7	26	7,5	3,7
из них смешанные браки	1	1	4	1,2	4
Неполные семьи сложные	2	2	5	1,5	2,5
в т. ч.:					
мать с детьми и внуками	1	1	3	0,7	3
подруги (смешанные браки)	1	1	2	0,4	2
Одинокие	17	17	17	5	1
в т. ч.:					
мужчины	8	8	8	2,3	1
женщины	9	9	9	2,7	1
<i>Всего</i>	101	100	341	100	3,4

* Составлена по данным похозяйственных книг.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ БРАКОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА (16 ЛЕТ И СТАРШЕ) ПО ПОЛУ, ВОЗРАСТУ И ОТНОШЕНИЮ К БРАКУ. КОНЕЦ XIX – XX в.

Таблица 1

Распределение «инородцев» бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку
(улусы Половинский, Язланский, Шумихинский и дер. Караканская Кондомо-Итиберской волости), на 6 августа 1888 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 137				Женщины – всего 143					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет жи-вет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	0,7	6,6	...	5,8	0,7	...	7,0	...	6,3	0,7
20–24	11,0	9,5	...	8,8	0,7	11,9	2,1	...	2,1	...
25–29	14,6	2,2	...	2,2	...	20,8	1,4	...	1,4	...
30–34	8,0	2,2	...	1,5	0,7	5,6	0,7	...	0,7	...
35–39	8,8	10,5	2,1	1,4	0,7	...
40–44	8,8	8,4	2,1	0,7	1,4	...
45–49	7,3	0,7	...	0,7	...	4,9	2,1	0,7	1,4	...
50–54	4,4	3,5	4,2	1,4	2,1	0,7
55–59	6,6	2,1
60–64	3,7	1,5	0,7	...	0,7	1,4	0,7	...	0,7	...
65–69	0,7	2,1	2,1	0,7	1,4	...
70 и старше	2,2	0,7	...	0,7	...	2,1	2,1	0,7	1,4	...
Доля в общей численности на-селения 16 лет и старше	76,8	23,4	0,7	19,7	2,8	73,3	26,6	5,6	19,6	1,4

* Составлена по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 727.

Таблица 2

Распределение коренного населения Сузопской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 294				Женщины – всего 254					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	В том числе			Всего	В том числе			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	1,7	15,0	...	15,0	...	2,0	10,2	...	10,2	...
20–24	5,1	12,9	6,5	6,1	0,3	11,0	8,3	...	8,3	...
25–29	6,5	4,4	0,7	3,7	...	12,6	1,6	...	1,6	...
30–34	4,4	3,1	0,7	2,4	...	6,3	1,2	1,2
35–39	8,8	3,1	1,7	1,4	...	7,9	2,0	0,4	1,6	...
40–44	3,7	1,4	0,3	1,0	...	4,7	2,0	1,2	0,8	...
45–49	6,1	1,7	1,4	0,3	...	5,1	0,8	...	0,8	...
50–54	2,7	2,0	1,0	0,7	0,3	3,5	1,2	0,8	0,4	...
55–59	2,0	0,7	0,3	...	0,3	1,2	1,6	0,8	0,8	...
60–64	2,4	1,0	1,0	2,8	3,5	0,8	2,8	...
65–69	2,0	0,7	0,3	0,3	0,8	...	0,8	...
70 и старше	5,8	2,7	0,3	2,0	0,3	2,8	7,1	1,2	5,9	...
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	51,2	48,7	14,2	32,9	1,2	59,9	40,3	6,4	34,0	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Распределение коренного населения Лебедской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 202				Женщины – всего 171					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	2,0	15,3	...	15,3	...	4,1	9,4	...	9,4	...
20–24	8,9	7,9	...	7,4	0,5	15,8	1,8	...	8,1	...
25–29	6,9	2,0	...	1,5	0,5	8,8	5,8	...	5,8	...
30–34	9,9	2,5	...	2,5	...	9,4	0,6	...	0,6	...
35–39	6,4	1,0	...	0,5	0,5	9,9	1,2	0,6	0,6	...
40–44	5,9	1,5	...	1,0	0,5	4,7	0,6	0,6
45–49	4,5	2,0	0,5	1,0	0,5	5,8	1,2	0,6	0,6	...
50–54	2,0	3,5	0,6	...	0,6	...
55–59	5,4	2,5	0,5	2,0	...	1,8
60–64	2,0	0,5	...	0,5	...	2,3	1,2	0,6	0,6	...
65–69	...	0,5	...	0,5	...	1,8	0,6	...	0,6	...
70 и старше	5,9	4,5	1,0	3,0	0,5	4,7	4,7	0,6	4,1	...
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	59,8	40,2	2,0	35,2	3,0	72,6	27,7	3,0	24,7	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 4

Распределение коренного населения Карабинской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 11				Женщины – всего 14				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	...	9,1	...	9,1	...	7,1	...	7,1	...
20–24	27,3	35,7
25–29	18,2	14,3
30–34	18,2	7,1
35–39	9,1	7,1
40–44	7,1
45–49
50–54	7,1	7,1
55–59	9,1
60–64
65–69
70 и старше	...	9,1	...	9,1	7,1
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	81,9	18,2	...	18,2	64,2	35,5	...	35,5	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 5

Распределение коренного населения Покровской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 3				Женщины – всего 5			
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке		
		Всего	Из них:			Всего	Из них:	
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи
16–19
20–24	20	...	20
25–29	20
30–34	20
35–39	66,7
40–44
45–49	20
50–54
55–59	33,3
60–64
65–69
70 и старше	20	...	20
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	100	60	40	...	40
								...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 6

Распределение коренного населения Нижне-Кумандинской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 831				Женщины – всего 743				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	1,2	13,4	...	13,2	0,1	3,1	...	12,2	...
20–24	6,1	6,1	0,1	5,9	0,1	9,6	...	2,7	...
25–29	9,0	3,4	...	3,1	0,2	14,5	...	1,2	...
30–34	8,3	2,0	...	2,0	...	9,4	0,3	1,3	...
35–39	8,8	1,7	0,4	1,1	0,2	10,1	0,1	0,3	...
40–44	8,1	1,7	0,6	0,8	0,2	7,1	0,1	0,3	...
45–49	5,4	0,8	0,1	0,7	...	4,8	0,4	0,4	...
50–54	2,9	0,2	0,1	0,1	...	4,3	...	0,3	...
55–59	4,5	0,2	0,2	3,5	1,1	0,9	...
60–64	4,6	1,3	0,6	0,6	0,1	3,0	0,5	1,3	0,1
65–69	2,6	0,4	...	0,2	0,1	2,7	...	0,4	...
70 и старше	3,7	3,1	0,5	1,9	0,2	1,2	0,4	3,1	...
Возраст не указан	...	0,4	0,4
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	65,2	34,7	2,6	29,6	1,6	73,3	1,9	24,4	0,1

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Распределение коренного населения Верхне-Бийской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 900				Женщины – всего 818					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	3,3	11,8	...	11,7	0,1	5,1	9,2	...	9,2	...
20–24	4,7	7,4	0,1	7,1	0,2	9,9	1,8	...	1,8	...
25–29	7,3	3,6	0,1	3,1	0,3	11,0	1,5	0,1	1,3	...
30–34	7,4	1,9	0,2	1,4	0,2	9,8	1,5	0,5	1,0	...
35–39	8,8	1,2	0,2	0,9	0,1	10,9	0,4	0,1	0,2	...
40–44	5,1	0,8	0,3	0,4	...	7,5	0,9	0,1	0,7	...
45–49	8,9	0,8	0,3	0,3	0,1	5,0	0,5	0,1	0,2	0,1
50–54	3,7	0,6	...	0,3	0,2	4,3	1,2	0,4	0,9	...
55–59	5,0	0,6	0,2	0,1	0,2	3,7	1,5	0,4	1,1	...
60–64	3,1	0,9	0,4	0,3	0,1	2,2	2,7	0,5	2,2	...
65–69	2,8	0,9	0,4	0,4	...	1,7	0,7	0,4	0,2	0,1
70 и старше	5,7	3,8	1,1	2,6	0,1	1,6	5,6	0,4	4,9	0,4
Возраст не указан	0,1
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	65,9	34,3	3,3	28,6	1,6	72,7	27,5	3,0	23,7	0,6

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 8

Распределение коренного населения Макарьевской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 5				Женщины – всего 5				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	...	20	...	20	...	20	...	20	...
20–24
25–29	20	20
30–34
35–39	20	20	...	20	20	20	...	20	...
40–44
45–49	20	20
50–54
55–59
60–64
65–69
70 и старше
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	60	40	...	40	60	40	...	40	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Распределение коренного населения Троицкой волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 101					Женщины – всего 96				
	Состоят в браке	Не состоят в браке				Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:				Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет один			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	4	16,8	...	16,8	...	4,2	13,5	...	13,5	...
20–24	8,9	7,9	...	7,9	...	12,5	2,1	...	2,1	...
25–29	6,9	2	...	2	...	7,3	1	...	1	...
30–34	5,9	6,3	2,1	1	1	...
35–39	10,9	10,4
40–44	8,9	7,3	2,1	1	1	...
45–49	6,9	10,4
50–54	3	4,2	...	1	1	...
55–59	3	1	...	1	...	4,2	...	1
60–64	5,9	1	1	2,1	3,1	1	2,1	...
65–69	1	1	...	1	1	...	1	...
70 и старше	3	2	...	2	...	2,1	4,2	...	4,2	...
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	68,3	31,7	1	30,7	...	71	29,1	5	26,9	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 10

Распределение коренного населения Тайнинской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 163				Женщины – всего 156					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	В том числе:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	2,5	11,0	...	11,0	...	5,8	16,7	...	16,7	...
20–24	2,5	4,9	...	4,9	...	6,4	4,5	...	4,5	...
25–29	8,0	5,5	...	5,5	...	9,0	1,3	...	1,3	...
30–34	4,3	2,5	...	1,8	0,6	11,5	0,6	...	0,6	...
35–39	11,7	2,5	1,2	0,6	0,6	3,8	1,3	...	1,3	...
40–44	4,9	1,8	1,8	12,2
45–49	7,4	0,6	...	0,6	...	3,8	1,3	1,3
50–54	5,5	3,7	1,2	2,5	...	3,8	1,3	1,3
55–59	3,1	1,2	1,2	3,2	1,3	...	1,3	...
60–64	4,7	0,6	0,6	3,2	3,8	1,3	2,6	...
65–69	2,5	1,2	...	1,2	...	0,6
70 и старше	3,7	3,7	...	3,7	...	0,6	3,8	...	3,8	...
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	61,0	39,2	6,0	31,8	1,2	63,9	35,9	3,9	32,1	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Распределение коренного населения Наспаульской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 324				Женщины – всего 319					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	2,5	10,8	...	10,8	...	5,0	11,0	...	11,0	...
20–24	8,0	7,7	0,3	7,1	0,3	10,3	3,4	0,3	3,1	...
25–29	9,9	2,2	...	2,2	...	12,5	1,3	...	1,3	...
30–34	10,2	0,9	...	0,6	0,3	10,7	1,9	0,3	1,6	...
35–39	9,0	0,6	...	0,6	...	9,1	0,9	0,6	0,3	...
40–44	4,9	0,3	0,3	6,0	0,6	0,3	0,3	...
45–49	5,9	0,3	0,3	6,6	1,6	0,3	1,3	...
50–54	5,6	0,3	...	0,3	...	5,3	0,6	0,6
55–59	3,4	0,6	0,3	0,3	...	1,6	0,6	...	0,6	...
60–64	2,5	0,6	0,3	0,3	...	0,9	1,6	0,6	0,9	...
65–69	2,8	1,2	...	1,2	...	2,2	0,9	...	0,9	...
70 и старше	5,6	4,3	0,6	3,7	...	1,9	3,4	...	3,4	...
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	70,3	29,8	1,8	27,1	0,9	72,1	27,8	3,0	24,7	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 12

Распределение коренного населения Успенской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 4				Женщины – всего 4				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Всего	Не состоят в браке		
		Всего	Из них:				глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет один
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками					
16–19	...	25	...	25	...	25	...	25	...
20–24	25	25
25–29
30–34
35–39
40–44	25
45–49	25	25
50–54	25
55–59
60–64
65–69
70 и старше
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	75	25	...	25	...	75	25	25	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Распределение коренного населения Урунской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 583				Женщины – всего 543					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	2,1	12,9	0,2	12,7	...	2,8	9,4	...	9,4	...
20–24	6,7	7,5	0,5	6,3	0,7	12,2	4,2	...	4,2	...
25–29	9,4	4,1	0,3	3,6	0,2	13,3	1,1	...	1,1	...
30–34	9,6	1,9	0,3	1,4	0,2	10,1	1,3	0,6	0,7	...
35–39	7,9	1,2	0,3	0,7	0,2	7,9	0,7	0,4	0,4	...
40–44	5,3	1,5	0,7	0,5	0,3	6,6	1,1	0,7	0,4	...
45–49	7,2	0,7	0,2	0,3	0,2	3,9	0,6	0,2	0,4	...
50–54	4,3	0,2	...	0,2	...	6,1	2,8	1,1	1,7	...
55–59	3,3	0,3	...	0,2	0,2	1,3	0,9	0,2	0,7	...
60–64	2,6	0,3	0,2	0,2	...	2,2	1,3	0,2	1,1	...
65–69	2,2	1,4	0,3	0,9	0,2	0,6	0,6	...	0,6	...
70 и старше	5,3	1,9	0,2	1,5	0,2	4,2	5,0	0,6	4,4	...
Возраст не указан	...	0,2	0,2
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	65,9	34,1	3,2	28,5	2,6	71,2	29,0	4,0	25,1	...

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 14

Распределение коренного населения Озеро-Куреевской волости бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 165				Женщины – всего 145					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	1,8	10,9	...	10,3	0,6	2,1	17,2	...	17,2	...
20–24	3,0	12,1	...	12,1	...	15,2	6,9	...	6,9	...
25–29	7,9	5,5	...	5,5	...	6,9	3,4	...	3,4	...
30–34	4,8	2,4	...	2,4	...	6,9	1,4	...	1,4	...
35–39	7,3	4,8	1,8	1,8	1,2	7,6	0,7	...	0,7	...
40–44	5,5	1,2	...	1,2	...	6,2	1,4	0,7	0,7	...
45–49	6,1	1,2	...	1,2	...	6,2
50–54	2,4	0,6	...	0,6	...	2,1	0,7	0,7
55–59	3,6	0,6	0,6	2,1
60–64	3,6	0,6	...	0,6	...	1,4	1,4	...	1,4	...
65–69	3,0	1,8	1,2	...	0,6	0,7
70 и старше	6,1	3,0	0,6	2,4	...	5,5	4,1	...	2,8	1,4
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	55,1	44,7	4,2	38,1	2,4	62,9	37,2	0,7	34,5	2,1

* Составлена по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

**Распределение коренного населения Солтонского и Сузопского сельсоветов бракоспособного возраста
(16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1940-х гг., %***

Возраст (лет)	Мужчины – всего 133				Женщины – всего 154				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	...	19,5	...	19,5	...	14,9	...	14,9	...
20–24	3,0	12,0	...	10,5	1,5	14,9	...	14,9	...
25–29	6,0	5,3	...	3,8	1,5	6,5	0,6	3,9	1,9
30–34	7,5	2,6	1,3	1,3	...
35–39	3,8	0,6	0,6
40–44	9,0	3,9	2,6	1,3	...
45–49	8,3	0,8	...	0,8
50–54	2,3	1,9	1,3	0,6	...
55–59	1,5	1,5	0,6	0,6
60–64	4,5	0,8	0,8	0,6	0,6
65–69	5,3	0,8	0,8	2,6	1,3	1,3	...
70 и старше	7,5	0,8	0,8	1,9	1,9
Возраст не указан	0,6	0,6
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	58,7	41,5	3,9	34,6	3,0	47,8	10,8	38,2	2,5

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 16

Распределение коренного населения Кебезенского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1940-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 339				Женщины – всего 394					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	
16–19	0,3	15,3	...	15,0	0,3	...	10,4	0,3	9,9	0,3
20–24	2,9	9,7	...	9,4	0,3	1,3	10,4	0,3	9,6	0,5
25–29	7,1	8,6	0,3	8,0	0,3	7,9	5,6	0,8	4,1	0,8
30–34	9,1	2,4	0,6	1,5	0,3	8,6	3,0	1,5	1,5	...
35–39	10,6	0,9	0,9	5,1	2,3	1,0	1,0	0,3
40–44	5,9	1,5	0,3	0,9	0,3	4,1	3,8	2,3	1,5	...
45–49	1,5	1,2	0,3	0,3	0,6	2,5	1,8	1,5	0,3	...
50–54	2,4	1,2	0,3	0,3	0,6	1,5	3,6	1,8	0,8	1,0
55–59	0,9	1,2	0,3	0,9	...	0,8	1,5	1,3	0,3	...
60–64	2,4	1,2	0,3	0,3	0,6	3,3	6,6	3,0	2,5	1,0
65–69	2,7	2,4	0,9	1,2	0,3	0,8	3,0	1,3	1,8	...
70 и старше	5,9	2,9	0,3	2,1	0,6	3,8	8,1	1,8	5,6	0,8
Возраст не указан	0,3	0,3	0,3
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	51,7	48,5	4,5	39,9	4,2	40,0	60,4	16,9	38,9	5,0

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Распределение коренного населения Калташинского сельского поселения бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1940-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 158				Женщины – всего 203					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	0,6	17,1	0,6	16,5	...	0,5	15,8	
20–24	1,9	13,3	...	13,3	...	2,5	15,3	
25–29	5,7	3,8	...	3,8	...	3,9	5,9	0,5	...	
30–34	6,3	2,5	...	2,5	...	8,4	3,0	1,5	...	
35–39	7,6	1,3	1,3	5,9	2,5	0,5	...	
40–44	7,0	0,6	...	0,6	...	3,9	2,0	1,5	...	
45–49	4,4	1,9	...	1,9	...	1,5	1,0	0,5	0,5	
50–54	1,9	0,6	0,6	1,0	
55–59	1,3	2,5	3,4	1,5	0,5	
60–64	2,5	1,3	1,3	0,5	1,5	0,5	0,5	
65–69	5,1	3,9	2,0	2,0	...	
70 и старше	6,3	7,0	3,2	3,2	0,6	3,4	7,4	2,0	0,5	
Возраст не указан	0,5	2,0	2,0	...	
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	50,6	49,4	5,7	41,8	1,9	37,4	62,8	12,5	48,4	2,0

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 18

Распределение коренного населения Чапшинского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1940-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 26				Женщины – всего 34				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	живет в семье, с родственниками	глава неполной семьи
16–19	3,8	15,4	...	15,4	...	20,6	...	20,6	...
20–24	...	11,5	...	11,5	...	17,6	...	14,7	2,9
25–29	3,8	7,7	3,8	3,8	...	2,9	...	2,9	...
30–34	3,8	8,8	2,9	2,9	2,9
35–39	11,5	2,9	2,9
40–44
45–49	2,9	2,9
50–54	11,5	2,9	2,9
55–59	3,8	3,8	3,8
60–64	7,7
65–69
70 и старше	11,5	11,8	5,9	5,9	...
Возраст не указан	3,8	29,2
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	61,2	38,4	7,6	30,7	...	70,4	14,6	47,0	8,7

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Распределение коренного населения Паспаульского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1940-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 8				Женщины – всего 14			
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке		
		Всего	Из них:			Всего	Из них:	
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи
16–19
20–24	7,1	...	7,1
25–29	...	12,5	...	12,5	...	7,1	...	7,1
30–34	12,5	12,5	...	12,5	14,3	14,3
35–39	12,5	12,5	...	12,5	...	28,6
40–44
45–49
50–54
55–59	7,1
60–64	...	12,5	12,5
65–69	...	12,5	...	12,5	...	14,3	14,3	...
70 и старше	12,5
Возраст не указан	7,1	...	7,1
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	37,5	62,5	12,5	37,5	14,3	85,6	35,7	14,2

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Таблица 20

**Распределение коренного населения Малочеченского и Суранашинского сельсоветовс бракоспособного возраста
(16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1940-х гг., % ***

Возраст (лет)	Мужчины – всего 59				Женщины – всего 61				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	...	18,6	...	18,6	...	14,8	...	14,8	...
20–24	1,7	16,9	1,7	15,3	...	1,6	...	13,1	...
25–29	1,7	8,5	...	8,5	...	1,6	...	4,9	3,3
30–34	5,1	5,1	...	3,4	1,7	9,8	...	1,6	1,6
35–39	1,7	1,7	...	1,7	1,6	1,6	...
40–44	5,1	1,7	...	1,7	...	3,3	1,6	1,6	...
45–49	6,8	4,9	1,6	3,3	...
50–54	...	1,7	1,7	4,9	...	3,3	...
55–59	3,4	1,7	1,7	1,6	1,6	1,6	...
60–64	...	1,7	...	1,7	...	1,6	3,3
65–69	1,7	1,7	...	1,7
70 и старше	1,7	11,9	1,7	10,2	4,9	1,6	1,6
Возраст не указан	1,6
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	28,9	71,2	6,8	62,8	1,7	29,3	14,6	47,4	8,1

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Распределение коренного населения Нижнеаппанацкого и Ыныргинского селсоветов бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1940-х гг., % *

Возраст (лет)	Мужчины – всего 53				Женщины – всего 97				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	1,9	24,5	...	22,6	1,9	...	13,4	14,3	...
20–24	1,9	22,6	...	20,8	1,9	3,1	18,6	18,6	...
25–29	5,7	5,7	...	5,7	...	2,1	5,2	1,0	4,1
30–34	5,7	1,9	...	1,9	...	1	4,1	3,1	1,0
35–39	9,4	1,9	1,9	4,1	5,2	4,1	1,0
40–44	7,5	2,1	7,2	7,2	...
45–49	1,0	2,1	2,1	...
50–54	1,0	...	1,0
55–59	1,9	2,1
60–64	2,1	9,3	4,1	3,1
65–69	1,9	8,2	5,2	3,1
70 и старше	5,7	1,9	...	1,9	...	2,1	6,2	2,1	4,1
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	41,6	58,5	1,9	52,9	3,8	19,7	80,5	28,9	48,4
									3,1

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Таблица 22

Распределение коренного населения Малочеченского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1950-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 84				Женщины – всего 137					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	...	17,9	...	17,9	...	0,7	11,7	...	11,7	...
20–24	7,1	14,3	...	14,3	...	4,4	14,6	...	14,6	...
25–29	7,1	9,5	...	9,5	...	3,6	8,8	...	8,8	...
30–34	3,6	2,2	6,6	2,9	3,6	...
35–39	4,8	1,2	...	1,2	...	2,2	5,1	1,5	3,6	...
40–44	3,6	2,4	1,2	1,2	3,6	2,2	1,5	...
45–49	2,4	3,6	4,4	2,2	1,5	0,7
50–54	2,4	1,2	...	1,2	...	2,2	0,7	0,7
55–59	3,6	1,5	2,9	2,2	0,7	...
60–64	7,1	4,8	1,2	3,6	...	1,5	7,3	5,1	1,5	0,7
65–69	0,7	2,9	1,5	0,7	0,7
70 и старше	2,4	4,8	2,4	2,4	...	1,5	6,6	1,5	5,1	...
Возраст не указан	0,7
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	44,1	56,1	4,8	51,3	...	24,8	75,2	19,8	53,3	2,1

* Составлена по: ТРА. Ф. 14. Д. 3, 4, 22–27, 29, 30.

Распределение коренного населения Сузонского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1950-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 93				Женщины – всего 115			
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке		
		Всего	Из них:			Всего	Из них:	
		глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет один		глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	...	12,9	...	12,9	...	0,9	7,8	...
20–24	3,2	17,2	...	17,2	1,7	...	9,6	0,9
25–29	11,8	6,5	...	6,5	2,6	0,9	8,7	0,9
30–34	7,5	5,2	3,5	4,3	...
35–39	1,1	7,0	2,6	2,6	0,9
40–44	4,3	3,5	1,7
45–49	2,2	1,7	1,7	0,9	0,9
50–54	2,2	4,3	0,9	...
55–59	6,5	4,3	0,9
60–64	4,3	0,9	2,6	0,9	...
65–69	3,2	1,1	1,1	...	0,9	0,9	0,9	...
70 и старше	9,7	6,5	3,2	1,1	4,3	7,8	5,2	1,7
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	56	44,2	4,3	37,7	32,1	20,9	41,8	5,3

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Таблица 24

Распределение коренного населения Нижнененинского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1950-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 91				Женщины – всего 131				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	1,1	17,6	...	17,6	...	6,9	...	6,9	...
20–24	4,4	11,0	...	11,0	...	13,0	...	13,0	...
25–29	6,6	15,4	...	15,4	...	9,2	2,3	6,1	0,8
30–34	3,3	3,3	...	3,3	...	1,5	...	1,5	...
35–39	1,1	3,1	0,8	1,5	...
40–44	1,1	3,8	1,5	...	2,3
45–49	3,3	2,2	...	1,1	1,1	1,5	3,8	...	0,8
50–54	1,1	2,3
55–59	...	2,2	1,1	1,1	...	0,8	1,5	1,5	0,8
60–64	6,6	5,3	1,5	1,5	...
65–69	4,4	1,1	...	1,1	...	3,1	2,3	3,1	0,8
70 и старше	9,9	4,4	1,1	1,1	3,8	17,6	2,3	8,4	6,9
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	42,9	57,2	2,2	51,7	26	74,2	18,3	43,5	12,4

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Распределение коренного населения Ыныргинского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 75				Женщины – всего 90				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	...	20,0	...	20,0	...	14,4	...	14,4	...
20–24	...	26,7	...	26,7	...	11,1	...	11,1	...
25–29	2,7	8,0	...	8,0	1,1	4,4	2,2	2,2	...
30–34	4,0	1,3	...	1,3	4,4	2,2	...	2,2	...
35–39	5,3	1,3	1,1	7,8	4,4	2,2	1,1
40–44	1,3	2,2	2,2	2,2
45–49	12,0	7,8	2,2	2,2
50–54	5,3	5,6	1,1	1,1
55–59	1,3	3,3	3,3	2,2	...	1,1
60–64	2,7	1,3	1,3	6,7	2,2	1,1	3,3
65–69	6,7	3,3	...	2,2	1,1
70 и старше	1,1	13,3	5,6	2,2	5,6
Возраст не указан	1,1	1,1
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	41,3	58,6	1,3	56,0	1,3	73,1	19,9	37,6	15,5

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Таблица 26

Распределение коренного населения Каракокшинский сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 136				Женщины – всего 131					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	...	21,3	...	21,3	...	0,8	22,9	...	22,9	...
20–24	0,7	20,6	...	19,1	1,5	1,5	16,8	...	16	0,8
25–29	2,9	5,1	0,7	3,7	0,7	3,1	0,8	0,8
30–34	...	1,5	...	1,5	...	0,8
35–39	2,9	2,2	0,7	1,5	...	3,8	5,3	3,8	0,8	0,8
40–44	12,5	0,7	0,7	5,3	2,3	1,5	0,8	...
45–49	10,3	0,7	0,7	13,7	3,1	3,1
50–54	1,5	1,5	...	1,5	...	2,3	1,5	0,8	...	0,8
55–59	4,4	0,7	0,7	2,3	1,5	0,8	0,8	...
60–64	5,1	1,5	1,5	2,3	1,5	1,5
65–69	0,7	0,7	0,7	1,5	2,3	...	1,5	0,8
70 и старше	1,5	0,7	0,7	0,8	3,8	1,5	1,5	0,8
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	42,5	57,2	3,5	48,6	5,1	38,2	61,8	13,8	44,3	4,0

* Составлено по данным похозяйственных книг.

Распределение коренного населения Паспаульского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины — всего 100				Женщины — всего 98				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	...	18	...	18	...	10,2	...	10,2	...
20–24	2	17	...	17	...	14,3	...	12,2	2
25–29	1	4	...	4	...	3,1	1	2	1
30–34	7	1	1	6,1
35–39	7	6,1	1	1	...
40–44	11	1	1	4,1	3,1	1	1
45–49	9	9,2	2
50–54	5	1	...	1	...	1	5,1
55–59	4	1	...	1	...	7,1	3,1	2	1
60–64	1	1	4,1	1	2
65–69	4	1	...	1	...	2	3,1	...	1
70 и старше	1	3	...	3	8,2	3,1	1
Возраст не указан	1
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	53	47	...	45	2	39,7	60,3	17,3	33,5
									9

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Таблица 28

Распределение коренного населения Кебезенского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 225				Женщины – всего 303				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками
16–19	...	17,3	...	17,3	...	0,3	18,8
20–24	1,8	14,7	...	14,2	0,4	2,0	6,9	1,0	1,0
25–29	4,0	4,4	...	3,6	0,9	2,6	1,3	0,3	...
30–34	3,6	0,4	0,4	3,0	0,3	0,3	...
35–39	8,0	2,2	0,4	0,4	1,3	8,9	3,6	2,6	...
40–44	11,1	0,9	0,9	6,6	3,0	2,6	0,3
45–49	10,7	1,3	...	0,9	0,4	10,6	3,0	2,6	...
50–54	2,7	0,4	...	0,4	...	3,0	2,0	0,7	0,7
55–59	4,0	0,9	0,9	3,3	4,6	2,0	0,7
60–64	4,0	0,4	0,4	0,3	3,0	0,7	0,3
65–69	1,8	0,9	...	0,4	0,4	1,3	1,3	0,3	1,0
70 и старше	2,7	1,8	...	1,3	0,4	1,0	8,3	1,7	2,3
Возраст не указан	0,3	0,7	0,3	0,3
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	54,4	45,6	1,7	38,5	5,1	43,2	56,8	15,1	37,0
									6,6

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Распределение коренного населения Нижнененинского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 37				Женщины – всего 47			
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке		
		Всего	глава неполной семьи	Из них: живет в семье, с родственниками		живет в семье, с родственниками	глава неполной семьи	живет одна
16–19	...	13,5	...	13,5	...	2,1
20–24	...	8,1	...	8,1	2,1	8,5
25–29	2,7	10,8	...	10,8	2,1
30–34	2,7	2,7	...	2,7	2,1
35–39	2,7	4,3	2,1	2,1	...
40–44	5,4	5,4	2,7	...	2,1	2,1
45–49	5,4	2,7	...	2,7	4,3	4,3	...	2,1
50–54	2,7	2,7	...	2,7	...	2,1	...	2,1
55–59	5,4	12,8	14,9	6,4	2,1
60–64	2,1	6,4	4,3	2,1
65–69	8,1	4,3
70 и старше	18,9	2,1	19,1	2,1	6,4
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	54,0	45,9	2,7	40,5	38,3	61,6	14,9	14,8

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 30

Распределение коренного населения Солтонского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 37				Женщины – всего 46				
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке			
		Всего	Из них:			Всего	Из них:		
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	живет в семье, с родственниками	глава неполной семьи
16–19	...	24,3	...	24,3	...	13,0	...	13,0	...
20–24	...	8,1	...	8,1	...	8,7
25–29	2,7	6,5	6,5	...
30–34	2,7	2,2	2,2	2,2	...
35–39	2,7	4,3	6,5	4,3	2,2
40–44	18,9	8,7	4,3	4,3	...
45–49	10,8	2,7	...	2,7	...	8,7	2,2	2,2	...
50–54	8,1	2,2	4,3	2,2	...
55–59	5,4	8,7	4,3	...
60–64	2,7	8,7	2,2	2,2
65–69	5,4	4,3
70 и старше	2,7	2,2	2,2
Возраст не указан	2,7
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	64,8	35,1	...	35,1	...	41,3	58,6	19,5	34,7
									4,4

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Распределение коренного населения Сузунского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 53				Женщины – всего 69			
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке		
		Всего	глава неполной семьи	Из них: живет в семье, с родственниками		Всего	глава неполной семьи	Из них: живет в семье, с родственниками
16–19	...	9,4	...	9,4	...	20,3	...	20,3
20–24	...	18,9	...	18,9	4,3	7,2	...	7,2
25–29	3,8	3,8	...	3,8	2,9	1,4	...	1,4
30–34	1,9	1,4
35–39	7,5	2,9	1,4	...	1,4
40–44	3,8	1,9	1,9	...	5,8	1,4	1,4	...
45–49	7,5	1,9	...	1,9	5,8	5,8	4,3	1,4
50–54	3,8	4,3	8,7	1,4	7,2
55–59	1,9	1,9	...	1,9	2,9	1,4	1,4	...
60–64	5,7	5,7	...	1,9	1,4	1,4	...	1,4
65–69	1,9	4,3	2,9	1,4	1,4
70 и старше	17	1,9	...	1,9	2,9	7,2	...	5,8
Возраст не указан	1,4
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	54,8	45,4	1,9	39,7	40,3	59,1	9,9	37,5
				3,8				11,4

* Составлена по данным хозяйственных книг.

Таблица 32

Распределение коренного населения Кумандинского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст	Мужчины – всего 42				Женщины – всего 49					
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке				
		Всего	Из них:			Всего	Из них:			
			глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками			живет один	глава неполной семьи	живет в семье, с родственниками	живет одна
16–19	...	19	...	19	...	18,4	...	18,4	...	
20–24	...	9,5	...	9,5	...	2	...	2	...	
25–29	2,4	4,8	2,4	2,4	...	2	...	2	...	
30–34	11,9	2,4	...	2,4	...	6,1	
35–39	2,4	8,2	4,1	4,1	...	
40–44	9,5	2,4	...	2,4	...	12,2	
45–49	9,5	4,1	4,1	2	...	
50–54	2,4	2,4	2,4	4,1	2	
55–59	2,4	2	8,2	...	2	
60–64	7,1	2	...	2	
65–69	2	2	...	2	
70 и старше	9,5	2,4	...	2,4	...	6,1	4,1	...	2	
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	57,1	42,9	2,4	38,1	2,4	48,8	50,9	10,2	32,5	8

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Распределение коренного населения Турочакского сельсовета бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку, начало 1970-х гг., %*

Возраст (лет)	Мужчины – всего 90				Женщины – всего 99			
	Состоят в браке	Не состоят в браке			Состоят в браке	Не состоят в браке		
		Всего	глава неполной семьи	Из них: живет в семье, с родственниками		Всего	глава неполной семьи	Из них: живет в семье, с родственниками
16–19	...	14,4	...	14,4	...	6,1	...	6,1
20–24	1,1	8,9	...	7,8	3	8,1	1	7,1
25–29	8,9	2,2	...	2,2	10,1	5,1	1	3
30–34	3,3	2,2	...	1,1	6,1
35–39	5,6	2,2	2,2	...	7,1	2	2	...
40–44	8,9	4	1	1	...
45–49	10	4,4	10,1	4	1	1
50–54	10	6,1	6,1	2	3
55–59	5,6	1,1	4	5,1	...	2
60–64	3,3	2	3	...	3
65–69	3,3	1	1	...	1
70 и старше	3,3	1,1	4	...	3
Возраст не указан	1
Доля в общей численности населения от 16 лет и старше	63,3	36,5	2,2	25,5	54,5	45,5	8	29,2
8								

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Приложение XII

ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ВОЗРАСТОВ СУПРУГОВ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XX в.

Таблица 1

**Соотношение возрастов мужа и жены у коренного населения предгорий
Северного Алтая в 1888 и 1917 гг., %***

Волость	Одинаковый возраст	Жена старше мужа				Макс. разни́ца (лет)	Муж старше жены				Макс. разни́ца (лет)
		на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более		на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более	
6 августа 1888 г.											
Кондомо-Итиберская и другие волости	13	28	4	0	1	18	35	13	3	8	28
1917 г.											
Верхне-Бийская	7	11	3	0,7	0,3	59	33	20	11	14	53
Карабинская	11	11	0	0	0	1	45	22	11	0	11
Лебедская	6	19	3	0	1	28	30	25	6	10	37
Макарьевская	67	33	0	0	0	2	0	0	0	0	–
Мартыновская	20	15	5	0	0	7	20	25	10	5	30
Нижне-Кумандинская	14	10	1	0	0	9	44	18	7	6	45
Озеро-Куреевская	7	5	5	0	1	19	29	17	22	14	40
Паспаульская	10	16	2	0	3	46	33	17	9	10	45
Покровская	0	0	0	0	0	–	33	67	0	0	9
Поповичевская	28	21	0	1	0	15	28	11	5,5	5,5	28
Сузопская	14	8	3	0	1	20	27	21	10	16	75
Тайнинская	8	10	1	0	0	10	37	19	9	16	40
Троицкая	32	6	0	0	2	28	39	17	0	4	23
Урунская	16	11	1	1	1	25	36	19	7	8	35
Успенская	0	0	0	0	0	–	67	33	0	0	6

* Составлена по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 727; Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 2

**Соотношение возрастов мужа и жены у коренного населения предгорий
Северного Алтая, начало 1940-х гг., %***

Сельсовет	Тип брака	Одинаковый возраст	Жена старше				Муж старше			
			на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более	на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более
Солтонский	однородный	14	14	0	0	0	43	29	0	0
	смешанный	0	0	0	0	0	50	0	50	0
Калташинский	однородный	14	20	2	5	2	28	16	4	9
	смешанный	0	60	0	0	0	20	20	0	0
Кебезенский	однородный	10	19	6	4	3	31	14	6	7
	смешанный	5	18	11	3	0	42	18	3	0
Малочебеченский и Суранашинский	однородный	12	6	6	6	6	29	17	12	6
	смешанный	0	0	0	0	0	33	67	0	0
Сузопский	однородный	12	10	5	0	5	37	16	10	5
	смешанный	20	0	20	0	0	20	40	0	0
Паспаульский	однородный	0	50	0	0	0	50	0	0	0
	смешанный	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Чапшинский	однородный	22	11	0	0	0	22	34	0	11
	смешанный	0	20	0	0	0	40	20	20	0

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 3

**Соотношение возрастов мужа и жены у коренного населения предгорий
Северного Алтая, начало 1950-х гг., %***

Сельсовет	Тип брака	Одинаковый возраст	Жена старше				Муж старше			
			на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более	на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более
Малочебеченский	однородный	3	27	9	0	0	31	18	12	0
	смешанный	0	33	0	0	0	33	33	0	0
Нижне-Ашпанакский и Ыныргинский	однородный	16	32	5	0	11	5	26	5	0
	смешанный	25	25	50	0	0	0	0	0	0
Нижнененинский	однородный	8	17	17	0	0	28	8	3	19
	смешанный	20	60	0	0	0	20	0	0	0
Сузопский	однородный	23	14	3	3	0	23	14	9	11
	смешанный	10	16	5	5	0	16	16	16	16

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 4

**Соотношение возрастов мужа и жены у коренного населения предгорий
Северного Алтая, начало 1970-х гг., %***

Сельсовет	Тип брака	Одинаковый возраст	Жена старше				Муж старше			
			на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более	на 1–5 лет	на 6–10 лет	на 11–15 лет	на 16 лет и более
Каракокшинский	однородный	11	20	5	0	0	33	18	11	2
	смешанный	10	24	7	10	0	31	14	0	4
Кебезенский	однородный	7	12	10	3	1	41	15	6	5
	смешанный	6	22	6	3	0	40	14	3	6
Кумандинский	однородный	14	19	5	0	0	43	5	14	0
	смешанный	20	40	0	0	0	40	0	0	0
Нижнененинский	однородный	0	23	8	0	0	38	0	0	31
	смешанный	0	15	0	0	0	21	36	7	21
Паспаульский	однородный	9	24	9	0	0	41	6	9	2
	смешанный	8	25	5	0	0	25	29	8	0
Солтонский	однородный	8	17	17	0	0	50	8	0	0
	смешанный	11	28	0	0	0	33	22	6	0
Сузопский	однородный	9	9	4	0	0	39	13	22	4
	смешанный	0	22	11	11	0	11	22	22	0
Турочакский	однородный	8	26	3	3	0	44	13	3	0
	смешанный	6	18	9	3	3	26	20	6	9
Ыныргинский	однородный	11	22	0	0	0	36	22	6	6
	смешанный	17	11	17	0	0	22	11	17	5

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Приложение XIII

ДИНАМИКА ДЕТНОСТИ СЕМЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XX в.

Таблица 1

Детность семей коренного населения предгорий Северного Алтая
в 1888 и 1917 гг., %*

Волость	Доля хозяйств, имеющих:								Среднее кол-во детей в семье
	1 ребенка	2 детей	3 детей	4 детей	5 детей	6 детей	7 детей	8 детей	
6 августа 1888 г.									
Кондомо-Итиберская и другие волости	28	28	20	6	2	1	0	0	2,2
1917 г.									
Верхне-Бийская	40	27	16	10	3,6	2,8	0,4	0,2	2,2
Карабинская	40	40	10	10	0	0	0	0	1,9
Лебедская	37	26	21	5	8	3	0	0	2
Макарьевская	50	0	25	0	0	25	0	0	2,8
Нижне-Кумандинская	35	26	20	10	4,8	3,6	0,6	0	2,4
Озеро-Куреевская	36	14,4	26	13	8	1,3	0	1,3	2,5
Паспаульская	29	29	20	12	7	1	2	0	2,5
Покровская	0	100	0	0	0	0	0	0	3
Сузопская	43	26	15	9	5	2	0	0	2,1
Тайнинская	43	28	18	9	2	0	0	0	2
Троицкая	22	26	33	7	7	2	3	0	2,7
Урунская	37	24	19	11,2	5	3	0,5	0,3	2,3
Успенская	33,3	0	0	33,3	0	0	33,3	0	4

* Составлена по: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 727; Ф. 233. Оп. 1 а, 1 б.

Таблица 2

**Детность однородных и смешанных семей коренного населения предгорий
Северного Алтая, начало 1940-х гг., %***

Сельсовет	Тип семьи	Доля хозяйств, имеющих:						Среднее кол-во детей в семье
		1 ребенка	2 детей	3 детей	4 детей	5 детей	6 детей	
Солтонский	однородный	14	43	0	29	14	0	2,9
	смешанный	100	0	0	0	0	0	1
Калташинский	однородный	54	35	9	2	0	0	1,6
	смешанный	40	20	40	0	0	0	2
Кебезенский	однородный	50	29	15	4	2	0	1,8
	смешанный	34	28	13	19	6	0	2,3
Малочебеченский и Суранашинский	однородный	33	29	21	13	4	0	2,3
	смешанный	33	33	33	0	0	0	2
Паспаульский	однородный	69	15	8	0	0	8	1,7
	смешанный	67	33	0	0	0	0	1,3
Сузопский	однородный	42	28	18	10	2	0	2
	смешанный	20	40	20	20	0	0	2,4
Чапшинский	однородный	50	29	21	0	0	0	1,7
	смешанный	50	0	25	25	0	0	2,3

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 3

**Детность однородных и смешанных семей коренного населения предгорий
Северного Алтая, начало 1950-х гг., %***

Сельсовет	Тип семьи	Доля хозяйств, имеющих:							Среднее кол-во детей в семье
		1 ребенка	2 детей	3 детей	4 детей	5 детей	6 детей	7 детей	
Малочебеченский	однородный	65	21	7	5	2	0	0	1,6
	смешанный	0	100	0	0	0	0	0	2
Нижнененинский	однородный	33	6	3	2	1	0	0	1,5
	смешанный	3	0	0	0	0	0	0	1
Сузопский	однородный	39	12	6	3	0	0	0	1,6
	смешанный	5	6	1	0	1	0	0	1,9
Нижне-Ашпанакский и Ыныргинский	однородный	53	32	9	3	3	0	0	1,7
	смешанный	50	50	0	0	0	0	0	1,5

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 4

**Детность однородных и смешанных семей коренного населения предгорий
Северного Алтая, начало 1970-х гг., %***

Сельсовет	Тип семьи	Доля хозяйств, имеющих:								Среднее кол-во детей в семье
		1 ребенка	2 детей	3 детей	4 детей	5 детей	6 детей	7 детей	8 детей	
Каракокшинский	однородный	35	29	18	12	4	0	2	0	2,3
	смешанный	35	47	0	12	6	0	0	0	2,1
Кебезенский	однородный	31	17	17	15	12	5	2	1	2,9
	смешанный	20	35	10	15	15	0	5	0	2,9
Кумандинский	однородный	22	28	0	22	11	17	0	0	3,2
	смешанный	17	17	17	17	17	17	0	0	3,5
Нижененинский	однородный	30	40	10	10	10	0	0	0	2,3
	смешанный	17	32	17	17	17	0	0	0	2,8
Паспаульский	однородный	31	25	17	17	8	0	2	0	2,6
	смешанный	61	19	10	10	0	0	0	0	1,7
Солтонский	однородный	58	14	7	14	7	0	0	0	2
	смешанный	56	33	11	0	0	0	0	0	1,6
Сузопский	однородный	39	22	17	17	0	5	0	0	2,3
	смешанный	42	29	29	0	0	0	0	0	1,9
Турочакский	однородный	44	35	18	3	0	0	0	0	1,8
	смешанный	50	22	11	11	6	0	0	0	2
Ыныргинский	однородный	47	29	19	5	0	0	0	0	1,8
	смешанный	41	35	12	12	0	0	0	0	1,9

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Приложение XIV

**СООТНОШЕНИЕ ОДНОРОДНЫХ И СМЕШАННЫХ СЕМЕЙ У КОРЕННОГО
НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XX в.**

Таблица 1

**Соотношение однородных и смешанных семей у коренного населения предгорий
Северного Алтая в 1940–1970-х гг., %**

Тип брака	Сельсоветы								
	Калташинский			Каракокшинский			Кебезенский		
	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Однородные браки	94	59	80	...	75
Смешанные браки	6	41	20	...	25
в том числе:									
муж русский – жена алтайка	0	17	5	...	10
муж алтаец – жена русская	6	22	15	...	12
муж и жена из разных коренных народов Алтая	0	0	0	...	1
Прочее	0	2	0	...	2

Окончание табл. 1

Тип брака	Сельсоветы								
	Кумандинский			Малочечеченский и Суранагинский			Нижнененинский		
	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Однородные браки	78	90	94	83	50
Смешанные браки	22	10	6	17	50
в том числе:									
муж русский – жена алтайка	7	5	3	2,5	20
муж алтаец – жена русская	15	5	3	12	30
муж и жена из разных коренных народов Алтая	0	0	0	0	0
Прочее	0	0	0	2,5	0

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 2

**Соотношение однородных и смешанных семей у коренного населения предгорий
Северного Алтая в 1940-х – начале 1970-х гг., %***

Тип брака	Сельсоветы								
	Паспаульский			Солтонский			Сузопский		
	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Однородные браки	100	...	59	88	68	60	93	69	74
Смешанные браки	0	...	41	12	32	40	7	31	26
в том числе:									
муж русский – жена алтайка	0	...	10	0	0	17	0	0	9
муж алтаец – жена русская	0	...	31	12	32	23	7	31	14
муж и жена из раз- ных этнических групп Алтая	0	...	0	0	0	0	0	0	0
Прочие	0	...	0	0	0	0	0	0	3

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Окончание табл. 2

Тип брака	Сельсоветы								
	Турочакский			Чапшинский			Ыныргинский		
	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.	1942 г.	1952 г.	1972 г.
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Однородные браки	48	56	81	49
Смешанные браки	52	44	19	51
в том числе:									
муж русский – жена алтайка	22	0	0	16
муж алтаец – жена русская	20	44	19	32
муж и жена из разных этниче- ских групп Алтая	5	0	0	0
Прочие	5	0	0	3

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 3

**Национальность детей в этнически смешанных семьях коренного населения предгорий Северного Алтая,
начало 1940-х гг., чел.***

Национальность родителей		Сельсоветы												Малочеченский и Суранашинский				Солтонский			
отец	мать	Капташинский				Кебезенский					русский			отец	мать	отец	мать	отец	мать	отец	нет
		отец	мать	нет	отец	мать	отец + мать	алтаец	русский	отец	мать	русский	отец								
алтаец	алтайка	1
алтаец	русская	1	...	1	12	11	1	1	1	...	1	1	...	1
русский	алтайка	8	2	2
–	алтайка	1	1
–	русская	2

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 4

**Национальность детей в этнически смешанных семьях коренного населения
Чапшинского и Сузопского сельсоветов, начало 1940-х гг., чел.**

Национальность родителей		Чапшинский сельсовет							Сузопский сельсовет						
отец	мать	отец	мать	отец + мать	алтаец	русский	отец	мать	отец + мать	отец	мать	отец + мать	отец	мать	русский
		1
алтаец	алтайка
алтаец	русская	3	2	2	1
алтаец	–	1

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 5

Национальность детей в этнически смешанных семьях коренного населения предгорий Северного Алтая на начало 1950-х гг., чел.*

Национальность родителей		Сельсоветы												Нижне-Ашанакский и Ыныргинский				
		Малочесеченский		Нижнененинский			Солтонский				Сузопский							
отец	мать	отец	отец	мать	русский	отец	мать	русский	мать	нет	алтаец	отец	мать	отец	мать	алтаец		
алтаец	русская	3	1	2	...	3	4	...	6	2	3	...	3	...		
русский	алтайка	1		
алтаец	—	3	...	3	1	5	1		
—	алтайка	32	21	1	37		
—	русская	1	2		

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 6

Национальность детей в этнически смешанных семьях коренного населения предгорий Северного Алтая, начало 1970-х гг., чел.

Национальность родителей		Сельсоветы																			
		Каракокинский						Кебезенский						Кумандинский				Нижненнинский			
		отец	мать	отец + мать	нет	русский	отец	мать	отец + мать	нет	русский	отец	мать	отец + мать	отец	мать	отец + мать				
алтаец	алтайка	3	1				
алтаец	русская	7	3	1	1	...	7	3	3	5	1	...				
русский	алтайка	3	4	...	2	...	4	2	2	1	...	2	...	2				
прочие	алтайка	1	3				
алтаец	—	1	...				
—	алтайка	1	1	1				

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 7

**Национальность детей в этнически смешанных семьях коренного населения предгорий Северного Алтая,
начало 1970-х гг., чел.***

Национальность родителей		Паспаульский					Солтонский			Сузопский		
отец	мать	отец	мать	отец + мать	нет	русский	отец	мать	нет	отец	мать	русский
алтаец	алтайка	1	1
алтаец	русская	13	3	1	2	5	3	...
русский	алтайка	...	1	1	2	...	4	1	2	...
алтаец	—	1	1
—	алтайка	1

* Составлено по данным похозяйственных книг.

Таблица 8

**Национальность детей в этнически смешанных семьях коренного населения предгорий Северного Алтая
на начало 1970-х гг., чел.***

Национальность родителей		Турачакский					Ыныргинский				
отец	мать	отец	мать	отец + мать	нет	русский	отец	мать	нет	отец	украинец
алтаец	русская	4	2	1	8	1	1
русский	алтайка	7	2	5
алтаец	прочие	1	1	1
прочие	алтайка	...	1
—	алтайка	1	1

* Составлена по данным похозяйственных книг.

Приложение XV

МАТЕРИАЛЫ АНКЕТИРОВАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ, ПРОВЕДЕННОГО В РАМКАХ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2002–2004 гг.

Таблица 1

Количественный состав респондентов по полу, образованию и возрасту*

Район		Солтонский	Турочакский	Всего
Число респондентов		74	11	85
Пол респондента	мужской	31	3	34
	женский	43	8	51
Образование	до начального	20	1	21
	среднее	46	7	53
	высшее	8	3	11
Год рождения	до 1949 г.	30	4	34
	1949–1969 гг.	33	3	36
	после 1969 г.	11	4	15

* Составлена по: МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 5, 8, 9, 14.

Таблица 2

Определение респондентами своей национальности, %*

Вариант ответа		Кумандинец (кумандинка)	Алтаец (алтайка)	Русский (русская)	Другое
Пол респондента	мужской	100	0	0	0
	женский	94	2	2	2
Образование	до начального	95	0	5	0
	среднее	96	2	0	2
	высшее	100	0	0	0
Год рождения	до 1949 г.	94	3	3	0
	1949–1969 гг.	100	0	0	0
	после 1969 г.	93	0	0	7

* Составлена по: МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 5, 8, 9, 14.

Таблица 3

Знание респондентами своего рода (сеек), %*

Вариант ответа		Да	Нет
1	2	3	4
Пол респондента	мужской	29	71
	женский	31	69

Окончание табл. 3

1	2	3	4
Образование	до начального	19	81
	среднее	36	64
	высшее	27	73
Год рождения	до 1949 г.	29	71
	1949–1969 гг.	33	67
	1969 г.	27	73

* Составлена по: МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 5, 8, 9, 14.

Таблица 4

Знание респондентами родовой принадлежности отца и матери, %*

Вариант ответа		Да	Нет
Пол респондента	мужской	29	71
	женской	25	75
Образование	до начального	19	81
	среднее	28	72
	высшее	36	64
Год рождения	до 1949 г.	32	68
	1949–1969 гг.	25	75
	после 1969 г.	20	80

* Составлена по: МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 5, 8, 9, 14.

Таблица 5

Знание респондентами кумандинских родов (сеоков), %*

Вариант ответа		Не знаю	От 1 до 3 родов	Более 3 родов
Пол респондента	мужской	73	12	15
	женский	72	22	6
Образование	до начального	81	14	5
	среднее	70	17	13
	высшее	73	27	0
Год рождения	до 1949 г.	73	21	6
	1949–1969 г.	69	14	17
	после 1969 г.	80	20	0

* Составлена по: МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 5, 8, 9, 14.

Таблица 6

Знание респондентами семейной генеалогии, %*

Вариант ответа		Назову имя, год рождения и род дедушки и бабушки по отцу	Назову имя, год рождения и род прадеда и прабабушки по отцу	Не знаю
Пол респондента	мужской	70	21	9
	женский	71	8	21
Образование	до начального	86	0	14
	среднее	70	11	19
	высшее	45	45	10
Год рождения	до 1949	88	3	9
	1949–1969 гг.	61	17	22
	после 1969 г.	53	27	20

* Составлена по: МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 5, 8, 9, 14.

Таблица 7

Признаки, отличающие кумандинцев от других народов, %*

Характеристики респондентов		Язык	Обряды и обычаи	Пища	Другое	Затрудни- лись с ответом
Пол респондентов	мужской	29	15	12	19	25
	женский	52	12	8	8	19
Образование	до начального	48	8	0	12	32
	среднее	46	14	14	12	14
	высшее	23	15	0	23	39
Год рождения	до 1949 г.	53	7	0	18	22
	1949–1969 гг.	33	16	20	10	21
	после 1969 г.	50	17	0	16	17

* Составлена по: МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 5, 8, 9, 14.

Приложение XVI

ДИНАМИКА ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – XX в.

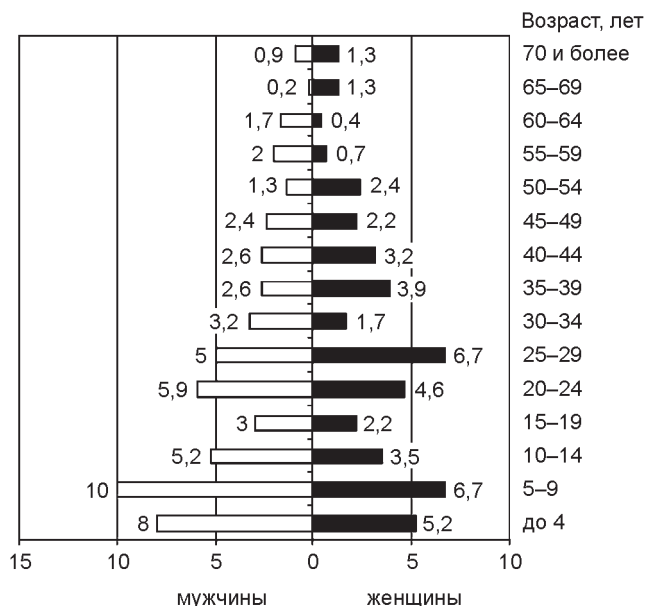

Рис. 1. Распределение инородческого населения Кондомо-Итиберской волости по полу и возрасту в 1888 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

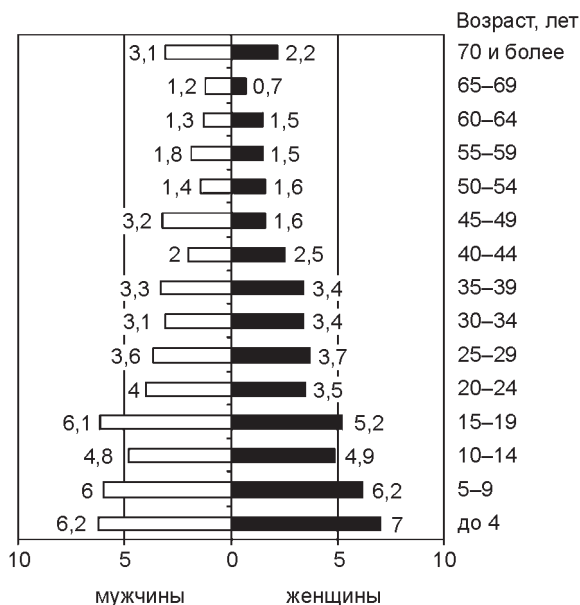

Рис. 2. Распределение инородческого населения Верхне-Бийской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

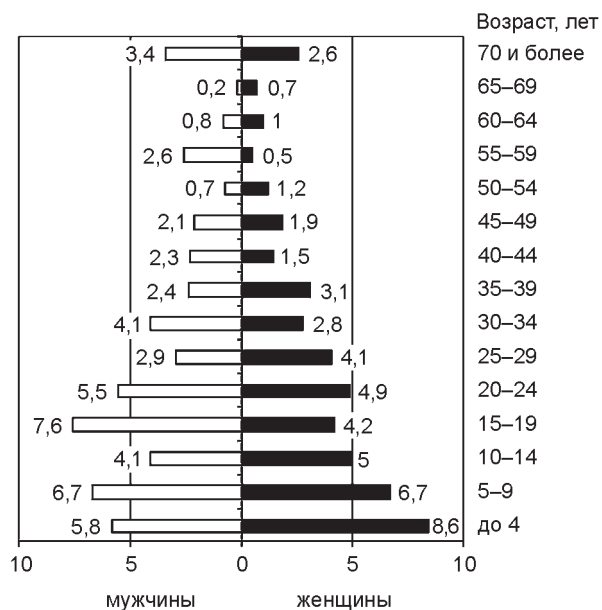

Рис. 3. Распределение инородческого населения Лебедской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

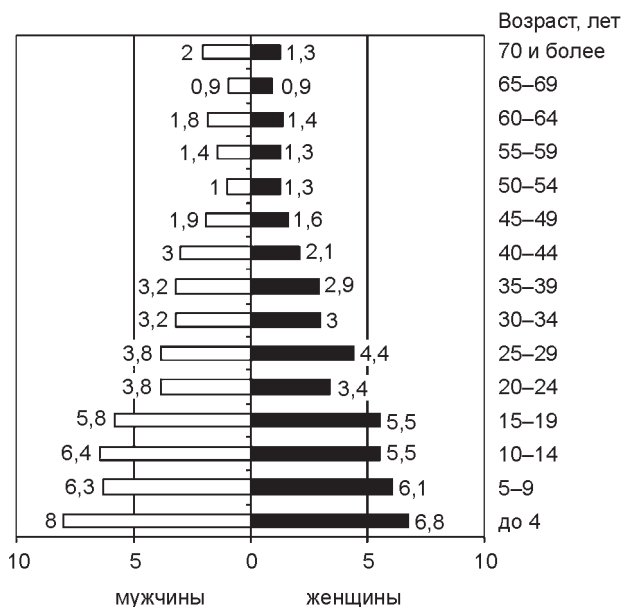

Рис. 4. Распределение инородческого населения Нижне-Кумандинской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

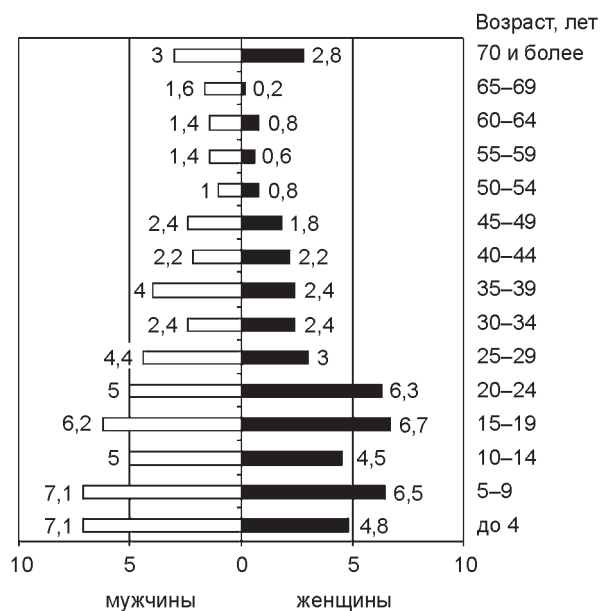

Рис. 5. Распределение инородческого населения Озеро-Куреевской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

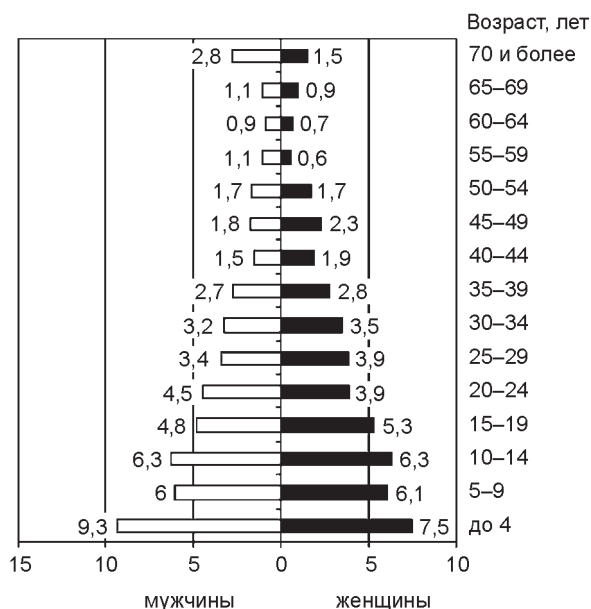

Рис. 6. Распределение инородческого населения Паспаульской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

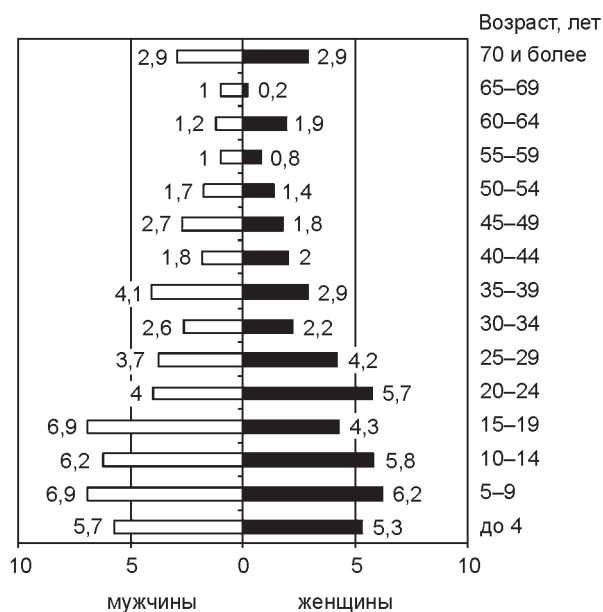

Рис. 7. Распределение инородческого населения Сузопской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

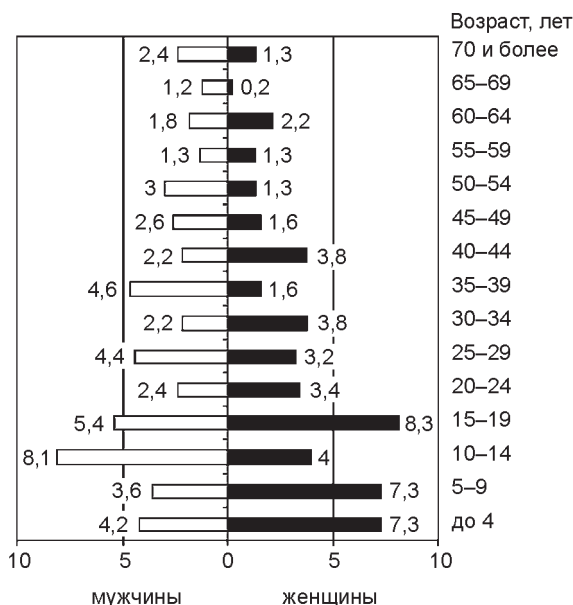

Рис. 8. Распределение инородческого населения Тайнинской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

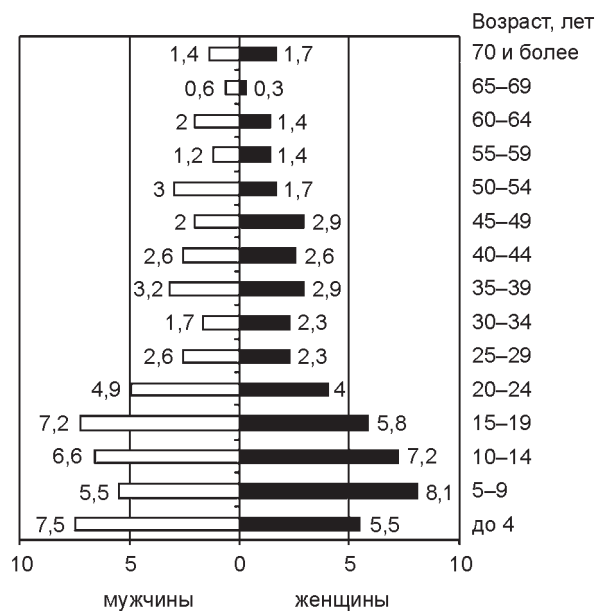

Рис. 9. Распределение инородческого населения Троицкой волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

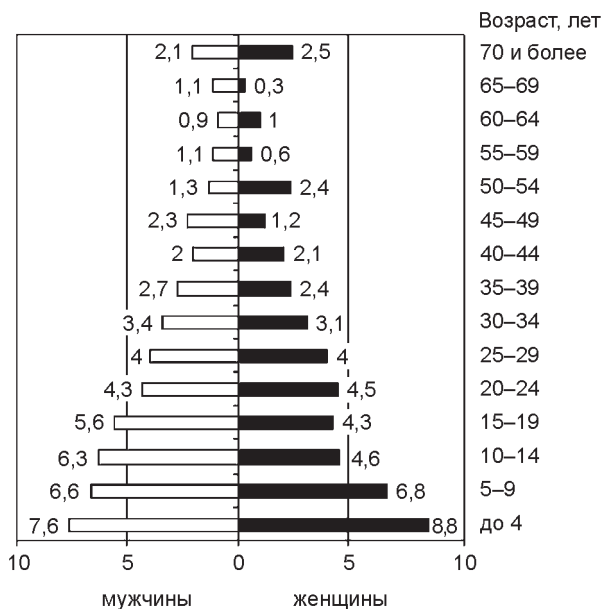

Рис. 10. Распределение инородческого населения Урунской волости по полу и возрасту в 1917 г. (в % от общего числа мужчин и женщин)

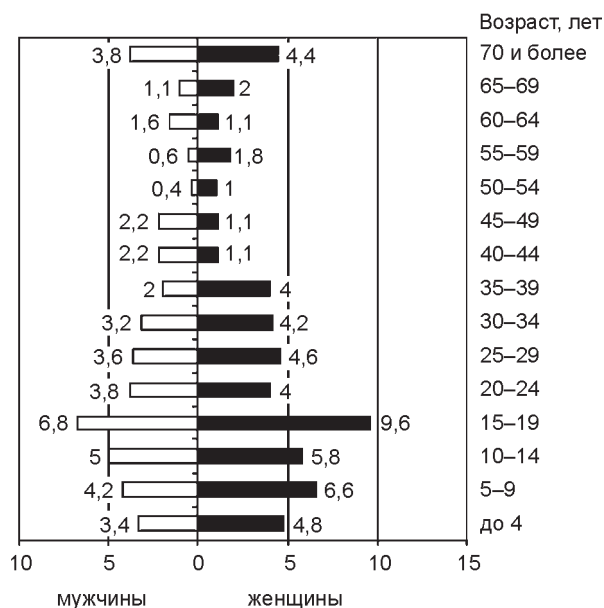

Рис. 11. Распределение коренного населения Калташынского сельсовета по полу и возрасту в начале 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

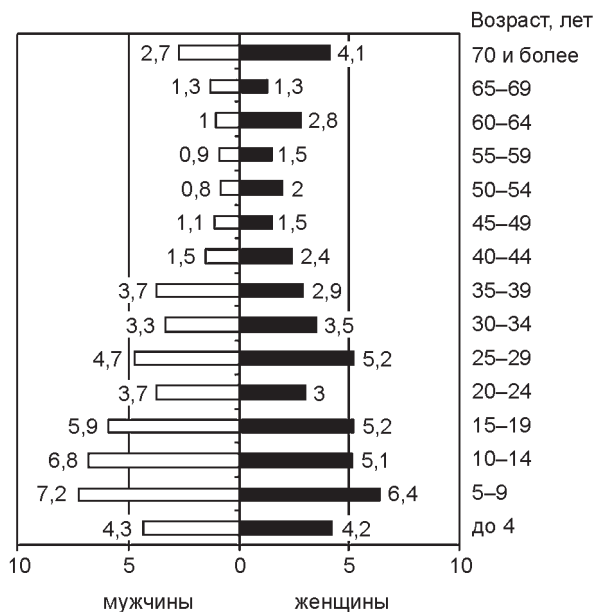

Рис. 12. Распределение коренного населения Кебезенского сельсовета по полу и возрасту в начале 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

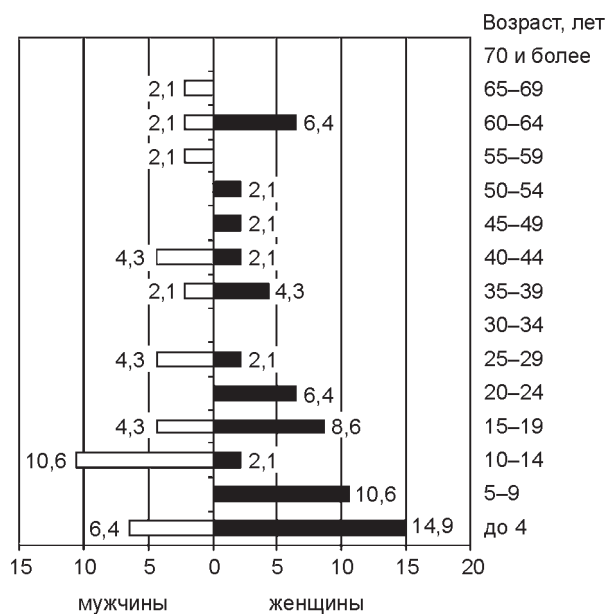

Рис. 13. Распределение коренного населения Солтонского сельсовета по полу и возрасту в начале 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

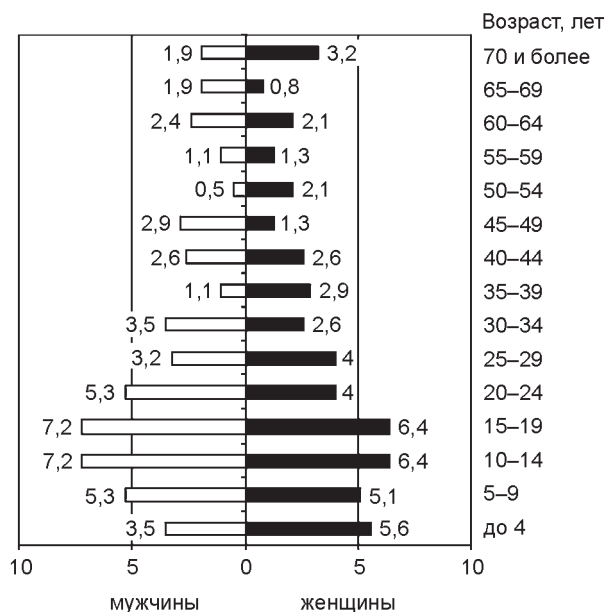

Рис. 14. Распределение коренного населения Сузопского сельсовета по полу и возрасту в начале 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

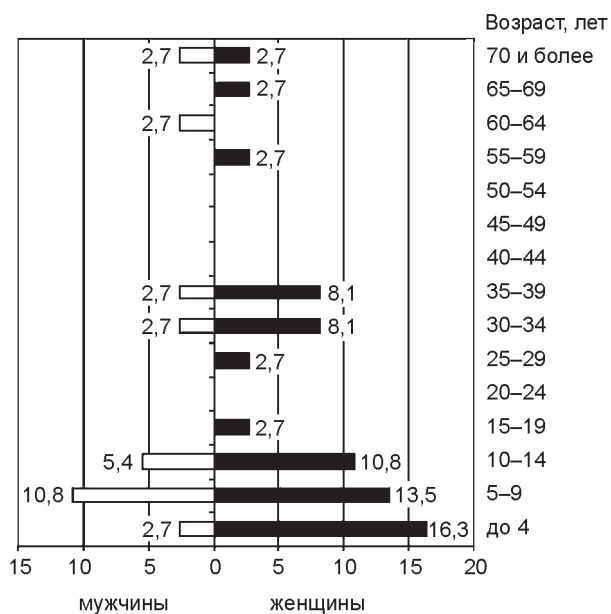

Рис. 15. Распределение коренного населения Паспаульского сельсовета по полу и возрасту в начале 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

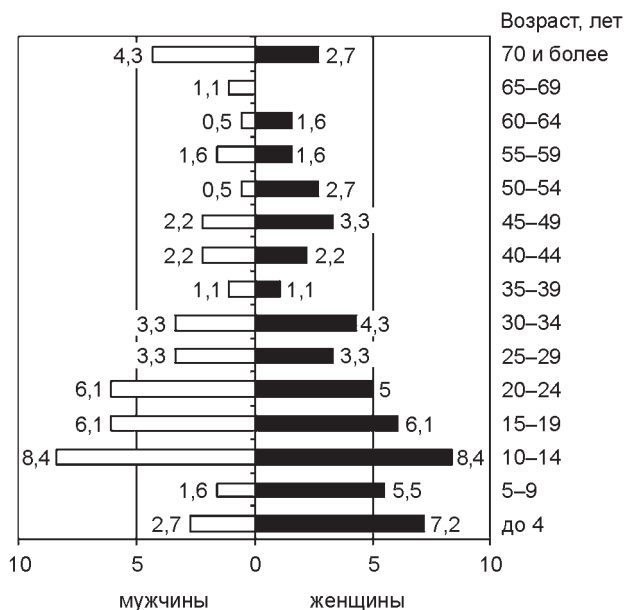

Рис. 16. Распределение коренного населения Малочечбенского и Суранашинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

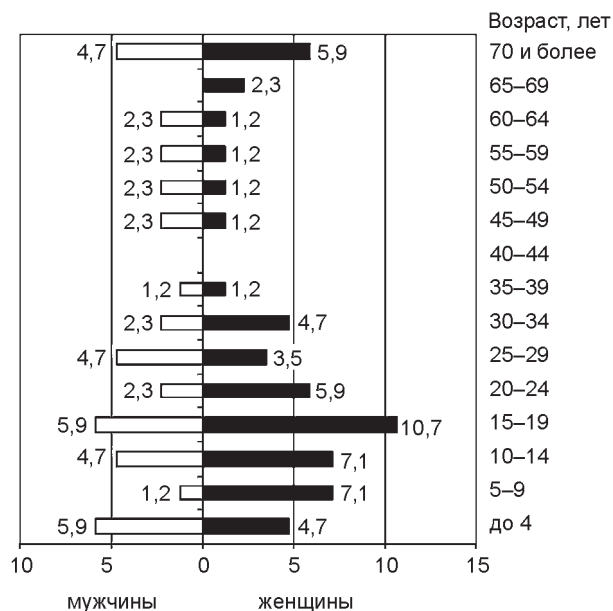

Рис. 17. Распределение коренного населения Чапшинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

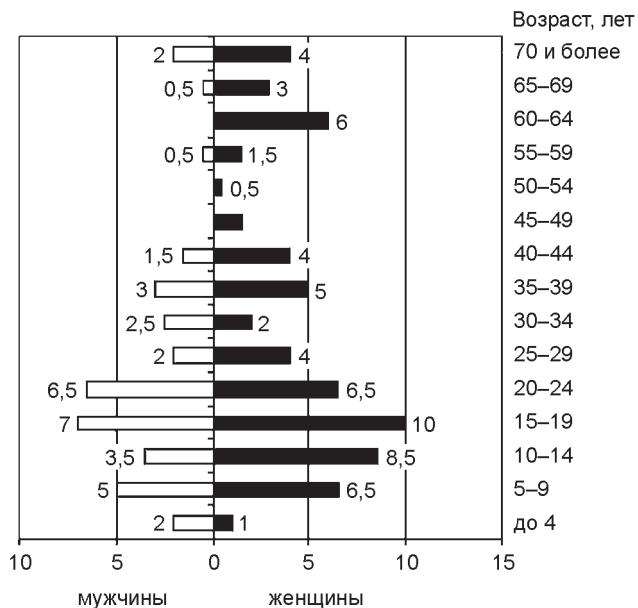

Рис. 18. Распределение коренного населения Нижне-Ашпанакского и Ыныргинского сельсовета по полу и возрасту в конце 1940-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

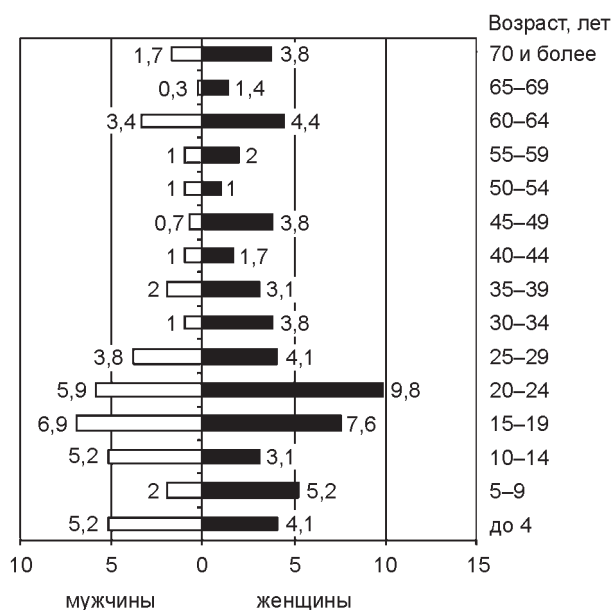

Рис. 19. Распределение коренного населения Малочеребенского сельсовета по полу и возрасту в начале 1950-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

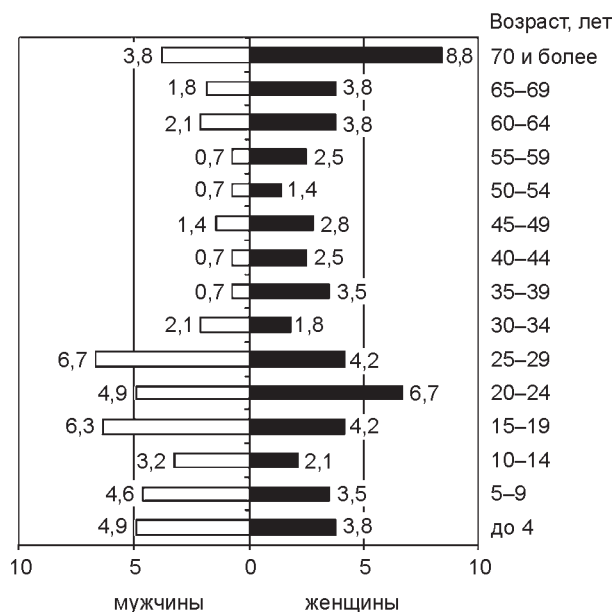

Рис. 20. Распределение коренного населения Нижнененинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1950-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

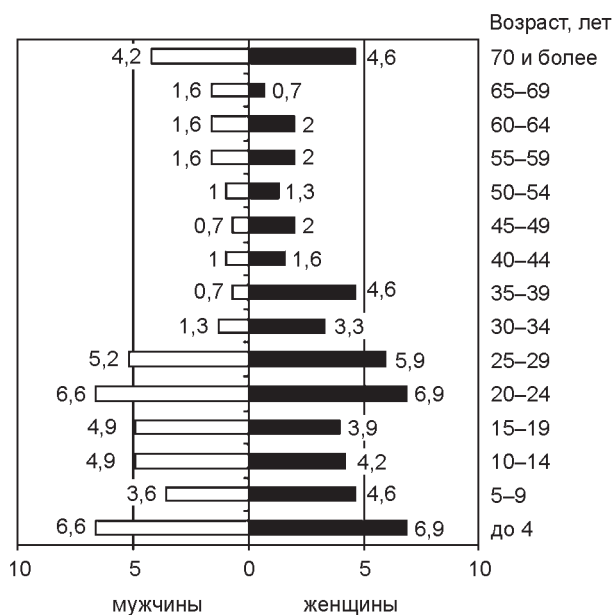

Рис. 21. Распределение коренного населения Сузопского сельсовета по полу и возрасту в начале 1950-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

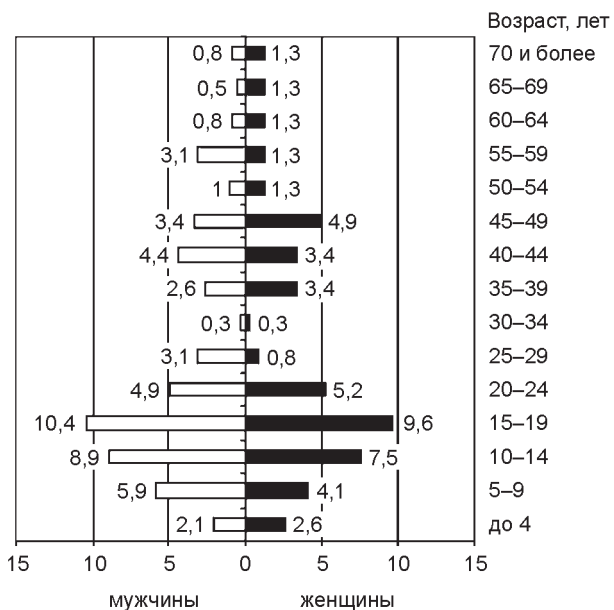

Рис. 22. Распределение коренного населения Каракокшинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

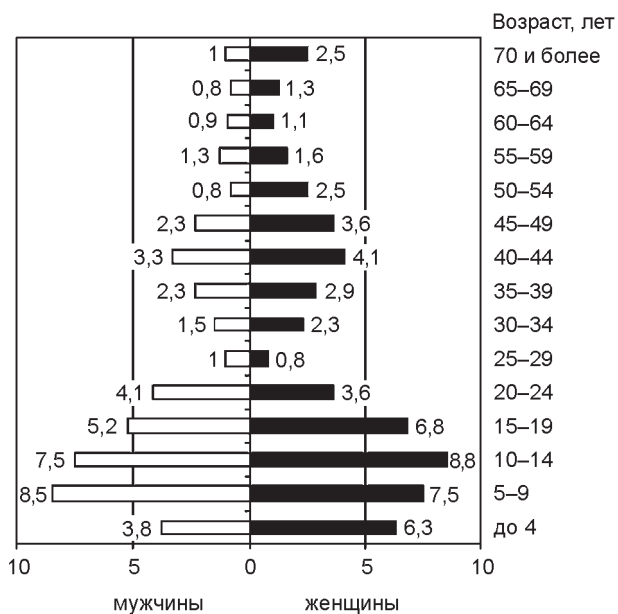

Рис. 23. Распределение коренного населения Кебезенского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

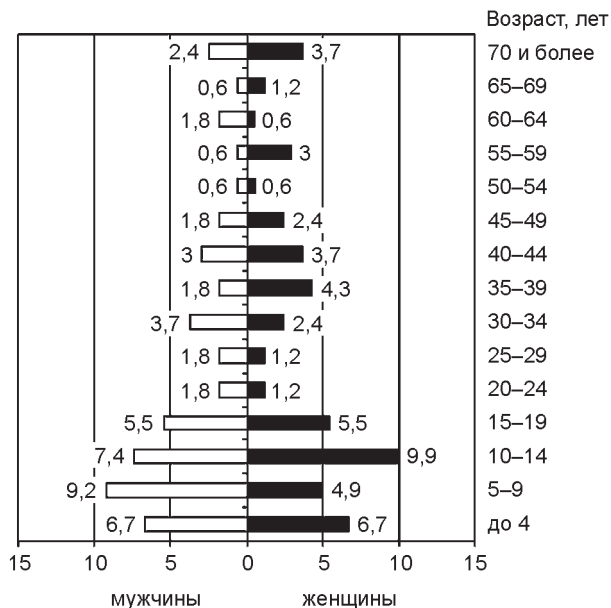

Рис. 24. Распределение коренного населения Кумандинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

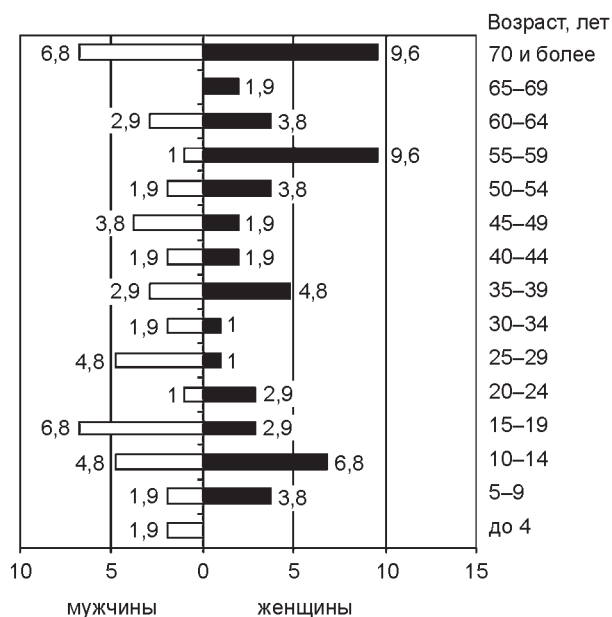

Рис. 25. Распределение коренного населения Нижнененинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

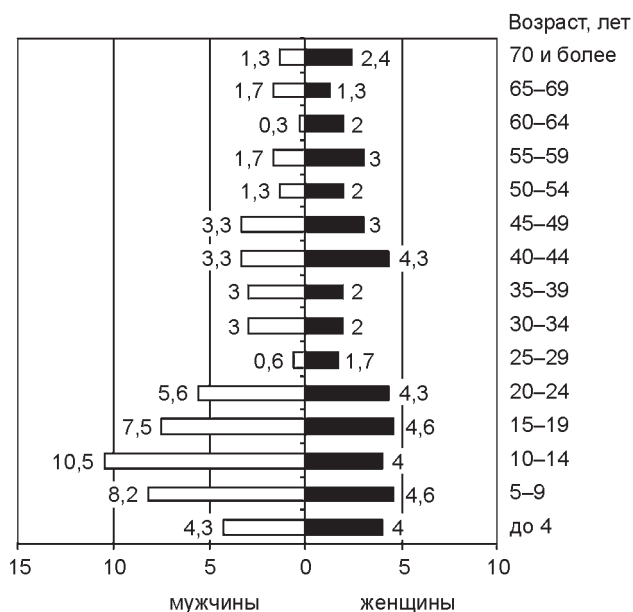

Рис. 26. Распределение коренного населения Паспаульского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

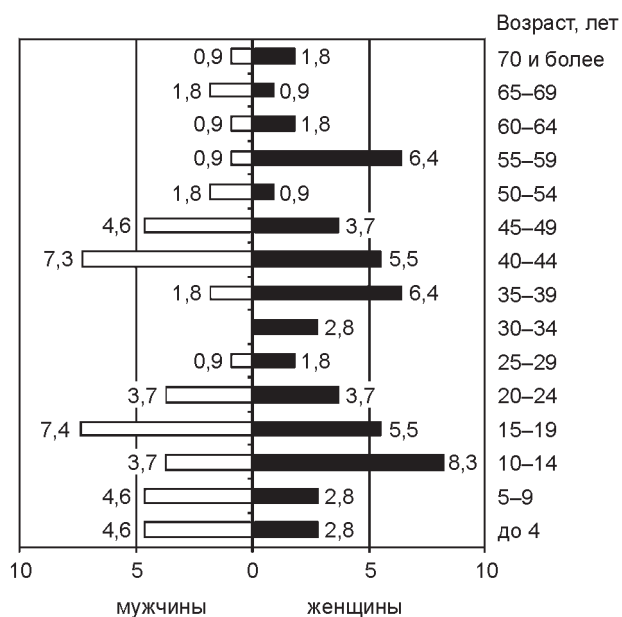

Рис. 27. Распределение коренного населения Солтонского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

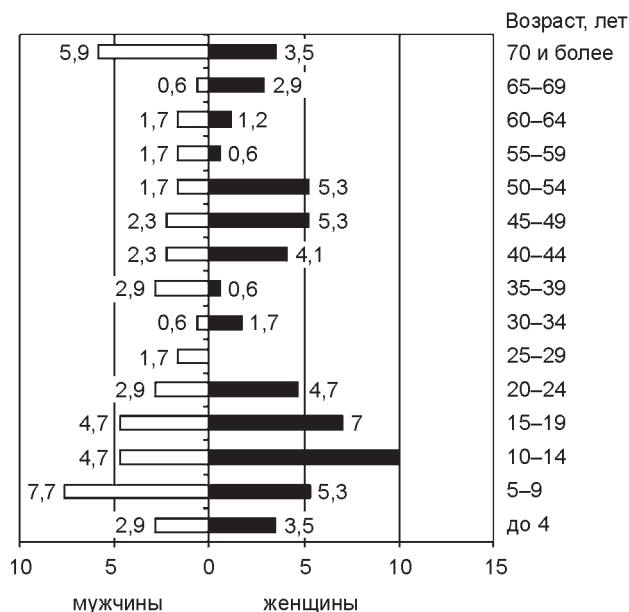

Рис. 28. Распределение коренного населения Сузопского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

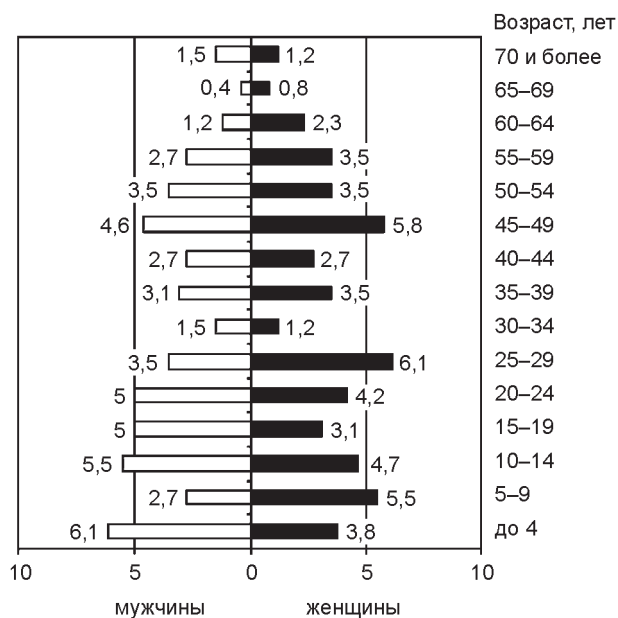

Рис. 29. Распределение коренного населения Турочакского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

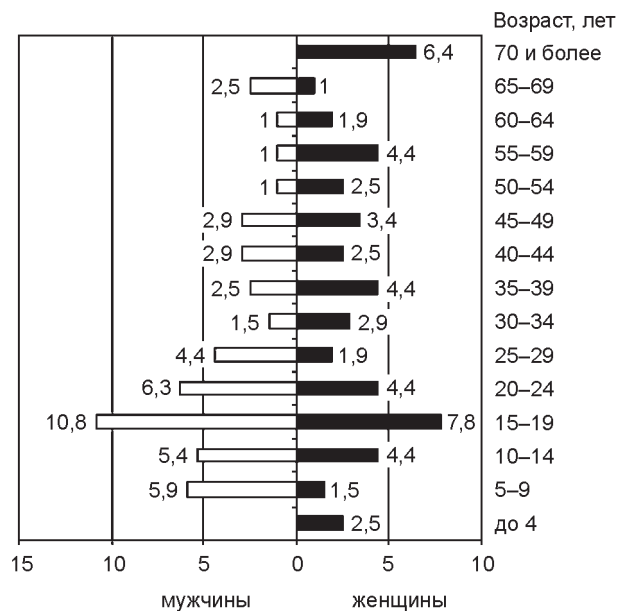

Рис. 30. Распределение коренного населения Ыныргинского сельсовета по полу и возрасту в начале 1970-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава 1. Этносоциальная история коренного населения предгорий Северного Алтая. XIX – начало XX в.</i>	19
1.1. Этнические процессы в контексте административно-территориальных преобразований в границах Северного Алтая	19
1.2. Социальные структуры коренного населения предгорий Северного Алтая	33
1.3. Структура идентичностей коренного населения предгорий Северного Алтая	38
<i>Глава 2. Динамика демографических процессов у коренного населения предгорий Северного Алтая во второй половине XIX – начале XX в.</i>	42
2.1. Характеристика демографических процессов	42
2.2. Особенности демографического поведения коренного населения ...	52
2.3. Типы семьи в традиционном обществе коренного населения	60
<i>Глава 3. Современные этнические процессы у коренного населения предгорий Северного Алтая (конец XX – начало XXI в.)</i>	63
3.1. Этнодемографические процессы	63
3.2. Социально-демографические процессы	83
3.3. Множественность идентичностей и формы самоопределения коренного населения предгорий Северного Алтая	88
<i>Заключение</i>	96
<i>Список источников и литературы</i>	100
<i>Список информаторов</i>	112
<i>Список сокращений</i>	114
<i>Приложение I. Картографический материал</i>	117
<i>Приложение II. Демографические данные по материалам метрических книг</i>	123
<i>Приложение III. Численность коренного населения предгорий Северного Алтая в XIX – начале XX в.</i>	146
<i>Приложение IV. Динамика расселения коренного населения предгорий Северного Алтая в XIX – начале XX в.</i>	163
<i>Приложение V. Фамильно-сеоковая структура Кондомо-Шелкальской волости в начале XX в.</i>	188

<i>Приложение VI.</i> Половозрастная структура «инородцев» в конце XIX – начале XX в.	190
<i>Приложение VII.</i> Демографическое воспроизводство коренного населения предгорий Северного Алтая в XX в.	193
<i>Приложение VIII.</i> Численность коренного населения в XX – начале XXI в.	197
<i>Приложение IX.</i> Демографические параметры семьи у коренного населения предгорий Северного Алтая	209
<i>Приложение X.</i> Семейный состав коренного населения предгорий Северного Алтая в конце XIX – XX в.	213
<i>Приложение XI.</i> Распределение коренного населения предгорий Северного Алтая бракоспособного возраста (16 лет и старше) по полу, возрасту и отношению к браку. Конец XIX – XX в.	248
<i>Приложение XII.</i> Динамика соотношения возрастов супругов у коренного населения предгорий Северного Алтая в XX в.	281
<i>Приложение XIII.</i> Динамика детности семей коренного населения предгорий Северного Алтая в XX в.	284
<i>Приложение XIV.</i> Соотношение однородных и смешанных семей у коренного населения предгорий Северного Алтая в XX в.	287
<i>Приложение XV.</i> Материалы анкетирования коренного населения предгорий Северного Алтая, проведенного в рамках историко-этнографических экспедиций Алтайского государственного университета в 2002–2004 гг. ...	292
<i>Приложение XVI.</i> Динамика половозрастной структуры коренного населения предгорий Северного Алтая в конце XIX – XX в.	295

Научное издание

Николаев Василий Владимирович

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ
(XIX – начало XXI века)**

Редактор *О.А. Орлова*
Корректор *О.А. Харченко*
Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Дизайнер *М.О. Елисеева*

Подписано в печать 24.08.2012 г. Бумага офсетная. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 25,35. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 300 экз. Заказ № 306.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Россия 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.